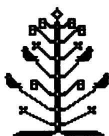
БЕЛОРУССКИЙ ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

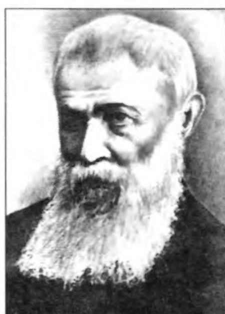


А.К. Сержпутовский

М.В. Довнар-Запольский

Е.А. Ляцкий

М. Федоровский

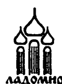


П.В. Шейн

Е.Р. Романов

Белорусский эротический фольклор

Издание подготовили
Т.В. Володина, А.С. Федосик



Научно-издательский центр
«Ладомир»
Москва

Предисловие
А.С. Федосика

Статьи
Т.В. Володиной, В.И. Коваля, В.А. Лобача, З.Я. Можейко

Составление, словарь, указатель загадок,
перечень метафорической лексики и фразеологии
Т.В. Володиной

ISBN 5-86218-362-0

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эротический фольклор популярен у всех народов мира, но отношение к нему как официальных властей, так и народа в разное время и в разных странах имело свои особенности. Об этом хорошо было сказано в многочисленных изданиях, например, в предисловиях к «Русским заветным сказкам» (1872) А.Н. Афанасьева и сборнику «Русский эротический фольклор» (1995), составленному А.Л. Топорковым. В первом из них утверждалось, что нельзя обвинять в цинизме русских, поскольку не только русские, но и «другие народы обладают огромным количеством произведений, в которых народный ум, также мало стесняясь выражениями и картинами, пометил юмором, зацепил сатирой и выставил резко на посмеяние разные стороны жизни. <...> Итак, обвинение русского народа в глубоком цинизме равнялось бы обвинению в том же и всех других народов, другими словами — само собой сводится к нулю. Эротическое содержание заветных русских сказок, не говоря ничего за или против нравственности русского народа, указывает просто на ту сторону жизни, которая больше всего дает разгула юмору, сатире, иронии»[1]. Во втором предисловии его автор подчеркивает ценность большого пласта духовной культуры: «О важности этой сферы народного творчества свидетельствуют многочисленные издания эротического фольклора и посвященных ему научных исследований в странах Европы и в США»[2].

---

[1] *Филобибл.* Предисловие из издания: «Русские заветные сказки». Валаам. Год мракобесия // Афанасьев А.Н. Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А.Н. Афанасьевым. 1857—1862 / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); Изд. подгот. О.Б. Алексеева, В.И. Еремина, Е.А. Костюхин, Л.В. Бессмертных. М.: Ладомир, 1997. С. 549—550.

[2] *Топорков А.Л.* Эротика в русском фольклоре // Русский эротический фольклор: Песни; Обряды и обрядовый фольклор; Народный театр; Заговоры; Загадки; Частушки / Сост., научн. редакция А.Л. Топоркова. М.: Ладомир, 1995. С. 5.

Не исключением является и белорусский фольклор, эротические произведения разных жанров в котором занимают значительное место и отличаются тонким юмором, фривольным содержанием, не ограниченным пристойностью выражений, разнообразием комичных положений персонажей, посредством чего беспощадно и грубо высмеиваются аморальные поступки, не могут не вызывать смеха забавные сексуально окрашенные ситуации.

Эротические тексты записывали, но мало их публиковали такие выдающиеся фольклористы, как М. Федоровский, П.В. Шейн, Е.Р. Романов, В.Н. Добровольский, А.С. Дембовецкий, Е.А. Ляцкий, А.К. Сержпутовский, Р. Бородулин и др. О том, что в изданные фольклорные сборники включалась только незначительная часть эротических произведений, свидетельствуют, например, замечания в описаниях белорусской свадьбы, помещенные П.В. Шейном: «Песен в это время (когда "расчыня́юць карава́й". – *А.Ф.*) поют много и по большей части не печатных»;[1] «Свахи и дружки поют друг другу бранчивые песни. Приведем из них только некоторые: "...А у ста́ршыя дру́жки / Цы́цки, як поду́шки: / Цы́цкою поро́ся убі́ла, / Под печ подсадзі́ла, / А сту́пою закаці́ла, / А соло́мою запалі́ла"; "Ни чапі́ся, дру́жачка, ни чапі́ся, / Идзі́ за у́гол да по...!"[2] и др.». «Во время танцев поются разные песни, но так как они исключительно нецензурные, то я и не решаюсь сообщить их здесь»[3], – писал П.В. Шейну И. Карский, псаломщик соборной церкви в г. Шавлях. Подобные свидетельства сообщались и другими фольклористами-собирателями устно-поэтических произведений. Например, М. Косич отмечала исполнение множества песен и припевок эротического содержания во время «освидетельствования» молодой после первой брачной ночи. По ее словам, эти песенки «настолько нецензурные, что трезвый не осмеливается их даже повторить»[4].

Популярность текстов эротического характера, особенно в календарных и семейных обрядах и праздниках, обусловливалась в древности прежде всего верой в магическую силу как вербальной, так и невербальной части обрядов и ритуалов, надеждой, что их исполнение в соответствии с разными типами и формами магии (например, протрептическими – контактным, инициальным, имитативным – и профилактическими – апотропеическим, катартическим) будет способствовать обеспечению урожая на полях, плодовитости и здоровью скота, счастью, деторождению и благополучию в семье и т. п. Именно такая семантика эротики в обрядах подтверждается изображениями «нескромного свойства» фигурок на каравае, описанными тем же корреспондентом П.В. Шейна: «Стоит невеста по колена на коровае и правой рукой дер-

---

[1] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1, ч. 2. С. 214.

[2] Там же. С. 262–263.

[3] Там же. С. 365.

[4] *Косич М.М.* Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни // Живая старина. 1901. Вып. 2. С. 242–245.

жит поднятые кверху платье и рубашку, — жених стоит таким же родом напротив невесты и держит в правой руке репу; остальные же фигуры состоят из домашних животных и птиц, которые представляются всё парами в таком виде: боров верхом на свинье, гусак — на гусыне, жеребец — на кобыле, петух — на курице, и т. д.»[1]. Однако в обрядах и обрядовой поэзии магические функции сохраняли доминирующее положение только в прошлом, уступив впоследствии место традиционным церемониальным и развлекательным функциям.

Из всех упомянутых выше собирателей белорусского фольклора наибольшие специальные коллекции эротических устно-поэтических произведений оставили М. Федоровский и А.С. Дембовецкий. Коллекция М. Федоровского была опубликована небольшим тиражом в приложении к 6-му тому «Lud białoruski». Эротические свадебные белорусские песни, собранные А.С. Дембовецким, не публиковались и хранятся в рукописном отделе Центральной научной библиотеки имени Я. Коласа в Минске. Эти произведения и многие другие, отобранные из многочисленных публикаций и архивов, а также записанные современными фольклористами З.Я. Можейко, А.М. Ненадовцем, Т.Б. Варфоломеевой, Н.А. Козенко, Т.В. Володиной, В.М. Сысовым и др. вошли в данный сборник. Подбор и систематизация материала осуществлены Т.В. Володиной.

Первое специальное научное издание белорусского эротического фольклора представляет собой, разумеется, только часть бытовавшего и бытующего в настоящее время эротического народного творчества и, возможно, будет стимулировать дальнейшее его собирание и изучение. В произведениях эротической окраски, как и во всем белорусском фольклоре, ярко проявилось поэтическое мастерство народа-художника, его способность талантливо использовать традиционные художественные приемы и средства выразительности для создания образов, оживающих благодаря неограниченной, смелой фантазии их творцов, широко применявших при этом традиционную устно-поэтическую фантастику, олицетворение, метафоризацию, иносказание, комические формы — сатиру, юмор, иронию, гротеск, гиперболизацию и пр.

А.С. Федосик

---

[1] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... С. 361.

Т.В. Володина

ТЕЛЕСНЫЙ НИЗ В ТРАДИЦИОННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ БЕЛОРУСОВ

Проблемы пола, продолжения рода, человеческая телесность и чувственность занимают все большее место в современном гуманитарном пространстве. Стремление проследить восприятие архаическим человеком себя и своего тела побуждает исследователей обращаться к ментальной сфере, ритуально-фольклорным текстам, языковым фактам. Богатейший материал позволяет еще раз подчеркнуть традиционную для народной культуры сопряженность телесного и духовного в человеке, а также приступить к воссозданию народной аксиологии тела, то есть осмыслению человеческой телесности в широком контексте мифопоэтической картины мира.

И хотя человеческое тело не содержит ничего лишнего или ненужного, семиотический статус разных его частей и органов неодинаков. И качественно, и количественно различаются фразеологические и ритуально-фольклорные системы, характеризующие тот или иной человеческий орган. Уже сама идея собрать эротический, то есть организованный вокруг символики телесного низа фольклор указывает на наибольшую фольклорно-мифологическую продуктивность именно этих частей тела. Данный тезис подтверждается и изданием специальных «срамословных» словарей. В своих размышлениях в связи с выходом «Словаря русской бранной лексики» Уоллера Мак-Киенго[1] А.Д. Дуличенко указывает на ассоциативно-лексическую и словосочетаемостную активность именно этих частей нижнего яруса, что обусловлено традиционной для большин-

[1] См.: *Мак-Киенго У.* Словарь русской брани: А-а—Я-я / Вступ. ст. В.М. Мокиенко; Ред. Л.В. Матвеев. Калининград, 1997.

ства культур табуированностью самих частей и их функций: а) в плане их обязательного сокрытия от посторонних глаз, а также содержания и пользования (*resp.* проявления) в, так сказать, индивидуально ограниченном пространстве; б) в плане их называния в обществе, то есть прилюдного произнесения или написания[1].

Помимо этого, широкий круг метафор и ассоциаций опирается на активное включение органов телесного низа в многочисленные мифопоэтические контексты, где им отводится соответственная и весьма внушительная роль. Приходят в действие и традиционные для народного миропонимания персонификация и олицетворение, гиперболизация и метонимия; активизируется весь комплекс поэтических средств и тропов. В незатейливых, часто юмористических, иногда грубоватых, иногда поэтически тонких народных текстах не только воссоздается глубоко символический образ «стыдных» частей тела, но и разворачивается панорама крестьянской жизни с ее чувственными страстями и философским осмыслением своего бытия в бесконечном Космосе.

В абсолютном большинстве мировых мифологий Бог-творец — именно мужчина. Он проектирует, творит, упорядочивает Мир и все, что есть в мире. «Во многих древних религиях центральный бог отождествлялся с мужским детородным органом, и именно фаллос являлся объектом культового поклонения в этих ранних религиозных системах. Подобное отождествление бога с фаллосом глубоко не случайно и является проекцией сущностных мотивов первобытной мифологии»[2]. Древнеиндийский Шива изображался в виде огромного фаллоса, то же можно сказать и о древнеегипетском Осирисе. Ключевая фигура белорусского язычества бог Ярила — также в этом ряду, ибо значение корня *яр-* понимается как «животная похоть, страсть, оплодотворяющая сила», *яриться* — это значит «быть распаленным страстью». Архаическому сознанию совершенно естественной казалась следующая параллель: Бог творит Мир, мужчина зачинает дитя, и потому Бог приравнивается к фаллосу, а фаллос становится Богом-творцом. Собствен-

---

[1] *Дуличенко А.Д.* «...Я тело в душу превращаю», или Кое-что о русском срамословии: (Размышления в связи с выходом «Словаря русской бранной лексики» В.М. Мокиенко) // Studia Slavika Hung. Budapest, 2001. Vol. 46. № 1–2. S. 117.

[2] *Лобок А.М.* Антропология мифа. Екатеринбург, 1997. С. 197.

но сексуальный акт начинает переживаться в традиционных воззрениях как сакрально-космогонический процесс.

Как оказывается, символика мужского вобрала в себя идею творения и даже «божественное мастерство». Потому в центре одного из мотивов, связанных с темой мужчины в аспекте его производительных способностей, находится образ кузнеца, в мифологических представлениях наделенного сверхъестественной созидательной силой и обладающего функциями демиурга. Кузнец не ограничен в своей деятельности рамками обычного кузнечного ремесла и часто выступает как «божественный мастер» вообще, который может «выковать» песню, свадьбу, слово и т. д.[1]. Наделение кузнеца широкими продуцирующими функциями закрепилось в именовании «ковалём» самца[2], см. также паремии: *бел.* «Не той каваль, хто куе́, а той, хто жо́нцы спаць не дае́»[3], *смол.* «Бы́ли б кова́ль да ковали́ха, а е́тыга бу́дить ли́ха»[4]. В белорусской народной поэзии образ кузнеца оказывается задействованным в текстах с выраженными эротическими мотивами, когда подчеркивается его способность «вы́каваць дзяцёну». В песнях героиня обращается к матери:

«Выганя́й, ма́ці, каваля́ з ха́ты,
Бо кава́ль малады́ хо́ча начава́ці». —
«Ой, до́чка мая́, хто па се́нях хо́дзе?» —
«Ой, ма́мка мая́, кава́ль каня́ во́дзе.
Ці я я́му не каза́ла, ці не гавары́ла,
Не кладзіся са мной спаць, бо бу́дзе Гаўры́ла.
А ён мя́не не паслу́хаў, ўсё пры бо́ку кла́ўся.
Цяпе́р сама́ не зна́ю, скуль Гаўры́ла ўзя́ўся»[5].

В богатой родинной поэзии белорусов многочисленными вариантами представлен текст с общей величальной направленностью, адресованный отцу новорожденного:

Дзя́куй та́му кавалю́,
Што ўстро́іў нам гульню́.
Малато́чкам не сту́каў.
І ў ру́чачкі не ху́каў.
А не кава́ў ён удзе́нь,
А стыда́ўся людзе́й.
А кава́ў ён уначы́,
Не палі́ўшы свячы́[6].

[1] См.: *Иванов В.В.* Кузнец // Мифы народов мира: В 2 т. М., 1994. Т. 2. С. 21.
[2] См.: *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914. С. 329.
[3] См.: Фольклорный архив Витебского госпедун-та: д. Латочки Браславского р-на Витебской обл. (В дальнейшем — ВА.)
[4] *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. С. 329.
[5] Радзіны: Абрад, песні. Мн., 1998. С. 220. № 56.
[6] Там же. С. 222–223. № 65.

В иных текстах происходит замена образа кузнеца иными, синонимическими персонажами при сохранении их основной семантической характеристики, подчеркивающей соотнесенность с культурным героем. В родинной поэзии это — столяр или маляр: «Не той сто́ляр, не той му́ляр, / Што пры я́снай свячы́. / А той сто́ляр, а той му́ляр, / Што па цёмнай начы́. / *Высталя́рываў*, *вымуля́рываў*, / Гутата́, гуляля́, / Усі́м суседачкам — гульня́»[1].

Характерно и то, что собственно огонь приобретает мужскую семантику, достаточно вспомнить обычаи перепрыгивания через купальский костер или песенные строки типа «упа́ў з печкі вугалёк, прапалі́ў мой то́нкі хвартушо́к»[2]. В сказке «...кача́ўся-кача́ўся клубо́к агню́, да й падкаці́ўся ба́бе пад но́гі. Ба́ба ўхваці́лася за падо́л, але чу́е — штось у яе́ памі́ж ног шалпо́ча. Не паспе́ла ба́ба ачу́хацца, як чу́е, што ў яе́ штось зале́зла, да й вару́шыцца ў лане́. І ста́ла ба́бе так до́бра, што яна́ аж прысе́ла. Млосць узяла́ ба́бу. <...> Але́ ось жыво́т пача́ў кругле́ць. Паве́рыла ба́ба, што яна́ чарава́тая»[3].

Взойдя на ступень земледельческих цивилизаций, архаический человек объединил Бога-творца, Бога Отца с Небом, противопоставленным Матери-Земле. В древних представлениях эти «персонифицированные космические объекты вселенского масштаба связываются актом оплодотворения, влагой, плодной жидкостью, той сыростью, которая есть у Отца-Неба, но только как чистая потенция, которую может получить Мать-Земля и в лоне своем воплотить в реальный плод. Эта "верхняя", небесная сырость — дождь, падающий на землю и оплодотворяющий ее»[4]. Поэтому в ритуальных практиках и верованиях атмосферные осадки приобретают мужскую семантику и в песнях используются как символическая параллель парню/жениху.

Аналогичным образом мужскую символику приобретает роса:

Я́начка — дзіця́ разу́мнае:
Ён мо́ра селязнём плыве́ць,
Ён по́ле сакало́м ляці́ць,

---

[1] Фольклорный архив Белорусского госпедуниверситета: д. Корсакевичи Борисовского р-на. (В дальнейшем — ФА.)

[2] Белорусские песни-«частушки», собранные Н.Я. Никифоровским. Вильна, 1911. С. 49.

[3] Чарадзейныя казкі. Мн., 1973. Ч. 1. С. 331.

[4] *Топоров В.Н.* К реконструкции балто-славянского мифологического образа Земли-Матери **Źemia & *Mātē* (*Mati) // Балто-славянские исследования. 1998–1999. XIV. Сб. научн. трудов. М., 2000. С. 250.

У варо́цех расо́й падзе́ць,
На дварэ́ князем ста́нець[1].

В белорусских сказках встречается мотив, когда царевна, замурованная в башне, беременеет от веяния ветра: «Калупа́ла, калупа́ла ды пракалупа́ла дзірачку ў сцяне́ мале́нькую. <...> Ад таго́ све́ту — ве́цер там паве́яў — і яна́ ста́лася, што не ў такім ужо́ дзе́ле. Це́раз ко́лькі ўрэ́мя ня́нька яе ўзнае́ць, што як-то яна́ стано́віцца ду́жа гру́ба»[2]. Уместно здесь вспомнить и популярное даже сегодня выражение «*ветром надуло*» как ответ безмужней женщины на вопрос о беременности, а также белорусскую пословицу «Калі дзяўчы́не падве́е, то і стан укараце́е»[3].

«Образы соития Отца-Неба и Матери-Земли несут нередко отпечаток несомненной сексуальности вплоть до физиологической "натуралистичности". Небесные молнии, оплодотворяя Мать-Землю, ударяют в нее, бьют ее, взрыхляют почву. Образ пахоты-боронования, проведения борозды, взрыхления почвы, в которую только после этого может быть брошено семя, соединяет участников "космологического" соития и выступает как метафорическое описание этого акта (ср. "пахать" в значении "coire")»[4].

В функции «молния на земле» появляется копье (золотое копье), прут («три пру́ты медных, три пру́ты зяле́зных»), палка, смык, нога, копыто, хвост, рог и т. п., находящиеся в распоряжении св. Юрия, Егория, его коня, козы. В числе наиболее интересных и информативных примеров В.Н. Топоров приводит белорусскую веснянку, начинающуюся призывом к весне прийти и принести хлеба, свить веночек. Далее следует описание прихода весны: «Е́дзиць весна́, е́дзиць / На залато́м кони́, / В зеле́ном саяни́. / На *сосе́* се́дзючи, / *Сыру́* зе́млю аручи́, / Пра́вой руко́й се́ючи, / А *смыком* скаро́дзючи...»[5]. К еще более сниженным вариантам молнии ученый относит «ножичек», колышек, зуек, свайку, палку и т. д. — атрибуты детских игр «в ножички», цель которых — «в ритуальном овладении Землей теми, кто сейчас, не зная об этом и не зная своей идентичности, тем не менее продолжает дело Громовержца»[6]. А в бело-

[1] Вяселле: Абрад. Мн., 1978. С. 62.
[2] Чарадзейныя казкі. Ч. 1. С. 180.
[3] Прыказкі і прымаўкі. Мн., 1976. Т. 2. С. 22.
[4] *Топоров В.Н.* К реконструкции балто-славянского... С. 266.
[5] *Богданович А.Е.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов: Этнографический очерк. Гродно, 1895. С. 102–103.
[6] *Топоров В.Н.* Детская игра «в ножички» и ее мифоритуальные истоки // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 256.

русской паремиологии параллель пахоты/сева и соития выражается в ярких устойчивых выражениях «Каб вы, дзéтачкі, чáста céялісь да рэ́дка ýсхадзілі»[1] или песенных метафорах «Пошóв жа Кузéмка зéмлю пахáци, зéмлю пахáци, росý выпускáци»[2], «А як мілая прышлá, сохá ў зéмільку пашлá»[3].

В ряду предметно-атрибутивных иллюстраций земледельческих аналогий интимным отношениям особое место принадлежит бороне, для семиотической характеристики которой существенно отнесение ее к преимущественно мужской сфере хозяйствования. Во внешней форме бороны на переднем плане находятся ее острые зубы, что, собственно, и определяет ее фаллическую символику. Сохраняют свое значение и мифологические представления о вспахивании и посеве как акте зачатия. Такая символика доминирует в ритуально-магических действиях с брачно-любовной семантикой, прямо или косвенно ориентированных на обеспечение высоких продуцирующих способностей земли или женщины.

В жизни деревенского социума бороне отводилась роль магического стимулятора для более успешного и быстрого выхода девушек замуж. На Полесье девушки, чтобы ускорить приезд сватов, таскали по закоулкам старую борону, а потом бросали, разломав, по всем дорогам, что вели в деревню[4]. Парни же, напротив, бороновали вокруг деревни, чтобы девушки не выходили далеко замуж. В структуре свадебного комплекса таскание бороны преследует те же магические цели: «Як прыходілі сватý до мэ́не, дéўкі брáлі бóрону і тягнýлі по дорóзі, кóло хáты, дэ якá дéўка жывé, пасмэ́кчуть землю́, а тадý затя́гнуть бóрону до мáльца-жэніхá»[5].

Эротическая окраска присуща широко распространенному обычаю во время крестин катать на бороне бабку-повитуху. В одной из полевых записей усаживание бабки на борону зубьями вверх, застланную тулупом, сопровождается следующим комментарием: «Ня бóйся, бáбка, больш дзірак, чым ёсць, ня зрóбіцца»[6].

Особая популярность песта в качестве фаллического символа в значительной степени опирается на известную метафору

---

[1] *Романов Е.* Белорусский сборник. Киев, 1885. Т. 1. С. 298.

[2] Там же. С. 419.

[3] Белорусские песни-«частушки». С. 61.

[4] Белорусский этнолингвистический атлас. Рукописные материалы (архив Н.П. Антропова). (В дальнейшем – БЭЛА.)

[5] Зап. автором в д. Псыщево Ивановского р-на Брестской обл.

[6] Зап. автором в д. Любоничи Кировского р-на Могилевской обл.

толчения в ступе как полового акта. Сам же пест в многочисленных ритуалах выступает как символический эквивалент парня, мужчины, причем мужчины активного в своих половых функциях. «Нечестной» невесте ставили пест вместо жениха, клали его в постель и т. д. В д. Вербовичи Наровлянского р-на был записан рассказ о том, как пан, захотев обесчестить девушку, что отказалась стать его любовницей, «женил» ее на песте[1]. В полесских весенних ритуалах «колы́ нэ бра́лы дэ́вок за́муж — онэ́ возьму́т тоўка́ч, ся́дэ яка́я з дэво́к дый ка́жа: *зазыва́ю к тоў-качу́, тоўка́ч ка́жэ – нэ хочу́*»[2]. Пест как символ парня, мужчины выступает и в рекомендациях той девушке, что отказала сватам, но боится остаться в старых девах, — поставить в угол пест.

Показательно, что именно с помощью песта оказывалось возможным убить ведьму или даже Бабу Ягу — «пэсто́м убі́ва вэдьма́рку пэ́рэд Вэлы́коднэм, то на́до бить от сэбэ́ ме́жду глаза́ми»[3]. Видимо, здесь та же семантика, что и у смерти Кощея, вызываемой разбиванием яйца, ибо смерть может быть побеждена только потенцией жизни. Пест, как необходимое орудие в цикле создания хлеба и к тому же яркий фаллический символ, воплотил эту «созидательную» семантику наиболее полно.

Гребень, как один из атрибутов-маркеров космогонических актов (когда с его помощью из неупорядоченного, хаотического, «природного» сырья льна создавался организованный, «культурный» продукт — волокно), уже исходя из своей «созидательной» направленности включается в контексты с активной, мужской функциональностью. Наличие у гребня острых зубов, погружение их в податливое, «женское» пространство волос обусловило включение мотива чесания в синонимический ряд со значением «futuere». В мантических ритуалах гребешок отца или брата девушки подкладывали на ночь под подушку, в других вариантах перед сном им расчесывали себе волосы и клали на грудь[4].

Те же космогонические или, более конкретно, антропогонические мотивы связываются с хлебной лопатой, в магических народномедицинских манипуляциях продемонстрировавшей

---

[1] См.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983. С. 114–115.

[2] БЭЛА: д. Бездеж Дрогичинского р-на Брестской обл.

[3] БЭЛА: д. Ополь Ивановского р-на Брестской обл.

[4] «Дай, Бо́жа, знаць, з кім век векава́ць» / Склад. У.І. Васілевіч. Мн., 1993. С. 30, 45.

своего рода повторное зачатие и второе рождение ребенка. Речь идет о ритуалах «перепекания» — когда больное дитя как бы вносили на лопате в печь[1]. В свадебных ритуалах старшая шаферка, вынув из печи каравай, три раза стучала хлебной лопатой в потолок и выскакивала с нею на улицу: если первым встречался мужчина, это предвещало ей (шаферке) скорый брак[2].

Прагматические характеристики кочерги как орудия для работы в печи, в устье печи (которое осмыслялось в качестве символа женского лона) обусловили закрепление за нею фаллической символики. Во время сватания кочергу связывали с иными предметами печной утвари; а при первом входе невесты в дом жениха под ноги ей подбрасывали кочергу: если та поднимала и убирала ее — молодые будут жить в любви и согласии[3]. В родинной поэзии популярен мотив кочерги или синонимичного ей сковородника: «А нака́жам кавалю́, каб скава́ў нам чапялу́». Да и загадки о сковороде и сковороднике, как правило, достаточно двусмысленны. В записанной А.К. Сержпутовским сказке интимные отношения характеризуются как изгнание черта ожегом из-под женского подола: «Палецёў чорт і па нема́лым ча́се чуць плі́шчыць мех гро́шэй [... спустя некоторое время еле тащит мех денег]. Адда́ў ба́бе, да й пыта́е: “Ну, у чом ва́ша сі́ла?” — “От у чом”, — ка́жэ баба. Тут ёна падняла́ падо́л і паказа́ла чо́рту сваё зе́лье. У таго́ аж во́чы на лоб вы́перло. От чорт туды́ да й схава́ўса, то́лькі падо́л у ба́бы скалыхну́ўса. От з та́е пары́ й седзі́ць там у ба́бы чорт. Лю́дзі ўсё выганя́юць его адту́ль о́жагам, да не мо́гуць вы́перці»[4].

Ритуальное функционирование колющих, острых предметов — ножа, иголки, шила и т. п. — в некоторых контекстах содержит и элементы эротики, опираясь прежде всего на символику укалывания, вхождения. В свадебной песне, которая исполнялась после брачной ночи девственной невесты, что ритуально закреплялось в угощении «сало́дкай гарэ́лкай», шило прямо обозначает мужской детородный орган: «А ў нас сяго́дня не́шта было́, / Чаты́ры калёнцы ра́дам было́. / А пя́тае шы́ла / Гарэ́лку саладзі́ла»[5].

---

[1] См.: *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў. Мн., 1999. С. 43–47.

[2] См.: Вяселле: Абрад. С. 495.

[3] Зап. автором в д. Тупичино Шумилинского р-на Витебской обл.

[4] Пераказаў І. Азёмша / А.К. Сержпутоўскі. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета. Мн., 2000. С. 83–86.

[5] ФА: д. Лошница Борисовского р-на Минской обл.

Символическим синонимом шилу/ножу выступает рог животного (имеется в виду крупный рогатый скот), что в некоторой степени опирается и на мужскую символику, прежде всего быка. В свадебных песнях с типичным мотивом «невесте в брачную ночь жених предлагает пирог» встречается вариант: «Ай, той пiрóг як бычы́ны рог». В записях В.Н. Добровольского зафиксирован следующий свадебный обычай: когда поднимут молодых, тогда вся женихова родня идет осматривать невестину «доброту» – «ци ни лумáла калúну, ци ни *пáствила янá бычкá* и ци ни прабúлася на ражóк»[1]. Если невеста «праигрáла сваявó бычкá», в Могилевской губернии пели:

На éлцы раслá, ня дзéвкой пришлá,
Ци карóв дайла да на рог прабúла,
А ци хадзúла на мастý да набрáлась хварастý[2].

Брюки как основной полоразличительный элемент одежды представляют мужчину в мантических ритуалах – «На Андрэ́я дзяўчы́на [девушка] не есць, не п'е, вéчарам мóўчкі кладéцца спаць і кладзé пад падýшку мужчы́нскія штаны́»[3] и любовной магии: «Калі мужы́к хóдзіць па другíх, узя́ць штаны́, падрáць на каснíчкі, змéраць ад галавы́ да ног і пад сваю пасцéль паклáсці»[4]. В д. Любоничи Кировского р-на зафиксировано следующее предписание: «На Купáлу нáда ўкрáсьці хлапóцкія штаны́, усім дзяўкáм [девкам] узя́цца і ў дзвінáццаць часóў абнéсці, цягнýць па зямлí, каб мáльцы ні хадзілі ў сусéцкія дзярэ́ўні [деревни]»[5]. Такая рекомендация, видимо, легла в основу песенного сюжета:

«А, Іван Купáла, што ў цябé прапáла?» –
«Прапáлі штанёнкі, укрáлі дзяўчóнкі.
Ля рэ́чкі хахóчуць, штанёнкі валóчуць»[6].

Белорусский фразеологизм «залáпіў штаны́» обозначает отказ парню при сватании[7] и выявляет весьма любопытную акциональную параллель из свадебной обрядности белостокских белорусов: «в конце "дзявóчага вéчара" подруги невесты

---

[1] *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. М., 1903. Ч. 4. С. 163.
[2] *Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии по отделу *свадебные песни*. Могилев-на-Днепре. 1884. № 130.
[3] АИИЭФ НАНБ.
[4] Замовы. Мн., 1992. С. 581.
[5] Зап. автором в д. Любоничи Кировского р-на Могилевской обл.
[6] Купальскія і пятроўскія песні. Мн., 1985. С. 143.
[7] Зап. автором в д. Поречье Лепельского р-на Витебской обл.

отбирали приготовленные для жениха брюки и пришивали к ним разноцветные латки или большие деревянные пуговицы»[1].

Мужская символика шапки очевидна в магических предписаниях типа: «Як пе́рвы раз спяць маладыя, на́да ша́пку падкла́двапь пад сра́ку, каб пе́рвы ма́льчык радзіўся»[2] или «Калі з ша́пкі ціпля́т са́дзіш – пітухі бу́дуць, на́да з хвартуха́»[3]. Одевание женщиной шапки в определенной степени символизировало контакт с мужчиной и, видимо, потому строго запрещалось девушкам – «за́муж нэ по́йдуць»[4]. Вместе с тем девчата-подростки натирали мужской шапкой грудь, чтобы та лучше и быстрее росла[5].

Таким образом, в символизации предметом пола первостепенное значение имела форма вкупе с его функциональными характеристиками. Мужскую символику закономерно приобрели предметы продолговатой, удлиненной формы, предназначенные для разного рода всовывания, втыкания, помещения внутрь. Использование таких предметов включалось в ритуальные контексты с семантикой магического программирования будущей урожайности и репродукции.

В системе фитонимической символики сферу мужского представляют также растения соответствующей – продолговатой – формы: огурец, морковь, петрушка или растения, растительные символы, наделенные в народных воззрениях выразительными продуцирующими качествами – это прежде всего дожиночные сноп и «борода», то есть оставшиеся несжатыми колосья.

Сильный, крепкий и гибкий ореховый куст, приносящий обилие плодов, часто двойных, символизирует в славянской культуре плотскую любовь и плодовитость. По таким сдвоенным орехам – «спарышам» – белорусские девушки гадали о замужестве. По поверьям, в урожайный орехами год рождалось много детей. Показателен и текст обрядовой игры «Ящур», богатой брачно-эротическими мотивами: «Сяди́ть, сяди́ть Ящур / У арэ́хавум ку́сьти, / Аре́шыки лу́щить, / Во́чками плю́щить <...> / Жани́т-

---

[1] *Barszczewski A.* Białoruska obrzędowosć i folkłor wschodniej Białostoccyzny. Białystok, 1990. S. 80.

[2] Зап. автором в д. Фабияновка Калинковического р-на Гомельской обл.

[3] Зап. автором в д. Жежлино Лепельского р-на Витебской обл.

[4] Зап. автором в д. Милошевичи Лельчицкого р-на Гомельской обл.

[5] См.: *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны [поверья и суеверия] беларусаў-палешукоў. Мн., 1930. С. 170.

ца хо́чить»[1]. Прозрачна фаллическая соотнесенность ореха в т. н. «стыдных» загадках: «В ли́сэ вы́росло, / З ногови́ц вы́лизло, / На концы́ залупи́лося, / Уси́м прыгоды́лося». В обрядовой и лирической поэзии мотив отправления девушек в лес за орехами, как правило, указывает на реальную или возможную встречу с парнем-соблазнителем, образ которого может быть замещен показательным символом — волком:

Дзе́вачки-проле́сачки,
Няйдзи́ця [не идите] по оре́шачки.
Ой, няйдзи́ця вы са́ми,
Спатка́ицися с во́ўка́ми[2].

Обширный ритуальный фон и эротический подтекст символики ореха обусловили появление поговорки «Орехи — девичьи потехи»[3].

Морковка часто использовалась в костюмах ряженых, отличительной чертой которых являлось акцентирование внимания на мужских атрибутах. В этнографических записях фиксируется переодевание дружки на свадьбе в шутовской костюм, когда спереди ниже пояса прикреплялись две луковицы и морковка. В частушках бабе «захотелось морковки — в огороде такой нет».

В сельскохозяйственной магии по посевам огурцов таскали мужские штаны, причем сами огурцы старались сажать в то время, когда муж моется в бане, то есть голый. Иногда участие в посадке мог принимать и сам мужчина, хотя обычно огород считался преимущественно «женской территорией». Именно мужчина должен был сорвать и съесть первый огурец. В Лепельском районе Витебской области хозяйки упрашивали мужей побегать по грядкам голыми, а сами приговаривали: «Расціці, агуро́чкі, як мужчы́нскія хуёчкі»[4]. В богатой эротическими намеками родинной поэзии огурец мог «прапаро́ць бабу» и «сапсава́ць жывато́чак»:

Ой, кум куму́
У садо́чык вядзе́ць.
Ой, кум куме́
Агуро́чак дае́ць.
«Ах, кум-кумо́чак,

[1] *Романов Е.* Белорусский сборник. Вильно, 1912. Вып. 8. С. 125.
[2] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 1. С. 107.
[3] *Малоха М.* Фразеологизмы с концептом «дерево» в зеркале народной культуры. Мн., 1998. С. 72–73.
[4] Зап. автором в Лепельском р-не Витебской обл.

Ни хачý агурóчка,
Ня псуй ты майгó жыватóчка»[1].

Имеются отдельные свидетельства мужской символики иных овощей, в частности репы – «Мяне́ Ва́нька суманйў, / На лóжачку палажы́ў, / Жывóй рэ́пкай накармйў»[2]. Что касается фаллических оттенков в семантике груши, то особенно наглядны они в устойчивом белорусском выражении «éсці салóдкія грýшкі» – вступать в половые сношения («о девушке»). Вот пример данной фраземы в песенном тексте:

«Нешчаслíвы тэ падýшкі, ой-ой-ой,
Гдзе я éла слóдкі грýшкі, ой, Бóжа мой». –
«Калі éла слóдкі грýшкі, ой-ой-ой.
Бýдзеш мéці вéрны служкі, ой, фалдары́дом»[3].

В народных представлениях славян эротическое истолкование приобретают и грибы, в первую очередь, в зависимости от внешнего вида, когда основную роль начинает играть противопоставление выпуклого и вогнутого. Принятое для трубчатых грибов обобщенное название «гриб» может употребляться как обозначение penis, membrum virile;[4] вот, например, следующее яркое представление гриба в загадке: «Кладýць стáрца ў дамавíну, хуй тырчы́шць напалавíну»[5]. В фольклорном творчестве белорусов эротическая символика грибов характерна преимущественно для весенней обрядовой поэзии, например:

Не дахадзя́ дзéўка бóру
Нашлá гры́ба мухамóра,
Крáснага гры́ба.
Эй, крáснага гры́ба.
Янá ж ягó падхвацíла,
У кашóлачку ўлажы́ла,
Пашлá дадóму.
Эй, пашлá дадóму.
Ой, прышлá ж янá дадóму,
Палажы́ла спаць з сабóю
На бéлую кравáць.
Эй, на бéлую кравáць.

Дзéўка спáці не кладзéцца,
Тóлькі слёзкамі лíецца –
Баíцца гры́ба.
Эй, баíцца гры́ба.
«Ах ты, дзéўка прыукрáсна.
Не лíй слёзачак напрáсна,
Не бóйся мяне́.
Эй, не бóйся мяне́.
Кладзі свячý васкавýю,
Я тры рáзы пацалýю.
Мíлая мая»[6].

---

[1] *Ляцкий Е.М.* Материалы по белорусской словесности // Известия ОРЯС. СПб., 1904. Т. 9, кн. 4. С. 112.

[2] *Малевич С.* Белорусские народные песни. СПб., 1907. С. 82.

[3] *Hurynowicz A.* Zbiór rzeczy białoruskich (z gminy Wiszniewskiej gubernii Wileńskiej). Kraków, 1893. S. 7.

[4] См.: *Топоров В.Н.* Семантика мифологических представлений о грибах // Balcanica: Лингвистические исследования. М., 1979. С. 243.

[5] *Барадулін Рыгор.* Здубавецьця. Мн., 1996. С. 83.

[6] Веснавыя песні. Мн., 1979. С. 304–305. № 379.

Любопытно проследить эротическую символику дожиночной «бороды» — оставленных несжатыми последних колосьев. На это указывают многочисленные этнографические записи: «Калі дзéўка пакінець нязжáтай барóдку, дык рóдзіць незамýжняя»;[1] «Дзéўкі спяшáюцца, каб хутчэ́й дажáць, а бáбы замýжнія знáюць, што ім так нáда, дык і нарóшне адстаю́ць. Як катóра пéрвая дажнéцца, кідáець недажáтымі жмéню каласóў і крычы́ць: "Я ўжо пацалавáла!" — "Кагó ж ты пацалавáла? — пытáюць бáбы і сáмі адкáзваюць: — Бог табé дась". Тады́ вéрылі, што гэ́та дзéўка зáмуж пóйдзець пéрвай»[2]. Здесь же уместно вспомнить и песенные тексты типа:

Ішóў казёл па мяжэ́, дзівувáўся барадзé.
Да камý яé цалувáць?
Да камý яé мілувáць?
    Дзíва, дзíва.
    Да Манюшы цалувáць,
    Да Манюшы мілувáць.
    Дзíва, дзíва[3].

<...>

Ідзі, Мáнька, не ляжы́,
Да барóданьку ліжы́.
Усю нóчку не спáла,
Барóданьку лізáла[4].

Сам за себя говорит факт одевания на «бороду» венка на дожинках с яркой мотивацией: «каб пóле ўрадзíла»[5], когда наглядна продуцирующая направленность слияния мужского и женского начал. Такая же семантика усматривается в обычаях рассевания зерен с наклоненной дожиночной «бороды» по земле с целью обеспечения будущего хорошего урожая. Эротические функции последних колосьев, видимо, и возникли на основе центральной семантики «бороды» — заклинания урожайности и благополучия.

И, наконец, образ неживого растения — колода, бревно, дрова. Подробно и обстоятельно символ колодки в славянской обрядности был рассмотрен в статье Т.А. Агапкиной «"Колодка" и другие способы ритуального осуждения неженатой моло-

---

[1] Фольклорный архив НИЛ белорусского фольклора Белгосун-та: д. Сычково Бобруйского р-на Могилевской обл. (В дальнейшем — Арх. БГУ.)

[2] Зап. автором в д. Узмёны Миорского р-на Витебской обл.

[3] АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 81. Д. 193. Тетр. 3.

[4] ВА: г. п. Лиозно.

[5] Зап. автором в д. Толкачево Шумилинского р-на Витебской обл.

дежи у славян»[1], в данном случае остается кратко резюмировать сказанное, дополнив наиболее показательными белорусскими данными. Вешать/волочить/давать/тягать колодку — приуроченная к Масленице одна из форм ритуального порицания неженатой молодежи, которая «вносила дисбаланс в установленную структуру социума и нарушала его социо-возрастную динамику»[2]. Т.А. Агапкина усматривает истоки этого обычая в сельскохозяйственной магии, когда обрядовое волочение бревна имело целью провоцирование вегетации и плодородия земли. В то же время продуцирующая магия распространялась и на сферу человеческих отношений, и тогда волочение колодки воспринималось как способ заклинания будущих браков. «Иногда в этих обрядах разыгрывались символические свадьбы, как бы компенсирующие отсутствие настоящих и столь желанных для всего социума»[3]. В подобных масленичных ритуалах «колодка приобретает значение символической замены отсутствующего у парня или девушки брачного партнера»[4]. В Пинском районе «от, где дéвок мнóго, то полúно занесéм и вкúнем теж в хáту, о то жэнихá вжэ вкидáем» (д. Жабчицы), в Новогрудском — «хлóпцы до дзéвак вадзúли калóдку, пóтым их радзúцели давáли хлóпцам вы́пиць» (д. Куписк)[5]. Несомненно, свою роль в подобной символизации сыграли эротические, точнее сказать, фаллические оттенки семантики бревна и колодки. Таким образом, «проявляются две основные сферы, связанные с репродуктивной магией: плодородия земли и фертильности женщины, причем эти сферы осмысляются в традиционной магии во взаимной обусловленности»[6].

В белорусской календарной обрядности обычай волочения бревна или его символических аналогов мог быть приурочен и к иным праздничным дням, в частности, к Купалью: «Цігáлі калóтку пéрад Івáнам. Дзёрлі трáпкі, звя́звалі і дзéўкі цігáлі дóўбню, каб зáмуж іщí. Хавáліся ад хлóпцаў, кап яны́ ня вíдзялі, бо ты́я адбірáлі, каб дзéўкі зáмуж ня ішлí, кап у сваéй хáце сядзéлі»[7]. На Полесье на Купалье разыгрывался также следу-

---

[1] *Агапкина Т.А.* «Колодка» и другие способы ритуального осуждения неженатой молодежи у славян // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 354—394.

[2] Там же. С. 355.

[3] Там же. С. 382.

[4] Там же.

[5] Арх. БГУ: д. Куписк Новогрудского р-на Гродненской обл.

[6] *Агапкина Т.А.* «Колодка» и другие способы ритуального... С. 354.

[7] Арх. БГУ: д. Адамово Речицкого р-на Гомельской обл.

ющий, достаточно прозрачный ритуал, актуальной для которого являлась фаллическая символика жерди (при женской отнесенности обуви): «Хлóпцы на Купáйло назбірáюць постолóў, вýвесяць на жэ́рдку і збівáюць, а дзéўкі спевáюць»[1]. Кстати, использование бревна в качестве символического заместителя мужчины можно усмотреть и в обычае отказа сватам: «Калóдка – палéна, у нас клáли, як приéдуть у свáты. Клáли ў павóзку ямý, як не хóча дéўка итú зáмуж»[2]. Однако на Коляды «стáрыя лю́дзі, калі вéдалі, што хлóпяц з дзéўкай хóчуць пажаніцца, дык праклáдвалі сцéжку ад хлóпца да дзéўкі дравáмі»[3]. Эротическое понимание мотива дров характерно и для популярных частушек типа «Гопа-гопа-гопа-ца, / Лéпша дзéўка за хлапцá. / Хлóпец дрóваў насячэ́, / Дзéўка бліноў напячэ́» (при выразительной женской символике блина).

На фалличность символических синонимов колодки – «била» («цепа») и «рубеля» («жерди для увязки снопов или сена»), опираясь на мантические ритуалы (см., к примеру, запись из Слуцкого р-на: «стáвілі рубéль, куды́ ўпадзé, туды́ дзéўка і зáмуж пóйдзе»), указал Н.П. Антропов в этнолингвистическом этюде о колоде[4]. Мужскую символику дерева, колоды закономерно продолжают сук: «Под éлкой расла́, / Ня дзéвкой пришла́. / З éлки звалúлася / Да на сук прабúлася»[5] и шишка: «Пад éлкаю спáла, / Не дзéўкаю ўстáла. / Шы́шка з éлі спáла, / Дзéўку сапсавáла»[6].

Следующий блок реалий, ассоциированных народным сознанием с органами половой сферы, составляют продукты питания, центральное место среди которых занимает хлеб вообще и свадебный каравай в частности. Прежде всего следует упомянуть показательные песенные строки: «Печ нáша рагóча – каравáю хóча». Перед брачной ночью на каравай сажали невесту. Не случайно каравай пекут лишь невесте-девушке, впервые вступающей в брак, и никогда не пекут вдове. Мотив коитуса воплощают фигурки на каравае: боров верхом на свинье, петух на курице, гусак на гусыне и т. д. (*гродн.*). Фалличе-

---

[1] *Кучук І.М., Малюк А.К.* Палескі слоўнік: Лельчыцкі раён. Мозыр, 2000. С. 65.

[2] Арх БГУ: д. Комаровичи Петриковского р-на Гомельской обл.

[3] Арх. БГУ: д. Житин Осиповического р-на Могилевской обл.

[4] См.: *Антропов Н.П.* Белорусские этнолингвистические этюды: 1. *Колода/колодка* // Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого. М., 1998. Т. 2. С. 28.

[5] *Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии... № 132.

[6] Вяселле: Абрад. С. 244.

скую символику имеют фигурки шишек на каравае и некоторые другие элементы украшений («бóчачкі з абрýчыкамі»), пара яиц, запекаемых в каравай, а также заяц как персонаж каравайных песен и приговоров, ключи и др.[1]. В свадебных песнях, записанных А. Дембовецким на Могилевщине, фаллическая символика пирога-каравая преподносится даже в незашифрованном виде:

«А мáмычка, у клець вядýць». —
«Ня бóйся, дóнечка, пирóг дадýць.
Ня тóй, дзéтычка, што ядýць,
А той, дóнечка, чым ябýць»[2].

В отдельных традициях свадебный каравай приобретал еще одно именование — «сыр». Да и собственно сам сыр во многих контекстах символически обозначал плодовитость и наделялся значительной производительной силой. Это подчеркивается использованием его в качестве поэтического эквивалента жениха, молодого мужчины: «Ой, ляжы́ць сырóк бялéнькі — зяць цéшчы мiлéнькі». Сопоставление сыра с мужчиной, с будущим замужеством наблюдается и в мантической практике: на Масленицу девушки клали бревно, на него — доску, на доску — сыр и прыгали: куда сыр упадет, там живет суженый;[3] в песнях-веснянках: «Вяснá-краснá, што прынеслá? / Дзéўкам — сы́ру, хлóпцам — кія...» Многочисленные разножанровые тексты (песни, приговоры, припевки и т. д.) соотносят образ сыра с рождением женщиной ребенка, чаще, подчеркнуто, — сына: «Вы́несь сы́ра — рóдзiш сы́на». В поверьях, «если женщина увидит во сне сыр — скоро родит мальчика»[4]. Фалличность сыра могла, кроме прочего, опираться и на символику его белого цвета, который у славян издавна ассоциируется с активным началом, мужской силой. Изготовление сыра из творога, то есть створаживание (= творение) твердой структуры из жидкости, также подчеркивает идеи образования, оплодотворения. Сыр использовался и в качестве своеобразного подношения ниве, земле, пожинальной «бороде». Таким образом, можно утверждать, что сыр символизировал оплоднение земли/женщины. Не противоречат оплодняющей, продуцирующей символике сыра и мифологические мотивы о тождественности

[1] См.: Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2. С. 462.
[2] *Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии... № 76.
[3] См.: БЭЛА: д. Ровбицк Пружанского р-на Брестской обл.
[4] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны беларусаў-паляшукоў. Мн., 1930. С. 61.

молока и небесной влаги (ср. архаические мотивы Эдды о том, как из сосков небесной коровы текут дождевые реки, которые приносят на землю урожайность[1]).

Символика пола, эротические мотивы характерны и для зоологического кода семиотического языка культуры, когда образы животных служат одним из средств выражения «мужской» или «женской» темы, а также для описания их взаимодействий. Значительный материал о символике животных в традиционной культуре славян собран и проинтерпретирован А.В. Гурой в книге «Символика животных в славянской народной традиции» (М., 1997). В данном случае демонстрируются лишь наиболее яркие и репрезентативные тексты, указывающие на зоологический блок мотивов в семантике телесного низа мужчины.

Среди животных выделяется волк, нападающий на скотину, загрызающий жертву и в связи с этим наделенный эротической символикой. Для народной поэзии характерен по преимуществу образ волка-жениха или волка-соблазнителя:

Бая́лыся де́ўка
Да се́рыга воўка.
«Ни таго́ бая́лась,
Што па ле́су хо́дить.
А таго́ быя́лась,
Што па по́лю ры́щить,
Кра́сных де́вык и́щить».
Узя́ў де́ўку пыпярёк
За шаўко́вый паясо́к <...>.
Ты стой, па́ринь, ни валя́й,
Сарахва́н ни мара́й[2].

В смоленских подблюдных песнях потерю девичества пророчила следующая ситуация: «Да бяги́ть волк косма́тый жа, / Отки́нул хвост на двина́дцать вёрст – / Не стре́тца бы иде́ с волко́м»[3]. Во фразеологических выражениях «волком» иногда называется мужчина-любовник: «Ста́рый во́ўк зна́ить то́лк»[4], ср. известное: «Старый вол борозды не портит».

Песня о медведе в мозырьском Полесье связана с обрядом брачной ночи – «Узлёз мядзве́дзь на клець, / А з кле́ці да на

---

[1] См.: *Афанасьев А.Н.* Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М., 1994. Т. 1. С. 657.

[2] *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. С. 446.

[3] *Он же.* Смоленский областной словарь. С. 79.

[4] *Романов Е.* Белорусский сборник. Т. 1. С. 419.

сцёбачку, / А з сцёбачкі да ў каро́бачку, / А ў каро́бычцы насе́ннейка, / Вясёлае нам ды вясе́ллейка»[1].

Один из самых ярких мужских образов среди животных — образ зайца — особенно популярен в текстах с любовно-брачной символикой. Его эротические коннотации наиболее очевидны в разножанровых текстах белорусской свадьбы. В Восточном Полесье свадебные песни про зайца исполняются после брачной ночи и связаны с определением девственности невесты, в Мозырьском районе такие песни носят название «поле́ски за́яц». На Могилевщине гости в то время, как молодые находятся в клети, поют о зайце и лисе:

За ре́чкой за крини́щей
Праси́в за́яц у лиси́цы:
«А лиси́ца-ма́мычка,
Пыкажи́ нам мо́хну,
А то я тут здо́хну»[2].

Прозрачна символика дырочки и былиночки в белорусской хороводной песне: «Праскачы́, за́йка, у дзі́рачку да вы́ламі сабе́ да былі́начку». «Образ зайца в славянских народных представлениях обнаруживает ярко выраженную связь с архаической, сакральной в своих истоках фаллической символикой. Это подтверждают, в частности, полесские свадебные приговоры-пожелания жениху и невесте во время дележа свадебного каравая: "Дару́ю за́йца, штоб у маро́з стая́ли я́йца"»[3].

В.И. Коваль, анализируя истоки и особенности бытования фразеологизма «набожны як свято́га Ю́р'я конь», обращает внимание на фаллическую семантику собственно термина «конь» и использование эвфемических сочетаний типа «пераня́ць каня́», «паіць каня́» для обозначения интимных отношений. На «греховность» коня святого Юрия указывает и пословица «На́божны, як святога Юр'я конь: ён — да касцёла, а ён — да кабы́лы», в которой прямо называется соответствующая «ориентация» этого коня[4]. В лирической поэзии особенно популярны мотивы, когда парень поит своего коня водой, принесенной девушкой, или впускает коня в ее ру́ту, см.: «Ой ты, Я́сю-бала-

[1] Вяселле: Песні. Мн., 1988. Т. 6. С. 179.

[2] *Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии... № 57.

[3] *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной культуре. М., 1997. С. 184.

[4] *Коваль В.И.* К вопросу о «своем» и «чужом» в славянской фразеологии // Актуальные проблемы славянской фразеологии. Гомель, 1999. С. 27.

му́ту, / Впу́стив ко́ня в мою́ ру́ту»; «Белогри́вого коня́ по́иць ми́лая моя́»[1].

Основанная на реальных представлениях об особенной сексуальной силе козла («Каза́ ў двары́, дык казёл цера́з ты́н глядзіць») вера в его магические возможности воздействовать на урожайность («дзе каза́ хо́дзіць, там жы́та ро́дзіць») обусловила ряд ритуальных действий. Так, козла и козу пускали весной на поле, чтоб урожай был хорошим[2]. Именно с козлом связывались славянские представления о духе поля. Да и жатвенные песни о козле выделяются некоторой двусмысленностью, см., к примеру:

Дзівува́лася каза́,
Што балта́ецца ў казла́.
Дзіва барада́! Дзіва барада́!
«Ай ты, ко́зінька-казёл,
Пакажы́ мне свой нахо́л.
Дзіва барада́! Дзіва барада́!»[3]

Тема телесного низа достаточно разработана в сфере представлений о насекомых, которым охотно приписывались мужские эротические функции. Недвусмысленный характер имеет полесская свадебная песня, исполнявшаяся перед первой брачной ночью: «Да кама́р й му́ху ведзе́, / да ў ги́цкую бе́рлу кладзе́. / "Ох ты ж, комару́-комару́сеньку, / вядзи́ ж мяне́ помалю́сеньку, / бо я му́ха стара́я, у мене ... мала́я"»[4]. Любовная тематика, связанная с мужской символикой комара и эротическим осмыслением комариного укуса, присутствует в частушке:

Не хадзі́це, дзе́ўкі, у лес,
Камары́ куса́юцца.
Адну́ дзе́ўку ўкусі́ў –
Жыво́т раздува́ецца[5].

Укус – на этот раз – шершня символизирует дефлорацию невесты – героиню песни из Полесья, в которой молодая женщина утром после брачной ночи рассказывает свой сон: «Прылеце́ў, ма́мко, шэрсе́нь, / Да й уты́кнуў жа́ло, / Да й уты́кнуў жа́ло, / Сэ́рцо ж мае задрыжа́ло. / Де́ўку да не за пуп, за чэ́рэво, / Укусі́ў пасерэ́ду»[6]. Беременность предвещается молодой

[1] Белорусские песни-«частушки». С. 67.

[2] См.: *Нікольскі М.М.* Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства. Мн., 1933. С. 42.

[3] Жніўныя песні. Мн., 1975. № 304в.

[4] *Moszyński K.* Kultura ludowa słowian. Warszawa, 1967. T. 2, zs. 1. S. 283, 284.

[5] ФА: д. Порейши Воложинского р-на Минской обл.

[6] *Гура А.В.* Символика животных... С. 461.

женщине сном о пчелином укусе: «Молодой баби, коли жало упустя, — забеременея»[1]. Показательно, что в текстах с эротическими мотивами и темой укуса пчела, выступающая как преимущественно женский образ, приобретает мужскую брачную символику. В загадках она и описывается через свое обращение к девушке: «Не хадзі, дзе́ўка, па са́ду. / Як даганю́, дык усся́ду. / Я таку́ю мо́ду ма́ю: / Як усу́ну — не выма́ю»[2].

В энтомологическом коде мужскую, фаллическую тему продолжает и жук:

Пашла́ Лиса́ ў лес гуля́ть,
Жучка́ чо́рныга иска́ть.
Ина́ нямно́жка прахади́ла,
Жучка́ чо́рныга нашла́,
Со рука́ми, со нага́ми.
Со буйнэ́ю галаво́й.
«То, кажи́тца, дружо́к мой. <...>
Тёмна но́чка настаёть,
Жук пако́ю ни даёть:
Жучо́к по́ўзаить па мне,
Йщит ди́рычки ва мне.
Ён наде́льить клапо́т,
Што ня схо́дитца капот»[3].

Любопытно, что среди белорусских текстов встречаются довольно редкие указания на эротическую природу отдельных насекомых, к примеру, таракана, отнесенного А.В. Гурой к животным, лишенным признака пола[4]. В загадке ухват, сковородник (не лишенный сам по себе фаллической символики) описывается так:

Вы́лез з-пад пе́чы тарака́н,
Задра́ў ба́бе сарафа́н.
«Ба́ба, у цябе́ чо́рна,
Дай туды́ ўто́рну»[5].

Среди орнитоморфных символов мужчины и его «низа» выделяется воробей, который во многих фольклорных текстах предстает как кавалер, молодец, жених, выбирающий себе девушку, или даже любовник. Его эротическая символика ря-

---

[1] *Романов Е.* Опыт белорусского народного снотолкователя // Этнографическое обозрение. 1889. № 3. С. 70.

[2] ФА: д. Перелои Докшицкого р-на Витебской обл.

[3] *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. С. 445.

[4] См.: *Гура А.В.* Символика животных... С. 43.

[5] Зап. автором в д. Задоры Шумилинского р-на Витебской обл.

дом с женской парой – капустой – обыгрывается в свадебной песне, в которой невеста обещает приготовить сватам ужин: «Ёсць у мяне́ кача́н капу́сты на градзе́, / Ёсць у мяне́ верабе́ечка ў страсе́, / Кача́н капу́сты – до́брая патра́ва, / А верабе́ечка – тлу́стая запра́ва»[1]. К тому же во сне воробей сулит женщинам беременность.

Символика соловья как поэтического эквивалента жениха дополняется в отдельных текстах и эротическими мотивами, когда эта птица замещает собой фаллос. Характерно появление мотива соловья в контексте обряда первой брачной ночи. Так, в Могилевской губернии свахи стелют брачную постель молодым и поют: «Саўём мы, саўём мы / Салаве́йку гняздо́, / Штоб яму́, штоб яму́ / Цёпленька было́»[2]. В корпусе многочисленных двусмысленных загадок о ткацком станке челнок может кодироваться и как соловей: «Ды́бы ды́балі, / Жы́лы ўставалі. / Салаве́й свішча, / Дзірку ішча»[3]. И абсолютно прозрачный текст из записей С. Малевича:

Ра́да ба́ба, ра́да я,
Што злави́ла салаўя́,
Пасадзи́ла пами́ж нох,
Бая́лася, каб ни здох, –
Як здо́хня, то пату́хня,
Па чэ́раво ўспу́хня[4].

Представление об отношении аиста к деторождению, а также приметы о родах и о браке в связи с первым аистом связаны с фаллической символикой его клюва, которая проявляется, в частности, в поведении ряженого аистом в рождественской (а изредка свадебной и родильной) обрядности , когда он клюет своим клювом девушек, что имеет выраженный сексуальный характер[5]. Так же как и аиста, эротический смысл имеет щипание или клевание гуся – еще одного орнитоморфного мужского символа. «Гусками», «гусачками» на Полесье назывался род свадебного печенья, синонимичный шишкам с их ярко выраженным фаллическим содержанием. В Восточном Полесье, в случае если невеста оказывалась «нечестной», утром после брачной ночи перед ее родителями с позором ставили на стол откормленного гуся и кочан капусты (мужской и

---

[1] Лірыка беларускага вяселля / Уклад. і рэдак. Н. Гілевіча. Мн., 1979. С. 520.
[2] Вяселле. Т. 6. С. 435.
[3] ФА: д. Каменчане Мостовского р-на Гродненской обл.
[4] *Малевич С.* Белорусские народные песни. С. 82.
[5] См.: *Гура А.В.* Символика животных... С. 661.

женский эротические символы), а также решето с отходами от молотьбы гречихи[1].

И особенно популярна (до последнего времени) традиция соотнесения мужских половых органов с петухом. Именно эта птица в славянской народной культуре является символом мужской потенции и показателем мужского статуса. В фольклорных текстах петух выступает и как реальная «любвеобильная» птица (« — Чаму́ пяту́х, як ув́ідзіць ку́рыцу, стаіць на адно́й назе́? — Друго́й штаны́ знімáе»[2]), и как «природный» эквивалент жениха в образном параллелизме («Пятух таро́чиць / Да на ку́рку хочиць... / А Ва́нька хахо́чиць, / Да на Валечку хо́чиць»[3]), и как метафора детородных органов (в загадке о замке́ и ключе: «Вы́шла пані на га́нак, вы́ставіўшы меда́лік; прышо́ў злы дух, *усадзі́ў пяту́х*» или в частушке: «Ци ты змерз, ци ты здрог, / Ци ты испуга́ўся; Што ня ви́дзиш: / Проми́ж ног / Пяту́х заплута́ўся»[4]).

И наконец, нижней, половой сфере человека уподобляются в народных верованиях отдельные части его собственного тела. Так, мужскую семантику приобретают нос, пальцы, ноги, язык, зубы. Выражение «Абы хлеб, а зубы будуць» знаток белорусской фразеологии М. Федоровский записал с пометой «жарцік двузначны»[5]. В мифологии белорусов фиксируется персонаж, основным дифференцирующим признаком которого является такая особенность его носа, как постоянный насморк, грубо говоря, наличие сопель: «У ле́сі на пні жыў мале́нькі дзед. Ён быў ду́жа стра́шны. Калі лю́дзі прахо́дзілі па лясу́, ён паяўля́ўся і каза́ў: "Падатры́ сапе́ль", а саплі зялёныя да нізу вісе́лі. Калі збаіцца, то бу́дзе ўсю жызнь бая́цца, а калі не, то дзед пака́жа, дзе зо́лата ляжы́ць»;[6] «Там, дзе гро́шы закапа́юць, вы́йдзець дзядо́к, старе́нькій, сіве́нькій. Калі міма хто ідзе́ць, ён гаво́ріць: "Абатрі мне саплі́". Если асме́ліцца, то ў тым плато́чку, што саплі абціра́ець, по́ўна гро́шай»[7]. Эти записи сделаны спустя более полутораста лет после опубликования А. Киркором сведений о боге Белуне, правомерность

[1] См.: Вяселле: Абрад. С. 258.
[2] ВА: д. Голубово Рассонского р-на Витебской обл.
[3] *Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии... № 93.
[4] Белорусские песни-«частушки». С. 88.
[5] *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 52.
[6] ВА: д. Германовичи Шарковщинского р-на Витебской обл.
[7] ФА: д. Медведи Городокского р-на Витебской обл.

выделения которого неоднократно ставилась под сомнение исследователями мифологии. Согласно описаниям А. Киркора, «главный, добрый Бог Белун <...> иногда появляется во ржи с мешком на носу. Высмотрев хорошего работника, он машет к себе рукой и просит утереть ему нос. Лишь тот дотронется до носа, из мешка вдруг посыплется золото, и Белун исчезнет. Про такого счастливца говорят белорусы: “Му́сиць, посябры́ўся з Белу́ном”»[1].

Итак, в наличии персонаж, за определенную услугу одаривающий человека своими «соплями», которые оборачиваются драгоценностями. Кстати, мотив преобразования подарка демона — с разными знаками: и плюс, и минус, как превращение золота лешего в шишки, навоз и т. п., — в мифологической прозе достаточно популярен. Интерес вызывает вытирание носа, который, собственно, приобретает роль чудесного дарителя, производителя богатства и благ и выступает в подчеркнуто созидательной функции. Подобными качествами в реестре иных частей человеческого тела обладают, пожалуй, руки (в более позднем, метафорическом осмыслении) и органы половой сферы. Своего рода «производительная» — в данном случае в смысле говорения — функция принадлежит и языку, а символическая изофункциональность языка и фаллоса не вызывает сомнений. На семантическое тождество носа и фаллоса указывают *бел. полесск.* выражения «опарив носа» («получил отказ при сватании»)[3], «носа даваць» («отказывать сватам»)[4]. В качестве примера здесь уместна и выразительная белорусская частушка: «Не хадзіце, дзе́ўкі, у ба́ню, / Бо ў ба́ні мы́юць Ва́ню, / Акуна́юць у купаро́с, / Каб у Ва́ні нос падро́с».

Следует упомянуть и о фаллической символике пальцев (ср., в частности, выражение: «двадцать пятый палец» — фаллос). В народных легендах, в частности, речь идет об активном участии пальца в творении мира: «Бог умочи́ў па́лець у во́ду и махну́в и зроби́вся сьвято́й Михаи́л...»[4]. На такое понимание пальцев опирается, кроме прочего, эротическая символика кукиша.

---

[1] Живописная Россия: Литовское и Белорусское Полесье. СПб., 1882. С. 272.

[2] *Климчук Ф.* Традиційне весілле села Симоновичі // Вісник Львівського ун-ту. Серія філологічна. Вип. 27. Львів, 1999. С. 188.

[3] *Лепешаў І.Я.* З народнай фразеалогіі: Дыферэцыяльны слоўнік. Мн., 1991. С. 56.

[4] *Кузнецова В.С.* Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998. С. 153.

Мужская символика ноги угадывается уже в бытовых ситуациях наступания как знака внимания в отношениях полов, как выражение согласия. Женским коррелятом ноги является обувь (о генитальной символике обуви см. ниже), и тогда обувание, топтание в народной метафорике обозначают соитие. Продуцирующая направленность топтания ногой прослеживается в известных строках (и соответствующих ритуалах): «Дзе казá нагóю, там жы́та капóю»; «А я, маладзéнькая, рож тапчý, зялёнае жы́та вы́тапчу»; «Дзе карагóд хóдзіць, там жы́та рóдзіць». А в народе «третьей ногой» назван с характерным юмором интересующий нас в данной статье орган:

Ой, дзя́каваць Бóгу,
Што даў трэ́цю нóгу.
Янá хоць карóткая,
Затóе салóдкая[1].

Телесный низ, мужской низ репрезентирует в «соматическом» коде именно босая нога. Такие проекции организуют целый ряд текстов эротического содержания, к примеру «Людзі жэ́нюцца, любýцца, / А мне ў нéвашта абýцца. / Хоць на дзéўцы і на пéчы / Бóсаму якрáз дарэ́чы»[2]. И уж предельно прямо босота приписывается мужскому партнеру в поэтическом диалоге половых органов: «Чабóх, чабóх па балóту, / Ідзé пізда на рабóту. / Янá лы́чкі дзярэ́ць, / Хýю лáпці пляцéць. / Каб і бóсым не хадзіў, / Каб і цы́пак не насіў»[3]. На ритуальном уровне фаллическая семантика босоты проявляется в запретах ходить босиком до дня Благовещения. В белорусской традиции устойчив мотив беременности земли, в связи с чем именно до Благовещения категорически запрещалось вбивать в землю палки, городить изгородь, пахать и т. д. Очевидно, ряд подобных связанных с землею операций синонимичен как метафорическая проекция взаимоотношений полов, и ходьба босиком этому не противоречит. В Западной Беларуси ходить босиком разрешалось только после первого грома[4]. Видимо, прерогатива «первого акта» принадлежала Громовержцу, и уж затем допускались такие «вольности», как ходьба босиком, вбивание кольев и т. п.

Фольклорные тексты актуализируют еще один атрибут любвеобильного, сладострастного мужчины — его лысую голо-

---

[1] БЭЛА: д. Подлесье Ляховического р-на Брестской обл.

[2] *Барадулін Рыгор.* Здубавецьця. С. 155.

[3] Зап. автором в д. Задоры Шумилинского р-на Витебской обл.

[4] См.: *Sielicki F.* Wierzenia i obyczaje na Wielejszczyźnie w okresie międzywojennym. Wrocław, 1991. S. 197.

ву: «“А чагó ты, лы́сы, без валóс астáўся?” / — “А тагó, што рáна з дзéўкамі спазнáўся”. / — “А чагó ты, лы́сы, ды стаў безвалóсы?” / — “Патамý што рáна хадзіў к дзéўкам бóсы”». Даже обычай выстригать макушку у католических священников объясняется именно с этой точки зрения: женщина отвергла ухаживания ксендза, который лез по лестнице к ней на чердак. Она схватила его за волосы; ксендз со страху упал, оставив лысым кружок на голове. «Усíм ксяндзáм былó загáдана галíць цéмя, як напамíнак, што да жанчы́ны хадзíць — вялíкі грэх»[1]. Из фразеологизмов примечательны следующие: *бел.* «чужáя падýшка лы́сіну працярэ́біць»; *рус.* «потеря́л вóлосы на чужи́х подýшках»; *укр.* «побíгала з Лиськóм», стоящая в одном синонимическом ряду с «у горох ускакнула»; «пропав мой віночок», символика «греха» в которых очевидна. Несомненно, подобная коннотация лысого человека имеет основанием символическую параллель лысины и фаллоса. Это соотнесение предельно откровенно проявляется в так называемой «стыдной» двусмысленной загадке про орех: «Тонко стоить, слабко висить, / Сам косматый, конец — лысый»[2], см. также жаргонное «плешь обмакнуть» («futuere»).

С другой стороны, лысым в народе устойчиво обозначается черт (см. выражения типа «черт лысый»). И тогда напрашиваются определенные параллели. Обратимся к библейским мотивам, когда, соблазнив Еву, дьявол в образе Змия выступает фактически инициатором, «демиургом» секса, поскольку утрата первыми людьми вследствие греха своей бессмертности обусловила для них необходимость сексуальности и половых сношений. Как показывают исследования, в комплекс мифологических представлений о змее «сексуальные потребности» входили изначально[3]. Да и фаллическое содержание змея/червя представлено во многих сюжетах — при отведении невесты на брачное ложе поют: «А, мáмачка, балазé, / Паўзé чарвя́к па назé. / А, мáмачка, баю́ся, / Ён жа мянé ўкýсе»[4].

Любопытно, что сюжет о соблазнении женщины дьяволом находит неожиданное развитие и воплощение в белорусской этиологической легенде о происхождении гадов, насекомых и т. п. Фактически появление нечисти на земле описывается до-

---

[1] *Зянько У.* Спадчына маёй маці. Мн., 1993. С. 241.

[2] *Романов Е.* Белорусский сборник. Вып. 1. С. 333.

[3] См.: *Козлова Н.* Мифический покойник: змей или «заложный покойник» // От текста к контексту. Омск, 1998. С. 79.

[4] Вяселле. Т. 6. С. 180.

вольно типично: человек нарушает запрет и развязывает мешок, однако побуждает его к этому именно женщина, соблазненная дьяволом — «<...> а жóнка ўсё стаіць калá гóлага (то быў чорт) да пазірáе на сарамацéне. От так і пражэ́цца, так і пýкаетца, — вéдама, бáба»[1]. И как логическое завершение «рассуждений» о демоничности секса и низа мужчины — прямое именование фаллоса дьяволом в загадке о ткацком станке:

Лы́тка ўздрыгáе,
Касмацéнне ўставáе.
А глáдкі д'я́бал
Дзіркі шукáе.

* * *

В традиционных воззрениях женское лоно — источник всеобщей жизни и богатства, универсальное рождающее начало. В народномедицинских ритуалах мотив женских гениталий включается в общую семантику второго рождения, перерождения, которое предполагает символическое возвращение больного на «тот» свет, чтобы вновь родить — сделать его «новым», а значит — и здоровым. Это касается прежде всего детей, поскольку они еще полностью не разорвали связи с иномирием. Здесь интересны ритуалы «перепекания» младенцев в печи, а также ритуалы, когда мать переступала через больное дитя, вытирала ему лицо подолом нижней сорочки, перетаскивала через юбку. Животворящая сила гениталий особенно выразительна в обычаях вытирать лицо ребенку рукою, проведя ею предварительно между ног, со словами: «Чым радзіла, тым адхадзіла». Эту же идею выражает помещение больного на некоторое время в самые разные полые вместилища — от бочки до сундука (ср. в загадке о сундуке: «Цéраз пляцéнь, цéраз хáту няслі бáбу чаравáту»[2]), протаскивание через прорытый в земле ход, через хомут и т. д.

Женские гениталии, как и иные части тела, находят символические соответствия в иных микрокосмах — в системе домашней утвари, интерьера, ландшафта. Среди элементов предметного кода женский низ обозначают вещи, которые соотносятся с кругом или имеют отверстие или углубление. Это

[1] *Сержпутовский А.* Грамматический очерк белорусского наречия д. Чудино Слуцкого уезда Минской губ. // Сб. Отделения русского языка и словесности. СПб., 1911. Т. 89. № 1. С. 64.

[2] Загадкі. Мн., 1972. С. 283.

прежде всего юбка и фартук, ступа, дежа, горшок, хомут и кольцо. Генитальная символика этих предметов обусловила использование их в повериях и обрядах жизненного цикла, где они символически замещали собою женщину, невесту, включались в магические ритуалы, направленные на обеспечение будущей плодовитости и урожайности почвы.

Один из наиболее семиотически окрашенных предметов крестьянской избы – горшок – представлялся прежде всего источником жизни, наделялся творческой потенцией, а его разбивание во время свадьбы символически обозначало дефлорацию невесты, переход ее в женское «сословие» (посуду били после первой брачной ночи) и даже роды. В д. Пирки Гомельской области на другой день свадьбы молодицы разбивали палкой на животе у свекрухи горшок: это обозначало, что у нее сейчас двое детей – сын и невестка[1]. Оппозиция целый – битый – невеста, девушка/женщина оказалась реализованной и на языковом уровне, в показательных фразеологизмах «Не паспытáеш салóдзенькага, не разбíўшы гаршчóчык»; *рус.* «битый горшок»[2], *рус.* «Девки – посуда аховая: и не увидишь, как разобьется»[3], *бел.* «Чуднó бáбскае суднó: унíз дзюркай, а не цячэ́ць»[4]. В частушках мотив горшка-женщины звучит так: «Ка мне дзя́к прыхадзíў, / Рэ́шата пірагóў прынасíў. / А я яму́ далá гаршчóк мáсла, / Каб цалавáў чáста»;[5] «Праз дубóвая вядзёрка / Уся́ вóда проциклá: / Зацижáрила дзяў́чонка – / На малóйчика бидá!..»[6].

Женскую «тему» домашней утвари продолжает дежа – специальная посуда для замешивания хлеба. Всем славянам присущи представления о деже как символическом обозначении женского лона, о чем говорится, например, в известной многозначной пословице «З аднóй дзéжкі да і хлеб прыядáецца»[7]. Соответственно, рост плода, ребенка отождествлялся с

---

[1] См.: *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – нач. XX в. Л., 1990. С. 85.

[2] Словарь русских народных говоров. Л., 1966. Вып. 2: Ба – Блазниться. С. 300.

[3] Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 527.

[4] *Барадулін Рыгор.* Здубавецьця. С. 124.

[5] *Довнар-Запольский М.* Заметки по белорусской этнографии // Живая старина. М., 1893. Вып. 2. С. 293.

[6] Белорусские песни-«частушки». С. 35.

[7] Тураўскі слоўнік. Мн., 1985. Т. 4. С. 246.

подходом, поднятием теста. Поэтому дежа стала культурным эквивалентом женщины вообще, беременной в частности, про бездетную женщину так и говорили: «Квашня притворена, а всходу нет». Свадьба как самый важный этап в системе сохранения и продолжения рода обязательно включает в свою систему элементы продуцирующей магии с яркой семантикой содействия плодовитости невесты – обычно к венцу ее наряжали на деже, застланной кожухом. Естественны и ритуальные акции с дежой для беременной женщины. В отдельных верованиях с дежой, как вместилищем «зарождения» хлеба, соотносится «детское место», послед: «Як у палажэ́нні, дзяжу́ абскрабе́ш, а саму́ дзяжу́ скарэ́й вон нясі, каб ме́ста тады́ скарэ́й вы́шла»[1].

Ритуальное воплощение генитальной символики вещи особенно наглядно можно продемонстрировать на примере ступы и песта, когда ступа представляет собой женщину, а пест – мужчину: «Яна́ бы сту́па, да от беда́, што таўкача́ нема́»[2] или в песенном тексте: «Мая́ сту́пка ніжэй пу́пка, / Твой таўка́чык і залу́пка...» Соответственно метафорически процесс толчения в ступе обозначает половые отношения. Ритуальное толчение воды в ступе входит в состав свадебного обряда: в Мозырьском уезде родные княгини громко били топором о топор, толкли воду в ступе или давали толочь ее молодой, «паку́ль усю́ ня вы́плíхне»[3]. Если до свадьбы молодая уже имела ребенка, сравнение ее со ступой приобретало характер инвективы, наказания: «нечестной» невесте ставили пест вместо жениха, клали его в постель, молодую обводили вокруг ступы[4]. Очевидно, свадебные обычаи со ступой были призваны символизировать ритуальное овладение невестой. В свадебной поэзии подобная образность особенно очевидна:

«Авдо́тычка, мыя́ ко́зычка,
А пазы́ч сту́пки ставчы́ кру́пки [кру́пы]». –
«А мыя́ сту́пка ни паро́жняя,
Тавку́ть шля́хты пыдаро́жныя»[5].

Эротическое осмысление ступы и песта вызвало к жизни целый ряд календарных и окказиональных ритуалов с вырази-

---

[1] Зап. автором в д. Завадино Лепельского р-на Витебской обл.

[2] *Сержпутовский А.* Сборник белорусских пословиц и поговорок. АИИЭФ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 121. Л. 66.

[3] *Топорков А.Л.* Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья. С. 108.

[4] См.: БЭЛА: д. Парохонск Пинского р-на Брестской обл.

[5] *Дембовецкий А.* Опыт описания Могилевской губернии... № 41.

тельной продуцирующей направленностью. «Колы́ нэ бра́лы дэво́к за́муж – онэ́ возьму́т тоўка́ч, ся́дэ яка́я з дэво́к дый ка́жа: зазыва́ю к тоўкачу́, тоўка́ч ка́жэ – нэ хочу́»[1]. Одна ступа, без песта, символизировала в свадебной обрядности пассивность и потому нашла ритуальное использование в масленичных обычаях наказания холостой молодежи. В понедельник на Масленичной неделе парни таскали ступу по избам, где жили девушки, что не вышли к этому времени замуж.

Нельзя обойти вниманием и мотив сказочной Бабы Яги, которая «на сту́пе е́дзе, таўкачо́м паганя́е». Образ Бабы Яги несомненно архаичен и глубоко амбивалентен. Именно она как первопредок, первопокойник руководит инициацией героя, что в ее домике перерождается к новой жизни. Потому и известный домик на куриных ножках воспринимается не только как вместилище смерти, но и как колыбель новой жизни, лоно матери. Ступа, в свою очередь, и выступает как символическое соответствие «ха́ткі на куры́ных ла́пках». Фактически ступа – бытовое воплощение мифологемы первоисточника, земли и женщины.

Своего рода посудой является и корыто. Пословица «Абы́ коры́то – сви́ньни бу́дуць»[2] построена по той же модели, что и «А́бы хлеб – зу́бы бу́дуць», о которой М. Федоровский заметил «жа́рцік двузна́чны»[3]. Корыто задействовано в ритуалах осмеяния неженатой молодежи. В Словении на Масленицу в корыто сажали холостых парней или девушек; переодетые невестами мужчины таскали по деревне корыто, в котором лежал парень в одежде старой девы[4]. Есть подозрение, что волочение корыта является «женским эквивалентом» восточнославянского волочения колодки со всеми ее фаллическими подтекстами.

Под корыто сажали больных детей: «Як паду́чка ў ма́лага, у кары́та на́да палажы́ць і сту́кнуць руко́й. "Го́спадзі, памажы́", – тры ра́за на́да сказа́ць, мама́ша то́лькі далжна́ здзе́лаць»[5]. Помещение под корыто (см. фразему «посадить под корыто» («если младшая сестра выходит замуж раньше старшей»)), видимо, актуализирует доминирующие в народной медицине идеи второго рождения, что опирается на символическое отождествле-

[1] Зап. автором в д. Бездеж Дрогичинского р-на Брестской обл.
[2] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 2. С. 472.
[3] *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Warszawa, 1935. T. 4. S. 52.
[4] См.: *Агапкина Т.А.* «Колодка» и другие способы... С. 268.
[5] Зап. автором в д. Дубровка Ушаческого р-на Витебской обл.

ние корыта и женского низа, корыта и колыбели, с одной стороны, и корыта и гроба, с другой. И особенно ярко женская символика корыта отражена в частушке: «Ой, бáбка мая́, / У цябé кары́тца. / У мяне́ ёсць парсючóк, / Дай яму́ пары́цца».

Эротическая семантика естественна и для поясной одежды — фартука и юбки. Фартук, исходя из своей формы круга, генитальная отнесенность которого очевидна, и формы, а более точно, места завязывания, замещал саму идею женщины, идею рождения. Генитальная символика фартука ярко читается в советах бросать черепки от побитого на крестинах горшка, которым приписывалась мужская оплодотворяющая способность, в фартуки женщинам, чтоб те быстрее рожали детей[1]. Интересна и следующая запись: «Если первый раз, выйдя весною пахать, найденный в первой борозне первый камешек бросить девушке в фартук — будет иметь этот год ребенка»[2]. Потеря фартука в народной традиции отождествлялась с потерей девичества — «калі дзéўка, танцу́ючы, хварту́х згу́біць, то несправядлíва»[3], потому этот факт вызывал резко негативную реакцию со стороны односельчан. «Калі ў дзéўкі фарту́к ападзé, то яé лю́дзі гу́дзяць»[4], «калі ў жанчы́ны дарóгаю развя́жацца фарту́к, зна́чыць, муж здра́дзіў»[5]. Символика же намоченного или порванного фартука не вызывает сомнений:

Я ўста́ла ра́на-ра́на.
Гляджу́ — фа́ртук разарва́ны.
Гляджу́-гляджу́ ту́ды-сю́ды,
Ажнó вéцер вéе ўсю́ды.
(Из записей *А. Гриневича.*)

Женская символика юбки наиболее ярко выступает в предписаниях народной медицины, когда через юбку перенимали (продевали) перепуганное дитя. На глубинном уровне этот ритуал символизирует собой второе рождение, а более точно — перерождение ребенка, исчезновение его и появление в новом, измененном виде. Тот же мировоззренческий фон наличеству-

[1] См.: БЭЛА: д. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.

[2] Жыцця адвечны лад: Беларускія народныя прыкметы і павер'і. Мн., 1998. Кн. 2 / Уклад. У. Васілевіч. С. 41.

[3] *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. T. 1. S. 204.

[4] Ibid.

[5] *Дмитриев М.А.* Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильно, 1869. С. 260.

ет и в известных сегодня советах вытирать обратной стороной юбки больного ребенка. Кстати, перед венчанием невеста распускала завязки юбки, чтобы потом было легко рожать[1], что еще раз подчеркивает женскую символику этой части одежды.

Женская, генитальная семантика характерна также для обуви, что достаточно ярко отразилось в загадке о галошах типа: «Звéрху чóрна, а ў сярэдзіне крáсна, а засýнеш, так пракрáсна» (денотат достаточно поздний, но безукоризненно срабатывает основополагающая модель) или: «Не на тóе цябé брáў, каб і з табóю спаў. А на тóе цябé браў, каб сваё мя́са ў тваю дзірку ткаў»[2].

Кстати, сказочная ситуация с потерянной туфелькой Золушки также разрабатывает модель *обувь – женщина*, и тогда хрустальная туфелька характеризуется как элемент девственности, символический представитель самой девушки, с помощью которого ту можно найти и сосватать за себя. В белорусских верованиях встречаются соответствующие мотивы – развязывание одного из лаптей свидетельствует о том, что о тебе кто-то вспоминает, скучает[3], «як у лапцях развязáлася абóра, то гэто якáясь жанчы́на цішкóм кахáе»[4]. Тот же символизм наблюдается и в песнях:

«Матýлечка мая́ міла,
За што мяне́ ўчóра біла?
Пад печ падагнáла,
Качарэ́жку паламáла». –
«А дзе ты́я чаравічкі,
Што татýля купіў?» –
«Павéсіла на калóчку[5],
Да кавáль ухапіў.
Бадáй тагó каваля́
Мяцéліца замялá,
Як ён мяне́ маладýю
Да змарóзіў на лядý»[6].
Ишóў пани́ч по токý
У чирвóным башмакý:
Ён и мост мосци́ў –
Долотóм гвоздзи́ў,
Молотóчком прибивáў,
Крáсну дзéўку любовáў[7].

[1] Жыцця адвечны лад. С. 200.
[2] Зап. автором в д. Задоры Шумилинского р-на Витебской обл.
[3] См.: *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. С. 368.
[4] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. С. 87.
[5] От слова «кол».
[6] Вяселле: Абрад. С. 261–262.
[7] Белорусские песни-«частушки». С. 34.

Естественно, эротически-генитальная отнесенность обуви и брачный подтекст обувания вызвали необычайную популярность лаптя/туфли в белорусской свадебной обрядности. Еще в период сватания, «калі сваты́ жаніхо́вы прые́дуць выкупля́ць, стара́юцца ў маладо́й ту́флю ўкра́сці, тады́ дарма́ во́зьмуць яе́»[1] — это современная запись, свидетельствующая об устойчивости традиции. Соответственно старые, порванные лапти — знак потери невестою девичьей чести: когда ехали к ее матери, на дугу вешали старые, разбитые лапти[2].

Женская семантика хомута очевидна уже из пословицы «Ба́бськая хамуці́на ўве́сь свет памуці́ла»[3]. В свадебной обрядности, когда молодая выезжала к жениху, на минутку развязывали хомут, веря, что это будто бы облегчит первые роды. Хомут одевали на шею нечестной невесте — нецелостность хомута коррелировала с «нецельностью» девушки, ср. в этих же обычаях дырявую посуду или пирог с дыркой. Женщина и ее половые особенности символизируются и через мотив замка́ (ключу же приписывается мужское, фаллическое значение). Если женщина не хотела иметь детей, то она выливала в замо́к немного воды, оставшейся после мытья сорочки с пятнами месячных, после чего замыкала его и бросала в колодец[4].

Несколько слов можно сказать и о кольце, генитальная символика которого вытекает прежде всего из его формы — круга, а также из устойчивой характеристики его как золотого. В. Добровольским в Смоленском уезде была записана следующая загадка о кольце: «Стаи́ть де́ўка на гаре́ / и диву́итца сваей дыре́: / "Ди́ра мы́я зылытая́, / и де мне тябе́ де́ти / иль на живо́я мя́са ўзде́ти"»[5]. Из современных записей: «Эй ты, Да́ра мая́, Да́ра, Да́ра залата́я. Ці даўно́ ў табе́ была́ каўбаса́ сыра́я»[6]. Во время свадьбы, когда молодая входила в дом жениха, она разламывала непрочное запасное кольцо и бросала его в печь[7], что метафорически обозначало жертвоприношение своей девственности подворью мужа.

---

[1] Зап. автором в д. Ладосно Лепельского р-на Витебской обл.

[2] См.: Вяселле: Абрад. С. 436.

[3] *Сержпутовский А.* Сборник белорусских пословиц и поговорок. АИИЭФ. Ф. 9. Оп. 2. Д. 121. Л. 16.

[4] Жыцця адвечны лад. С. 36.

[5] Загадки, записанные в Смоленском уезде членом-сотрудником ИРГО В.Н. Добровольским // Живая старина. 1905. Вып. 1. С. 86.

[6] Зап. автором в д. Новка Витебского р-на Витебской обл.

[7] См.: Вяселле: Абрад. С. 241.

Кроме того, золотыми в народной традиции фигурируют не только гениталии, но и матка женщины. Связь обозначения матки с лексемой «золото» отражает взгляды на нее как на очень важный и ценный орган, который дает начало новой жизни. Свою роль сыграли и представления о жизни как энергии, блеске. Даже с точки зрения семасиологических исследований золото соотносится с мотивом недр, внутренностей (см. здесь *англ.* «gold» («золото») и *рус.* «желудок» (и.-е. *gheldh-)[1]. По мысли Б.А. Успенского, золото ассоциируется с материнством и плодовитостью через свою отнесенность к атрибутам загробного царства[2]. В древности верили, что золотник, матка — живое существо, даже демонологизированное, которое может изменять свое место в теле. Субъективное ощущение боли описывается как итог перемещения этого персонифицированного золотника: «Кра́сным по́ясам падпераза́ўся, у бо́кі ўзя́ўся, па жывату́ хадзіў і сэ́рца знабіў, пад бо́кі падляга́ў і ды́хаць не пуска́ў»[3]. Этиология заболевания также воспринималась в мифологическом плане. Латыши вообще локализировали матку в голове и именно ей приписывали контроль за здоровьем; поляки представляли матку в виде лягушки, которая своими лапами сжимает внутренности человека[4]. Смысл заговоров «ад залатніка» сводится к вербальному возвращению его на «сваё ме́сцечка, на залато́е крэ́слечка», туда, где «та́тка стварыў, ма́тка радзіла, прыёмная ба́бка прынімала, на ме́сца пасадзіла і цьве́цікам абсадзіла, каршо́к прыжывіла»[5] с одновременным уменьшением его размеров — «сабяры́ся ў хмялёву шы́шачку», «у ма́кава зе́рнейка сыйдзіся», «стань у гняздзе́чка, будзь як яе́чка».

С символикой кольца соотносится символика венка — устойчивого знака самой девушки и ее девственности в частности. В народной фразеологии «потерять венок» означает потерять девственность. Украшением девушки венок служил только до свадьбы, после брачной ночи голова молодой женщины покрывалась специальным убором — намиткой или просто платком. В многочисленных песнях обыгрывается мотив венка девуш-

[1] См.: *Маковский М.М.* Феномен табу в традициях и в языке индоевропейцев. Сущность — формы — развитие. М., 2000. С. 131.

[2] *Успенский Б.А.* Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 150.

[3] Замовы. Мн., 1992. С. 239.

[4] См.: *Biegeleisen H.* Lecznictwo ludu polskiego. Kraków, 1929. S. 7.

[5] Замовы. С. 239.

ки, который достать, сдвинуть и т. д. может только жених; вот, к примеру, следующий текст:

<...>
А там Я́нічка ку́бачкі мы́ла,
Вянка́ забы́ла.
Што каму́ е́хаць па той вяно́чак[1].
Бра́цітка ка́жа:
«Я не пае́ду – конь мой не ку́ты,
Сам не абу́ты».
Рыго́рка ка́жа: «Я са́м пае́ду –
Конь мой кава́ны,
Я сам прыбра́ны, конь мой падку́ты,
Я сам абу́ты»[2].

Символически венку, кольцу и иным круглым предметам уподобляются блины, которые обычно также включаются в женский «текст» –

Хло́пец дро́ваў насячэ́,
Дзе́ўка блі́ноў напячэ́.

На Могилевщине на другой день свадьбы молодая жена пекла блины. Если она шла замуж «нечестной», то мужики пробивали блины пальцем, а если сохраняла невинность до брака – то ели[3].

Переход от системы вещей к элементам интерьера выделяет прежде всего метафору *женщина – печь*, которая может сужаться и до представления печи как чрева, материнского лона. С представлениями о семантической тождественности устья и женского низа целиком соотносятся ритуалы «перепекания» ребенка, когда больного как бы сажали на лопате в печь: ребенок символически возвращался в лоно матери. Печная заслонка в этом случае отсылает к мотиву девственности невесты, когда во время свадьбы ходили с заслонкой по деревне и объявляли о событии. В записях В. Добровольского «бьют у засло́н» – «де́ўка с женатым живет, так удаляли из своей среды женщину предрассудительного поведения»[4]. Традиционное понимание каравая как фаллического символа также указывает на женскую семантику печи, как, например, в каравайной песне: «Даўно́ пе́чка зія́е, / А пры́печак раго́ча. / Печ карава́я хо́ча»[5].

---

[1] Кому ехать за тем венком.
[2] Вяселле: Песні: У шасці кнігах. Мн., 1981. Кн. 2. С. 277–278.
[3] Арх. БГУ: д. М. Морозово Горецкого р-на Могилевской обл.
[4] *Добровольский В.* Смоленский областной словарь. С. 252.
[5] Вяселле: Абрад. С. 221.

В системе топографических аналогий женским гениталиям соответствуют двери и ворота, которые, как и другие элементы жилья, включались в систему коррелятов между телом человека и его избой (как в пословице «I мы з тых варо́т, адку́ль уве́сь наро́д»[1]). Как известно, дегтем мазали ворота, желая опозорить девушку, а белорусам известен и обычай вбивать в ворота осиновый кол, чтобы девушка никогда не вышла замуж[2]. Особенно наглядно подобное отождествление в родинной обрядности и заговорах — для облегчения родов открывали двери и окна, весьма характерны также тексты типа «Замкні́цеся, ключы́ залаты́я, зачыні́цеся, дзве́ры ца́рскія, не пусьці́це гэ́тыя дзіця́ці». Вообще женское лоно символизируется как дом, жилое помещение, сени (в загадках дом кодируется как мать и дети). В народных песнях мотив овладения девушкой описывается при помощи тех же топографических показателей:

Собира́лися робя́ты
Молоды́я, нежана́ты.
Но́вы се́ня поломи́ли,
Кра́сну дзе́ўку подмани́ли[3].

В системе ландшафтовых аналогий женского низа выделяется нива, поле, «лажо́к». В белорусской пословице, записанной А. Сержпутовским, низ женщины описывается в привычных пейзажных образах: «Усе́ прайшлі́ праз той лажо́к, дзе на го́рачцы[4] гаёк»[5], см. также многозначное выражение — «Ру́шаная зямля́ ваду́ патрабу́е»[6], а также «Зямля́ не дзе́ўка, абмо́ніш — ня ро́дзіць»[7].

Семантическое отождествление земли и женщины, основанное на присущих им потенциях урожайности и плодовитости, выступает как этнологическая универсалия. Ее конкретнообразная вербализация зависит от жанровой реализации текста или ритуала. В обрядах земледельческого цикла подобная символика органически включается в систему хозяйственной магии, а в текстах внеобрядовых приобретает выраженную метафоричность и эстетическую завершенность. Брачная символика или, более точно, оплодотворяющая потенция мужско-

[1] *Сержпутовский А.* Сборник белорусских пословиц... С. 67.
[2] См.: *Тавлай Г.В.* Белорусское Купалье: Обряд, песня. Мн., 1986. С. 20.
[3] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 1. С. 341.
[4] От слова «гора».
[5] Там же.
[6] *Ліцвінка В.Дз., Царанкоў Л.А.* Слова міма не ляціць. Мн., 1985. С. 99.
[7] ФА: д. Селец Чашницкого р-на Витебской обл.

го и способность к рождению у женского тела, становились символическим эквивалентом технологического цикла обработки земли и выращивания урожая. Сексуальное начало как обязательное условие воспроизведения жизни занимало в сознании земледельца существенное место, что нашло отражение в многочисленных ритуалах (см. здесь фаллическую семантику пожинальной «бороды», сексуальный подтекст (кроме прочего) в ритуалах качания по ниве и т. д.). Использование эротического кода в сфере воззрений аграрной магии естественно еще и потому, что сами природные явления (небо, дождь) получали брачно-любовную интерпретацию.

С другой стороны, половые сношения начинают описываться в терминах обработки земли (см. здесь прозрачную, до подробностей точную и вместе с тем не лишенную художественности загадку из записей Е. Романова: «Éхуў плух на чóрный лух, за iм пáра слух, туды́ éхуў вéсiл, аттýль – гылавý звéся»[1]).

Обращает на себя внимание наличие в «женском» коде показаний на гору – традиционно мужской символ. Видимо, присутствие подобной – не свойственной «тексту» женщины – идеи вертикали обусловлено стремлением ввести пространственные факторы контраста («той лажóк, дзе на *гóрачцы* гаёк»). Не приводя отгадку, В. Добровольский помещает рядом с иными двусмысленными загадками следующую: «Пад гарóю мядьвéдь шкýру валóчить»[2]. В данном контексте уместно привести одну из возможных интерпретаций известных строк из «Сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина: «И *промеж* высоких *гор* / Видит *шелковый* шатер. / Все в безмолвии чудесном / Вкруг шатра; в *ущелье тесном* / Рать побитая лежит...» За отображением борьбы мужчины и женщины, когда шамаханская царица метонимически символизирует притягательное и одновременно опасное женское начало[3], – выразительные анатомические подробности. В заговорах на удачные роды, когда требовалось максимальное раскрытие тела, физиологический акт кодируется теми же ландшафтными аналогиями: «*Гарá, разайдзíся*, кáмень, раскацíся, жалéза, растапíся, шкло, разбíся, вадá, разлíся, дубóк, развéйся, младзéнец, на гэ́ты свет з'явíся»[4].

---

[1] *Романов Е.* Материалы для изучения говоров Могилевской губ. // Живая старина. 1902. Вып. 4. С. 423.

[2] Загадки, записанные в Смоленском уезде... С. 82.

[3] *Золотоносов М.Н.* Слово и Тело: Сексуальные аспекты, универсалии, интерпретации русского культурного текста XIX–XX в. М., 1999. С. 20.

[4] Замовы. С. 331.

Любопытно, что на Смоленщине сами роды называются «кру-та́ го́рка»[1], весьма показательно в этом ключе и следующее выражение: «И я с сва́ми де́тьми пува́льчилась, бу́ду знаць, як *е́здзиць на крутэ́я го́рки*»[2]. Сквозная метафоричность и иносказательность свадебной поэзии обусловливает многочисленные варианты прочтения того или иного текста. И тогда встает вопрос, а что это за гора-крепость встает на пути жениха, и одолеть ее не под силу никому, кроме как самому молодому мужу:

Ля сва́тняга двара́ да высо́кая гара́,
Не ўзыйці, не ўз'ехаць,
Сакало́м не ўзляце́ць.
Што да́ці, то да́ці ту́ю гару́ раскапа́ці,
І ўзыйсці, і ўз'ехаць,
Сакало́м узляце́ць,
А Я́начку ўз'е́хаць[3].

Преимущественно в лирической поэзии разрабатывается мотив девушки (а не женщины) как сада, причем сада неокультуренного (= не метён), огороженного рутою (вегетативным символом девства):

У по́лі садо́чак не ме́цен,
Да во́кала ру́тая пле́цень.
Ніхто́ ў том саду́ не быва́ў,
Душа́-мало́йчык каня́ вёў,
Ко́нікам тано́чак разагна́ў,
Ру́чкамі вяно́чак разарва́ў,
Кра́сну дзе́віцу к сабе́ ўзя́ў[4].

«Птичий» код в символизации гениталий представлен прежде всего курицей. В народной, диалектной речи и до сегодняшнего дня встречаются выражения типа «надзе́нь спадні́цу тро́шкі даўжэ́йшу, а то *курка відаць*»[5] или «што́ гэта ў цябе́ за суке́нка, то́лькі што *шэ́рку* прыкрыва́е»[6]. Подобная символизация встречается как в вербальном фольклоре (особенно в родинной или свадебной поэзии), так и в ритуальных контекстах: «Молодым же, если молодая оказывалась девственной, дают по лусте хлеба с медом. Женщина, которая подает хлеб, поет: "Пяту́х ку́рку мані́ць, на кураса́днік садзі́ць, дае́ць мёду е́сці".

---

[1] *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. С. 103.
[2] Там же. С. 612.
[3] Вяселле: Абрад. С. 62.
[4] *Дмитриев М.А.* Собрание песен, сказок... С. 40–41.
[5] Зап. автором в д. Суша Лепельского р-на Витебской обл.
[6] Зап. автором в д. Узмёны Миорского р-на Витебской обл.

Сестра жениха в это время стелет молодым постель»[1]. Одним из способов демонстрации девственности невесты было разрешение после брачной ночи ловить и резать кур[2]. Любопытна также яркая свадебная частушка:

Забылася я ў мамулькі папытáць,
Чы бýдзе мая кýрка сакатáць.
Калі бýдзеш ячмéнічку пасыпáць,
Тады бýдзе твая *кýрка* сакатáць[3].

И уже совсем прозрачные по смыслу родинные песни:

Пасадзіў кум кýмку на кравáць,
Стаў кум кýмку разувáць <...>
«А кýмачка, што за звер,
Да я баюся, штоб не з'еў». —
«А мой жа ты куманёк,
Твой дурнéнькі разумóк.
Гэта ж мая *курыца*,
Што па нóчы тулíцца»[4].

«Птичья» тема в обозначении женских гениталий продолжается в выражении «забить тятёрку у чóрных обóрках» (об овладении деревенской женщиной)[5] (см. также из записей Е. Ляцкого: «...Ці я ня дзéўка, ці я не панéнка — прамíж лытак клубóк нітак, пад пýпам — цяцéрка»[6], в «закалыпчастай» загадке из Шумилинского р-на: «Сядзіць кутырла[7], без ног, без *крылля*, адзін рот ды *хахóл*»[8] и частушках типа:

Панéначка, маё сэрца,
Падыдзі пад акéнца.
Падымі кашýльку,
Пакажы зязюльку[9].

Если говорить об образах животных в описании эротических ситуаций, то женскую сторону обычно представляют не-

---

[1] Веселле: Абрад. С. 86.
[2] См.: Там же. С. 89.
[3] Там же. С. 118.
[4] Радзіны: Абрад, песні. Мн., 1998. С. 394.
[5] *Никифоровский Н.Я.* Полупословицы и полупоговорки, употребляемые в Витебской Белоруссии // Записки Северо-Западного отдела РГО. 1913. Кн. 4. С. 152.
[6] *Ляцкий Е.М.* Материалы по белорусской словесности. С. 111.
[7] Слово «кутырла» не имеет смыслового значения и введено для рифмы.
[8] Зап. автором в д. Задоры Шумилинского р-на Витебской обл.
[9] *Довнар-Запольский М.* Заметки по белорусской этнографии // Живая старина. М., 1893. Вып. 2. С. 293.

большие пушные зверьки – выдра, «бóбра», которые в традиционной культуре отличаются хтоническими и продуцирующими особенностями. В текстах родинных песен такие образы обобщаются иногда более широким – «зверынá»:

А кум кýмку разувáў, разувáў.
Пад падóлік паглядáў, паглядáў.
«А што гэ́та за *звер*, за звер,
Я ж баюся, каб не з'еў, каб не з'еў». –
«Гэта ж, кумóчак, тáя *вы́дра*,
Што мужчы́нам і ўначы́ віднa[1].

Гэта ж тóе *бóбра*,
Што па нóчы дóбра»[2].

В приговорах сватов девушка иносказально обозначалась как куница: «Хадзілі мы, брадзілі па вáшаму лéсу, напáлі на след пушнóга звéра, ганя́лісь, ганя́лісь за куніцай, у сялó ўвагнáлі і след пацярáлі»[3]. В песнях аналогично: «Все твоé кýны пірастрéляны – а моя́ дзéўка пірасвáтана» или

А мне мáти приказáла,
Штоб я хóрыша гуля́ла,
Чóрну кýну прихувáла
На пали́цу, под гаршчóк.
Як пришóў жа дваряни́н,
А ўсú гаршкú пирябúў,
Чóрну кýну стирябúў[4].

Из вегетативных символов низа женщины выделяется прежде всего калина, в свадебной поэзии – «калинка», символ девственности:

Дóбрага кýсту калíна,
Харóшага пóваду Людачка.
Дóбра рабіла, што *ў цёмны лес не хадзíла.*
Сваю калíнку расцíла.
Пад калінкай спаць ляглá,
Нóжкай калінку кранýла,
Чырвóну я́гадку зранíла,
Сваю радзіну на кут пасадзíла.
Шанýйся, радзíна, на куцé,
Як зóлат пéрсцень на руцэ́[5].

---

[1] Радзіны. С. 388.
[2] Там же. С. 394.
[3] Вяселле: Абрад. С. 321.
[4] *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. С. 160.
[5] ФА: д. Велятичи Борисовского р-на Минской обл.

Целый блок поверий связан с символическими отождествлениями разных частей тела человека, среди которых достаточно устойчивы представления о рте и ушах как субституте vagina. На этом сопоставлении основана распространенная инвектива «плюнуть в ухо» или «в ухо плюнуть и заморозить». Подобный параллелизм определяет связь ушей с существующей или возможной беременностью: «Если у женщины будет чесаться в ушах <...> непременно родит»[1]. Уместно в данном случае вспомнить и мотив зачатия Христа, которое произошло через Слово Божье, или через ухо Девы Марии. В манихействе само появление Христа рисовалось как рождение его из уха Богоматери[2].

На представление об ушах как отверстиях, через которые, в принципе, может произойти оплодотворение, опирается регламентация ношения серег как своего рода замкóв, «закрывающих» и «оберегающих» уши. Соответственно роженицам, для которых требуется максимальное раскрытие тела, серьги снимали, как снимали их и девушки в первую брачную ночь[3]. Кстати, оберегающая функция серег отразилась в белорусском выражении «золотом вушы завешаны», которое произносят в извинение при рассказывании чего-либо нескромного.

В подобных контекстах интерпретируются известные сказочные сюжеты, связанные с влезанием героя в ухо лошади: *бел.* «У лéва вýха ўлез, у прáвае вы́лез — абярнýўся каралéвіч такі, што ў свéце не сыскáць <...> у прáвае вýха ўлез, у лéвае вы́лез — абярнýўся зноў такі стáрац, як і быў»[4]. Очевидно, таким образом герой «перерождается» после того, как побывал на том свете, и эта инициационная трансформация, его новое «рождение» происходит именно через ухо.

Реальная демонстрация гениталий в ритуалах призвана стимулировать плодность, а также защитить человека от вредных воздействий. В Кобринском уезде, если встречались с попом, то сплевывали два раза и притрагивались к гениталиям, поскольку считали, что вблизи попа где-то находится дьявол[5].

---

[1] *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903. С. 329.

[2] *Libera Z.* «Kto wszystko czuje, a nic nie gada» // Literatura ludowa. 1995. № 6. S. 39.

[3] *Карпова О.В.* Украинские женские украшения в ритуальном контексте // Живая старина. 1999. № 3. С. 15.

[4] Чарадзейныя казкі. Ч. 1. С. 413.

[5] См.: Славянские древности. С. 454.

Вместе с тем с мифологической точки зрения низ женщины описывается как таинственное и темное начало, от которого исходит опасность и даже смерть. В ряду текстов эти части тела характеризуются как одновременно и темные, и «ясные»: «если женщина "*прысвéцицъ*", переступив ребенка, он не будет расти»[1]. Мотив «яснага і апаснага» повторяется в двусмысленных загадках о колодце: «Рослó і рослó, кругóм оброслó, пасярóд *я́сна* — э́та спра́ва апа́сна»;[2] «У дзе́да вісíць, / у ба́бы *ззя́е.* / Як пры́дзе пара́, / дзед ба́бе саджа́е»[3] и о «девке на поле с сохою»: «Дéўка кра́сна, / *миз нох я́сна*, / вы́ихала на пóля: / "Гóспадзи Бóжа, благаслави́"»[4].

Как замечает сербский ученый Л. Раденкович, в традиционном воззрении женские гениталии — проход на тот свет, и потому дефлорация молодой понималась как открытие пути к своим предкам. Отсюда строгое требование девственности невесты, иначе может произойти контакт с иными, незнакомыми и даже опасными силами[5]. Потому «нечестная» невеста представлялась опасной не только для своей семьи, своего рода, но и для всего социума и даже для всего миропорядка[6]. Характерно, что в белорусской традиции «нечестная» невеста может называться и «нечистой»: «Калі яна́ не зберагла́ сябé, то, звярта́ючыся да ба́цькі, ка́жа: "Ба́ценьку, *я не чы́ста*"»[7]. Характеристика же всего «нечистого» не может не вызывать ассоциаций с само́й нечистой силой и тем самым — с иномирьем вообще. С другой стороны, «чистыми» в народном сознании назывались женщины, не имевшие или прекратившие половые сношения — вдовы, старые девы, старухи.

Женский низ во многих контекстах иногда интерпретируется как проход на тот свет или даже как само иномирье, суженное до параметров человеческого тела. Сема загробного мира или где-то даже могилы в семантическом пространстве детородных органов женщины обобщает в разные концептуальные, символические, ассоциативные и, позже, художественно-образные слои осмысление архаическим сознанием тела че-

---

[1] *Романов Е.* Белорусский сборник. Вильна, 1912. Вып. 8. С. 305.

[2] Арх. БГУ: д. Глинище Хойникского р-на Гомельской обл.

[3] Зап. автором в д. Дедино Докшицкого р-на Витебской обл.

[4] Загадки, записанные в Смоленском уезде... С. 92

[5] См.: Българска етнология. София, 1999. № 1–2. С. 160. См. здесь же представления о новорожденном как посланце чужого мира.

[6] См.: *Толстая С.М.* Символика девственности в полесском свадебном обряде // Секс и эротика в русской традиционной культуре. М., 1996. С. 205.

[7] Вяселле: Абрад. С. 347.

ловека и его места в Космосе. С точки зрения современника с примитивной (в плане зрительно-точного восприятия) логикой, начало такого осмысления могло основываться на чисто формальном подобии vulva и могил, как углублений, грубо говоря, ям куда-то туда (= неизвестно куда). Кстати, на языковом уровне подобное отождествление выступает особенно наглядно: в туровских диалектах одной лексемой «пелька» обозначаются как «прорубь», так и «vulva»[1]. Как пишет М.М. Маковский, «женщина в мифопоэтическом сознании уподобляется могиле, которая принимает в свои объятия мертвеца: *и.-е.* *mot-/*mat- ‘мать’, но *англ.* moat ‘ров’; *ст.-инд.* mahila ‘женщина’, но *рус.* могила»[2]. К пониманию половых органов женщины как проруби (а упоминание льда в этом случае указывает на девственность) — отличительна русская параллель: после брачной ночи жениха спрашивали: «Лед ломал али в прорубь попал?»[3]. В белоруской фраземе «дзе́ўка на ляду́ грэ́іцца»[4] достаточно зашифрованно подчеркиваются честь и достоинство девственной девушки. В свадебной поэзии встречаем:

Пагóнім Пара́ску па ваду́,
Паб’ём вядзёрцы на ляду́.
Наш Зміттрачóк бóндар быў,
Пабіў вядзёрцы на ляду́,
Узя́ў Пара́ску маладу́[5].

Сема углубления, круга выявляется и в наименовании «пяце́лька»:

Ажані́ўся ўдаве́ц, узя́ў сабе́ дзе́ўку.
Пасадзі́ў на пры́печку, глядзіць у пяце́льку[6].

Оказывается, те «дальние края», тот свет находят свое место в лоне женщины, или, иначе говоря, родовые пути выступают как канал связи с иномирным пространством, и тогда vulva начинает пониматься как вход, дверь, «клапан» связей с иными измерениями. Особенно подробно семантика vulva как входа в иномирие, разработана в народно-медицинских ритуалах бело-

---

[1] См.: Тураўскі слоўнік. Т. 4. С. 21.

[2] *Маковский М.М.* Феномен табу... С. 119.

[3] Живая старина. 1995. № 2. С. 59.

[4] Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Мн., 1980. Т. 2: Д–Л. С. 48.

[5] Вяселле: Абрад. С. 436.

[6] *Довнар-Запольский М.* Заметки по белорусской этнографии // Живая старина. М., 1893. Вып. 3. С. 425.

русов. Более подробно хотелось бы остановиться на представлениях об эпилепсии, которая в XIX столетии была достаточно распространенной, особенно среди младенцев (вспомним в этой связи пословицу «У чылаве́ка хуть адзи́н радзи́мец да быва́еть, чылаве́к без радзи́мца ни пумира́ить»[1]).

Верили даже, что каждый человек рождается с большей или меньшей склонностью к падучей болезни, но у одних она выливается в истерический смех, у других — в плач, у третьих — в разговоры во сне, и т. д.; кто еще не пережил ни одного из этих состояний, тот рано или поздно узнает приступы злой болезни[2]. Происхождение слова «радзімец» как раз и связывается со значением «врожденный, полученный от рождения».

Представление о врожденности этой болезни наряду с четким осознанием ее демонической сути позволяет предположить понимание «родимца» как своего рода потустороннего атавизма человека, как некой иномирной субстанции, которая сопровождает появление младенца на свет. Уже аксиоматичным стало утверждение о родах как переводе «на белый свет» новой (возможно, реинкарнированной) души из иного мира, как это ярко отразилось в белорусском крестинном приговоре: «Бог да нас чужазе́мца прысла́ў, ён з далёкіх краёў прыбыва́ў». Фактически имеется в виду появление ребенка с «того» мира, вероятно, с вселившейся в него душой предка.

Многоэтапный, развернутый родинно-крестинный комплекс имел своей метацелью освобождение ребенка из-под влияния иномирья и постепенное включение его в социум. Возможно, на каком-то этапе механизм перевода давал сбой, и некая часть иномирья оставалась в организме младенца, вызывая приступы, конвульсии и иные проявления эпилепсии. В этом плане показателен следующий магический медицинский ритуал: «Мать садилась на лицо больного голым телом, закрывая его юбкой, и произносила три раза: “Адку́ль прышла́, туды́ і ідзі́”»[3]. Фактически здесь обозначается приход болезни из потустороннего пространства через родовые пути женщины, то есть демон болезни изгоняется тем же путем, каким он и проник в человеческий мир. Аналогичный ритуал зафиксирован и в русской традиции: «Если трясет ребенка, своим женским спасают, с

---

[1] *Добровольский В.Н.* Смоленский областной словарь. С. 765

[2] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обычаи и обряды... Витебск, 1897. С. 271.

[3] Абрадавы фальклор Гомельскага Палесся / Уклад. В.С. Новак. Гомель, 1998. С. 133.

головы до ног погладить надо и сказать: “Чем завелось, тем и кончилось”»[1].

В этой связи любопытно поискать ответ на вопрос, почему vulva не боится сглаза («Ад уро́цы па сваёй, ну, зна́еце, па чым, руко́й праве́сці, а тады́ – па дзяцёнку і сказа́ць: “*Не баіцца гэта ўро́цы, так ня бо́йся і ты*”»[2], или в заговорной формуле *рус.* «будь неурочлива как материна пизда»[3]) и нечистой силы, как страшатся их все иные внутренние органы? Не потому ли, что она сама «нечистая сила» (= то же иномирие).

Соотнося женский низ с иномирием, интересно обратиться к заговорам от золотника (болезней женских внутренних органов), для которых характерно обособление золотника-органа (1) и золотника-болезни (2). Тогда золотник 1-й возвращают туда, где «матка радзіла, на ме́сца пасадзіла», а золотник 2-й отправляют, «дзе со́нца не све́ціць, ве́цер не ве́е, пта́шкі не дале́тываюць», «на мхі, на бало́ты, на ніцыя ло́зы, на гнілу́ю кало́ду глада́ць, каб залатні́чку́ не быва́ць»[4]. Отдельного внимания заслуживают тексты типа: «Залатнічо́к-старычо́к, каля́ пу́па віся, крэ́пенька дзяржы́ся. Ідзі ў чы́стае по́ле на касцяну́ю гару́. Там стаіць прэсто́л, на прэсто́ле крэ́сла, там тваё ме́ста. Там цябе́ ма́ці радзіла, на залато́м ме́сцы пасадзіла, там табе́ красава́цца, залато́й па́лачкай апіра́цца»[5]. В данном заговоре совмещаются мотивы закрепления золотника на его врожденном месте и отправления в «чистое поле», причем в тексте невозможно отделить золотник-орган от золотника-болезни. Возникает вопрос, не используется ли здесь мотив накладывания пространственных координат, когда метафорически-формульное обозначение иного мира – «чыстае поле, сяро́д яко́га [среди которого] касцяна́я гара́» – сужается до описания человеческого тела. А тело как раз и может быть обозначено как костяная гора среди чистого поля. Такой мотив изображения тела в Космосе или Космоса в теле в системе мифопоэтических пространственных ориентиров вполне вероятен и находит параллели в заговорах от иных болезней. Таким образом, демон болезни отправляется в иной мир собственно через тело, или в иной мир, суженный до пределов человеческого тела.

---

[1] Русские заговоры и заклинания. М., 1998. С. 518.

[2] Зап. автором в д. Деньгубы Лепельского р-на Витебской обл.

[3] Русские заговоры... С. 164.

[4] Замовы. С. 234, 235.

[5] Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры: Мінская вобл. Мн., 1995. С. 234–235.

В данной статье собран и проанализирован только самый очевидный материал, преимущественно тот, которому «повезло» быть зафиксированным в фольклорно-этнографической литературе. А сколько текстов из-за своей «солоноватости» осталось в народе! Как отмечал еще в конце позапрошлого столетия известный ученый М. Довнар-Запольский, «они неприятно воздействуют на слух читателя, но для исследователя подобного рода песни (к сожалению, их часто пропускают собиратели и исследователи) должны предоставить *ценный материал*».

В.А. Лобач

ЭРОС В БЕЛОРУССКОЙ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ

За последние 200 лет увидели свет тысячи исследований, посвященных различным аспектам белорусской традиционной культуры. В научный оборот введен огромный объем информации, осмысление и анализ которой еще далеко не завершен, ибо значительная часть научных работ описательна по характеру (преимущественно это касается этнографов XIX – начала XX века, но в определенной степени и советских/постсоветских исследователей) и отличается «непониманием внутренней логики традиционной культуры, ее семантики и функционального предназначения, когда всё переводится в приблизительную адекватность на язык современного культурного сознания»[1]. «Ангажированность» исследователя идеологемами своей эпохи сказывается на выборе им приоритетных направлений для изысканий, т. е. искусственном выделении «наиболее ценных» и «менее (или вообще *не*-) значительных» компонентов народной культуры. Так не тяжело заметить, что если в XIX – начале XX века преобладали темы, связанные с духовной культурой белорусов (мифология, верования, фольклор, обрядовость), а исследования материальной культуры были единичными, то в советское время (особенно в 1950-е–1970-е годы) ситуация становится обратной. Согласно материалистическому решению «основного вопроса философии», чрезвычайную ценность для белорусской этнографии приобретают, образно говоря, крестьянские хаты, сохи и горшки, причем только в контексте их непосредственного функционального предназначения и конструктивных особенностей. Однако о каком периоде развития белорусской этнографии не

---

[1] *Бабкоў І.* Пралегомены да календарнага часу // Культура. 1995. № 13. С. 5–6.

велся бы разговор, всегда табуированной, «неприличной» и отсюда как бы несуществующей оставалась тема сексуальных отношений (сексуальности и эротики) в традиционной культуре. Внутренняя «цензура» исследователей относительно межполовых отношений, эротико-сексуального символизма в фольклоре и обрядовости имела почвой абсолютно другой тип ментальности и мировоззренческих ориентиров, характерных для представителя индустриального общества и принципиально отличных от мировосприятия человека традиционного (архаического) сообщества. «Для современного сознания физиологический акт (прием пищи, половой акт и т. д.) – это обычный органический процесс... Но для "примитивного" человека такой опыт никогда не расценивался как только физиологический. Он был или мог быть для него некой "тайной", приобщением к священному»[1].

Интимизация сексуальности и жесткий социальный контроль над ее внешними проявлениями в буржуазном обществе привели к тому, что в Новое время «древние крестьянские обычаи стали <...> проблематичными, от них стали отказываться, осуждать или стыдиться...»[2]. Так, например, практически все белорусские этнографы XIX – начала XX века пропускали обряд «пакладáння маладых» («каморы») в описании традиционной свадьбы, не считали возможным публиковать даже в научных целях соответствующие фольклорные блоки. Мотивация была приблизительно похожей на объяснения А. Богдановича относительно «каморнай» песни, которую он сознательно опустил в своем тексте «из-за ее исключительно нецензурного содержания»[3]. Дискриминация «сельского интима» к тому же активно проводилась со стороны Христианской Церкви, представители которой, даже трудясь на «ниве этнографии», все обряды с элементами эротики характеризовали как крайне греховные и негативные. Так, в 1872 году полоцкий православный священник И. Блюдинский назвал молодежную игру «Жаніцьба Цярэшкі» «темной и предельно аморальной»[4]. К тому же сам позитивистский характер исследований в первую очередь обращал внимание на наиболее архаичные, «рельефные» проявления традиционной культуры белорусов (мифология, календарные праздники, чародейство и т. п.), в то время как изучение символики сексуальных отношений считалось попросту недостойным. С другой стороны, традиционное (фольк-

---

[1] *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994. С. 19.
[2] *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1989. С. 142.
[3] Вяселле: Абрад. Мн., 1978. С. 302.
[4] Жаніцьба Цярэшкі. Мн., 1993. С. 69.

лорное) сообщество, будучи самодостаточным и обособленным в культурном плане, не предусматривало активного информационного диалога с другими слоями общества. Контакты с деревней изначально инициировались извне и далеко не всегда встречали адекватную реакцию, что создавало определенные трудности и для этнографов: «Стыдливость и недоверие крестьян мешают проникнуть во все тайны домашнего и семейного их быта»[1]. Таким образом, создавалось искаженное представление о межполовых отношениях в традиционном сообществе, избежать которого не смог даже такой известный ученый, как Е. Романов: «Необходимо заметить, что у крестьянских парней и девушек половое чувство развито слабо»[2]. Не случайно и этнографические материалы, характеризующие сексуальный (эротический) аспект традиционной белорусской культуры, в дореволюционных исследованиях встречаются фрагментарно и спорадически. Эта «запрещенная» тема значительно лучше изучалась фольклористами России, Украины и других славянских стран. Еще в 1872 году в Женеве вышел сборник известного русского фольклориста А. Афанасьева «Народные русские сказки не для печати» (более известные как «Заветные сказки»). В конце XIX – начале XX века в Германии и Франции выходили специальные научные издания, в которых печатались этнографические и фольклорные материалы, посвященные сексуальному поведению народов мира, в том числе и славянских: «Anthropophyteia» и «Kryptadia». Однако, к сожалению, среди сербо-лужицких, польских, русских, сербских, словенских, чешских, украинских и словацких материалов белорусская фактура на эту тему отсутствовала[3].

В советское время единственная попытка разрушить молчание вокруг «постыдной» темы была предпринята в 1928 году И. Борщевским. В своей статье «З гісторыі фалёктанізму» автор исследовал пережитки фаллического культа в Беларуси, проводя при этом широкие историко-культурные параллели с другими индоевропейскими народами[4]. Эротическая символика се-

---

[1] *Серебренников Ф.* Обычаи и обряды крестьян Себежского уезда при крестинах, свадьбах и похоронах // Памятная книжка Витебской губ. на 1865 г. СПб., 1865. С. 75.

[2] Вяселле: Абрад. С. 342.

[3] См.: *Топорков А.Л.* Малоизвестные источники по славянской этносексологии (кон. XIX – нач. XX в.) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 308–309.

[4] См.: *Баршчэўскі І.* З гісторыі фалёктанізму // Запіскі Аддзелу гуманіт. навук. Менск, 1928. Кн. 4: Працы катэдры этнографіі. Т. 1: Сшытак 1. С. 49–80.

веробелорусской свадьбы рассматривалась А. Шлюбским[1]. Однако уже в 1930-х годах во время борьбы с так называемыми «национал-демократами» все «неправильные» этнографы были репрессированы, а темы их исследований свернуты на десятилетия.

В послевоенное время одни только принципы «советской морали» исключали возможность исследования эротического кода традиционной культуры. Слова «секс», «сексуальность», «эротика» практически объявлялись синонимами крайней (животной) половой распущенности, разврата и психических извращений на этой почве. Показательно, что даже в основательном академическом издании «Этнаграфія Беларусі. Энцыклапедыя» (Мн., 1989) отсутствует такое определение как «этносексология». В публикациях белорусского фольклора «срамные» выражения или слова часто пропускались или заменялись «печатными», что ломало смысл, символику и ритмику аутентичных текстов. Ряд фольклорных произведений эротического содержания всё же попадал на страницы изданий. Однако парадокс заключается в том, что большая часть из них была «пропущена» составителями как безобидная только по причине полного непонимания семантики этих текстов «учеными мужами». Так, например, цитируя свадебную песню так называемого «грибного сюжета», где гриб символизирует жениха и его активное начало, профессор Н. Никольский сделал вывод, что похожие мотивы свидетельствуют о появлении таких песен в эпоху матриархата, когда решающую роль в хозяйстве людей играло собирательство[2].

Редкие исключения из правил, когда исследователи, хоть и тезисно, но обозначали наличие эротической компоненты в традиционной культуре[3], не могли разрушить стереотип об исключительной «девственности» и антисексуальности белорусов на фоне их чрезмерного трудолюбия, сообразительности и духовности. Сам образ Беларуси как республики-партизанки, культивированный в массовом сознании в послевоенное время, уже по своему определению не предусматривал никаких эротических контекстов. К сожалению, в послевоенное время подвижек в изучении традиционной эротики практически не про-

---

[1] См.: *Шлюбскі А.* Матар'ялы да вывучэньня фальклёру і мовы Віцебшчыны. Мн., 1928. Ч. II. С. 75–99.

[2] См.: *Никольский Н.М.* Происхождение и история белорусской свадебной обрядности. Мн., 1956. С. 61.

[3] Напр., Никольский обозначает эротическое содержание каравайного обряда в традиционной свадьбе (см.: *Никольский Н.М.* Происхождение... С. 191–218); Н. Гилевич указывает на эротическую двусмысленность белорусских загадок (см.: *Гілевіч Н.* Паэтыка беларускіх загадак. Мн., 1976. С. 61–63).

изошло. Можно только указать на отдельные труды, где проанализированы те или иные сегменты народной культуры эротического содержания[1].

Между тем исследование всего комплекса межполовых отношений в традиционном обществе не является самоцелью, проявлением соответствующей «озабоченности» культуролога. Прежде всего речь идет о широкой социокультурной значимости этой проблемы. В современном белорусском (да и не только) обществе, в котором полностью утрачен «опыт священной половой жизни» (М. Элиаде), морально-ценностные ориентиры размыты, а сексуальность часто выступает почвой для разнообразных комплексов неполноценности и извращений, устойчиво подкрепляющихся масс-эротикой и порно (продуктом не духовности в сфере интимного, а циничного коммерческого расчета), изучение и реактуализация традиционного опыта сексуального поведения приобретают не только научно-мемориальное, но и широкое общественное значение.

Таким образом, очень важно понять, как общественные отношения и белорусская традиционная культура в целом формируют и видоизменяют взаимоотношения полов, включая их эротические реакции. Предметно разговор идет об анализе сексуального поведения различных половозрастных групп, характеристик сексуального символизма и выделения в ритуальном пространстве традиционной культуры белорусов локусов, наиболее насыщенных эротическим содержанием. Предварительный анализ белорусских фольклорных текстов показывает следующую закономерность: та же самая символика, что описывает сексуальные взаимоотношения, имеет как бы три уровня прочтения (степени «прозрачности»): наименее «прозрачный» — в рамках молодежной субкультуры; при переходе из одного социожизненного статуса в другой (свадьба) — здесь эротизм проявляется более открыто и прочитывается более очевидно; уровень, когда эротико-сексуальная символика «дешифруется» окончательно в акцентированных, эмоционально-

---

[1] См.: *Валодзіна Т.В.* Талака ў сістэме духоўнай культуры беларусаў. Мн., 1997; *Ее же.* Семантыка рэчаў у духоўнай спадчыне беларусаў. Мн., 1999; *Кухаронак Т.І.* Радзінныя звычаі і абрады беларусаў. Мн., 1993; *Ее же.* Абрадавае рэгуляванне паводзін моладзі ў беларускай вёсцы (к. XIX — п. XX ст.) // Весці АН Беларусі. Сер. грамад. навук. 1995. № 5. С. 93—98; *Лобач У.* Беларуская эротыка: «Харошанька патанцуй, каго любіш — пацалуй» // Новая зямля. 1994. № 11. С. 7.

смеховых формах во время «Радзінаў» (родинного обряда), когда эротизм, озвученный в песнях и шутках, является не чем иным, как знаковым воплощением собственного сексуального опыта каждого из присутствующих без исключения.

Эротика в традиционной молодежной субкультуре белорусов

Несмотря на то, что тема межполовых отношений актуализируется в традиционной культуре начиная с момента достижения юношами и девушками половой (биологической, природной) и социальной (умственной, хозяйственной) зрелости, сексуальность человека (как одно из проявлений его социальности) диагностируется, регулируется и программируется сразу же после его рождения. Так, на Витебщине считалось, что если родилась девочка, то ее нужно «принимать» в мужские штаны, и обязательно отцовские, чтобы любили парни, а мальчика нужно «принимать» в женскую сорочку, и обязательно материнскую, чтобы любили девушки[1]. Пуповину ребенка нужно было перерезать на расстоянии трех пальцев от перевязи[2], что в восточнославянской традиции должно было оградить от отклонений в сексуальной сфере. «Мотивировалось это тем, что если пуповину отрезать ближе, то у мальчика половой член будет слишком короткий, а девочка будет слишком похотливой»[3]. Во время первого купания девочки «в воду кидают деньги и жукóвину (перстень), чтобы дитя было богатым и счастливым в паре. Ту воду после девочки выливают на порог, чтобы вышла замуж...»[4]. Однако кормить грудью во время купания, особенно мальчика, запрещалось, поскольку ребенок вырастет развратным[5]. Чтобы гарантировать ребенку физическую привлекательность в будущем, в Подвинье существовал обычай первый раз купать девочку в воде с добавлением молока, чтобы она была бела лицом, а мальчика – в воде с пивом, чтобы он был сильным и краси-

---

[1] См.: *Шлюбскі А.* Матар'ялы да вывучэння фальклёру... С. 5.

[2] См.: Жыцця адвечны лад: Беларускія прыкметы і павері. Мн., 1998. Кн. 2. С. 327.

[3] *Байбурин А.К.* Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. Л., 1991. С. 264–265.

[4] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мн., 1998. С. 172.

[5] См.: *Wereńko F.* Przyczynek do lecznictwa ludowego // Materjaly antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1896. T. 1. S. 129.

вым[1]. Символика пива (хмеля), шире развернутая в свадебной обрядности, обыгрывалась и в ситуации, когда младенец мочился в купель во время крещения – это означало, что все присутствующие «пап'юць піва» на его свадьбе[2].

Однако, несмотря на меры, принимавшиеся взрослыми с целью положительно запрограммировать жизнь новорожденных, половая идентификация детей младшего возраста была еще неопределенной. Это проявлялось в отсутствии отличий в одежде (носили длинную сорочку), играх и даже «бесполом» именовании представителей этой возрастной группы: «немаўля́», «дзіця́» – существительные среднего рода. Переход в категорию подростков («блазнаты́», «падшпа́ркаў») и символический акт половой идентификации происходил уже в возрасте 6–8 лет: «Как мальчику или девочке уже шесть-восемь лет, то уже стыдно им ходить в одной только сорочке. Тогда мальчику дают штаны, а девочке – юбочку»[3]. Подростковый период, продолжавшийся приблизительно до 14 лет[4], характеризовался активной социализацией детей в сферах «мужского» и «женского» труда крестьянина, что подчеркивало их половую идентичность. Забавы этого периода жизни, как правило, также делились на игры мальчиков и девочек. Эти игры («пе́кар», «пыж», «я́мачкі» и др.) развивали силу, проворство, смекалку, выносливость и были проникнуты духом соперничества. Ряд игр отражал этносоциальную и семейно-обрядовую специфику белорусской деревни того времени (в «ста́расту», «папа́», «цыгано́ў», «хрэ́сьбіны», «вясе́льле»). Однако игры «семейного» плана еще не несли в себе осознанного эротического содержания, оставаясь пародийным копированием поведения взрослых.

Достижение брачного возраста (совершеннолетия), что совпадает с периодом юношества (с 14–16 до 20–21 года), характеризовалось не только биологической (половой), но и психологической, социальной зрелостью человека, проявлявшейся в многочисленных обрядовых действах и играх, свойственных молодежной субкультуре. Поскольку «с ритуальной точки зрения физиологическая зрелость сама по себе недостаточна для продолжения рода»[5], то даже индивидуальным особенностям

---

[1] См.: *Шлюбскі А.* Матар'ялы да вывучэння фальклёру... С. 5.

[2] См.: *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи... в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897. С. 20.

[3] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 170.

[4] См.: *Арлова Г.П.* Беларуская народная педагогіка. Мн., 1993. С. 89.

[5] См.: *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993. С. 66.

полового развития (безусловным с точки зрения физиологии) в традиционной культуре придавалось и социо-культурное «звучание». «Раннее развитие у девочки одних только грудей говорит только о двух обстоятельствах: а) что мать зачала такую дочь вне брака; б) что дочь не сохранит девственность до брака. Наоборот, ранняя зрелость девочки показывает, что ее девичество будет тем более продолжительным, чем раньше наступила ее зрелость. Общее раннее развитие девочки не способствует брачной жизни такой женщины: она не будет любить мужа, всегда будет страдать в браке и никогда не родит долговечных детей. В противоположность этому позднее развитие девочки обещает в будущем хорошую жену, проворную хозяйку, но бездетную мать»[1]. Таким образом, преобладание физиологического начала над духовным (природы над культурой) в развитии девушки маркировало ее акультурное (аморальное) поведение в дальнейшем и подчиненность природным (не человеческим) законам: «Когда у девочки подростка очень быстро растут "цы́цкі" <...>, она будет очень падкой на мужчин, а затем быстро состарится, как гриб»[2]. Чрезмерно «пышные формы» ассоциировались в молодежном коллективе с проявлениями животного мира (показательно, что и теперь в молодежном сленге непропорционально большие груди обозначаются как «дойки» или же «вымя»), являясь объектом шуток и насмешек и, в свою очередь, требовали культурной корректировки: «Мой жа ты тату́лечка, / Прада́й жа ты каро́вачку, / Купі́ мне шнуро́вачку! / А з мяне́ ма́льцы смяю́цца, / Што ў мяне́ сі́ські трасу́цца. / А з мяне́ ма́льцы бурча́ць, / Што ў мяне́ сі́ські тырча́ць!»[3]. При «реальной» корректировке, как правило, использовали приемы контагеозной магии. «Если девушке кажется, что груди у нее чрезмерно развиты, и она хочет их уменьшить, нужно несколько раз смочить их водой, в которой обмывали покойника»[4]. Однако поскольку красивые девичьи груди являлись не только признаком половой зрелости, но и объектом эротических переживаний со стороны парней («из-за которых любят и за которые как бы ненароком хватаются»[5]), большинство магических манипуляций касалось стимуляции их «правильного» роста. «Чтобы вызвать рост гру-

---

[1] См.: *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 47.
[2] См.: *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 171.
[3] См.: Жаніцьба Цярэшкі. С. 117–118.
[4] См.: *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 264.
[5] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 170.

дей, девочка должна есть как можно чаще “поскребыши”, картофель, репу, брюкву и другие круглые продукты, согрев их за пазухой возле голого тела. <...> Если же такими средствами цель не достигается, девочка должна приложить себе к соскам или разнополых щенков, или котят. <...> Чем дружнее сосали щенки и котята, тем быстрее девушку украсят высокие груди»[1]. С этой же целью предписывалось натирать груди шапкой парня[2] или, сажая хлеб в печь, «каждый раз трижды отщипнуть теста с лопаты» и «па́лкнуць» (звучно пустить газы) при этом[3].

Оптимальный брачный возраст для девушки, когда «дзе́ўка была́ сама́ ў сабе́»[4], предусматривал соответствие духовного (умственного, культурного) и физиологического развития: «Невеста считается зрелой, когда ее коса доросла до пояса»[5]. Коса (волосы) в данном случае олицетворяет умственное начало человека.

В белорусском фольклоре период девичества изображен растительной символикой. Девушка, достигшая брачного возраста и, соответственно, влившаяся в молодежный коллектив, символизируется садовыми (роза, яблоня, груша, черешня, вишня) и полевыми (калина, рута, береза) деревьями и цветами в стадии цветения: «На гаро́дзе да на пераxо́дзе / Там цвіла́ ро́жа чырво́ненька, / Там хадзіла злі́чна пане́нка, / Злі́чна пане́нка, малада́ Але́нка. / Яна́ ту́ю ро́жу да сашчыпа́ла, / Сашчыпа́ла і вяно́к звіла, / Завіўшы вяно́к, пайшла́ ў тано́к (хоровод)»[6].

Зрелость парня, как и девушки, также определялась целым рядом факторов биологического и культурного характера: «Ён хло́пец до́бры, здаро́вы і прыго́жы, зна́е ўся́кае дзе́ла рабі́ць і дзе́ўку-няве́сту бу́дзе любі́ць»[7]. К 18-ти годам парень должен был уметь исполнять практически все хозяйственные («мужские») работы, что являлось важным условием для создания собственной семьи. Однако поскольку «культурное строительство» человека завершалось только со вступлением его в брак, девственность парня проявлялась в определенном технологи-

---

[1] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 47—48.
[2] См.: *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 170.
[3] См.: *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 308.
[4] См.: Вяселле: Абрад. С. 215.
[5] См.: *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Вильна, 1912. Вып. 8. С. 306.
[6] См.: Паэзія беларускага земляробчага календара. Мн., 1992. С. 221.
[7] См.: Вяселле: Абрад. С. 216.

ческом несовершенстве: «Мужчина-девственник не может попасть камнем в цель, не умеет сечь топором по одному и тому же месту»[1]. Безусловно, половая зрелость являлась естественным определителем при достижении брачного возраста («яшчэ́ жані́лка не адраслá» — о физиологически неразвитом парне), но учитывалась она только в контексте социокультурных достоинств человека. Если он характеризовался акультурными качествами (слабоумием, неумельством, крайней неопрятностью и т. д.), то, несмотря на свой возраст, сближался в народном сознании с уровнем малого ребенка (несамостоятельного, необученного, неспособного к самоконтролю) и автоматически исключался из брачной категории: «Што ягó жанíць, калі ў ягó са срáкі ванíць?»[2].

Совершеннолетие юноши символически соотносилось с вегетацией хмеля, реже — с барвинком и ромашкой: «Цяпéр бýду жанíцi ся. / На тычы́не хмель развіўся, / На ніўцы ячмéнь ужó налíўся»[3].

Период нахождения человека в молодежном коллективе не мог быть очень продолжительным. «В народной традиции восточных славян пора совершеннолетия продолжалась в среднем от одного до пяти лет для обоих полов»[4]. На протяжении этого периода, который характеризовался традиционным обществом как «гульня́», основной задачей в рамках молодежной группы являлось создание потенциальных брачных пар посредством обрядовых игр и других форм ритуального (ритуализированного) поведения. Поскольку «в каждой конкретной локальной традиции существовали достаточно жесткие возрастные рамки, в границах которых предписывалось заключение брака, в обратном случае (особенно при выходе за верхнюю границу) человек попадал в категорию выбившихся из ритма жизни и уже поэтому социально неполноценных людей (перестарки, бабыли и т. д.)»[5]. Однако молодежная игра («гульня́») имела значение не только в «человеческом», «горизонтальном» измерении. «В ритуальном контексте жизни общинного коллектива игра мифологизировала причастность молодежи к

---

[1] См.: *Романов Е.Р.* Указ. соч. С. 306.

[2] *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1894. Ч. III. С. 8.

[3] Песні народных свят і абрадаў. Мн., 1974. С. 159.

[4] *Бернштам Т.А.* Совершеннолетие девушки в метафорах игрового фольклора: (традиционный аспект русской культуры) // Этнические стереотипы... С. 234.

[5] *Байбурин А.К.* Ритуал в традиционной культуре... С. 65.

процессам стадии молодости космобиологического мира, чем обусловливались как особая роль ее ритуальных функций в трудовом календаре, так и специфика внутригрупповой жизни»[1]. Не случайно именно обрядовые действия молодежи составляли матрицу всех основных ритуалов календарного цикла: Коляд, Масленицы, «Гука́ння вясны́», Зеленых святок (Троицы), Купалы и др. Показательно, что само слово «игра», с первичным значением «пение с танцами», имеет вероятное соотнесение с др.-инд. «yajti» (почитать божество) и греческим «aylos» (священный)[2].

Ритуальный характер молодежных игр проиллюстрируем более подробно на примере «Жанíцьбы Цярэ́шкі» — уникального обрядового действа, бытование которого почти исключительно совпадает с ареалом расселения полоцких кривичей[3]. Игра ритуального содержания, в отличие от игры бытовой, имеет строгую соотнесенность с «мифологически напряженными» точками в пространстве и времени. «Как наиболее выдающаяся, словно священная, игра эта ("Жанíцьба Цярэ́шкі". — *В.Л.*) исполняется довольно редко и исключительно зимой, в дни годовых праздников, как, например, Коляды, Новый год и заговение перед большим постом...»[4] Непосредственно «Жанíцьба» начиналась в полночь — в «нулевой» промежуток времени, который в традиционной культуре рассматривался как наиболее оптимальный для коммуникации со сферой *не-человеческого* (гадания, заговоры) и различных магических метаморфоз.

Неслучайным являлось и место «игрища» — корчма, как пограничная точка в пространственной системе «своего»/«чужого» мира. Обрядовый характер «Жанíцьбы» следует из обязательности ее проведения и из «санкционирования» со стороны взрослых: «Родители никогда не вмешивались в Цярэшку, не запрещали женить Цярэшку, наоборот, даже приказывали это делать...»[5]. Сам сюжет «Жанiцьбы» в контексте зимнего солнцеворота, смерти «старого» миропорядка и создания «нового» безусловно приобретал космическое звучание. В этом смысле знаковым являются наименования основных персона-

---

[1] *Бернштам Т.А.* Совершеннолетие девушки... С. 235.

[2] Гульнi, забавы, iгрышчы. Мн., 1996. С. 16.

[3] Жанiцьба Цярэшкi... С. 56.

[4] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1887. Т. 1, ч. 1. С. 99.

[5] Жанiцьба Цярэшкi. С. 81.

жей, которые и заключают символический брак: «Дзед» и «Баба». В белорусской традиции в образе «Деда» (обобщенно – «дедов») фигурируют предки, Бог, домовик и ряд других представителей сферы сакрального (известен был и поминальный день «Бабы» в честь предков женского пола). Поэтому использование этих образов в тех или иных фольклорных сюжетах, по большому счету, указывает на их символичность, соотнесенность со сферой «Божьего». Так, во время Коляд, оживление «козы» и соответственно возрождение миропорядка оказывалось возможным только посредством угощения-жертвы со стороны хозяев и символического полового акта «козы» с представителем сакральной сферы – «Дедом» или «мехоношей»: «Каб на́ша ко́занька / Ды нае́лася, / Пад механо́шу / Павалілася. / Нутка, механо́ш, / Дуй казе́ ў нос. / Надзьме́цца жы́ла, / Бу́дзе каза́ жы́ва», или: «У на́шага Дзеда / Така́я жы́ла. / Така́я жы́ла, / Каб каза́ жы́ла»[1]. Этот же символический смысл имело и «папіха́нне» казы дедовым кием. Поскольку еще в XII веке епископ Кирилл Туровский к наиболее очевидным и «богомерзким» грехам наших предков относил и «блуд со скотом»[2], вероятно, отмеченный акт в дохристианской обрядности мог носить ритуальный характер.

До сих пор окончательно невыясненным остается сам образ «Цярэшкі». Однако анализ фольклорного материала (Цярэ́шка, Цяле́шка, Цяльпе́шык – в белорусских сказках – деревянный мальчик) и функций «Цярэшкі» во время «Жаніцьбы» позволяет согласиться с мнением Г. Барташевич о фаллическом характере этого персонажа[3], поскольку слово «це́рах» в белорусском языке означает «толкач», «пест»[4], который, в свою очередь, фольклорной традицией однозначно интерпретируется как символическое замещение эрегированного детородного органа мужчины[5]. В этой связи показательно, что в самом известном святилище Эрота, которое находилось в Феспиях, беотийцы почитали его в виде простого фаллического столба, а Приап, бог производительных сил земли, «возник из грубых деревянных фаллических изображений, которые создавались

---

[1] Зімовыя песні. Мн., 1975. С. 317, 384.

[2] *Мельнікаў А.А.* Кірыл, епіскап Тураўскі: Жыццё, спадчына, светапогляд. Мн., 2000. С. 385.

[3] См.: *Барташэвіч Г.А.* Матывы шлюбу ў зімовай абрадавасці і паэзіі // Весці АН БССР. Сер. грамад. навук. 1988. № 4. С. 86.

[4] См.: *Насовіч І.І.* Слоўнік беларускай мовы. Мн., 1983. С. 688.

[5] См.: *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў... С. 87–92.

для дионисийских оргий»[1]. Ближайшим аналогом белорусскому «Цярэшке» может быть литовский Гонду (Gondu) – покровитель отношений между молодыми людьми[2].

В начале «Жаніцьбы» девушки и парни выстраивались в две шеренги, причем первые становились с левой, вторые – с правой стороны[3], что символизировало в мифологическом плане распад мира на два изначальных компонента (идентичный элемент ритуала присутствовал и на Купалу, когда «ура́днік» – управитель обрядового действа – разводил девушек и юношей на две стороны перед прыжками через огонь[4]). Однако сама «Жаніцьба», движение пар, которыми руководят избранные из числа женатых «Бацька» и «Матка», в текстовом плане санкционируются исключительно Цярэшкой, который появляется в виде механоши (см. механоша колядного обхода) и приносит предметы, необходимые для заключения брака: «Цярэ́шка, чаху́, чаху́, / Што ў цябе́ ў мяху́, мяху́? / І шпі́лечкі, іго́лачкі, / Залаты́ пярсцёначкі, / Ёлачкі ды па́лачкі, / Дзе́цкія заба́вачкі»[5].

Колючие, продолговатые атрибуты этого брачного набора символизируют активное мужское начало, а вещи с отверстием (мешок, перстень, баранки) – женское. Половой символизм этих предметов ярко проявляется и в других фольклорных текстах. К примеру, в свадебной тематике порванный мешок обозначает отсутствие невинности у невесты: «Распаро́ўся мех – і на ба́цьку грэх»[6]; «иголка» выступает в качестве активного фигуранта в первую брачную ночь: «Шва́чка была́ на́ша Ва́ська, / Вы́шыла ўкруг падала́ / Тупо́й іѓло́й без ву́шка / І чырво́ным шо́ўкам»[7]. Завидную сноровку в использовании своей «иголки» демонстрирует и «дзядулька» терешковых припевок: «Дзед ба́бе кажу́х шы́іць, / Ба́біна ду́ша ны́іць. / Дзед ба́бе кажу́х пашы́ў, / Сем разо́ў на ноч прасі́ў»[8]. Аналогичное прочтение имеет и «шпилька»: «Прыбе́г Хві́лька, забіў шпі́льку. “Ах,

---

[1] См.: *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 40, 50.

[2] См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Балтийская мифология // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 156.

[3] См.: Жаніцьба Цярэшкі. С. 104.

[4] См.: *Дмитриев М.А.* Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильна, 1869. С. 227.

[5] Жаніцьба Цярэшкі. С. 110. № 15.

[6] *Янкоўскі Ф.М.* Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мн., 1962. С. 146.

[7] Вяселле: Песні. Мн., 1988. Кн. 6. С. 709.

[8] Жаніцьба Цярэшкі. С. 141. № 139.

Хвілька, харóшая твая́ шпілька! Прыбягáй паскарэ́й, забівáй пакрапчэ́й"»[1] (загадка про маслобойку). Характерно, что слово «хвіль» на условном языке («Любецкі лемент») нищих Могилевской губернии обозначало именно мужской половой член[2].

Тема потери девушкой невинности и, соответственно, перехода из девичьего в женский статус символически обыгрывается в течение всей «Жаніцьбы», проявляясь в разнообразных сюжетных образах. Наиболее типичен сюжет «утопления» бабки дедом: «Дзед бáбу тапіць вядзéць, / Баба крычы́ць, ня йдзéць. / "Хай цябé кадýк бярэ́ць, / Як ты мне хвартýх дзярэ́ш!"»[3]. «Как в космологическом, так и в антропологическом планах погружение в вóды означает не окончательное угасание, а врéменное возвращение в область бесформенного, за которым следует сотворение новой жизни или "нового человека", в зависимости от того, идет ли речь о космическом, биологическом или сотериологическом»[4]. Разрывание «дедом» фартука, символизировавшего в народной традиции женские гениталии, а его наличие (сохранность) у девушки — ее девственность[5], явственно указывает на сексуальный характер «утопления» бабульки. Показательно, что глагол «купаться» восходит к индоевропейскому корню *kup-* со значением «кипеть, горячо желать»[6], а «намокание» венка белорусская фольклорная традиция трактует как утрату *девственности*[7]. Неслучайно в народном соннике топить кого-нибудь в воде — наяву заставлять плакать, огорчать человека[8]. «Опасность», подстерегающая девушку, символически обыгрывается в «Цярэшках» разноплановым образом. Эротическая же символика, которой так насыщены припевки «Жаніцьбы», выступает практически полным набором шифров, кодирующих сферу интимных взаимоотношений между мужчиной и женщиной в традиционной культуре.

---

[1] Загадкі. Мн., 1972. С. 87.

[2] См.: *Романов Е.Р.* Очерк быта нищих Могилевской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 131.

[3] Жаніцьба Цярэшкі. С. 140. № 135.

[4] *Элиаде М.* Священное и мирское. С. 83.

[5] См.: *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў... С. 129–130.

[6] *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Купала // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 29.

[7] См.: Паэзія беларускага земляробчага календара. С. 221. № 187.

[8] См.: Зямная дарога ў вырай: Беларускія народныя прыкметы і павер'і. Мн., 1999. Кн. 3. С. 385.

Однако, в отличие от свадебного или родинного фольклора, эротизм «Цярэшак» еще не столь «прозрачен» и очевиден. Поэтому именно сопоставление их с другими жанрами, прежде всего с семейно-обрядовыми песнями, помогает прояснить смысл на первый взгляд безобидных ситуаций: «Пайду́ я каро́ў даіць, / А за мной жа бык бяжы́ць. / Каб цябе́ каршу́н задра́ў, / Як ты мне хварту́к парва́ў!»[1]. Тема, означенная символикой фартука (см. выше) акцентируется здесь и образом ярого быка, увидеть которого во сне — к рождению сына, а удар его рогами — то, что наяву «мужчина домогается женщины»[2].

Добрачные половые отношения, не санкционированные свадебным ритуалом, отождествлялись с выходом, «выпадением» из сферы Культуры и вхождением человека в зону природы, где поступки и действия не регламентируются никакими нормами: «Пападзя́ пшані́чку жа́ла, / У по́лі заначава́ла. / У полі пад ёлкаю / З малады́м Міко́лкаю»[3]. Поскольку «еще в древности у предков белорусов елка с ее характерными шишками считалась фаллическим деревом»[4], то ночевка девушки «в лесу под елкой» имела в традиции однозначную дешифровку. Так, родня молодого ерничала по адресу порочной невесты следующим образом: «Ці пад е́ллю спа́ла? / Ці шы́шка ўпа́ла? / Ці каро́ў даіла? / Ці на рог прабіла?»[5]. Несомненный эротический контекст имели в «Цярэшках» и различные операции с орехами: «Вы́йду, выйду ў агаро́д, / У дзяво́цкі — карагод, / Арэ́шкі шчыпа́ючы, / Дзяду́льку шука́ючы, / Арэ́шкі цату́ючы, / Дзяду́льку цалу́ючы»[6]. Орехи, приносимые Цярэшкой в числе других «подарков», — андрогинный (воплотивший мужское и женское начало одновременно) символ, что и обыгрывается в фольклоре. Так внешний вид орехов («Па чаты́ры, па пяць, залупі́ўшыся вісяць»[7]) устойчиво соотносил их с активным мужским началом, но полая структура, в которой рождается ядро, сближала их с образом женского чрева. В Юровских и Купальских песнях широко представлен сюжет, где орех с ядром («сярэ́дзінай») идентифицируется с девичеством и противопоставляется мужскому началу, символизированно-

[1] Жаніцьба Цярэшкі. С. 176. № 292.
[2] Зямная дарога ў вырай... С. 422.
[3] Жаніцьба Цярэшкі. С. 143. № 146.
[4] *Никольский Н.М.* Происхождение... С. 218.
[5] Вяселле: Песні. Кн. 6. С. 196. № 708.
[6] Жаніцьба Цярэшкі. С. 184. № 327.
[7] Народныя казкі-байкі, апавяданні і мудраслоўі. Мн., 1983. С. 330.

му монолитным (без ядра) камнем. Таким образом, собирать, колоть, лущить орехи — лишать девушку невинности. Например, в архаической обрядовой игре «Яшчур» (исполнялась, как и «Жаніцьба», на Коляды) последний характеризовался следующими словами: «Сядзіць, сядзіць я́шчар! / У зялёным крэ́сле, / У ласка́вым кусце́, / Гарэ́шкі тру́шча. / Бяры́ сабе́ пане́нку, / Като́ру хо́чаш».[1] Еще более выразительно символика ореха озвучивается в «каморнай» песне свадебного обряда, когда одобряется «непару́шнасць» невесты до брака: «А до́бра наша Ма́нечка чыніла, чыніла, / Што не хадзіла ў цёмныя лясы́ ў арэ́шкі, арэ́шкі, / Не нарабіла сваёй радзіне насме́шкі, насмешкі»[2].

Тема половых добрачных отношений отражена и в «Цярэшках» с условным названием «Поила коника в ведре», где конь выступает символом мужского, а ведро с водой — женского начала: «Паіла ко́ніка ў вядрэ́, / Відзіла я ры́бку на дне. / Сма́чная рыбка карась, / Пацалу́й, дзяду́лечка, хоць раз»[3]. Более прозрачно этот сюжет озвучивается в молодежном хороводном диалоге во время весенних праздников: «“Дзе́ўка, дзявіца, / Напо́й [напои] майго́ каня́. У! / Напо́й майго каня, / Ці ня бу́дзеш ты мая́? У!” — / “Я не бу́ду паіці! / Бу́дзе мяне́ та́тка біці. У!”»[4].

Уподобление незамужней девушки наполненной посуде присутствует и в свадебном фольклоре (на «запо́інах» — сватам): «Вазьміце яе́, расціце яе́, / Недаро́шчаную дзе́вачку. / Вазьміце яе́, дапіце яе́, / Залату́ю ча́рачку»[5]. «Рыбка на дне» фигурирует в тексте не случайно: «Так нікому не ўдало́ся, / Як мне, беднай сірацé: / З’е́ла ры́бку-трапяту́шку — / Трапе́чацца ў жывацé»[6]. Показательно широко распространенное в народе выражение «ловить рыбку» — относительно маленьких мальчиков, которые мочатся в постель, и то, что те же карась, окунь, щука в традиционном соннике означают рождение сына[7].

Насыщенность молодежного фольклора эротической тематикой, безусловно не является проявлением болезненной зацикленности на сексуальной почве. Наоборот, проговаривание всех ипостасей «темы» на символическом уровне, в обязательно при-

---

[1] Гульні, забавы, ігрышчы. С. 88.
[2] Вяселле: Песні. Кн. 6. С. 196. № 708.
[3] Жаніцьба Цярэшкі. С. 248.
[4] Народны тэатр. Мн., 1983. С. 132.
[5] Вяселле: Песні. Мн., 1980. Кн. 1. С. 109.
[6] Прыпеўкі. Мн., 1989. С. 214. № 1414.
[7] См.: Зямная дарога ў вырай... С. 435—436.

стойной шутливой и ироничной форме, создавало у молодежи воображаемый (или, как принято сейчас, — виртуальный) сексуальный опыт, который разрушал возможные комплексы в сфере реальных межполовых отношений и органически вводил ее в чувственно-телесный мир «взрослой» жизни значительно лучше, чем современные уроки семейной этики, которые являются только попыткой старшего поколения навязать собственные сексуальные фобии и невéдение своим потомкам.

Одной из форм «проникновения» во «взрослую» тему являлись двусмысленные загадки, где одна из оттадок носила подчеркнуто эротический характер, но «правильный» ответ являлся безобидным. Отмечая особую популярность таких загадок среди молодежи, Нил Гилевич точно отметил, что они «очень соответствовали естественному для переходного возраста интересу к теме половых отношений»[1]. Приведем некоторые: «Рос, рос, вы́рас, з цёмнага вы́лез, на свет паказáўся, з дзéўкамі пахáўся» (орех); «Каб не дзéдава качáлка, сóхла б бáбіна мачáлка» (колодец с «журавлем»); «У дзéда вісíць, у бáбы ззя́е, дзед папрóсіць — бáба дáе» (то же);[2] «А ў нáшага татýлькі залатыя баўтýлькі, як забаўтáюцца, дык усé здагадáюцца», «Сярóд сялá вісіць кілá» (колокол); «Стаіць поп на мастý, крычыць: “Гвалт, абасцý!”» (самовар);[3] «Каб дзéдава рамяслó, у бабы б па калені адрасло» (веник);[4] «Без костачкі, без жы́лачкі, адзін састáў і той устáў» (тесто в деже); «Гагалёк бáбу качáе» (веник в бане)[5]. Однако рассмотрение вербальной символики молодежной субкультуры имеет смысл только с учетом акциональной символики конкретного игрового поведения, как в рамках ритуальных «игрищ», так и в бытовом контексте.

Сам характер действий молодежи в «Жаніцьбе Цярэшкі» («скрýчванне» пар в танце, «лóвы» бабульки дедулькой и наоборот) имел выразительную брачную окраску: «<...> на языке игры танец символизирует брак»[6]. Характерно, что в сновидении «крутиться» означает «скорую свадьбу»[7], но в отношении девушки глагол «скрутиться» одновременно указывает на утра-

---

[1] *Гілевіч Н.* Паэтыка беларускіх загадак. С. 62.

[2] *Романов Е.Р.* Материалы по этнографии Гродненской губернии. Вильно, 1911. Ч. 1. С. 90.

[3] *Гілевіч Н.* Паэтыка... С. 19.

[4] Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры: Мінская вобласць. Мн., 1995. С. 246.

[5] Загадкі. С. 236, 248.

[6] *Бернштам Т.А.* Совершеннолетие девушки... С. 238.

[7] Зямная дарога ў вырай... С. 315.

ту ею девственности. Во время игры молодежь проявляла на индивидуальном уровне ловкость, удальство, проворство в обхождении с партнером, чувство юмора и тонкость в шутках одновременно: «Всё это пересыпается остроумием, шутками, приговорками как в адрес "сватьи", так и в адрес "молодых", если есть к этому зацепка, особенно если парень неловкий и не может удержать девушку»[1]. Как метко подметил А. Богданович, «Жаніцьба Цярэшкі» интересовала «взрослых молодых людей главным образом потому, что тут непринужденно выявляются их вкусы и взаимная симпатия»[2]. Современная молодежная дискотека, антииндивидуальная по своему определению, дает значительно меньше шансов для реализации таких возможностей. В то же время большинство дореволюционных исследователей отмечали «нескромный» характер колядных игрищ: «<...> часто игра заканчивается шумным разгулом, который доходил до разнузданности: объятиям, поцелуям, шуткам всяким нет конца»[3]. Определенные «вольности» допускались самим характером игры. Так, в «Жаніцьбе Бахара» (смоленский вариант «Цярэшкі») «к "батьке" подводят парней и девушек, говорят: "Целуйся!" А они (девушки) в крик, не хотят целоваться. Вот они (парни) подымут им одежду... Тут еще больше смеха...»[4]. При этом существовали жесткие этические рамки, обязательные для всех участников. За обиду, нанесенную похабным словом или действием, юноша или девушка могли быть удалены из молодежного коллектива на продолжительное время.

Символический характер действия «Жаніцьбы», несмотря на «программу-максимум», которая ставилась перед «молодыми» («Мая́ ж ты жану́лечка, / Я ж твой мужу́лечка! / Мы бу́дзем на све́це жыць, / Мы ж бу́дзем дзяце́й пладзíць, / Мы ж бу́дзем гарэ́лку піць, / Мы ж бу́дзем дзяце́й жаніць»[5]), абсолютно не требовал ее практической реализации: «Ня то́пай, дзяду́лька, наго́й, / Ня ля́гу я спаць з табо́й, / Бо я невянчо́ная — / На ве́чар злучо́ная»[6]. «Спать» здесь означало «исполнять брачный долг», что, однако, не исключало совместных ночевок молодежи. Так в одном из наиболее ранних описаний «Цярэшкі»,

---

[1] Жаніцьба Цярэшкі. С. 73.
[2] Там же. С. 72.
[3] Там же. С. 66.
[4] Гульні, забавы, ігрышчы. С. 69
[5] Жаніцьба Цярэшкі. С. 73.
[6] Там же. С. 178. № 300.

сделанном П. Шалковичем, «парни и девушки под конец вечера, далеко за полночь, по предварительному согласию кладутся спать парочками»[1]. При этом требование обычая сохранять невинность далеко не всегда исполнялось. «Ясно, что благодаря свадебному хмельку, шуткам, постановке всего этого дела на свадебную почву и многим другим соответствующим условиям молодые люди иной раз "падают". И действительно: ни одна "Жанiцьба Цярэшкi" не обходится без такого рода жертв...»[2].

Обычай «подночевок» широко практиковался в молодежной среде, особенно летом и осенью[3]. «Если девушка ночует не на вечорках, а дома, это совсем не исключает совместного спанья. Парень провожает ее; она заходит в дом, где все уже спят, ложится возле дверей и, убедившись, что все заснули, впускает парня, который уходит до наступления рассвета»[4]. Тема «подночевок» широко представлена и в белорусском фольклоре: «Гарбу́з белы, сало́дзенькi, / Прыдзе́ ка мне мало́дзенькi, / Каб бо́цiкi не скрыпе́лi, / Каб падко́ўкi не звiне́лi. / Каб мату́ся не слыха́ла, / З кiм я но́чку начава́ла»[5].

Ситуация выбора потенциального брачного партнера иногда приводила к тому, что «к девушке, чтобы переночевать с ней, входят таким образом два или три парня, по очереди или даже все сразу»[6]. При этом, естественно, «выбiра́ла» не только девушка: «Каза́ў ба́цька, каб я ажанíўся, / Каб па нача́х не хадзiў i не валачы́ўся: / Дзе дзе́ўку пачу́ю, там i заначу́ю. / У адной спаў я, у друго́е ўпíўся, / А ў трэ́цяй на пячы́ нагавiц забы́ўся»[7]. Безусловно, «подночевки» не могли быть целиком не замечаемы родителями («Як маму́ля ўслы́шала / Да старо́му праве́дала: / "Уста́нь, ду́шка, уста́нь, ду́шка, / Ест у Ка́сi не́хта ў ло́жку"»[8]), но относились они к ним, в рамках традиции, скорее положительно: «Известно, родители знают об этом, однако не препятствуют дочке, а только стремятся предостеречь ее от последствий. Любая мать была бы очень огорчена, если бы ее дочь отказалась посещать вечорки или когда бы парень не

---

[1] Там же. С. 69.

[2] Там же. С. 67.

[3] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... СПб., 1903. Ч. III. С. 190.

[4] *Довнар-Запольский М.В.* Заметки по белорусской этнографии // Живая старина. 1893. Вып. 2. С. 290.

[5] Жартоўныя песнi. Мн., 1974. С. 97.

[6] *Довнар-Запольский М.В.* Заметки... С. 291.

[7] Песнi Беласточчыны. Мн., 1997. С. 255.

[8] Фальклор у запiсах Яна Чачота i братоў Тышкевiчаў. Мн., 1997. С. 306.

захотел с ней переночевать. Напротив, ей льстит, когда парни обращают на нее внимание»[1]. Проще говоря, родители «закрывали глаза» на ночные визиты: «А мáці не спáла, / Ды й усё чы́ста чу́ла. / Мяне́ не сварыла, / Самá такáя бы́ла»[2].

Обычай совместных ночевок молодежи был распространен и у других народов Европы. Так, например, крестьяне Дании в XIX веке «считали, что девушка не представляет ценности в качестве жены, если она предварительно не знала мужчин <...>, парень должен был попробовать, чего она стоит в эротическом плане. <...> Поэтому не было необычным встретить дом, где родители приглашали мужскую молодежь посетить их, чтобы переночевать у их дочки с надеждой на то, что это завяжет более близкое знакомство»[3]. Но иногда ситуация могла выходить из-под контроля и приводить к незапланированным последствиям: «Ці я табе́ не казáла, ці не гавары́ла, / Не кладзíся са мной спаць, бо бу́дзе Гаўры́ла. / А ён мяне́ не слу́хаў, усё пры бóку кла́ўся. / Цяпе́р самá не знáю, скуль Гаўры́ла ўзя́ўся. / Цяпе́р, мая́ мáці, ганí за кумáмі, / А Гаўры́ла на пячы́ шóргаіць нагáмі»[4].

Конечно, утрата девственности, а тем более беременность вне брака были явлениями скорее исключительными, чем нормированными. Однако «полное тождество нормы в принципе невозможно, так как тогда это понятие лишается смысла. Более того, норма существует только на фоне нарушений»[5].

Таким образом, говорить об исключительном целомудрии белорусской молодежи — это выдавать желаемое за действительное и противоречить этнографическим и фольклорным первоисточникам.

Для девушки наибольшая опасность потерять свой «венок» (девственность) была связана с молодежными игрищами, в свою очередь тесно соотнесенными с наиболее значимыми праздниками календарного цикла (Коляды, Масленица, Весенние праздники, Купалье). В частности, конфликтная ситуация между девушкой и родителями могла возникнуть после ее возвращения с Юровских хороводов: «Што ў це́раме / Крычы́ць плáчыць? / Ю́р'ева маць / Дóньку біла: / “А дзе дóнька / Ве́нчык

[1] *Довнар-Запольский М.В.* Заметки... С. 291.

[2] Песні пра каханне. Мн., 1978. С. 79.

[3] *Анохин Г.И.* Брак и община в Дании в IX—XIX вв. // Скандинавский сборник. Таллин, 1990. Вып. XXXIII. С. 145—146.

[4] Радзіны: Абрад. Песні. Мн., 1998. С. 220.

[5] *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 8.

дзéла?”»[1]. Характерно, что на мифологическом уровне и сам праздник св. Юрия (Георгия; 23.IV) понимался как акт оплодотворения земли этим святым: «Ю́р'я́, адамкні́ зямлю́, / Ю́р'я́, пусці́ расу́, / Ю́р'я́, цяплéнькую, / Ю́р'я́, бялéнькую»[2], где роса выступает космическим аналогом мужского семени (сравни в родинном фольклоре: «Расá пáла на травíцу, / Нáша мáма — парадні́ца»[3]).

Однако едва ли не самым эротически насыщенным праздником являлось Купалье, вызывавшее своим «сатанинским развратом» отчаянное возмущение со стороны церковников. Особенно беспокоил их массовый характер этого обряда и его укорененность в народной культуре. Несмотря на преследование со стороны Церкви, выразительные мотивы брака и плодородия сохранялись в купальском обряде даже в XX веке: «Девки бегут, чтобы скорее бросить в огонь свои венки. Чей венок скорее сгорит, та девушка скорее всех выйдет замуж. Если парень выхватит из огня венок девушки, то она полюбит его и выйдет замуж. <...> Собравшись, кидают в огонь ломачье и приговаривают: “Зарадзí [уроди] жы́то” или “Зарадзí лён” — “каб гадовáлосо гаўя́до” [= велась (плодилась) скотина]. Бездетные женщины тихонько шепчут: “Пладзíцеса, дзéці”. От огня расходятся парами в лес, садятся, ложатся на мягкой траве, да и качаются себе чуть ли не всю ночь. Говорят, что в ночь на Купало ни женщины, ни девушки не считают грехом связь с чужими мужчинами или парнями»[4].

На фольклорном уровне потеря девственности символизировалась потерей девичьего венка («Купáлначка дачку́ біла: “Дзе ж ты, шэ́льма, вя́нок дзéла?”»[5]) или намоканием фартука: «“Чаму́ ў цябé, дзіцятка, фарту́х мокры?” — / “Малайцы́, бáцюшка, купáліся / Да маім фáртухам уцірáліся”»[6]. То же значение, что и утраченный венок, имела и расплетенная девичья коса: «Ужó на дварэ́ сóнейка ўзыхóдзіць, — / Каралёва дачкá з ву́лачкі прыхóдзіць. / Яé шáты сцёрты, змя́ты, / Яé кóсачка растрапáна, / Яé вóчкі заплáканы»[7].

При полном отсутствии средств контрацепции, в ситуации, когда юношеская страсть во много раз превосходила наличный

[1] Веснавыя песні. Мн., 1979. С. 158.
[2] Там же.
[3] Песні народных свят... С. 315.
[4] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 130.
[5] Паэзія беларускага земляробчага календара. С. 309.
[6] Балады. Мн., 1978. Кн. 2. С. 514.
[7] Песні народных свят... С. 150.

сексуальный опыт, последствия купальской «игры» могли быть достаточно определенными: «На ву́ліцы чабо́р гарыць, / А ў дзе́вачкі жыво́т баліць. / “Ой, жані́шка, рату́й, рату́й, / Калыбе́льку гату́й, гату́й”»[1]. Неслучайно, что именно в Благовещенских (25.III) песнях-«веснянках», исполнявшихся спустя 9 месяцев после Купалья, представлен сюжет о девушке с внебрачным ребенком: «Во́ран гра́ча — сыр бяле́нькі, / Дзе́ўка пла́ча — сын мале́нькі. / Во́ран гра́ча паляце́ць, / Дзе́ўка пла́ча — не́дзе дзець»[2]. Но и в такой ситуации вина большей частью могла возлагаться не на девушку или ее партнера, а на родителей, которые «передержали» дочь, не выдали ее своевременно замуж: «Вайто́ўна сына ўрадзіла, / На ба́цьку нясла́ву пусціла. / Не вінава́цяць вінó́ўнага, / Вінава́цяць ба́цьку яе, / Што до́ўга за́муж не выдава́ў, / Вялікага пасагу шкадава́ў, / Ча́ста да све́рна пасыла́ў, / Ды з залаты́мі ключа́мі, / А з малады́мі паніча́мі. / Па мёд, па віно, па гарэ́лку / Таку́ю даро́слую дзе́ўку»[3].

Безусловно, взаимоотношения молодежи далеко не ограничивались рамками праздничных игрищ. «Опасность» подстерегала девушку и в обычной, повседневной жизни. Причем для удовлетворения желания парень мог использовать любой удобный момент, когда, например, девушка была в одиночестве и вдалеке от дома: «Як у по́лі, у по́лі / Пасе́ць дзе́ўка ко́ні. / Прыйшо́ў да яе́ Якаў, / Ставіў дзе́ўку ра́кам»[4]. Не смущали такого ухаря ни суровая погода, ни отсутствие домашнего комфорта: «Каб гэ́тага каваля́ / Мяце́ліца замяла́! / Як ён мяне́, маладу́, / Паваліў на ляду́»[5].

Однако очевидно, что достичь своей цели парень мог только с согласия, хотя бы и молчаливого, девушки. В противном случае шансов на успех не было: «Я на ву́ліцы была́, / Я відзела Я́сю. / Хаце́ў мяне́ паваліць (*вар.*: аба́біць), / А я не дала́ся»[6].

Показательно, что в белорусском фольклоре обман девушки и насилие над ней приписываются, как правило, «чужим» этносоциальным элементам, отличающимся от крестьянина и происхождением, и родом занятий.

Наибольшая опасность угрожала девичьей чистоте со стороны военно-служилого люда: казаков, солдат, «уланов, гуса-

---

[1] Там же. С. 192–193.
[2] Паэзія беларускага земляробчага календара. С. 115.
[3] Там же. С. 320.
[4] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни «частушки». Вильно, 1911. С. 42.
[5] Там же. С. 32.
[6] Там же. С. 72.

ров». Так, сюжет широко известной на Полесье и смежных с ним регионах песни «Галя» заключается в обмане казаками девушки (обещаниями красивой жизни заманивают ее с собой), которая за свою доверчивость расплачивается девственностью: «Намóвілі дзéўку з чóрнымі брывáмі, / Ды павялі яé цёмнымі лясáмі, / Увязáлі яе да сасны́ касáмі. / Падпалілі сосну з вéрху і з іспóду...»[1].

Символика «пылающей сосны» и утраченной косы отчетливо указывают на потерю девушкой невинности через изнасилование или, как минимум, в отсутствие «любóсці» с её стороны: «За лéсам, за лéсам / Сасна́ гарэ́ла. / Малада дзéвачка / Вадзіцу грэла. / Вадзіцу грэ́ла, / Шкля́начкі мы́ла. / Шкля́начкі мы́ла, / На Дунáй пусціла... / "Скажыце, шкля́начкі, / Маёй мáмачцы, / Што я гэ́ту нóчку / Не ў любóсці спáла, / Не ў любóсці спáла, / Не ў цалóсці ўстáла"»[2]. Присутствие в сюжете песни опорожненной невымытой посуды (в отличие от «наполненной чарочки» свадебного обряда — символа девственности невесты) и Дуная, часто соотносимого в славянском фольклоре именно с девичьей долей[3], лишь дополнительно акцентируют символику «пылающей сосны» — изнасилования.

Личная драма девушки в отношениях с казаками разражается, когда она нарушает установления родителей («дзéўка мáмкі не слýхала, з казакáмі паéхала») и в результате вынуждена расплачиваться за собственную глупость: «Я стрáціла свой вянóчык / Праз свой глупы разумóчак. / Пад зялёненькім кустóчкам / З маладзéнькім казачóчкам»[4]. Не меньшую опасность представляли собой и «маскалі» (русские солдаты): «Яны скóчуць, яны йгрáюць, — / Гэ́тым дзéвак падманя́юць. / Яны́ тваé бéлы рýчкі / Яны́ табé паламáюць; / Яны́ тваé злáты кóльцы / Яны́ ў цябе пасы́маюць; / Яны́ тваё бéла плáцце / Яны́ табé замарáюць; / Яны́ тваю рýсу кóсу, / Яны́ табé паплутáюць»[5]. В качестве «козлов» в девичьем «огороде» выступают и поляки: «Ой, што ж ты мне нарабіў, ля́шэ, / Што ў маім жывацé пля́шэ? / Чы ры́ба, чы рыбінaчка, чы малы́ дзяцінaчка?»[6]. Подобным образом характеризуется в фольклоре и «любовь» со сто-

---

[1] Баллады. Кн. 2. С. 207.
[2] *Зянько У.С.* Спадчына маёй маці. Мн., 1993. С. 113.
[3] См.: *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Дунай // Славянская мифология. Энц. словарь. М., 1995. С. 172.
[4] Беларускі фальклор у сучасных запісах... С. 326.
[5] Лірычныя песні. Мн., 1976, С. 99.
[6] Жартоўныя песні. С. 108.

роны помещика: «Любіў бáрын дзéўку на час, на часóчак, / А сам паéхаў у гóрад-гарадóчак»[1].

Безусловно, искренние чувства дворянина к деревенской девушке были практически невозможны из-за разделявшей их социальной пропасти, хотя в шутку крестьяне объясняли эту разницу небольшой ошибкой физиологического порядка: «Мы былí б панáмі, ды не ў тýю дзірку папáлі»[2].

Потенциальную сексуальную угрозу таили в себе люди, которые хоть и принадлежали к крестьянской общине, но отличались от земледельческого большинства характером своих занятий (в мифопоэтической картине мира они наделялись и сверхъестественными магическими способностями): кузнец («Маладыя кавалí / Дзяўчóначку пóнялі. / Цераз рэ́чку, цéраз мхі, / Палажы́ўшы на мяхі»[3]), сапожник («Жаль мне тáго шаўцá, / Што ня вéрніцца: / Абшы́ў дзéўцы падальцá – / Ні павéрніцца»[4]), мельник, рыбак, сельский поп.

Таким образом, из категории брачного партнера девушки в первую очередь исключались (или объявлялись крайне нежелательными) представители иных этнических сообществ (евреи, татары, цыгане, «маскалí», «ля́хі») и социальных групп («пан», казак, солдат и др.). Индивидуальные же качества идеального избранника из числа «своих» в фольклорных текстах приобретают характер своеобразного клише: «Вóчы ягó я́сны, / Брóвы ягó чóрны. / Лíчыка ягó бéленька...», «сам бялявы, вус чарня́вы», «хлóпец брáвы кучарáвы», «харóшых айца-мáткі, харóшага роду»[5].

Наиболее типичная формула выбора жениха отражена в широко известной песне «Ой, хацéла ж мянé маць...». Основное место в ней занимает перечисление негативных качеств мужчин, из-за которых девушка не соглашается идти замуж. Среди наиболее распространенных: неверность («хóдзіць да падрýгі»), пьянство («п'я́ніца пракля́ты»), бесхарактерность, пассивность («ні жывы́, ні мёртвы», «неўдалýгі»), авантюрность («як у пóлі вéцер»), чрезмерная молодость («мáлы, недарóслы») или же старость («гадзíна да смéрці»), бедность. Сам же идеал обозначается буквально четырьмя словами: «прыгóжы і вясёлы», «харóшы, багáты»[6]. Что и говорить, формула универсальная во все времена!

---

[1] Там же. С. 317.
[2] *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. III. С. 75.
[3] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 89.
[4] Там же. С. 51.
[5] Песні пра каханне. С. 44, 57, 271.
[6] Там же. С. 298.

Подобные принципы были задействованы и в выборе невесты: «Я паéду ў Маскву́ / Ды маскóўку вазьму́; / Я паéду ў Вільню́ / Ды вільня́нку вазьму́; / Я паéду на мéста / Ды мяшча́нку вазьму́; / Я паéду ў сяло́ / Ды сяля́нку вазьму́. / Ды, маскóўка-шэ́льма, / Ды гатýй вячэ́ру; / Ды, вільня́нка-шэ́льма, / Ды вячэ́ру паднасі; / Ды, мяшча́нка-шэ́льма, / Ды сцялі пасцéлю; / Ды, сяля́нка-дýшка, / Ды кладзісь са мнóю»[1]. В качестве брачных партнеров наиболее неприемлемыми были еврейки и цыганки: «Узяў бы я цыга́начку – / Цыга́начка чóрная, / Узяў бы яўрэ́ечку – / Яна́ нехрышчóная»[2]. Иногда отказ носил довольно резкий характер, что объясняется народными представлениями о природной «нечистоте» евреев: «Палéз бы я на бярóзу, / Дак баю́ся высаты́; / Жаніўся б на жыдóўцы, / Дак баю́ся пархаты́»[3].

Идеал девичьей красоты (как и мужской) носил максимально обобщенный фольклоризованный характер: «кра́сна дзéўчына», «чарнабры́ва», «чóрныя вóчы, на ліцó бяля́ва» или же «рýса каса́, сіні вóчы, бéла лíчанька» и т. п.

В плане телосложения предпочтение отдавалось «пышным», выразительным формам: «Не вары́ ка́шу густýю, / Вары́ жы́дзенькую. / Не бяры́ жóнку худýю, / Бяры́ сы́ценькую»[4].

Поскольку брак – одна из базовых составляющих человеческой доли вообще, то неудивительно, что подавляющая часть всех молодежных гаданий была посвящена брачной тематике. Ответы, полученные («прочитанные» в знаках, данных «иным» миром) в ритуально значимых точках пространства и времени (под окном, на перекрестке дорог, возле колодца; в полночь, на Коляды, на Купалье и др. праздники), должны были дать информацию про: (а) время заключения брака (с учетом циклического восприятия времени ответ был однозначным: в этом – не в этом году); (б) место жизни в браке (откуда приедут сваты); (в) социально-профессиональный статус будущего мужа (парень-вдовец; портной, гончар, крестьянин); (г) возраст брачного партнера (молодой/старый); (д) имущественное положение (бедный/богатый); (е) характер и личностные характеристики жениха (тихий, спокойный/задиристый, буйный; трезвый/пьяница). При этом гадания предусматривали возможность и крайне негативного ответа (девушка не выйдет замуж вообще или родит вне брака).

---

[1] Паэзія беларускага земляробчага... С. 256.
[2] Восеньскія і талочныя песні. Мн., 1976. С. 105.
[3] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 126.
[4] Радзінная паэзія. С. 378.

Показательно в нашем случае, что в гаданиях такого типа было активно задействовано тело человека (особенно его низ) и предметы, имевшие на символическом уровне отчетливое эротическое прочтение (ключ/замóк; почеп/колодец; орехи). «Так, некоторые из девчат, будучи еще в бане (на Коляды. — *В.Л.*), выходят голыми и катаются по снегу и потом назавтра смотрят, насколько четким вышел их отпечаток. Если отпечаток негладкий, с полосами вдоль и поперек — значит, муж будут придирчивым[1]». «Весной девка садит в своем маленьком огородишке возле дома различные цветы. Первый раз она поливает свои цветы своей же мочой. Если цветы хорошо растут и цветут, то девка скоро пойдет замуж, если же они растут, но плохо цветут, то суженый будет плохим человеком»[2]. «На Купала после захода солнца, как заблестят на небе звезды, девки голые бегут куда-нибудь недалеко за деревню на перекресток дорог, становятся раком и зубами, как скот, рвут подорожник. Они с этим зельем бегут домой и ложатся спать, а подорожник кладут к себе под голову. Ночью обязательно приснится суженый[3]». «Если девка (на Купала. — *В.Л.*) перепрыгнет через огонь и хоть одна искринка прицепится к юбке, значит, девка уже хочет замуж. (Если то же случится с парнем, то он уже как женится, то будет по бабам ходить, он, как говорят, "апáсны мáлец".) Когда к юбке искра не пристанет, значит девка "терпеливая", не сразу пойдет замуж»[4].

И даже в бытовых ситуациях, непосредственно с гаданиями не связанных, тело (его «эротические» части) могло «даваться в знаки»: «Як дзéўцы цыцкі свярбя́ць, то янá свайгó вянкá не данóсіць»;[5] «Калі ў дзеўкі свярбя́ць цыцкі, та не хібіць, што праз яé б'юцца праміж сабóй два хлóпцы, бо абóдва яе кахáюць і не хóчуць уступіць адзін другóму»;[6] «Як срáка дзéўцы свярбіць — хлóпцы яé хвáляць»;[7] «Як дзеўцы гýбы свярбя́ць, то хýтка з кахáнкам цалавáцца бýдзе»[8].

Любовь на фольклорном уровне представлялась как своеобразная болезнь, радикально изменявшая не только эмоцио-

---

[1] *Шейн П.В.* Белорусские народные песни. СПб., 1874. С. 56.
[2] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 195—196.
[3] Там же. С. 131.
[4] «Дай, Божа, знаць, з кім век векаваць»: Беларуская народная варажба. Мн., 1993. С. 78.
[5] *Federowski M.* Lud białoruski... S. 209.
[6] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 196.
[7] *Federowski M.* Lud białoruski... S. 209.
[8] Там же.

нальное, но и физическое состояние человека. От любви, особенно неразделенной, молодой человек имел «тугу́», «жаль», «засмучэ́нне», «нуду́» («за нудо́ю-цемнато́ю хадзіць не магу́»), «чарава́нне», «ссыха́нне», «млосць». И конечно же — бессонницу («дзень і ноч не сплю»).

А потому основной задачей «измученного» любовью человека было вызывание ответных чувств со стороны любимого (любимой). Добиться (или хотя бы попробовать) этой цели можно было различными способами: «Адна́ бы́ла любіць ста́ла — / Пасце́ль бе́лу сла́ла. / А друга́я любіць ста́ла — / Усё цалава́ла. / А трэ́цяя любіць ста́ла — / Усё чарава́ла»[1]. Порой попытки вести себя привлекательно («эротично») в рамках молодежного коллектива выглядели настолько неестественно, что вызывали у окружающих смех: «"Паглядзіце, як ідзе́ць, / Круця́ жо́пай, як мядзве́дзь!" — / "Мяне́ ма́ці вучы́ла, / Каб я жо́пай круці́ла"»[2].

Когда же обычные средства воздействия на любимого человека не действовали, на вооружение брались магические технологии (так называемая «любовная магия»), расценивавшиеся мифологическим сознанием крестьянина как наиболее радикальные и эффективные. Основной целью всех любовных заговоров было наслание на объект любви «таскі», «прыну́ды», «прыва́ры», «прысму́ты» — своего рода реальной психофизической болезни, которая может испепелить, высушить (отсюда и название заговоров — «присушки») человека и поставить заинтересованную персону в центр жизни и эмоциональных переживаний объекта ухаживания: «Пад усхо́дняй старано́й стая́ць тры пе́чы: пе́чка ме́дная, пе́чка жале́зная, пе́чка кірпі́чная. Як яны́ распаліліся, разажгліся ад не́ба да зямлі, так бы разжыга́лася ў рабы́ бо́жай к рабу́ бо́жаму лёгкае, пячо́нае і кроў гара́чу: не мо́жна ёй ні жыць, ні быць, ні е́сці, ні піць, ні спаць, ні ляжа́ць, усё мяне́ на ўме трыма́ць»[3].

Акциональный же аспект любовного колдовства основывался на принципах контагиозной магии и прежде всего должен был соединить конкретные тела через манипуляции с наиболее интимными его частями. Так, «чтобы приворожить к себе молодца, девка или женщина выстригает у себя на "сарамаце́ні" пучок волос, сжигает его и этот пепел дает тому человеку с чем-нибудь выпить»[4]. Подобным образом использовали

---

[1] Песні пра каханне. С. 100.
[2] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 121.
[3] Замовы. Мн., 1992. С. 370.
[4] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 194.

и березовый лист, прилипший в бане к заду[1], а также пот: «Нужно добыть собственного пота и дать в кушанье и питье приблизительно капель 10 той персоне, с которой хочешь вступить в брак: никакое упрямство не устоит»[2]. Однако наиболее действенным магическим средством считалась месячная кровь девушки. «Женщины и девки, чтобы привернуть к себе человека, когда ничто другое уже не помогает, тихонько дают ему съесть или выпить свои месячные, тогда уже тот нигде себе места не найдет без этой женщины»[3]. Символическая суть этих манипуляций с «женской кровью» отчетливо выражена в «любже», зафиксированной у белорусов Псковщины: «Слей кроў з кро́ўю, саедзіні любо́ў з любо́ўю. Вайдзі мая́ кроў яму́ ў сэ́рца, у жы́лы, ва ўсе суста́вы, ва ўвесь магні́т, штоб ня мог ні жыць, ні быць, нікаго́ ў глаза́х ні зрыць, то́лькі адну́ Мар'ю́»[4].

Кроме перечисленных средств широко использовались и различные «любовные» травы, среди которых наиболее сильной считалась «загарду́шка» (Drosera rotundifolia), ибо «приготовленный и выпитый настой из ее корней имеет способность притягивать любимого человека»[5].

Чтобы избавиться от любви, чувства «охлаждали» с помощью заговоров-«адсу́шак»: «На мо́ры, на акія́не, на во́страве Буя́не стаі́ць стоўб, на тым стаўбе́ стаі́ць дубо́вая грабніца, у ёй ляжы́ць кра́сная дзявіца. Кроў у яе́ не разгара́ецца, но́жанькі не паднімаюцца... Так бы і ў (імя) сэ́рца не сакруша́лася, кроў не разгара́лася, сама́ б не ўбіва́лася, у таску́ не ўдава́лася»[6].

Если же, несмотря на все усилия, девушка по-прежнему не обращала внимание на парня, то ей можно было отомстить определенным образом. «Чтобы отомстить девушке, которая не любит парня, то нужно ее обкурить беленой, и она будет бегать, скинув сорочку, как сумасшедшая по улице»[7].

Месть «соперницы» могла быть более суровой. Так, взяв полотно, вытканное девушкой, покрутив его на крыльях ветряной мельницы и пожертвовав с определенным заклятием в церковь, верили, что девушка «скрутится» и замуж не выйдет вообще[8].

---

[1] См.: Там же. С. 195.
[2] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 50.
[3] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 195.
[4] Замовы. С. 376.
[5] *Ажэшка Эліза.* Выбранныя творы. Мн., 2000. С. 461.
[6] Замовы. С. 381.
[7] *Federowski M.* Lud białoruski... S. 333.
[8] См.: *Варлыга А.* Забабоны. Нью-Йорк, 1972. С. 8.

Однако при всех раскладах, обстоятельствах, личных желаниях и внешних препятствиях, «игра» девушек и парней рано или поздно должна была завершиться заключением брака и созданием семьи. Единственно возможным институтом, который оформлял, санкционировал брак и легитимизировал семью в традиционном сообществе, являлся сверхсложный и развитый свадебный обряд.

Эротический код белорусской свадьбы

В традиционном обществе брак являлся единственно возможной формой ритуальной и социальной легитимизации семьи и условием продолжения рода. «Вступление в брак — это не только оформление семейных отношений, переход в новый статус, но и предписанный культурой способ разрешения противоречия между способностью к продолжению рода и необходимостью получения на это социальной санкции»[1].

Идея создания семейной пары — первоосновы брака — имеет отчетливый космогонический смысл: противопоставленные, но одновременно взаимодействующие части составляют качественно новое единое целое (мужское и женское как два значения категории пола; день и ночь, небо и земля как значения пространственно-временной структуры космоса), что гарантирует космический (культурный, социальный) порядок. Отсюда ритуальный аспект заключения брака (свадьбы) был максимально развернут, символически насыщен и не подчинен биосоциальным предпосылкам: «Нет события, которое оформляется свадьбой»[2]. Исключением из этого правила могла быть только «покры́цкая» свадьба, когда молодая была уже беременна, но в этом случае свадебный ритуал был ограниченным и скромным: «Не час малíцца, калí з-за пáзухі валíцца»[3].

Свадьба занимала промежуточное положение между рождением человека и смертью, символизировала повтор двух жизненных начал одновременно: ухода (смерти) и прихода (рождения). «Век» человека делился как бы на две отдельные жизни. «У крестьян своя собственная эра исчисления: до свадьбы крестьянин считает годы от своего рождения, а потом со времени свадьбы»[4].

---

[1] *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 66.

[2] Там же.

[3] *Рапановіч Я.* Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі. Мн., 1958. С. 83.

[4] *Аникиевич К.Т.* Сенненский уезд Могилевской губернии. Могилев, 1907. С. 110.

В этом смысле свадебную обрядность можно разделить на две части: символическая смерть жениха и невесты в своем молодежном статусе и рождение качественно новых людей — мужа и жены. Уже во время сватанья главные функции исполняют сваты со стороны парня и родители со стороны девушки.

После «зару́чын» (помолвки) парень и девушка получают промежуточный статус: «князь», «княгиня» — и еще более «мертвеют» для своей полово-возрастной группы — не участвуют в вечорках, молодежных забавах, их появление на людях ограничено.

Идея смерти-свадьбы отражена и в материалах народного сонника. Так увидеть похороны — означало сыграть свадьбу[1].

Однако апогеем символической смерти старого статуса являлся «Паса́д». И для жениха, и для невесты Пасад, по сути, — акт символической дефлорации, когда они утрачивают свою молодецкую, девичью «красу́» — базовую характеристику их прежнего статуса. Перед тем, как сесть на Пасад (хлебная дежа, покрытая вывернутым кожухом), молодые должны были попросить у всех присутствующих прощения обид и грехов (вспомним аналогичную обязанность для умирающего). Так мать перед Пасадом учит своего сына: «А ты, сы́нку, маё дзіця́тко, будзь ка́ждаму пако́рны, не разгняві́ ніко́га, а ду́май сабе́ аб гэ́там, што ты ро́ўна як на той свет ідзе́ш і му́сіш ка́ждага прасі́ць, каб табе́ тваé грахі́ дарава́лі»[2].

Девственность в ситуации с Пасадом имела не только моральное значение. «Отправляясь к венцу, невеста садится на накрытую кожухом (шерстью вверх) дежку-хлебницу. Если невеста девственница, то никакой силой ее нельзя оттуда снять; порочную невесту может спихнуть отсюда и маленький ребенок. Поскольку этому придается особое значение, то девушка, потерявшая невинность, сделает лучше, если совсем не сядет на дежу: таким образом она избегает в будущей семейной жизни многочисленных бед и прежде всего в разведении скотины»[3].

Девственность как принципиальная примета «старого», добрачного статуса ликвидировалась, в первую очередь, символически, посредством ритуала, чтобы таким же символическим образом можно было создать «нового» человека. Отсутствие девственности, таким образом, лишало значительную

[1] Беларускі народны соннік. Мн., 1996. С. 34.
[2] *Федароўскі М.* Люд беларускі. Вяселле. Мн., 1991. С. 39.
[3] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 58.

часть свадебного обряда своего смысла, делало ритуал «холостым». Неслучайно, что в таком случае ритуал, как правило, сворачивался или прекращался.

Поскольку первый (в идеале) сексуальный опыт молодые получали во время свадьбы («каморы»), а основными операторами ритуала были взрослые, семейные люди, то эротический символизм носил более прозрачный, открытый характер.

Уже начиная со сватанья в различных магических манипуляциях активно использовались вещи с отчетливой сексуальной символикой. Так, чтобы быть желанной у парней и чтобы бились из-за нее, девушка после приезда сватов прятала пробку от бутылки привезенной водки и затем толкла ее в ступе[1]. Эротический контекст этого действия находим в загадке про пест и ступу: «Вы́скачылі юры́ з-пад каме́ннай гары́, ста́лі над ба́баю юры́ць, аж ха́та дрыжы́ць»[2].

Чтобы рождались сыновья, невеста во время венчания держала за пазухой орехи. В этой ситуации акцентировалась их соотнесенность именно с мужским началом (сравним в загадке: «Рос, вы́рас, са штано́ў вы́лез, ко́нчык залупі́ўся, з дзе́ўкай спалюбі́ўся»[3]).

По народным представлениям, невеста могла регулировать процесс деторождения, положив за пазуху в церкви замкнутый/отомкнутый замо́к, где последний, как верно заметил еще А. Богданович, символизировал женское лоно[4]. В загадке замок имеет подобное прочтение: «Стаіць каро́ва, дзі́рка гато́ва, прыйшо́ў бык — у дзі́рку тырк»[5]. Пест как символический заместитель эрегированного мужского члена клали молодым в постель, «чтобы не вредили чаровники»[6]. Но, кроме охранительной функции, пест должен был магическим образом увеличить производительную силу молодого. С другой стороны, предметы с аналогичной символикой могли использоваться и с вредоносными целями. Так, считалось, что «если банный веник (в загадке: "У субо́ту на нядзе́лю — дала́ сваймý дабрадзе́ю. І свярбі́ць, і балі́ць, і шчако́чацца — бо́лей хо́чацца"[7]) поло-

---

[1] См.: *Szukiewicz W.* Niektore werzenia, przesady i zababony ludu naszego, legendy i podania // Kwartalnik Litewski. 1910. T. 2. S. 115.

[2] Загадкі. С. 234.

[3] *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Киев, 1885. Т. 1, вып. 1–2. С. 330.

[4] См.: *Богданович А.* Пережитки древнего миросозерцания у белорусов. Гродно, 1895. С. 176.

[5] *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Т. 1. С. 332.

[6] Вяселле: Абрад. С. 384.

[7] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 2. С. 494.

жить возле ворот и перед отправлением жениха или невесты в церковь встать на нем, то свадебный поезд не тронется с места»[1].

Однако наиболее насыщенными эротикой были этапы свадьбы, связанные с выпечкой каравая и «пакла́дзінамі» молодых («каморай»).

На мифопоэтическом уровне свадебный каравай олицетворял собой *Долю* молодых, данную Богом: «Я́сны ме́сячык на дварэ́ све́ціць, / Сам Бог карава́й ме́сіць»[2].

Ожидаемые размеры каравая сверхъестественные:

Расці, карава́ю, вы́шай сталпа́ залато́га, залато́га,
Вы́шай Яся малaдо́го,
Расці, карава́ю, вы́шай каня́ варано́га, варано́га,
Вы́шай Яся маладо́га, маладо́га,
Расці, карава́ю, вы́шай то́палю высо́кага, высо́кага[3].

«Космическое происхождение» каравая подчеркивает и его украшение – на нем выпекались солнце, луна, звезды[4]. Однако главной идеей, олицетворяемой караваем как символом Доли, была идея плодовитости, рождаемости, урожайности. В этом смысле он выступал своеобразной матрицей будущей семейной жизни молодой пары. Не случайно в XIX веке на каравае размещали изображения «спаривания самца и самки: петух – на курице, гусак – на гусыне, кабан – на свинье...», а также «изображения мужских и женских половых органов»[5]. И даже в начале XX века «в Велиже каравай пекся женщинами под пение "саро́мных" песен; украшался каравай также срамными фигурами, как, например, фигурой мужчины, держащим свой penis огромного размера»[6]. Изготовление каравая, начиная с самых простых операций, уподоблялось зачатию и рождению ребенка, где функции женского чрева исполняли хлебная дежа и печь. Так, замешивая тесто, каравайницы пели: «Карава́ю-ра́ю, це́сцечка, / Чатыры кале́ні ўме́сцечка»[7] или: «Ту́пнула не пама́лу, / Падкаці́лася пад ла́ву, / Падкаці́лася пад Гры́ца, / Бо я яго́ маладзіца»[8]. Операции с караваем как чрезвычайно мощным ис-

---

[1] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 60.
[2] *Федароўскі М.* Люд беларускі... С. 100.
[3] Там же. С. 36.
[4] См.: *Никольский Н.М.* Происхождение... С. 191.
[5] *Нікольскі М.М.* Жывёлы ў звычаях, абрадах і вераваннях беларускага сялянства. Мн., 1933. С. 35.
[6] *Шлюбскі А.* Матар'ялы... Ч. II. С. 88.
[7] Вяселле: Песні. Кн. 1. С. 100.
[8] Вяселле: Абрад. С. 460.

точником плодовитости на фольклорном уровне шутливо понимались как «опасные» для самих женщин-каравайниц: «Каравáйніцы-мядзведзі, / Не начýйце ў дзяжы́. / Калі бýдзеце начавáці, / То зрóбіце па дзіця́ці»; «Стáршая каравáйніца / Паéхала ў лес па дрóвы... / За пень зачапілася, / На калóду прабілася»[1].

Само посажение каравая в печь осознавалось как символический половой акт, где каравай — олицетворение мужской оплодотворяющей силы, а печь — детородного женского начала: «Даўнó пéчка зіяé, / А прыпéчак рагóча — / Печ каравáя хóча»[2]. Неслучайно, эту процедуру исполнял, как правило, женатый мужчина. Как резонно заметил Н.М. Никольский, «мужчина должен сажать каравай в печь потому, что он по своей природе является активным оплодотворяющим началом»[3]. Более выразительно «мужской» символизм пирога проявляется в «каморных» песнях: «"Ах ой, мáмухна, ў клець вядýць". — / "Не бóйся, пірóг дадýць. / Не той пірóг дадýць, / Катóры ядýць, / А той пірóг дадýць, / Катóры не ўсім даюць"»[4].

Это же значение пирога прочитывается и в шутливых, двусмысленных песнях свадебного застолья: «Не сядзí, свáтка, ля сцяны́, / Нáшы дзéўкі жартаўлíвыя: / У сцянé дзíркі круцілі, / З тваёй кішэ́ні, свáтка, / Піражóк дастáць наравілі. / Пад прыпéчкам мы́шка пíснула, / Свáцця піражóк сціснула. / Сват пірагá не даé, / Дамоў дзéцям панясé. / Не так дзіця́ці — / Як старóй свáцці»[5].

Фаллическую символику имеет и хлебная лопата, которой сажали каравай в печь. Стуча ею в потолок, мужчины-каравайники магическим образом способствовали росту каравая в печи[6]. Когда же у хозяина были еще и младшие дочери, каравайник стучал в потолок три раза, чтобы те через три года вышли замуж[7]. Вероятно, именно соотнесенность хлебной лопаты с «ярым» мужским началом лежит в основе ее использования в качестве оберега от молнии и града (обереги фаллической формы широко известны в европейской традиции).

Когда каравай вынимали из печи, он окончательно обретал черты живого существа: «Дáйце мне пасашóк падпірáцца, а да клéці дабрáцца! / А рагáт я, багáт, а ў малы́я дзвéркі не ўлéзу»[8].

---

[1] Там же. С. 164.

[2] Там же. С. 221.

[3] *Никольский Н.М.* Происхождение... С. 214.

[4] Вяселле: Песні. Кн. 6. С. 178.

[5] Песні народных свят... С. 402.

[6] См.: Фальклор у запісах Яна Чачота... С. 183.

[7] См.: Вяселле: Абрад. С. 513.

[8] *Никольский Н.М.* Происхождение... С. 183.

Конечно же, определенные «эротические вольности» звучали и в «вясе́льнай бясе́дзе» (застолье), где главным объектом насмешек и шуток был сват («марша́лак») и сватья (реже – «дру́жка» молодого). Обычно этим персонажам приписывались различные «непристойности» и недоразумения: «Сват сва́ньку разува́ў, / Андара́к разадра́ў, / Падня́ў но́жку, пазіра́ў...»; «Прые́хаў марша́лак-мешчанін / Ды ў ла́ву я́йцы зашчаміў. / Ту́заў, ту́заў, ту́заў, не выня́ў – / Застагна́ў, заплака́ў, закрычаў. / А хто ішо́ў міма – не міну́ў, / Усяля́кі пу́гай сцебану́ў»;[1] «Сядзіць дружко́ на ла́ўцы, / Спусціў була́ўку пад ла́ўку. / Да: "Кыцы, кыцы" курмя́ўку, / Адда́й маю́ була́ўку, / Дам табе́ мя́са дзяля́нку"»[2].

Иногда занятия свата и сватьи выглядели почти что «невинно»: «Да ўсе гару́ць, бараню́юць, / Сват сва́цці хва́ртух шые, / Шы́е ні́ткаю, трасе́ лы́ткаю...»[3] В свадебных припевках оспаривается и «скромный», «невинный» характер местной молодежи: «Наш бра́цейко не стары́, / Не прыпіра́йся да сцяны́, / Бо на́шы дзе́ўкі юрлівы, / Праз сце́ну дзіру́ круцілі, / Да бра́цейка збудзі́лі [разбудили, *перен.* возбудили]»[4].

Поскольку ритуал символическим образом оформляет даже безусловные с физиологической точки зрения события (рождение, смерть), то и такой интимный этап свадьбы как «камора» («пакла́дзіны»), или попросту «первая брачная ночь», довольно-таки емко отражен в свадебном фольклоре. Само помещение («камора», «клець»), в котором молодых укладывали спать, было далеко не случайным, поскольку служило воплощением благополучия, достатка (шире – Доли) всего хозяйства – там хранились продукты питания, зерно, наиболее ценное имущество[5].

Таким образом, «добро», сберегаемое в каморе, должно было позитивно воздействовать на молодых в продуктивном плане, а репродуктивная потенция молодой брачной пары, в свою очередь, способствовала росту благополучия всего хозяйства. Кроме того, все эти помещения (камора, клеть) «объединяет и то, что все они холодные (без очага), не имеют икон и других культурных символов. И вместе с тем они находятся в

[1] *Зянько У.Б.* Спадчына... С. 137.
[2] *Федароўскі М.* Люд беларускі... С. 137.
[3] Там же. С. 136.
[4] Там же. С. 138.
[5] См.: *Гуркоў У.С., Якімовіч Ю.А.* Камора // Этнаграфія Беларусі: Энцыклапедыя. Мн., 1989. С. 239.

границах своей, освоенной территории[1]». Промежуточный, между «природой» и «культурой», статус этих помещений подчеркивает такой же переходный статус жениха и невесты.

Как и любой другой прецедент, первая брачная ночь была знаковой для супругов, определенным образом влияла на их дальнейшую жизнь, считалось, например, что тот из молодых, кто уснет первым, «упярóд умрэ́»[2], а «если молодой развяжет своей жене все узлы и расстегнет ворот рубахи – та будет легко рожать детей»[3]. Особая роль в «программировании» Доли молодых отводилась устройству постели. С целью отвести возможные «чары» и вред в постель могли положить пест, нож, серп и другие изделия из железа. Зерно, вывернутый кожух должны были способствовать плодовитости и богатству молодых. Большое значение имели и специальные травы (цветы): «Пасцéльку слáла, / А тры зéллі клáла: / Пéршае зéлле – рóжа, / Каб былá прыгóжа, / А другóе зéлле – квéці [цветы], / Каб былí ў яé дзéці, / Трэ́це зéлле – мя́та, / Каб былá багáта»[4].

В отличие от современной ситуации, когда «покладины» молодых означают перерыв в свадебных торжествах, в традиционной культуре ритуал не знает заминок ни на минуту, наоборот, «оставив жениха и невесту одних, гости начинают танцевать, петь неприличные песни, шутить»[5]. Смех и шутки на мифологическом уровне являются отчетливыми признаками жизни (мертвые не смеются) и приметой «своего» мира, а поэтому выступают действенными оберегами от возможного воздействия нечистой силы. Эротическое же содержание «калінак» (каморные песни), с учетом веры в ритуальную магическую силу слова, только аккумулировало созидательную энергию вокруг самóй каморы.

Процесс дефлорации невесты на символическом уровне описывается как первая пахота: «Закладáйце быкí-нéўкі ў ярмó / Да бýдзем навíнаньку арáці»[6]. Соответственно мужской половой орган выступает в качестве земледельческого орудия: «Казалі нам: “Сямёнка, гультáй – / Залатýю сóшаньку папраўля́ў, / Чóрную аблóгу раздзірáў”»[7]. При этом, чтобы «соха» находилась в рабочем состоянии и не подвела в нужный мо-

---

[1] *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 84.
[2] *Federowski M.* Lud białoruski... S. 212.
[3] *Никофоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 66.
[4] Вяселле: Песні. Кн. 6. С. 174.
[5] Вяселле: Абрад. С. 302.
[6] Вяселле: Песні. Кн. 6. С. 184.
[7] Там же.

мент, были предусмотрены специальные возбуждающие методы. «Дру́жка» с молодицами ведут молодых в клеть, где «жениха раздевают и кладут в постель. Затем раздевают догола молодую – чтобы у жениха разгоралась любовь к невесте»[1].

Довольно распространены песни, в которых молодые выступают в образе животных (лисица и заяц), птиц (голуб, голубка; селезень и утка) и даже насекомых (комар, муха). Половые отношения между ними «закамуфлированы» шуточным образом: «Да наша лісухна п'я́на была́, / Да на гаро́дах спаць лягла́. / Прыбе́г за́юхна, лёг на яе́, / Прачну́лася лісухна – мо́кра ў яе́: / "Ды ці не быў жа ты, касы́, ля мяне́?"»[2].

Овладение молодой уподобляется порой военным действиям, штурму и захвату молодым крепости или города: «Ку́ры, ку́ры, да не пе́йце ра́на, / Да не пе́йце ра́на, не будзіце па́на. / Ой, наш пано́чак з вайны́ прые́хаў, гаро́д зваява́ў»[3]. Однако в большинстве случаев «причина» утраты невестой девственности выступает отдельно от образа собственно молодого, принимая в фольклоре самый разнообразный вид. Это может быть и некое неизвестное «третье», которое действует само собой: «Жаніша́к да, да ло́жьпо ідзе́, / Дзе́ваньку за сабо́й вядзе́. / Палажы́лі дво́е спа́ці, / Трэ́це калыха́ці. / Спіце, дзеці, чутка, / Трэ́це ўста́ла ху́тка»[4]. По цветовой соотнесенности и способности менять свою консистенцию и упругость это может быть червяк: «А ма́мачка, балазе́, / Паўзе́ чарвя́к па назе́. / А ма́мачка, баю́ся, / Ён жа мяне́ ўку́се»[5]. Определенные болевые ощущения и представления о мужской «ярости» приводили к появлению в каморных песнях образа жалящей пчелы или шершня: «Прыляце́ў, ма́мка, шэ́ршань / Дай уткну́ў жа́ла, / Сэ́рца маё задрыжа́ла. / Дзе́ўку не за пуп, да за чэ́рава / Укусі́ў па се́раду [посередине]»[6].

Способность эрегированного полового органа мужчины увеличиваться в размерах также порождала определенные фольклорные аналогии: «А ў нас сёння шавялі былі, / Чаты́ры но́жкі ў ку́чы былі, / Пя́тая но́жачка шавялі́ла, / Нам гарэ́ліцу сала́дзіла»[7].

---

[1] Вяселле: Абрад. С. 385.
[2] Вяселле: Песні. Кн. 6. С. 182.
[3] Там же. С. 184.
[4] Там же. С. 177.
[5] Там же. С. 180.
[6] Там же.
[7] Там же. С. 192.

Несмотря на то, что в большинстве случаев активной силой выступает мужское начало в различных ипостасях, иногда завидное умельство в обхождении с эти самым «началом» демонстрирует молодая: «А нáша маладá ў клéці сядзіць, / У клéці сядзіць, каўбáсы чы́не. / Начыніла каўбасý — сам другý не ўнясý, / Начыніла другýю — яшчэ́ такýю, / Начыніла трэ́цюю — яшчэ лéпшую»[1].

Девственность девушки также приобретает в фольклоре предметный характер и может выглядеть как «чырвóна калі-на» (ягодка, роза) или золото: «Ой, слáўна, слáўна дзéвачка, / Што ні хадзіла ў цёмныя лясы́ па арэ́шкі, / Да што хадзіла ў шчы́рыя бары́ ў ягáдкі, / Да ўраніла чырвóную я́гадку ў кравáтку, / Да й пусці'ла харóшу слáвачку [= светлый бор], / Да ўраніла чырвóну калíну ў пяры́ну, / Да й пусціла харóшу слáвачку на радзíну»[2].

Отношение к непорочности девушки в традиционном обществе формировалось прежде всего с учетом мифологической картины мира, характерной для сознания того времени. Противопоставление «целая–нецелая» было только конкретным проявлением целого ряда бинарных оппозиций типа: «полный–пустой», «богатый–бедный», «левый–правый», «урожайный–неурожайный» и т. п. Неслучайно этнограф А. Троицкий отмечал в XIX веке: «Простой человек верит, что непорочная девушка приносит в дом божие благословение, а порочная — разорение, разлад и другие непорядки и опустошение дома»[3].

Отчетливое указание на эту потенциальную опасность для всего хозяйства находим и в фольклоре: «Ня чýйце вы, кóні, / Ня чýйце і, карóвы, / Ня чуй, нáша пашня́, / Што к нам дзірáва прыйшлá»[4].

Поэтому, если выяснялось, что невеста «нячэ́сная», над ней и всей ее родней довольно жестоко издевались: «Пад ёлкай раслá, / Не дзéўкай прышлá. / Пад ёлкай спáла, / Не дзéўкай ўстáла. / З ёлкі звалілась, / На сук прабілась»[5].

Наиболее известным наказанием за подобную провинность было одевание на родителей молодой или свата («закóсніка») хомута[6]. «В этом случае обыгрывалась как форма хомута, так

[1] Там же. С. 183.
[2] Беларускі фальклор у сучасных запісах... С. 213.
[3] Вяселле: Абрад. С. 114.
[4] Вяселле: Песни. Кн. 6. С. 205.
[5] Там же.
[6] См.: Фальклор у запісах Яна Чачота... С. 223.

и его отношение (принадлежность. — *В.Л.*) к миру животных. Тем самым поведение «нечестной» уподобляется поведению животных»[1]. Если же невеста — девственница, «начинается движение и своеволие. Гости скачут по лавам, стараясь их перевернуть и поломать: хозяева, чтобы не допустить этого, чем-нибудь подпирают лавки... Забавам нет конца: закосники ловят куриц, режут, готовят — всё позволяется, если молодая сто́ит этого»[2]. По мнению А. Байбурина, «Экстатический характер поведения участников, отрицание всех существующих норм и правил — типичный образец картины обновления всех существующих связей и отношений»[3]. На Гомельщине, если невеста была «честной», ее подруги били посуду, а «во дворе вывешивали красный флаг»[4].

Однако вряд ли отношение к добрачным связям молодежи в традиционном обществе было унифицированным и стереотипным. Свои коррективы вносили региональные, конфессиональные и эпохальные факторы. Поэтому, «говоря об общественном мнении, мы в свою очередь должны учитывать возможность его раздвоения на формальное, провозглашавшее строжайшую необходимость соблюдения тех или иных норм, и реальное, которое всерьез этого не требовало и весьма либерально относилось к нарушителям»[5].

Эротика родинной обрядности

В белорусском традиционном обществе, где семья рассматривалась прежде всего как единственно возможный механизм продолжения рода, человек считался «супоўным» (настоящим) не только после вступления в брак, но обязательно после рождения детей. Отсутствие же детей у семейной пары, наоборот, расценивалось как «Божья кара», что исключало супругов из числа «нормальных» людей, делало их социально и ритуально неполноценными (например, бездетных не приглашали в сваты, кумы, их участие в ритуалах календарного цикла было ограничено). «Причины бездетности объяснялись в разных

---

[1] *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 85.

[2] Фальклор у запiсах Яна Чачота... С. 223.

[3] *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 85.

[4] Вяселле: Абрад. С. 385.

[5] *Семенов Ю.И.* Пережитки первобытных форм отношений полов в обычаях русских крестьян XIX — начала XX в. // Этнографическое обозрение. 1996. № 1. С. 41.

местностях по-разному, но основная из них и самая распространенная – влияние луны (бездетными считались те, кто родился ночью в конце одной четверти луны и в начале новой – в «межах»). В многочисленных районах Беларуси бездетность приписывалась колдовству во время свадьбы»[1].

Эротика как символическое отображение сексуальных отношений и, соответственно, зачатия и рождения детей имеет в родинной обрядности несколько уровней разрешения как вербального, так и акционального плана. Наиболее архаическая символика лежит в основе сюжетов, связанных (или призванных объяснить) с причиной появления ребенка на свет и наделение его Долей, в то время как тема взаимоотношения кума и кумы окрашена более явным эротизмом, основанном на достаточно прозрачном символизме.

Наиболее архаический мотив зачатия ребенка, который фиксируется почти исключительно в Белорусском Подвинье (ареал расселения кривичей), устойчиво соотносится с образом кузнеца: «Ой, спасіба таму́ кавалю́, / Што скува́ла дзяцену́. / Малато́чкам не сту́каў, / У ру́чачкі не ху́каў, / А ляжа́ўшы на палу́ / Упіра́ўся ў сцяну́. – / Цёплая, до́брая ку́зня была́!»[2].

В индоевропейской мифологии образ кузнеца имеет достаточно универсальное значение. Он наделен «сверхъестественной созидательной силой, связанной с огнем, и обладает функциями демиурга – верховного божества <...> – помощника одного из главных богов, культурного героя или предка» и «может выковать песню, свадьбу, слово»[3].

Характерно, что «святые кузнецы» Кузьма и Демьян фигурируют в северобелорусской свадебной традиции: «Святы́ Кузьма́ – Дзям'я́н, / Прыхадзі́, прыхадзі́ на сва́дзьбу к нам. / Са сваёй ку́зенкай, / Скуй нам сва́дзебку...»[4].

Как зачатие, так и рождение ребенка, по народным убеждениям, требовали взаимодействия мужского и женского начал. И если в первом случае участие мужчины было на самом деле реальным, а ритуальный символизм только обыгрывал эту ситуацию (сравни: «За́раз хрэ́сьбін ма́ла гуля́юць, бо дзяце́й не раджа́юць, якія дзе́ці, дзяце́й жа па́льцам не зро́біш, мужы́к трэ́ба!»[5]),

---

[1] *Кухаронак Т.І.* Радзінныя звычаі і абрады беларусаў. Мн., 1993. С. 15.

[2] Радзіны: Абрад. С. 219–220.

[3] *Иванов В.В.* Кузнец // Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1992. Т. 2. С. 21.

[4] *Никольский Н.М.* Происхождение... С. 137.

[5] Радзіны: Абрад. С. 93.

то участие мужа в родах своей жены основывалось на прагматизме исключительно символического плана. Так, у белорусов Смоленщины В. Добровольский зафиксировал обычай, когда мужчина «помогал» своей жене рожать, имитируя родовые схватки и боль. В случае, если его стоны были неубедительными и, соответственно, слабо «помогали», бабка-повитуха привязывала к детородному органу мужа суровую нитку и раз от раза чувствительно ее дергала. Кроме того, считалось, что чаровницы могут всецело переложить реальную боль и страдания с жены на мужа[1]. Схожий обычай бытовал и в Полесье. «Муж во время родов присутствовал, чтобы жене было легче рожать. А еще, чтобы легче родить, нужно было на своего мужа говорить плохими словами[2]». На Минщине, «когда начинались роды, звали бабку-повитуху, которая клала возле рожениц переспелый огурец (дотронься до него, и через отверстие полезут семена). Этот огурец клали, чтобы роженица быстро и легко родила ребенка»[3]. В качестве вспомогательного средства при тяжелых родах использовали и штаны мужа (олицетворение половой сферы мужчины), через которые женщина должна была переступить три раза[4].

Однако наиболее выразительные эротические элементы родинной обрядности проявлялись во время застольной «бясéды». Именно во время застолья «начинаются самые неприличные шутки не только словом, но и делом — в чем не может быть стыда, поскольку на крестины собираются только женатые»[5].

Основными «героями» интимных приключений и сексуальных похождений в родинном фольклоре выступают кум и кума, что совсем не случайно. Роль бабки-повитухи и кумов в ритуале, в сравнении с родителями ребенка, первична, ибо повитуха «лепит» тело человека, *создает форму*, а крестные *дают имя*, приобщают к сфере духовного. То, что главные участники этого процесса — не родители, а посторонние, соотносится с тенденцией ритуала к отделению ребенка от «природы». В данном случае речь может идти о том, чтобы дать ребенку «настоящих, не биологических родителей»[6]. Однако «пикантность» си-

---

[1] См.: *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1893. Ч. II. С. 370–371.

[2] Радзіны: Абрад. С. 61.

[3] Там же. С. 187.

[4] См.: *Jeleńska E.* Wieś Komarowicze w pow. Mozyrskim // Wisła. 1891. № 5, kn. 2. S. 480.

[5] Радзіны: Абрад. С. 108–109.

[6] *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 47.

туации заключалась в том, что, будучи «родителями» ребенка, кум и кума, в народных представлениях, должны были быть мужем и женою или, как минимум, иметь уровень взаимоотношений, достаточный для появления ребенка.

Хотя в реальной жизни половые отношения между кумом и кумой были жестко табуированы («недаравáльны грэх»), а брак между ними запрещался[1], этот «пробел» с лихвой компенсировался виртуально-шутливым образом в родинном фольклоре.

Инициатива в греховном сближении чаще всего приписывается куму, обхаживающему куму́ и приносящему особые подарки: «А кум ку́мку / У садóчак вядзé. / А кум кумцы / Агурóчак нясé. / "Не хачу́ я / Агурóчка твайгó. / Не чапáй ты / Хвартушóчка майгó". / А кум ку́мку / У садóчак вядзé, / А кум ку́мцы / Ды кілбáску нясé. / "Не хачу́ я / Ды кілбáскі тваёй, / Не чапáй ты / Ды спаднíчкі маёй"». Но, испив хмельного меда, ку́ма становится более сговорчивой: «Упілáся, кумóк, мёдам тваíм. / Ды рабí ты ўжо, што хóчаш, / З жыватóчкам маім»[2]. «Падару́нкі-пачасту́нкі» ку́ма могли иметь абсолютно реальные последствия: «Дам падáрак дарагóй, / Хоць малéнькі, дак жывóй. / Бу́дзеш кумкá калыхáць, / Бу́дзеш, ку́мка, праклінáць»[3].

В фольклоре интимные отношения кумы и кума часто принимают вид хозяйственной «помощи» со стороны последнего. Так, кум «кры́е кумé хáту» (а затем и постель), сеет коноплю, пашет надел кумы или даже ткет на кроснах: «Кум да кумы́ заляцáўся, / Крóсенкі ткаць ёй абяцáўся. / Як ён ткаў, прытыкáў, / Прытыкáючы, казáў: / "Ты, кумá, ты — душá, / На ўсе кумы харашá!"»[4] (Сравни кросны в загадке: «Хвáртухам шару́е, нагамі кíру́е, / Дзе разíнецца — туды́ су́не»[5].) Иногда свое желание кум высказывает достаточно прямолинейно: «Такí, кумá, дáйся, / Такí дагадáйся, / Такí чáсам пад пóясам, / Пашчу́паці дáйся»[6]. Но и сама кума далеко не всегда выглядела пассивной стороной в отношениях с кумом. Так, она может пригласить его на особенную «косьбу»: «Яшчэ́, ку́ме, не віднó, / Хавáймася пад раднó... / У мянé, ку́ме, травá асакá, / Касí, ку́ме, з высакá»[7], или

[1] См.: *Federowski M.* Lud bialoruski... S. 335.
[2] *Зянько У.Б.* Спадчына... С 150.
[3] Радзіны: Абрад. С. 380.
[4] Там же. С. 293.
[5] *Зянько У.Б.* Спадчына... С. 204.
[6] Радзінная паэзія. С. 638.
[7] Там же. С. 426.

попросить об интимной услуге: «Кум не п'ець, кум не п'ець, / Кума́ не хо́чыць. / У кумы́ ў прарэ́се, у кумы́ ў прарэ́се / Блыха́ шчако́чыць. / "Кумо́чак-брато́чак, кумо́чак-брато́чак, не бо́йся грэ́ху, / Вы́гані ў кумы́, вы́гані ў кумы́ / Блыху́ з прарэ́ху"»[1].

В шутливой форме представлен в родинной поэзии непосредственный интимный контакт кумы и кума, во время которого последний встречается с неизвестным «зверем»: «А кум ку́му разува́ў, / Пад падо́лік загляда́ў. / "А, ку́мачка, што за звер? / Я баюся, каб не зьеў". / "А, кумо́чак-дурачо́к, / Ці ты ў ле́се не быва́ў, / Такіх звя́рэй не віда́ў? / Гэ́та, кумо́к, вы́дра, / Што ўсім людзям відна. / Гэ́та, кумо́к, бо́бра, / Што ўсім людзям до́бра". / Ку́мка ў ле́се бы́вау, / Такіх звя́рэй не віда́ў: / Не куку́е, не пяе́, / То́лькі ро́цік разяе́»[2]. Сюжет этот, популярный и широко известный в Беларуси, имеет различные варианты. В одном из них идентификация «зверя» представлена более подробно: «А я быў у ле́се, / А я ба́чыў барсука́, / Дык у ку́мкі шэрсць не така́... / А я быў у ле́се, / А я ба́чыў ліса, / Дык у ку́мы лыса. / А я быў у ле́се, / А я ба́чыў во́ўка, / Дык у ку́мы ж ло́ўка»[3]. Кум пытается разобраться со «зверем» с помощью собственного «оружия», но тщетно: «Паку́ль вы́няў пісталет, / Аглянуўся — зве́ра нет»[4].

Но, даже безотносительно кумов, тема «про это» была довольно развернута в так называемых «тлу́стых», «саро́мных» или «брахлівых» песнях и припевках — неотъемлемой части родинного фольклора. Например, «сексуальное приключение» могло случиться даже между бабой и чертом: «Чорт ба́бе ніці падае́ / Дый за цы́цкі бярэ́. / Пакаціліся ў куто́к — / Прапаро́ў ба́бу гуро́к. / Ста́ла ба́ба азіра́цца, / Што жыво́т стаў падыма́цца... / Ста́ла ба́ба пла́каці — / Пачало́ ўжо і кувя́каці. / Люлі, люлі, люлясікі, / Што зрабілі гуля́сікі»[5].

Частушки, звучавшие на Родинах, имели двусмысленный характер, когда за внешне безобидной формой прятался очевидный эротический подтекст. Как сообщают информаторы, исполнялись они уже на достаточной степени веселья присутствующих и, естественно, были шуточными: «А ў на́шага за-за-за́йца / Адарва́лі я-я-я́блычка ў зялёным саду́. / А ў на́шага дзя́-дзя́-дзя́дзі / Усе́ до́чкі бля-бля-бля́хамі таргу́юць яны́. / Лінін-

[1] Радзіны: Абрад. С. 383.

[2] Зап. автором в 1995 г. в д. Москаленки Верхнедвинского р-на от М.П. Макеенок, 1927 г. р.

[3] Радзіны: Абрад. С. 138.

[4] Там же. С. 379.

[5] Песні Беласточчыны. С. 130.

грáцкі пó-пó-пóп / Сваíх дóчак ё-ё-ёлкамі загарáджваў. / А ў нáшага пó-пó-пóпа / Адарвáна жó-жó-жóўтая парцýначка ў ягó»[1].

Как уже отмечалось, фиксация подобных фольклорных произведений является наиболее проблематичной для полевого исследователя, поскольку вне обрядовой ситуации носители традиции трактуют такие песни как «бесстыдные», петь которые в повседневной жизни, а тем более постороннему человеку, неприлично.

Затрагивая тему эротическо-брачной символики родинного ритуала, необходимо обратить внимание и на обрядовые действия, непосредственно связанные с бабкой-повитухой. В мифологическом сознании именно бабка-повитуха («пупóўніца», «пупарэ́зка») выступает как посредник между сакральной сферой (Богом) и социумом, испрашивая и доставляя новорожденному Долю: «Бабýся стаіць, дзіця́цю дзяржы́ць, / Бóгу рáдзіцца. / І з Бóгам рáдзіцца, дóлю прóсіць / І багавýю і грашóвую»[2]. Неслучайно в этой ситуации и то, что «бабкой» могла быть женщина пожилого, уже недетородного возраста; иначе доля новорожденного могла быть «перетянута» собственными детьми повитухи.

Основным ритуальным блюдом родин являлась «бабина каша» – воплощение не только Доли нового в общине человека, но и коллективной Доли вообще, которую необходимо было наново распределить. «Разбив горшок или миску, хозяин уже утрачивает свои права на кашу. Она становится общей. Каждый из гостей пробует бабину кашу, а бабка наделяет ею всех детей, которые к моменту раздела бабиной каши собираются сюда почти со всей деревни. Женщины, у которых дети остались дома, берут несколько штук печенья от бабиной каши в карман или за пазуху, потому что приехать домой с крестин без бабиной каши считается тем же самым, что и приехать к детям из города без гостинца»[3]. Таким образом, каждый ребенок деревни получал свою часть доли. «Показательно, что каша – не только крестинное, но и свадебное, и поминальное блюдо, т. е. используется всякий раз, когда возникает необходимость символического перераспределения жизненных благ и ценностей – своего рода потлáч»[4].

---

[1] Зап. автором в д. Москаленки Верхнедвинского р-на от Т.Б. Кордюковой, 1930 г. р.

[2] Радзіны: Абрад. С. 206.

[3] Там же. С. 193.

[4] *Байбурин А.К.* Ритуал... С. 52.

В нашем контексте интерес представляет сам процесс битья посуды, который «содержит брачно-эротические оттенки»[1]. Так «в Кобринском районе горшок с кашей разбивала сама бабка-повитуха с пожеланиями: “Каб к нáшай дзéўцы хадзілі кавалéры” или для мальчика: «“Каб жанíўся, у пáры жыў”»[2]. В Восточном Полесье «женщины – участницы крестин бросали друг в друга черепками от разбитого горшка и при этом высказывали пожелание: “На табé, каб і у цябé праз год былá кáша”»[3].

Несомненную эротическую направленность имел обычай, широко распространенный в Беларуси (исключения составляют районы Полесья) – в конце родин тягать (катать) бабку-повитуху на бороне. Таскать бабку на бороне, покрытой, как правило, вывернутым кожухом, должны были исключительно мужчины и обязательно через всю деревню. На Минщине бабке ракрашивали при этом щеки ярко-красной краской, повязывали на голову множество платков, втыкали перья так, что получался настоящий венец. Сопровождавшие ее гости переодевались: мужчины – в женскую одежду, и наоборот; встречались среди них «дóхтур», «салдат», у многих на голову было водружено решето[4].

На Витебщине и Могилевщине бабка, когда ее таскали на бороне, погоняла мужчин веником[5]. Как справедливо заметила Т. Кухаронок, тягание бабки-повитухи на бороне – «действие, настолько насыщенное разнообразными символами и образами, что тяжело начинать его аналитическую характеристику»[6]. Сама исследовательница считает, что «основная цель исполнения обряда – желание содействовать благополучию и счастливой жизни ребенка»[7]. В семантической интерпретации бороны подчеркивается, как правило, ее фаллическая сущность: «Во внешней форме бороны прежде всего привлекают внимание ее острые зубья, что, естественно, обозначает ее фаллическую семантику»[8]. Но хотя символическое отождествление зуба бороны и фаллоса не вызывает возражения, семантика самóй бороны представляется более широкой. Графическое изображение основы бороны – решетчатый квадрат (ромб) еще со времен неолита олицетворял землю, разбитую на наделы. Прямоугольник, в котором

---

[1] *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў... С. 66.

[2] *Кухаронак Т.І.* Радзінныя звычаі... С. 69.

[3] Там же. С. 70.

[4] См.: *Кухаронак Т.І.* Радзінныя звычаі... С. 76–77.

[5] См.: Радзіны: Абрад. С. 95.

[6] *Кухаронак Т.І.* Радзінныя звычаі... С. 78.

[7] Там же.

[8] *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў... С. 58.

каждая из ячеек имела в центре точку (на каждую ячейку бороны приходится зуб), означал засеянное (оплодотворенное) поле[1]. Женская семантика основы бороны нашла свое отражение и в фольклоре. Так в загадке борона отождествляется с женской одеждой: «Дзіра́вая пла́хта ўсё по́ле пакры́ла»[1], где «плахта» — тип «юбки из двух сшитых до половины пол»[2]. В «кумовских» песнях борона с ячейкой-отверстиями также соотносится с женщиной: «Прыйшо́ў кум да кумы́ / Пазыча́ці бараны́. / Кума́ нагу́ падняла́: / "О то табе́ барана́!"»[3]. Таким образом, борона символизирует действенное сочетание мужского и женского начал в контексте идеи плодности (урожайности, рождаемости). Эту идею воплощает и сама бабка-повитуха. В приведенном выше описании бабка символическим образом «возвращается» в девичье, детородное состояние (румянец на щеках, венец на голове), а веник, которым она погоняет мужчин, в народной традиции «выступает как символ — замещение мужчины»[4]. Неслучайно на Витебщине для облегчения родов бабка-повитуха стучала помелом в потолок[5]. Кроме того, «битье веником в народном сознании воспринималось как символический эквивалент futuere, что особенно четко проявляется в загадках про банный веник: «Прыйшо́ў да мяне́ Зелянін, ён у мяне́ папрасі́ў; я дала́ і но́гу падняла́; і свярбіць, і шчако́чацца і яшчэ́ хо́чацца»[6].

Подытоживая, можно предположить, что обрядовое тягание бабки-повитухи на бороне должно было способствовать не только счастливой доле новорожденного, но и являлось заключительным этапом возобновления потенции именно коллективной Доли (на это указывает и маршрут тягания — через всё село), а именно ее детородного спектра. Проще говоря, ребенок, принятый бабкой, не должен был стать последним в деревне.

Круговорот дней

Наличие эротической компоненты в большинстве обрядов семейного и календарного циклов, безусловно, не означает, что в будничной (семейной, хозяйственной) жизни тема сексуаль-

---

[1] См.: *Голан А.* Миф и символ. М., 1994. С. 88—89.
[2] *Рапановіч Я.* Беларускія прыказкі... С. 331.
[2] Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Мн., 1980. Т. 4: П—Р. С. 270.
[3] Песні Беласточчыны. С. 132.
[4] Радзіны: Абрад. С. 101.
[5] См.: *Валодзіна Т.В.* Семантыка рэчаў... С. 102.
[6] *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Т. 1. С. 329.

ных отношений (сексуальности вообще) была неактуальной или табуированной. Человеческая сексуальная потенция осознавалась как одно из проявлений космической созидательной энергии, что, в свою очередь, позволяло человеку быть не только реципиентом во взаимоотношениях с природой, но и самому действенным образом участвовать в бытии Мироздания. Прежде всего это относилось к хозяйственной деятельности крестьянина (половой акт с женщиной и пахота земли на символическом уровне — явления идентичные), когда половые органы мужчины или женщины выполняли отчетливую продуктивную, стимулирующую функцию по отношению к пахотным землям, семенам, будущему урожаю и т. п. «На Витебщине, чтобы уродилась хорошая пшеница, хозяин сеял ее ночью, раздевшись догола»[1]. Когда высаживали огурцы, с целью стимуляции их роста использовали предметы с фаллической символикой: кол, полено, пест; при этом в посадке огуречных семян категорически запрещалось участвовать женщине, «што з лет вы́йшла (недетородного возраста. — *В.Л.*), бо не бу́дзе пло́ду нія́кага»[2]. Половой символизм был задействован и при посеве льна. Белорусы Подвинья «сеяли лен на Константина (3. VI) и при этом катались нагишом по земле, на которой он будет потом стелиться, — чтобы вырос длинный и волокнистый»[3]. В Полесье женщины накануне сева льна собирались в корчме, где гуляли, скакали через пень, поставленный посреди дома, приговаривая, что как высоко которая прыгнет, так высоко вырастет ее лен[4]. На Купалу (Витебщина) для того, «чтобы завивались большие крепкие кочаны <...> еще до восхода солнца баба раздевается догола и делает вокруг растения большой круг»[5]. Несомненную эротико-брачную окраску имело катание/кувыркание женщин на ниве во время дожи́нок, а также манипуляции с «бородой» — пучком колосьев, оставленных на поле в обрядовых целях[6].

Вообще, половая идентичность человека, закрепленная его социальной ролью (мужской/женский труд) и соответствующей

---

[1] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 108.

[2] Зямля стаіць пасярод свету: Беларускія народныя прыкметы і павер'і. Мн., 1996. Кн. 1. С. 308.

[3] *Шейн П.В.* Материалы... Т. III. С. 230.

[4] См.: *Głoger Z.* Zabobony rolnicze // Biblioteka warszawska. 1876. T. 2. S. 377.

[5] *Иванов В.* Приметы и поверья крестьян Витебского у. Витебской губ. // Записки Северо-Западного отделения ИРГО. Вильно, 1910. Кн. 1. С. 209.

[6] См.: *Валодзіна Т.В.* Талака ў сістэме духоўнай культуры беларусаў. Мн., 1997. С. 27–36.

культурной атрибутикой (одежда), рассматривалась как один из неотъемлемых элементов миропорядка. Покушение на ее изменение, даже на внешнем уровне, осознавалось как крайне негативное, «дьявольское». Подобным образом воспринималось переодевание мужчин в женскую, а женщин – в мужскую одежду (за исключением обрядовых ситуаций, где переодевание было санкционировано самим ритуалом). «Нямóжна чалавéку адзявáцца ў бáбскае ўбрáнне, як і бáбе нямóжна клáсці на сябé мужчы́нскія пóрткі ці шáпку, бо нячы́стая сіла вóзьме дай замéніць тых людзéй – мужчы́ну зрóбіць бáбаю ці жанчы́ну – мужыкóм да й прыкáжа сабé служы́ць. А анёл тады́ адсту́піцца ад тагó чалавéка»[1]. Такое переодевание вело к изменению не только личностных характеристик человека, но и его хозяйственных функций: «Тот мужчина будет бояться волка и вообще будет пугливый, который надевает женский головной убор. Женщину в мужской шапке очень быстро можно сглазить, а домашние животные станут такой женщины бояться»[2]. Подобным образом интерпретировались и гормональные особенности организма конкретного человека: «У кагó не расту́ць ні ву́сы, ні барадá, той ні бáба, ні чалавéк. Калі ў бáбы расту́ць ву́сы абó барадá, та тáя бáба не бáба й мужы́к не мужы́к, а так сабé чорт вéдае што»[3].

Показателем повышенной сексуальной энергии («юрлівасці», «улю́бчывасці») являлись «частые» зубы, которые, правда, болели значительно больше, чем «редкие»[4]. Однако, при любых раскладах, половая жизнь белорусского крестьянина не являлась какой-то тяжкой повинностью ради продолжения рода, а была далеко не последней радостью и солью бытия на этом свете. И хотя все фольклорные произведения на «эту» тему носят шутливый характер, их суть, правдивая основа вряд ли может вызывать сомнение. В частности, это относится к соотнесению на шкале жизненных ценностей полового акта и питания: «На што бáбе рашатó, на што бáбе сіта: дзед бáбу патаптáў – бу́дзе бáба сы́та»[5]. Страсть могла настигнуть в любом месте, а сам «процесс» характеризовался ничем не прикрытой эмоциональностью: «Ах ты, Сідар-макацёр, / На парóзе бáбу

---

[1] *Сержпутоўскі А.К.* Прымхі і забабоны... С. 147.
[2] *Никифоровский Н.Я.* Простонародные приметы... С. 81.
[3] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 163.
[4] *Никифоровский Н.Я.* Народные приметы... С. 77.
[5] *Ляцкий Е.А.* Материалы для изучения творчества и быта белорусов. М., 1898, Ч. 1. С. 24.

цёр: / Што паве́рніць — / Ба́ба пе́рдніць, / Што паці́сніць — / Ба́ба пі́сьніць»[1]. Мужской же силе «деда» и сейчас могут позавидовать представители «сильной половины»: «Наш дзед са́ні гнець — / Па чаты́ры клі́ны́ б'ець: / "Пасто́й, ба́бко, яшчэ сла́бко, / Ганю́ пя́ты — по́йдзіць гла́дка!"»[2]. «Порыву плоти» до полного изнеможения отдавались не только мужчины: «Там была́, там была́, / Дзе ко́ні пасу́цца; / Так дала́, так дала́, / Што ру́кі трасу́цца»[3]. Однако иногда женские надежды не оправдывались: «А ну ж ты ня дуж — ці на цябе́ лі́ха? / Капашу́ся, варушу́ся, а ты ляжы́ш ці́ха»[4]. Интимное фиаско могло иметь и довольно банальную причину: «"Шавялі́, ба́бка, наго́й". — / "Ні магу, кармі́лец мой! Я б і ра́да шавялі́ць — / Шавялу́ха не стаі́ць"»[5].

Что касается техники секса, то безусловно вариативность у белорусов XIX века была куда скромнее ее, нежели в «Камасутре», но и тут прослеживается определенное разнообразие. Наиболее распространенной была классическая европейская позиция «мужчина сверху»: «Не лажы́ся, Ма́рка, бо́кам, / Гэ́та та́бе не наро́кам. / Да лажы́ся прамусенька: / Бу́дзе ж та́бе да мілю́сенька» («камо́ра»)[6].

Довольно часто в фольклоре встречается указание и на позицию «мужчина сзади»: «Як у по́лі, як у по́лі / Пасе́ць дзе́ўка ко́ні. / Прыйшо́ў да яе́ Я́каў, / Ста́віў дзе́ўку ра́кам»[7], а также «наездница» или «женщина сверху: «Сядзі́ць сва́ццяна е́лі, / Распусці́ўшы кале́ні»[8]. На бытование оральных форм секса у восточных славян (правда, в обрядовом контексте) указывает еще «Слово некоего Христолюбца» в редакции конца XIV — начала XV века: «И егда же оу кого ихъ боудеть брак, творять съ боубны и съ сопельми, и съ многими чюдесы бѣсовскими; и ино же сего горшъ: устроивше срамоту моужьскоую и въкрадывающе въ вѣдра и въ чашъ, п'ють и вынемыше, осморкиваить и облизывают и цѣлоують»[9]. Подобные указания находим и в белорусском фольклоре: «Люблю́, люблю́ Пе́ценьку / За сла́дку конхе́ціньку: / Як пало́жыць у рато́к / Дак заны́е жыватoк»[10],

[1] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 6.
[2] Там же. С. 87.
[3] Там же. С. 32.
[4] *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. III. С. 8.
[5] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 29.
[6] Вяселле: Песні. Кн. 6. С. 178–179.
[7] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 42.
[8] Вяселле: Абрад. С. 446.
[9] *Аничков Е.В.* Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 375.
[10] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 54.

или: «Сінія штаны́, бе́лая падкла́дка, / А што у штана́х, то́е сла́дка» (загадка о сахарной «голове»)[1]. Оральные упражнения, скорее всего, не были улицей с односторонним движением: «Дзед ба́бу сагну́ў, / Касмо́цце раздзьму́ў. / Сало́дкае вы́кусіў, / А го́ркае вы́плюнуў» (орех)[2], или: «Як за ле́сам, за буйра́кам / Там стая́ла ба́ба ра́кам, / А ду́рань ду́маў — капліца / Дай дава́й туды́ маліцца»[3].

Упоминания о девиациях в сексуальном поведении встречаются в этнографических материалах и фольклоре исключительно редко. Причиной сексуальных отклонений почти всегда объявлялась психическая болезнь человека. Так в одном из народных рассказов из сборника А. Сержпутовского половой акт с телкой имеет именно «шаляпава́ты» (слабоумный, придурковатый) батрак, который всерьез считает, что она от него «прывяла́ го́жага быка́»[4]. Показательные в этом плане сведения были зафиксированы этнографической экспедицией Полоцкого университета на Ушаччине. Там, в деревне Старые Туросы, выделялся своей ненормальной сексуальной ориентацией Васька Герцык: «З ба́бамі ён ду́жа руга́ўся. А я яго́ не бая́лася, мы з ім ра́зам каро́ў па́свілі. Баб ён не любіў, мужчы́н ду́жа любіў. Адзін ён жыў, бацькі памёрлі. Хадзіў абадра́ны ўсё ўрэ́мя. До́ма самаго́нку гнаў. Бы́ва́ла, завядзе́ да сябе мужыка́, напо́іць і спаць пакладзе́. А пато́м не́хта далажы́ў аб гэ́тым нача́льству, ну яго і забра́лі ў дурдо́м. Там ён, ка́жуць, ду́жа ўлюбіўся ў нача́льніка бальніцы. Му́сіць, ён там усім надаеў і яго́ атравілі»[5].

На подростковую мастурбацию как средство снятия напряжения (сравни: «Дазво́ль, ма́тушка, жаніцца. / Дазво́ль узяць каго́ хачу́; / Не дазво́ліш мне жаніцца — / Ко́лам печ развара́чу́»[6]) в традиционном сообществе практически не обращали внимания, хотя епископ Кирилл Туровский еще в XII веке считал «ручной блуд» наших предков серьезным грехом[7].

Несмотря на то, что лад и любовь в семье рассматривались как высшая ценность, реальное положение дел могло существенно отличаться от идеала. Далеко не всегда при заключении

---

[1] *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Т. 1. С. 331.

[2] Там же. С. 320.

[3] Там же. С. 237.

[4] *Сержпутоўскі А.* Казкі і апавяданні беларусаў-палешукоў. Мн., 1999. С. 143.

[5] Зап. А. Градович в 1999 г. в д. Старые Туросы Ушачского р-на от Т.Е. Крывец, 1930 г. р.

[6] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 58.

[7] См.: *Мельнікаў А.А.* Кірыл, епіскап Тураўскі... С. 385.

брака учитывались чувства будущих супругов. Очень часто основной мотивацией брака выступала крестьянская хозяйственная прагматика. В ситуации, когда, например, юная девушка должна была идти за старого вдовца, вряд ли можно было ожидать приязненных отношений в такой семье. К тому же старый муж не мог удовлетворить сексуальных требований молодой жены. Всё это, с точностью до наоборот, могло случиться и с молодым парнем, пошедшим в примаки к значительно старшей, чем он, женщине. Поэтому неслучайно тема внебрачных отношений довольно широко представлена в белорусском фольклоре. Но при этом большое количество песен на эту тему не должно вводить исследователя в заблуждение. Речь в данном случае идет скорее о немногочисленных прецедентах, развернутых и растиражированных на фольклорном уровне, нежели о массовом явлении супружеской неверности в реальной жизни. В обратном случае пришлось бы принять на веру все «ужасные» обстоятельства семейной жизни, которые можно встретить в фольклоре: «А я мужыкá не палюбіла, / Завялá ў садóк і павесіла» (!)[1]. Чуть ли не самый распространенный сюжет – измена молодой жены старому мужу: «Прыйдзí, прыйдзí, малады́ хлóпча, / У пéршай гадзíне. / Ідзí, ідзí, стары́ муж, / У лес па калíну»[2]. Когда у старого мужа просыпаются подозрения, молодица предпринимает контрмеры: «“Калí, мілéнькі, ты мне не вéрыш, / Павéсь званóчак на падалóчак... / Як хто затрóніць – званóк зазвóніць...” / Званóчак звініць у сáдзе ля хáты, / А муж не чуе, бо глухавáты»[3]. Понятно, что такие «забавы», а тем более в отсутствие мужа имели вполне ожидаемые последствия: «Начавáў у нас казáк маладзéнькі. / Начавáў ён тры дні і тры нóчы / Ды пакíнуў мне кáрыя вóчы»[4]. Не меньшим проворством «на стороне» характеризовались и мужчины, на что справедливо сетовали жены: «Ён арэ́ць чужу́ю ніўку, / Ён лю́біць чужу́ю жóнку»[5]. При этом в глазах «ізьмéншчыка» «прелести» чужих женщин были более притягательными, чем собственной жены: «А ў сусéда лю́ба жанá, / Як пабáчу – сэ́рца млéе. / Сусéдава ўрадлíва, / Тлу́ста, бéла, чырнабры́ва. / Мая́ – ху́да, рудабрóва, / Су́ха, як карá дубóва»[6].

[1] Лірычныя песні. С. 316.
[2] Жартоўныя песні. С. 371.
[3] Там же. С. 315.
[4] Лірычныя песні. С. 97.
[5] Жартоўныя песні. С. 171.
[6] Там же. С. 183.

Иногда муж поступал с женой довольно-таки решительно: «Замкнуў жóнку на замóк, / А сам пáйшоў да дзявóк»[1].

Внебрачные отношения женатых людей осознавались народной традицией как утрата индивидуальной жизненной энергии и прежде всего умственных потенций: «Не паглядáй чужы́х жóнак: ці скасéеш, ці здурнéеш»;[2] «Чужы́я жóнкі — безгалóўе»[3]. Считалось, что с течением времени наиболее блудливые вне брака мужчины начинают напоминать свой детородный орган: «Хто к бáбам вéльмі мнóга мáе дачынéння [= связь, отношения], той хýтка аблысéе»;[4] «Чужáя мя́ккая падýшка на чужóй пасцéлі лы́сіну працярэ́біць»[5]. Чтобы муж не ходил по чужим женам, активно использовались различные магические средства. Существовал ряд специальных заговоров: «на захавáнне кахáння», «прысмýты», «шоб бáцька вярнýўся к дзіця́ці»: «Пастáўце лéску ад зямлі да нéба, шоб сам Гаспóдзь з нябёсаў злязáў, такóга чалавéка да дзіця́ці дамóў прыгнáў да ў пасцéлі спаць паклáў»[6]. Иногда заговор сопровождался определенными магическими манипуляциями: «Калі мужы́к хóдзіць па другíх, узя́ць рубáшку ці там штаны́, ці што, падрáць на кáснікі (лоскутки. — *В.Л.*), змéраць з галавы́ да ног і тады́ пад сваю́ пасцéль палажы́ць і загавары́ць»[7].

Как свидетельствует полевой этнографический опыт, подобные магические практики бытуют и в современной белорусской деревне, иногда выливаясь в трагикомические ситуации. В 1996–1997 годах в центре одного из сельсоветов Бешенковичского района (название деревни не приводится по этическим соображениям) случилась следующая история. Жена, узнав, что ее муж — местный участковый — ходит к другой, обратилась к известной знахарке. Обиженная женщина попросила сделать так, чтобы у ее мужа полностью исчезло половое желание к «разлучнице». Но, видимо, «чары» оказались чрезмерными и «желание» у участкового пропало не только в отношении любовницы, но и дражайшей половины. Буквально за несколько дней не старый еще мужчина, который ранее выделялся ненасытной похотью, стал абсолютно беспомощным в сек-

---

[1] Там же. С. 328.
[2] Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы. Мн., 1992. С. 127.
[3] Выслоўі. Мн., 1979. С. 139.
[4] *Сержпутоўскі А.* Прымхі і забабоны... С. 155.
[5] Беларускія прыказкі... С. 139.
[6] Замовы. С. 381.
[7] Там же. С. 581.

суальном плане. Обращение жены к знахарке и попытки последней «адрабіць» сделанное успеха не имели. Конфликт приобрел открытый характер, а письма с жалобами на «ведьму» посылались даже в редакцию областной газеты.

В то же время история знает случаи, когда половую слабость, как результат колдовства, лечили именно сильные знахари или чаровники. Так, в 1631 году во время «чародейского» процесса, проходившего в новогрудском городском суде, были выявлены следующие факты. Когда пани Ференсова, уже будучи обрученной, готовила хмельной мед к своей свадьбе, известный чаровник Карп попросил его угостить. Получив отказ, Карп предупредил Ференсову, что это может плохо для нее закончиться. В результате под воздействием «чар» Ференсова и ее муж в течение шести недель после свадьбы не могли иметь половых отношений. Помочь смог тот же Карп. «А когда пришел, только посохом ударил по бедрам Ференсову и сказал ей идти к мужу. И на том же месте имели между собой близость и до кровати не дойдя»[1].

Для профилактики лечения различных половых дисфункций и болезней широко использовалась фитотерапия, особенно в случае нарушений в половой сфере женщин. Элиза Ожешко приводит целый ряд женских «парушэннікаў»: «бліскавіца» (Potentilla argentea), «курáчая слепатá» (Helianthemum vulgare), «гваздзі́чка» (Erythraea centaurum), «сямізялéн» (Pyrola rotundifolia), «дзевяціра́нак» (Parnassia palustris) и др.[2]. В качестве предохраняющего средства женщины использовали отвар из «загартýшкі» (Orchis latifolia); от бездетности, вызванной «чарами», — сбор из «маркóўніка» (Daucuc carota) и «парушэ́нца» (Parnassia palustris); от венерических болезней — «жыватабóльнік» (Plantago arenaria), а при «мужских проблемах» — «станóўнік мужы́цкі» (Prunella vulgaris)[3].

Поскольку сексуальное поведение человека — частное проявление его социального поведения, то представления о нормальной/ненормальной сексуальности, существовавшие в традиционном обществе, являлись одним из элементов механизма идентификации «чужаков» — представителей иных социальных и этнических групп. «Чужак» как изначально отличный от «тутэйшых» (хозяйственными занятиями, обычаями, религией, язы-

---

[1] Археографический сборник документов, относящихся к Истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 3. С. 145.

[2] См.: *Ажэшка Э.* Выбраныя творы. С. 462.

[3] Там же. С. 418, 495.

ком и т. д.) наделялся и различными пороками сексуального характера или «ненормальностью» семейной жизни.

Наибольшей похотливостью, сладострастием и, соответственно, развратом характеризовались служители христианского культа — попы и ксендзы.

На почве «греховной активности» выделялись православные священники, позволявшие себе заниматься блудом прямо в церкви: «Мне не мóжна да царквы́ хадзіць, / Мне не мóжна на спóведзі быць: / Папы́, дзя́кі заляцáюцца / І ў кніжках спамыля́юцца»[1]. При этом дело вряд ли ограничивалось одними ухаживаниями: «Чужы́ жóнкі Богу мóляцца, / Мая́ шэльма з папóм бóрацца... / Ох, і бóрацца, качáецца, / Нія́к шэльма з ім не спрáвіцца»[2].

Такое поведение священнослужителя рождало соответствующую реакцию со стороны мужской половины деревни: «Быў адзін поп, да такі пагáны, што як яго й зямля́ насіла. Прóста драў з людзéй шкýру. А да баб быў такі пáдкі, што немáль усіх маладзіц перапрóбуваў. Ужэ збірáліся дзецюкі [парни] абстры́гці ему кóсу да перабівáць нóгі, але пабая́ліся грахý»[3]. Домогаясь своего, поп убеждает беременную женщину «доделать» плод в ее чреве (сюжет, хорошо известный по немецким шванкам, французским фаблио и итальянским фацетиям в эпоху Возрождения): «І пачáў поп маліцца да дзіця́ дарабля́ць да так захадзіўся, што Матрýна аж пачалá крычáць»[4]. Однако муж Матруны смог отомстить адекватным образом. Одалживая у попа две бороны, он в наказ священника своей жене и дочери, «каб дáлі абéдзьве», поступил, руководствуясь иным смыслом.

С другой стороны, похотливость попа и его статус посредника между Богом и людьми являлись причиной обращения к нему бездетных женщин. Так подруга настойчиво советует своей несчастной приятельнице: «Бáчыш, папóдзі плóдные, бо сьвіне, <...> схадзі к нáшаму папý, занесі ямý гасьцінца да папрасі ягó гóжэнько, мóо й ублагáеш. Ён ужó мнóгім памóг. Цяпéр дзя́куюць»[5].

В отличие от попов «блуд» ксендзов, которые, по целибату, вообще не имели права на семейную жизнь, в фольклоре пока-

---

[1] Жартоўныя песні. С. 50.
[2] Там же. С. 47.
[3] *Сержпутоўскі А.* Казкі... С. 90–91.
[4] Там же. С. 91.
[5] Там же. С. 143.

зан более закамуфлированно и утонченно. Показательна в этом смысле родинная песня с Глубоччины: «“Трэ́ба, трэ́ба, дзеўчы́начка, / Пераспавядáці, / Ці прыйшлóся, дзеўчы́начка, / Пéрад прабавáці?” – / “Не давáла, пáне ксёнжа, / Не давáла нікóму. / Тóлькі дáла пéрад / Ксёндзу маладóму”. – / “Бу́дуць табé, дзеўчы́начка, / Грахі адпушчóны, / Бо ж цябé прабавáў / Чалавéк свянцóны”»[1].

Подобная «исповедь», но уже в качестве свадебной забавы, бытовала на Мядельщине. «Ксендз», облаченный в женскую юбку, со «святой водой» – водкой, исповедует присутствующих. «Особенно акцентируется нарушение десятой заповеди. “Ксендз” задает вопросы, наставляя исповедающегося, их разговор имеет вольный, даже фривольный характер. Тут много намеков на события настоящие, зрители обычно всё знают и с большим наслаждением следят, как всё это обыгрывается. “Исповедь” завершается “молитвой”: “Дóміка-дóміка, / Звалілася бáба з кóліка, / Удáрылася аб печ – / Вы́скачыў хлапéц”»[2].

Однако в реальной жизни всё было не так смешно. В XVIII веке, например, Дубисский (Виленщина) ксендз Станкевич обвинялся в изнасиловании мещанки Каминской под видом изгнания из нее дьявола, а также насилии над Терезой Станевич и Юзефой Мацкевич, в принуждении невест перед венчанием вступать с ним в половую связь и в том, что ребенка, рожденного от него, приказал бросить в хлев свиньям[3].

В 1897 году верующие местечка Койданово подали жалобу на ксендза Городецкого. Священник обвинялся в том, что, завышая цены на ритуальные услуги (венчание, отпевание), он обирал прихожан, а «собранные деньги тратил на разгульную жизнь и на содержание значительного количества прислуги женского пола, которая меняется ежемесячно и получала хорошее вознаграждение»[4].

Определенной сексуальной «ненормальностью» характеризовались в белорусском фольклоре и представители других этнических сообществ: «маскалі» (русские), «хахлы́», «мазуры́», «жыды́», цыгане и др. Как правило, «чужакам» приписываются разврат («Жылá адна́ маскóўка да вéльмі распу́сная [развратная]

---

[1] Радзіны: Абрад. С. 472.

[2] Народны тэатр. С. 122.

[3] См.: *Мараш Я.Н.* Очерки истории экспансии католической церкви в Белоруссии в XVIII в. Мн., 1974. С. 150.

[4] Документы обличают: Реакционная роль религии и церкви на территории Белоруссии. Мн., 1964. С. 137.

ба́ба...»[1]) и странные, с точки зрения «тутэйшых», семейные взаимоотношения: «Ажанíўся стары́ жыд, / Узя́ў жóнку Гóлду; / Пасадзíў на пры́печку / І стаў біць у мóрду»[2] или «Жыд жыдóўку не ўзлюбíў, / Па цы́цке ярмóлкай біў. / А жыдóўка не схацéла, / І ярмóлка адляцéла»[3]. Бродячий образ жизни цыган породил представления об их принципиальной «байструкава́тасці» («Ва ўсіх цыганóў няма́шака бацькóў»[4]) и невозможности создания полноценной семьи: «Цыга́н-рыга́н! / Прада́ў ду́шу за лягу́шку, / Прада́ў жóнку за машóнку, / Прада́ў ха́ту за лапа́ту, / А ма́тку — за шва́йку, / Купíў балала́йку»[5]. Мазуры (население польской Мазовии), наравне с бестолковостью, непрактичностью и ленью, наделялись еще и животной похотливостью: «Мазуры́ на́дта юрлíвыя: ка́жан мазу́р за дзéўкамі, як кныр (хряк. — *В.Л.*), бéгае»[6]. «Хахлы́» (украинцы) в глазах белоруса люди не только чрезвычайно упрямые, но и довольно-таки бессердечные по отношению к женщинам. Так происхождение названия деревни Зашчобье в Полесье объясняется следующим образом: «Жыў тут украíнец. І біў сваю́ жóнку. Лю́дзям дзíва: збіра́юцца глядзéць. Ён б'é, а яна́ пыта́е: "За шчо б'ёш?"»[7]. И в сексуальном измерении «хахóл» был нежелательным партнером для местной женщины: «Ахну́, махну́, / Я ні дам хахлу́. / Хахóл чэ́сці не ма́іць — / Прóці шэ́рсці піха́іць»[8].

Безусловно, ряд «отклонений», приписанных «чужакам», имел скорее надуманный характер, однако некоторые соответствовали действительности. В частности, представления о распущенности «москалей» вытекали из наблюдений за моралью и поведением русских староверов: «Раскольники вообще не признают святости брака и вообще мало дорожат брачными узами; женщины раскольницы, в свою очередь, не придают большой ценности девству и супружеской верности; так называемый свальный грех между ними дело самое обычное; нравственность раскольников вообще ниже нравственности белорусов»[9].

Иногда даже языковые отличия между «ту́тэйшым» и «чужаком» приводили к комическим недоразумениям с эротическим

---

[1] *Сержпутоўскі А.* Казкі... С. 177.
[2] *Никифоровский Н.Я.* Белорусские песни... С. 166.
[3] *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Т. 1. С. 223.
[4] *Сержпутоўскі А.* Казкі... С. 190.
[5] *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Т. 1. С. 177.
[6] *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Warszawa, 1903. T. III. S. 233.
[7] Легенды і паданні. Мн., 1983. С. 294.
[8] *Шлюбскі А.* Матар'ялы... С. 211.
[9] *Сементовский А.К.* Этнографический обзор Витебской губернии. СПб., 1872. С. 68.

оттенком. «Раз як стаялі маскалі (русские солдаты. – *В.Л.*), так адзін хацеў перцу да яец, дый кажэ на старую кабету: "Гэй! Баба, папру да яец!" А яна: "А каб з цябе, – кажэ, – дух выперло! Куды ты мяне, старую, папрэш да яец?"»[1]. Получить нагоняй от деревенской бабки мог и «пан» со своей непонятной манерностью: «Быў сабе кірмаш, аж ідзе якісь панічык і нехаця штурхнуў бабу ў бок, так адвярнуўся і мувіць: "Пардон, бабка!" – "А каб цябе, – кажэ, – скула ўдушыла! – ляньцесе [гляньте]: даў сайку пад бок і яшчэ ля, ось кажэ [дал пинка под бок и еще, смотрите-ка, говорит]: пярдун баба! А каб ты пярдзеў, гадзе ты, нігды не стрымаўшысе!»[2].

Будучи «чужаками» в социальном измерении, «паны» (помещики, дворяне) также были в народном сознании субъектами сексуальных девиаций и, соответственно, объектом иронии и насмешек: «Выхадзіла пані Яні, / Танцавала танцы, / Цалавала пані Яні / Пану Яну яйцы»[3].

Безусловно, большинство таких ситуаций – из сферы народного юмора, но все аспекты «непохожести» чужаков (в том числе и их неадекватное сексуальное поведение) в немалой степени влияли на то, что в традиционном белорусском сообществе подавляющее большинство браков было моноэтническим.

Завершая небольшое и во многом предварительное исследование, посвященное эротическим компонентам белорусской традиционной культуры, остановимся на некоторых принципиальных моментах.

Анализ доступной этнографической и фольклорной фактуры убедительно свидетельствует, что в обществах ритуального типа, где обрядовому (символическому) оформлении подлежали все значительные моменты социальной и индивидуальной жизни, тема сексуальных отношений мужчины и женщины (шире – взаимодействия мужского и женского начал) попросту не могла быть игнорирована, а тем более табуирована.

Сексуальная энергия человека осознавалась как реальное, предметное проявление созидательной космической энергии, а потому эротизм как символическое оформление этой сексуальности и половых взаимоотношений выступает элементом практически всех ритуалов календарного и семейного циклов.

---

[1] Анталогія беларускага народнага анекдота і жарта. Мн., 2001. С. 37.
[2] Там же.
[3] *Барадулін Р.* З запазухі // Наша Ніва. 2004. № 10. С. 15.

С учетом того, что в традиционной культуре все составляющие вселенной рассматривались как огромная система знаков и символов, которые, в свою очередь, почти без исключения разделялись по половой принадлежности (или сущности), эротическим (сексуальным) содержанием могла наделяться, в зависимости от конкретного ситуативного контекста, чрезвычайно широкая категория предметов и явлений. Так, фаллическое «прочтение» имеют вещи, связанные с производительной, инструментальной сферой: иголка, соха, хлебная лопата, пест, копье, меч, ружье, удочка и т. п. Формальное (цвет, форма) и типологическое (твердость, активность) лежали в основе следующего символизма: елка, шишка, морковь, огурец, гриб, рыба, жало, колбаса, пирог, кол, рог как фольклорные обозначения фаллоса.

Женское детородное начало символизировалось полыми, с отверстиями предметами и принципиально пассивными: горшок, бочка, ведро, дежа, мешок, яма, печь и т. п. Сам половой акт представлялся в категориях активной, разрушительной/созидательной деятельности: ковáть, пихáть, делать, долбить, толочь, засаживать, вставлять, иметь, натягивать, пороть, качать, шить и т. д.

В отличие от русской фольклорной традиции (см. «Заветные сказки» А. Афанасьева) внесимволическое, буквальное описание сексуальных взаимоотношений мужчины и женщины в белорусском фольклоре практически не встречается, да и на уровне самóй традиции считается неприемлемым и похабным.

Определяющая черта белорусской традиционной эротики (как и всей эротики в принципе) — ее тесная соотнесенность с народной смеховой культурой. Ибо половой акт и смех в равной степени отвергают смерть и противостоят ей, утверждая жизнь.

На уровне молодежной субкультуры насыщенность «игры» эротическими элементами выступает необходимым условием полноценной символизации человека и создания потенциальной брачной пары. Традиционная народная эротика, в отличие от стандартов, рожденных современной индустрией развлечений, не была готовым продуктом для массового потребления, а продуцировалась самими участниками «игры», в танцах, забавах и песнях, что, само собою, снимало возможные комплексы и подростковую неопытность в вопросах пола.

С другой стороны, не хотелось бы представлять эротику наших предков как только часть ритуальной, символической реальности, поскольку в ежедневном, бытовом измерении любовь и интимная близость с любимым человеком были не последней радостью земной жизни.

З.Я. Можейко

СМЕХОЭРОТИЧЕСКИЙ ПЕСЕННЫЙ ФОЛЬКЛОР В БЕЛОРУССКОЙ РУРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

ЗАМЕТКИ НА ОСНОВЕ МАТЕРИАЛОВ, СОБРАННЫХ В 1960–1990 ГОДАХ В СТАЦИОНАРНО ОБСЛЕДОВАННЫХ ДЕРЕВНЯХ ТУРОВЩИНЫ, ПИНЩИНЫ, ЛЕПЕЛЬЩИНЫ, МСТИСЛАВЩИНЫ

Смехоэротический фольклор маркирует отличительные сущности руральных традиций на полюсе праздничного веселья почти с такой же силой, как плач-голошение — на противоположном полюсе горестного переживания. Но если человек городского воспитания еще может как-то извинить «некультурного» сельчанина за естественно неприкрытое громкое выражение горя, то «крепкое слово» официально ненормативной лексики празднично карнавализованного буйства не может быть понято в урбанизированном обществе вне его вульгарной интерпретации. Именно эротический фольклор отчетливее всего высвечивает навязывание народной культуре несвойственных ей представлений о «грубом», «неприличном», «неотесанном», «запретном» и тому подобном.

Говоря о постижении Франсуа Рабле как о труднейшем из всех классиков мировой литературы, великий знаток смеховой культуры М. Бахтин писал: «Он требует для своего понимания существенной перестройки всего художественно-идеологического восприятия, требует умения отрешиться от многих глубоко укоренившихся требований литературного вкуса, пересмотра многих понятий, главное же — он требует глубокого проникновения в мало и поверхностно изученные области народного *смехового* творчества»[1].

Как неотъемлемый атрибут карнавально-праздничной атмосферы язык и образность смехоэротического фольклора отражают карнавализованное мироощущение, где телесное, социальное и космическое находятся в неразрывном единстве. Здесь и карнавальные вольности вне всяких иерархических

---

[1] *Бахтин М.М.* Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Худож. лит., 1990. С. 7.

отношений, и чрезмерная гиперболизация материально-телесного начала, и снижение отвлеченно высокого с переводом его в материально-телесный низ — всё то, что М. Бахтин определял как эстетическую сущность «гротескного реализма».

Архетипические образы всеобъемлющего женского лона и жизнеутверждающей мощи фаллоса, как и неисчерпаемая гиперактивность coitus'а, находятся здесь в гротескной плоскости. При этом степень гиперболизации нередко возводится к магическому числу 7:

Із-за ле́су, ле́су цёмнага
Прывязлі яго́ агро́мнага,
Прывязлі яго́ на семяры́х вала́х,
Закава́нага ўсяго́ ў кандала́х.

*

<...>
У мяне́ шырэ́й вот насто́лька:
Ле́зе рак і бура́к,
І сем па́льцаў, і кула́к,
І папо́ва ша́пка — і ўсё бу́дзе сла́бка.
І папо́ва ме́льніца
Сем раз пераве́рнецца. <...>

*

А ў ма́ей у міленькай
Ды сарафа́нік сіненькі.
На сарафа́не сем шнуро́ў,
Пад сарафа́нам — будзь здаро́ў.

*

Ох, Сямёнаўна ды баба бо́йкая:
Семяры́м дала́ — і не во́йкнула.

Магическое значение усиливается и ассонансами, как в свадебных пожеланиях гиперизобилия:

Каб сталы́ гну́ліся ад е́жы,
А тапча́ны — ад е́блі.

В системе гротескной образности женские и мужские гениталии поданы амбивалентно — с комическим восхищением и фарсовым страхом:

А ў ку́мы хварту́х —
Аддá́дзен[1] пяту́х.
А ў кумы́ сцягно́ —
Сем пано́ў лягло!

Припев:

А чаму́ ж мне куму́
Ды й не любіці!

[1] Отдан.

А чаму́ ж па саду́
Ды і не вадзіці!

А ў кума́ штаны́,
Што няма́ цаны́.
А ля во́рата —
Усё зо́лата!
Тры аршы́ны даўжыні!»

Прыпев.

*

Ой, кум куму́ абува́ў,
Пад но́жачку падгляда́ў:

«Ой, ку́мачка, што за звер,
Я баю́ся, каб не з'еў!»

Прыпев:
А што ж гэ́та за кума́,
А што ж гэ́та за кума́,
«Гэй, ста́ршы сват!

Што ты ўчо́ра нарабіў?
Жо́нак, дзе́вак напужа́ў —
Як вы́цягнуў з-пад палы́

Прыпев.

Амбивалентность «верха» и «низа» может достигать и космического охвата, как в пародийной притче о «сусве́тным дрэ́ве», переданной полесской «завада́таркай» [зачинщицей] колядных игрищ Марией Чайковской (Туровщина, д. Букча): «Як тра́піш пасля сме́рці на той свет, то мо́жна і само́му па сусве́тнаму дрэ́ву ўзле́зці на не́ба. Трэ́ба то́лькі до́бра на гэ́тым све́це падгуля́ць. Мужыку́ сто́лькі баб мець, каб хапі́ла іх пяча́ткаў — і шэ́рых, і чо́рных, і ры́жых, і абле́злых <...>, начапля́ць на ве́ткі аж да са́мага не́ба. Ну, а ба́ба, му́сіць, мужчы́нскія прыла́ды, што назбіра́е за ўсё жыццё, заганя́ць у дрэ́ва як кручкі[1], ды й кара́скацца па іх даве́рху. Я спадзяю́ся, што дале́зу-такі да не́ба, бо сем, а то мо і двана́ццаць хвартухо́ў накладу́ мужчы́нскіх круко́ў».

Но «женские печатки» как пропуск в притче до «самого верха» в припевках могут низвергаться до «самого низа»:

Як на Ту́раўскім масту́
Мы́ла дзе́ўчына пізду́.
Мы́ла, мы́ла, яшчэ́ і це́рла,
Паднялáсь — а яна́ ўсё чэ́рна.
Падзівіўся Гарасі́м —
Які́ пе́кла неўгасі́м!

Относясь к категории творчества внутриситуативного, смехо-эротический фольклор в общинной традиционной установке села довольно строго (порою жестко) регламентировал поведение крестьян и в половозрастном отношении, и «па прычы́не» (обстоятельствам).

Доминирующие во взаимосвязи функции эроса — ритуальная, восходящая к продуцирующей магии, и рекреативная,

---

[1] Крючки.

отличающая все карнавализованные празднества, — несут существенную нагрузку в семейно-обрядовом (свадебном, родинном) и календарном (колядном, купальском) песнетворчестве, равно как и в беседном, застольном, кирмашовом песенно-игровом фольклоре.

В обрядовом эротическом фольклоре песенные тексты, как правило, содержат символические аналоги детородных органов и самогó зачатия. Так обращение в зачинальной свадебной песне Поозерья к святому Кузьме-Демьяну «сковать крепкую свадебку» находят свое продолжение в благодарности кузнецу (отцу ребенка) в родинной песне:

Дзя́куй таму́ кавалю́,
Што скава́ў нам гульню́.
Ён і ў ру́чкі не ху́каў,
Малатóчкам не сту́каў —
І скава́ў нам гульню́.

И только со смещением ритуально-нормативного смысла родинной песни в празднично-смеховой «низ» песни беседной сексуальная лексика употреблена с прямым названием:

Дзя́куй таму́ хую́шку,
Што зрабіў нам піру́шку.

Те же самые смещения с соответствующими лексическими прямолинейностями можно отметить и в свадебных, и в купальских песнях с переходом от обрядовой к беседной части ритуала:

Сцялі, ма́тка, раднó,
Каб чаты́ры нагі лягло́.
А пя́тая машы́на,
Каб раднó варушы́ла.

*

«Наляцéў[1], ма́тка, шэ́ршань,
Паміж нóжачак сéўшы.
Нóжкі раскара́чыў,
Кóскі пакудла́ціў.
Я ж ду́мала, ма́мка, памру́,
А ж я гэ́та вéльмі люблю́».

Наиболее примечательно переосмысление обрядовой функции в рекреативную в колядно-игровой «свадьбе для всех» — «Женитьбе Терешки». Карнавализованное мироощущение про-

---

[1] Налетел.

является здесь в «смеховых фейерверках» и ритуально-игровом поведении («помолвленные» «ро́ўныя па́рачкі» должны еще и поймать: «ба́бка – свайго́ дзе́да» и «дзед – сваю́ ба́бку») и «терешкинских» песнях с текстами «шиворот-навыворот»:

Цярэ́шцы бяда́ стала́
З кім яго жана́ спала́:
У ха́це пад ла́ўкаю –
З малады́м Сцяпа́нкаю.
Ў істо́пцы пад пры́печкам –
З малады́м Пілі́пачкам.

Цярэ́шку цярэ́жыла,
На пе́чы не ўле́жыла.
Каб цябе́ каршу́н задра́ў,
Як ты мне хварту́х падра́ў!

*

Не ўцяка́й, бабу́лька, з ра́ду,
Уто́ркну ду́дачку зза́ду.
Дзед ба́бу – чабо́х на дно.
«А мне, дзед, і тут ладно́!»

Дзед ба́бу тапі́ць вядзе́ць,
А ба́ба крычы́ць, не йдзе́ць.

В четырех возрастных группах (1. Дети и подростки; 2. Молодежь добрачного периода; 3. Средний возраст; 4. Пожилой возраст и старики), определяющих возрастную циклизацию песен в музыкальном быте села[1], эротический фольклор распространен у подростков (мальчиков), жителей среднего и пожилого возраста (преимущественно женщин); но он традиционно недопустим для детей, молодежи добрачного периода (в особенности девушек) и стариков.

Среди подростков припевки эротического содержания бытуют как дразнилки, с помощью которых они повергают девочек в бегство, как, например, «за песенную критику» в весенней песне:

Девочки:

Як у ка́мені ядра́ нет,
Так у ма́льчыкаў пра́ўды нет.
Як у арэ́ха ядро ёсць,
Так у дзе́вачак праўда ёсць.

Мальчики:

Ішлі́ дзе́ўкі каля́ я́мы,
Нашлі́ то́рбачку з хуя́мі.
Нясём, нясём, хоць парвёмся,
Але ўво́лю наябёмся.

Женщины среднего и пожилого возраста – основные носительницы эротического фольклора как в свадебном, родинном и календарном обрядовом действах, так и в карнавализованно-праздничных представлениях. Важно отметить, что эти «баявы́я», «хра́брыя», «бо́йкія» женщины в реальной жизни безукоризненно целомудренны и, напротив, – в устах женщины, которая в реальной жизни допустила сексуальные вольности,

---

[1] *Можейко З.Я.* Календарно-песенная культура Белоруссии: Опыт системно-типологического исследования. Мн.: Наука и техника, 1985. С. 66–69

песни эротического содержания вызвали бы всеобщее осуждение односельчан. Таким образом, в традициях села сексуальная вольность допустима только в пространстве творчества (эротической песни).

«Прычы́пай» (ситуацией), когда песенно-эротический фольклор в свободном (нерегламентированном) проявлении охватывает всю смеховую гамму комического (от иронической подачи и самоиронии до бурлящих потоков гротеска), являются всевозможные «бясёды» (общинное застолье – «гулянка») по случаю родин, завершения свадьбы, дожинок [конца жатвы], передвижных (в зависимости от времени «прэсто́льных свят» в том или ином селе) «кірмашо́ў» [ярмарок] и т. д.

Реабилитируя жанр частушки, недооцененный в свое время фольклористами и этномузыкологами, Е. Гиппиус блестяще раскрыл принцип вербально-вокально-инструментального состязания, лежащего в основе интонационного строя частушки[1]. В плане настоящих заметок отметим, что эротические припевки «выплескиваются» на гребне состязания певцов, музыкантов и танцоров в кульминационные моменты борьбы с соперником, когда надо спеть «яшчэ́ мудрэ́й», т. е. назвать всё прямо, без аналогов «ён», «яна́», «міна», «кулямёт» и т. п.

1-я исполнительница:	2-я исполнительница:
Ох, дзе́дзька мой, Чаго́ се́рдзішся? Чаму́ ж ка мне перадко́м Не паве́рнешся?	Я дава́ла Вераме́ю, А ён ка́жа: «Ня ўме́ю». Я дава́ла афіцэ́ру, А ён ка́жа: «Не пацэ́лю».

*

Ой, чаго́ ж мая машы́на Ста́ла-станавілася: Мілка пе́рднула ў кабіне – Ось пераламілася.	А ў дзе́да – кулямёт, А ў ба́бы – міна. Зараджа́лі ўсю ноч – Білі да Берліна!

*

Я па ву́ліцы ішла́ І прысвістывала. Пізду ко́зырам нясла́, Жо́пу вы́ставіла.	Адна́ ба́ба ў бу́бен біла, А друга́я ў хуй трубіла. «Кіда́й, ба́ба, ў бу́бен біць, Памажы́ ў хуй трубіць».

При этом музыкант (гармонист), усиливающий в состязании импровизационные наигрыши-«перабо́ры», чтобы еще больше «жа́ру падда́ць», бросает соответствующие песенные фразы,

---

[1] *Гиппиус Е.В.* Интонационные элементы русской частушки // Сов. фольклор. М.; Л., 1936.

как, например: «Ты, стару́шка, — ста́ры чорт, / А ў стару́шкі — пе́рвы сорт» или перекликается с танцующими:

Гармонист:	Танцующие:
Ой, дава́й, дава́й, дава́й, Не задзе́ржывай.	Ой, даю, даю, даю, Не задзе́ржываю.

*

А хто вы́шай падскóчыць, А той бóлей захóчыць.	А я вы́шай падскачу́, А я бóлей захачу́.

Удивительно, как вне карнавализованно-праздничной атмосферы разом обрывается всё «песенно-эротическое буйство». Песни и припевки с эротическим текстом становятся для носителей руральных традиций: «абы́-які́я», «брахлі́выя», «сарамя́жныя», записывать которые — «пустое дело». Путешествуя на катере по р. Припять, приходилось быть свидетелем комической сценки, когда подвыпившая женщина дразнила ехавших с ней односельчан соответствующей песней, а старик из-за фонетических ассоциаций никак не мог решить — «брахлі́вая» это песня или «нарма́льная»:

Поющая женщина:	Реплики старика:
Ва мху я..., ва мху я...	Во, паску́да!
Ва мху я́гадкі бра́ла.	Не, нічóга.
Ціху́ю, ціху́ю,	Дык, паску́да, патóм.
Ціху́ю песню спява́ла.	Не, нічóга.

Специальным исследованием могла бы стать тема современной эротической припевки в контексте народной смеховой культуры. Если в традиционном обрядово-эротическом фольклоре на первом плане — единство телесного и космического, то в современной смехоэротической припевке на передний план выдвигается дуада телесного и социального. «Смехоэротической критике», где юмористическое и сатирическое начало легко взаимопереходимы, подвержены многие стороны общественной жизни — от колхозных «порядков» до грандиозных планов страны, постперестроечных событий и пресловутой белорусской толерантности:

Брыгадзіру ўгадзіла, Прэдседа́целю дала́. На рабóту не хадзіла І стаха́наўкай была́.	Ой, там на Дану́ Ён арэ́ цэліну́. А па гэ́ту старану́ Яна́ цягне барану́.

*

Нóвы рускі не пага́ны,	З не́ба зóрачка ўпа́ла

А навéйшы — беларýс.
Хрэн тым áтамам напхáны,
Што ябé, як землятрýс.

Прáма міламу ў штаны́.
Хай бы ўсё ямý парвáла,
Тóлькі б нé бы́ла вайны́.

Хотя в последнее время появляется немало публикаций славянского эротического фольклора, всё же этот тип изданий существует как бы для «служебного пользования». В массовом сознании урбанизированного общества, где сексуальная лексика мыслится и существует только с отрицательным знаком (как проявление ругательного сквернословия), эротический фольклор как творческий феномен народной смеховой культуры принципиально не воспринимаем. Неприемлем этот вид творчества и для официальной культурной политики, поскольку он находится в иной плоскости утверждения жизненной сущности. «Смеховое начало и карнавальное мироощущение, лежащее в основе гротеска, разрушает ограниченную серьезность и всякие претензии на вневременну́ю значимость...»[1].

[1] *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 58.

В.И. Коваль

ПОЛЕССКИЙ ТОЛОБЕНЬ

ОБ ЭРОТИЧЕСКОМ ПОДТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОГО ОБРЯДА СВАТОВСТВА

К тысячелетию первого летописного упоминания одного из духовных центров древней Беларуси — города Турова — в издательстве «Навука і тэхніка» в 1982—1987 годах вышел уникальный пятитомный региональный словарь — «Тураўскі слоўнік», в котором помещены не только оригинальные диалектные лексические материалы, но и ценнейшие этнокультурные сведения, представленные, во-первых, в виде связанных текстов в конце каждого тома, а во-вторых — в самих иллюстративных примерах (как в предложениях-иллюстрациях, так и в своеобразных «авторских отступлениях»). Остановимся на рассмотрении одного достаточно показательного лексического регионализма, имеющего непосредственное отношение к сфере традиционной духовной культуры.

В третьем томе названного словаря диалектное слово «толобень» сопровождается следующим комментарием: «Слово с неясным смыслом в традиционной формуле сватания жениха к невесте. Жених идет с вязанкой лаптей за плечами к окну дома молодой и спрашивает: «Надобе́нь толобе́нь? А як недоўбе́нь, то я да́ле подоўбе́нь» (с. 123). Явную аналогию к описанному обычаю можно увидеть еще в одном примере из «Тураўскага слоўніка» (т. 2) — в иллюстрации к глаголу «жбурля́ць», 'бросать': «Так ко́ліся свата́ліса: жбурля́юць нявє́сці ла́паць і ка́жуць: "Шургі́-бургі́, у ха́ту ла́поць леці!"; ек пры́ме, то лад согла́сны ро́біць, а ек не согла́сны, то наза́д ла́пці шурга́юць» (с. 59).

Вполне очевидно, что с точки зрения «здравого смысла» приведенные действия и словесные формулы представляются не только немотивированными, но комическими и даже совершенно алогичными. В то же время «в этнокультурной перспек-

тиве» как акциональная, так и вербальная стороны этих обрядов выглядят абсолютно логичными, мотивированными, связанными с распространенными и, несомненно, достаточно архаичными представлениями.

Общеизвестно, что традиционное сватовство у восточных славян происходит в форме двусмысленных, аллегорических поступков и слов участников обряда: сторона жениха стремится, следуя логике обереговой магии, всячески утаить (и «засекретить» на случай фиаско) свои подлинные намерения, а сторона невесты также в аллегорической форме (обычно — путем демонстрации различных предметов-символов) выражает свое отношение к брачному предложению (см.: Коваль 1998: 91—100). Самостоятельное (без участия сватов) сватовство жениха, безусловно, является чрезвычайно архаичной региональной формой этого обряда, сакральная значимость которого усиливается немотивированным, на первый взгляд, использованием лаптей.

Традиционная крестьянская обувь — лапти — фигурирует во многих ритуальных действиях, в основе которых лежит, очевидно, характерная особенность лаптей — крестоподобное переплетение лыка, а также завязывание лыка и веревок на лаптях (обор).

Во-первых, лапти (особенно старые, изношенные) считались чрезвычайно эффективным апотропеем: их, например, в большом количестве подвешивали возле хлевов, «чтоб скотина велась и никто ее не сглазил». В некоторых русских местностях огромные вязанки лаптей (до ста штук) подвешивали возле входа над воротами или над крыльцом «от злого глаза» (Круглый год 1989: 345). Лапоть мог выполнять функцию «куриного бога» — магического предмета, который вывешивался в курятнике для ограждения домашней птицы от нечистой силы (обычно — Кикиморы). В таком случае подчеркивалась связь крестоподобного переплетения лыка в лапте с самим крестом: «Лапоть плетется крестом, а крест — от нечистой силы защитник; потому, прежде чем вешать лапоть, его моют в крещенской воде и кладут в середину соломенный крест» (Зернова 1932: 51). Во время ритуального опахивания деревни для предостережения от «коровьей смерти» (эпидемии) на сараях развешивали измазанные дегтем лапти в уверенности, что это отведет от животных смертельную опасность (см.: СРН 1989: 240).

С учетом сказанного можно определить первое символическое значение вязанки лаптей за плечами жениха-свата: лапти — «предмет-апотропей, с помощью которого сватающийся молодой человек оберегает себя от сглаза».

Во-вторых, лапти вполне могли использоваться как магическое средство, которое оказывает влияние на урожай, плодовитость животных и, следовательно, на любовно-брачную и эротическую, детородную сферы. Например, на Смоленщине старые лапти вывешивали вокруг огорода почти на каждом колу, чтобы лучше завязывалась капуста (см.: Круглый год 1989: 345). С аналогичной мотивировкой (содействие урожаю) хозяйки возили старый лапоть по огороду со словами: «Как густо этот лапоть плелся, так чтоб и огурцы мои плелись» (Там же: 214). Наконец, непосредственное отношение к описанным в «Тураўскім слоўніку» обычаям имеют сведения о магическом использовании лаптей в свадебной обрядности: 1) чтобы сватанье было удачным, старый лапоть *бросали* в спину свахе, которая шла сватать; 2) старыми лаптями *забрасывали* вдовца, который выходил из церкви после венчания (показательно, что этот ритуал выполнялся мальчиками и молодыми парнями с пожеланиями вдовцу счастливого брака (см.: Зеленин 1913: 5). Очевидно, что ритуальное бросание лаптей, выполнявшееся женихом-сватом, и его аналог — демонстрация женихом вязанки лаптей — осмыслялись участниками обряда как демонстрация готовности молодого человека к вступлению в брак. Загадочную словесную формулу, с которой полесский жених обращался к потенциальной невесте («Надобéнь толобéнь? А як недоўбéнь, то я дáле подоўбéнь»), вполне можно «перевести» на общенародный язык следующим образом: «Нужен ли здесь жених? Если не нужен, то я пойду дальше».

Важно при этом учитывать, что бросание различных магических предметов является очень распространенным ритуальным действием общеславянского характера, не лишенным, в частности, эротического подтекста (см.: СД 1995: 265–266).

Весьма показателен в этом отношении белорусский региональный обычай «качалки»: на праздник Сороки (22 марта) парни на виду у девушек бросали на крону дерева «качалки» (длинные палки, предварительно приготовленные для них мужчинами). Если какой-нибудь из парней не забрасывал на дерево сорок «качалок» или хотя бы бóльшую часть из этого количества, присутствовавшие считали, что молодой человек «непригоден в хозяйстве», девушки подсмеивались над ним и не хотели выходить за него замуж (см.: Макарцоў 1994: 15).

Н.И. Толстой, возводя (вслед за польскими этимологами) слово *чур* к и.-е. **keur-*, а его, в свою очередь, к **kour-* ‘penis’, указывал на существование ассоциативного ряда «penis — палка», подтверждающегося просторечным материалом: *палка*

'penis', *бросить палку* (см.: Толстой 1995: 366–368). Последний фразеологизм фиксируется также в современном «Большом словаре русского жаргона» (см.: БСРЖ 2001: 416).

Таким образом, возникает реальное основание для выявления второго (основного) символического значения лаптей в туровском сватании невесты женихом-одиночкой: лапти — «магические предметы, связанные с продуцирующими, любовно-эротическими представлениями, призванные обеспечить успех в важном и ответственном деле — сватовстве».

«Внутренняя логика», сходная с ритуальным бросанием лаптей при самостоятельном сватании жениха (в туровском региональном обряде), проявляется в сведениях, сопровождающих русский диалектизм «пу́тце», — «обрывок, приносимый свахою тайно в дом невесты и бросаемый с наговорами в сенях; при удаче она молча бросает пут к ногам жениха» (Даль 1980: 542). Использование пута, т. е. веревки, которой связывают ноги животным, в качестве ритуального предмета вполне закономерно, поскольку «предметы, имеющие непосредственное отношение к витью, вязанию, плетению, оказываются символами любовных связей» (Холявко 2002: 119).

Наиболее «темное» в приведенном контексте слово «то́лобень» может быть интерпретировано как результат звуковой трансформации общеупотребительного «толкач» (пест) (*бел.* таўка́ч), что также соответствует эротическому содержанию рассматриваемого обычая: ср. очевидную «мужскую» символику песта в паре «ступа — пест» (СМ 1995: 306, 369).

Интересной типологической параллелью к описанному полесскому обычаю является пример, приведенный в одном из выпусков популярной передачи «Поле чудес». Участники игры должны были ответить на следующий вопрос: какой предмет, символически указывающий на готовность к вступлению в брак, приносил в дом невесты африканец-жених? Этим предметом была мотыга — орудие труда, движения которого (сверху вниз) не могут не вызывать у крестьян естественных эротических ассоциаций, характерных и для славян при восприятии песта, толкача (*бел.* то́лобня).

Список сокращений

БСРЖ 2001 — *Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.* Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.

Даль 1980 — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1980. Т. 3.

Зеленин 1913 — *Зеленин Д.К.* Русские народные обряды со старой обувью // Живая старина. 1913. Вып. 1—2. С. 1—16.
Зернова 1932 — *Зернова А.Б.* Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Сов. этнография. 1932. № 3. С. 15—52.
Коваль 1998 — *Коваль В.И.* Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение. Гомель, 1998.
Круглый год 1989 — Круглый год: Русский земледельческий календарь / Под ред. А.Ф. Некрыловой. М., 1989.
Макарцоў 1994 — *Макарцоў М.Ф.* «Каб не перасыхала крыніца...»: Фальклорна-тэатральная традыцыя на Гомельшчыне. Гомель, 1994.
СРН 1989 — Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. М., 1989.
СМ 1995 — Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995.
СД 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1.
Толстой 1995 — *Толстой Н.И.* Чур и чушь // Толстой Н.И. Язык и культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
Холявко 2002 — *Холявко Е.И.* Отражение мотива кривизны во вторичной семантике русского и белорусского слова. Гомель, 2002.

ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

КАЛЕНДАРНЫЙ ЦИКЛ

Калядьі (Святки)

Женитьба Терешки (Цярэ́шки)[1]

Под этим названием известна довольно распространенная в Полоцком, Лепельском и Дрисненском уездах Витебской губернии игра парней и девушек.

Как более выдающаяся, точно освященная, игра эта исполняется довольно редко, и исключительно зимой, в дни годовых праздников, например, в Рождество Христово, в Новый год, и непременно в заключение игрищ, после продолжительных плясок. Местом игры бывает обыкновенно корчма, сколько потому, что здесь не бывает недостатка в молодежи, сколько и еще более потому, что по нескромному характеру этой игры ни один семейный дом не согласился бы допустить ее к себе, т. к. большинство крестьян гнушается ею.

<...> Услышав слова «Бу́дуць Цярэ́шку жани́ць», пожилые люди немедленно удаляются в отдельное помещение корчмы, предоставляя помещение в распоряжение молодежи, которой с этой минуты начинают заправлять избранные корчмарем «ба́цька з ма́ткэй». Снуя между молодыми людьми, они подговаривают их выбирать себе поскорей «жо́нку» или «мужика́», стараясь в этом случае больше воздействовать на парней, так как девушки нередко отказываются участвовать в составлении пар, заявляя при этом желание оставаться здесь только в качестве зрительниц игры.

Когда молодежь достаточно подготовлена уже к составлению пар и игра может начинаться, батька с маткой садятся на «ку́тнее ме́ста», т. е. в красном углу. Пары составляются таким образом: каждый из парней или за̀хватывает силой намеченную им девуш-

[1] Здесь и далее тексты, извлеченные из книг, печатаются следуя орфографии первоисточника; современные записи — согласно нормам белорусского языка, с сохранением диалектных особенностей. (*Примеч. ред.*)

ку, или подходит к ней с любовью и надевает ей на голову свою шапку. Если девушка согласна принять участие в игре и быть в паре именно с ним, то она остается в шапке и в таком виде подходит к батьке с маткой, получает от них благословение и усаживается за стол, по указанию родителей. В противном случае она сбрасывает надетую шапку и отбегает в сторону. При настойчивости парня девушку все-таки усадят за стол в паре силою, причем дело не обходится без борьбы, визга и ругани. Но коль скоро девушку завели и усадили за стол рядом с настойчивым парнем, то она уже не смеет уходить отсюда до конца игры: она — жена избравшего ее парня.

Каждую посаженную за стол пару «бáцька з мáткэй» благословляют приблизительно такими словами: «Дай вам Бог счáсьця у нинáсьця, харóшую дóлю увóлю, уцéчки на пéчки, дзéтки у клéтки». Но если на батьку с маткой нападет уж очень сильный жарт, то после обычного благословления они прибавляют иной паре следующее: «Биражи́, зящёк, нáшу дачýшку, йнá у нас однá — ни биднá, ты ж цепéр узя́ў её и спи з дóчкой». После такого благословления, пока пара усядется за отведенное ей за столом место, музы́ки поют одну из следующих песен:

<...>

Цярóшка, Цярóшанька!
Цярóшку бидá стáла,
З ким ягó жанá спáла?
У пóли под ли́пкою
З молоды́м Пили́пкою.

<...> Игра заканчивается поздно, далеко за полночь. Если которой из девушек приходится возвращаться домой без знакомых товарищей и соседок, то новый «муж» обязан проводить свою «жену» до дому. Понятно, что благодаря свадебному хмельку, жартам, постановке всего дела на свадебную почву и многим другим условиям молодые люди иногда и падают. И действительно, ни одна «Женитьба Терешки» не обходится без такого рода жертв, которым вскоре приходится расплачиваться за свою ошибку горькими слезами, страданием и поздним раскаянием. Честный парень в таком случае спешит выполнить нравственный свой долг в отношении обиженной им девушки и покрыть ее позор действительной женитьбой, но чаще всего дело передают в руки Божьи: протест против обидчика тут не имеет обычной своей силы, по смыслу игры. Хотя редко, но бывает и так, что честные парень и девушка, сошедшиеся при «женитьбе» в «мужа» и «же-

ну» совершенно случайно, впоследствии делаются таковыми посредством церковного освящения. Во всяком случае, название «муж» и «жена» между участвующими в игре парнями и девушками сохраняется за ними надолго, даже и тогда, когда молодые люди вступают в действительные, хотя и различные браки.

<...> Достойно внимания то обстоятельство, что во время игрищ, как только дело доходит до «Женитьбы Терешки», лучшая и наиболее нравственная часть молодежи, преимущественно женской, уходит по домам; иная девушка считает себя скомпрометированной в том случае, если ей по необходимости придется принять участие в игре. Но помолвленные пары и близкие к помолвке молодые люди с радостью принимают участие в игре.

<...> После застолья девушки, каждая по очереди, убегают, а парни их догоняют. При этом поют:

Цярéшка, бидá стáла, –
С ким ягó жанá спáла?
Ой, пад гáем зилянéньким
Ци с казакóм молодзéньким.
Ой, гóжая-пригóжая,
Зробúла нягóжая.

«Мaць-свáцця» защищает избранную девушку, напевая:

Ци спáла, ци ни спáла.
Тóльки тáя слáва стáла.
Янá с казакóм гукáла,
Пра дарóжиньку пытáла,
Пра дорóжиньку, пра сцéжку,
Каб знайсцú свайгó Цярéшку.
Дзéвачки-пролéсачки,
Няйдзúця[1] по орéшачки.
Ой, няйдзúця вы сáми,
Споткáйцися с воўкáми.
Не уцекáйце ж, дзéвачки,
Не уцекáйце, птáшечки.
Абó вы заблýдзице
И орéшки погýбице,
Абó вас дай што спугáиць,
Ня ўсякú ж сéрца мáиць. [1][2]

---

[1] Не идите.

[2] Номер в квадратных скобках указывает на документ, по которому печатается приведенный выше текст. Описание источников см. в Указателе цитируемых документов.

Ня ўцякáй, бабýлька, двóрна,
У цябé пад пýпам чóрна.
Ня ўцякáй, бабýлька, з рáду,
Утóркну дýдачку ззáду.
Пастаі, бабýлька, у куткý,
А я разганю́ся ды ўткнý.
Ня хадзі за рэ́чачку,
Замóчыш авéчачку,
Ня хадзі за бы́струю,
Замóчыш сукры́стую. [2]

Цярэ́шка валóчыцца,
Жаніцца не хóчацца.
Цярэ́шцы бядá стáла:
З кім ягó жанá спáла?
Ці ў пóлі пад ліпкай
З малады́м Пілíпкай?
Ці ў пóлі пад явóрам
З маладзéнькім Ягóрам?
Ці пад гáем зелянéнькім
З казакóм маладзéнькім? [3]

Цярэ́шцы бядá стáла:
З кім ягó жанá спáла?
Ці ў пóлі пад ёлкаю
З малады́м Мікóлкаю,
Ці ў пóлі пад дýбам
З малады́м Якýбам. [4]

Цярэ́шку бядá стáла:
З кім ягó жанá спáла?
На пóлі пад кóпачкай
З малады́м Пракóпачкам. [5]

Дзед бáбе кажýх шы́іць,
Бáбіна душá ны́іць[1].
Дзед бáбе кажýх пашы́ў,
Сем раз на начы́ прасíў. [6]

Пападдзя́ пшаніцу жáла,
На папá трáсца напáла.
«Вот табé, пóпя, за тóя,
Не хадзі ў жы́та чужóя». [7]

[1] Ноет.

Бітая дарóжка, як ток,
Лéпшая пападдзя́, як поп.
Пападдзя́ пшанічку жáла,
У пóлі заначавáла.
У пóлі пад ёлкаю
З малады́м Мікóлкаю. [8]

На пéчы катóк мурчы́ць,
У Мáні жыватóк баліць.
На пéчы катýська кур-ня́ў,
Івáнечка Мáню абня́ў.
Івáнечка, ратýй, ратýй.
Лю́лечку гатýй, гатýй.
Лю́лечка дубóвая,
Дзіця́ці гатóвая. [9]

Ня тóпай, дзядýлька, нагóй,
Ні ля́гу я спаць з табóй.
Бо я нівянчóная –
На вéчар злучóная. [10]

Не ўцякáй, бабýлечка,
Не ўцякáй, дзядýлечка,
Не ўцякáй, бабýлька, з рáду[1] –
Утóркну дýдачку ззáду. [11]

Колядные обходы домов

Среди современных колядовщиков особенно популярны маски-персонажи, которые отражают реалии сегодняшней жизни. К традиционной маске доктора (лекаря) присоединилась маска медсестры, и они сейчас ходят парой, как дед и баба. Маскированные медики носят с собою большой градусник, шприц, сделанные из картона, микстуру (водку), которой лечат от всех болезней, таблетки, вырезанные из картофеля. Карнавальный костюм и наличие соответствующих «медицинских приборов» дают им возможность разыгрывать в каждом доме юмористические сценки, импровизировать с учетом конкретных обстоятельств и общей атмосферы.

Из рассказа жителей д. Несяты Кличевского района Могилевской области: «Дóхтар, як прычэ́піца да каго, крычы́ць: “У

[1] Из ряда.

цябé сíфілі с, тóка я магý вы́лечыць, слýхай і запамінáй рэцэ́пт ад сíфілісу:

Узя́ць пéрцу стручóк,
Стáрай манды́ клачóк,
Усё гэ́та стаўчы́ і заварьíць.
Тры рáзы ё<б> [тваю] маць[1], прагаварьíць.

Вы́піць нáшча"».

А вот с помощью какого заговора «лечит» «доктор» импотенцию в одном из районов Минской области: «"Як у буты́лкі гóрлачка заўсягдá стаіць прáма, так каб і ў Мікалáя заўсягды́ стая́ў пéўнік на ягó жóнку і ўсíх сусéдак і ўсíх баб, катóрыя праз нáшу дзярэ́ўню бýдуць праязджáць ці прахóдзіць. Каб стая́ў х<уй> і нóччу, і днём, і ва ўся́кае ўрэ́мя сýтак для любві. Амінь. Амінь. Амінь". После этого "доктор" обязательно давал "больному" микстуру-водку». [12]

Масленица

Масленичная похоронная игра в традиционной культуре белорусского Поозерья

В ряде сел Полоцкого, Шумилинского, Городокского районов Витебской области до сих пор известны масленичные погребальные обряды. Это похороны специально изготовленных кукол, так называемых Деда и Бабы. Названные действа являются кульминационными точками «масленой» недели и отчетливо фиксируют ее начало и конец. Ареал их распространения требует дальнейшего уточнения, с этой целью и продолжается в настоящее время систематическое обследование данного региона. Отдельные локальные варианты этих обрядов зафиксированы в разных формах, что прежде всего отражает разный уровень их сохранности. Они записаны и по воспоминаниям бывших участников (в этом случае воспроизводится, как правило, обрядовая практика довоенного времени), и в реконструированном виде, и даже в естественной ситуации бытования[2]. Игровая специфика данных обрядов наиболее полно отражена записью, которая осу-

[1] Мать.

[2] Сравнительно живая традиция выявлена экспедициями А.В. Ромодина и И.А. Ромодиной в Городокском р-не Витебской обл. Впоследствии здесь была сделана серия повторных записей.

ществлена в атмосфере реальной Масленицы (с. Москаленята Городокского р-на, 1990 г.)[1] и подготовлена нами к публикации.

В местной традиции (и это соответствует общераспространенному обычаю) «мясовед» завершается «помяну́хой» — «поминной субботой», которая называется здесь «толстой». При этом «мясны́е за́пусты» персонифицируются и получают воплощение в образе Деда: считается, что он умирает, подавившись «костьёй» («Вот Дед уже́ да́вится ко́стью за то, что всё уже́, бо́льше мя́са не яду́ть... Э́то уже отхо́дить ма́сленая, уже́ захо́дить пост»[2]). К «поминной субботе» (иногда к «кривому понеделку» — первому дню Масленицы) приурочено изготовление соответствующего чучела с подчеркнуто мужскими атрибутами: «Делают голову ему, руки, лицо и всё; намазывают бровы, очи, нос и всё делают...»[3]. Дед выполняется из соломы и тряпья в натуральную величину взрослого человека и наряжается в мужскую одежду: «Возьмут мущинскую рубашку, штанишки, солому набивают»;[4] «Ну, рубашка, штаны мущинские... напихивают соломой... обувают его — лапти там, оборы красные или белые якие наматывают»[5].

Затем эту гигантскую куклу укладывают, подобно покойнику, на лавку, покрывают скатертью и относят в кут, под образа. К вечеру в избе, где совершается обрядовое действо, собираются соседи, которые оплакивают «умершего». Приходят, в основном, женщины. Иногда их специально приглашают, и это может, кстати, сопровождаться определенного рода мистификациями (сообщается, например, что умер кто-то из односельчан). Прощаясь с Дедом, собравшиеся участвуют в своеобразном представлении. Они обмениваются ритуально-игровыми репликами, соответствующими как ситуации похорон, так и разыгрываемому мифу, мизансценируют всё действо и создают среди присутствующих особое настроение.

При этом импровизируется диалогический текст, сотканный из нескольких опорных мотивов и отвечающий некоторым обязательным установкам (число участников диалога может свободно варьироваться). Хотя текст этот и притягивает каж-

---

[1] В ходе данной работы производилась синхронная фоновидеозапись. Материалы экспедиции, в которой, наряду с сотрудниками ЛГИТМиКа, участвовали У. Моргенштерн, С.С. Жиркевич, а также члены Фольклорной студии (рук. А.В. Ромодин), хранятся в архиве сектора фольклора ЛГИТМиКа.

[2] Зап. в д. Труды Полоцкого р-на от Е.Р. Коваленко, 1925 г. р. (сведения, относящиеся к этой локальной традиции, зафиксированы И.А. Ромодиной).

[3] Зап. от нее же.

[4] Зап. в д. Филимоново Городокского р-на от И.Ф. Дергачевой, 1916 г. р.

[5] Зап. от Е.Р. Коваленко.

дый раз что-то из чисто бытовых подробностей, всё же по преимуществу отношение участников действа к Деду мотивируется в нем специфически обрядовой ситуацией.

Во-первых, смерть Деда осмысливается как черта под «мясоедом» и воспринимается соответственно символически: по ходу игры не раз напоминается, что Дед «съел все мясо и подавился костьёй». Во-вторых, многое нацелено здесь на смеховую разрядку присутствующих: «Смеются, делают, чтоб смешно было» – это свидетельство И.Ф. Дергачевой относится к числу достаточно типичных. В-третьих, особое значение придается возрасту Деда: акцентируется его глубокая старость, сообщается, например, что он прожил 100–120 лет. В-четвертых, подчеркивается его гиперсексуальность. Это получает, между прочим, и зрелищное выражение: через штанину продергивается веревка с палкой (качалкой, морковкой) на конце, а тот, кто сидит в изножье Деда, время от времени приводит ее в движение: «...член подымается кверху, дергается, то вверх подымется, то вниз опустят его. Ну, бабы и хохочут тута около яго. Всё в шутку, все шутили»[1]. Дополнительно это действие многократно обыгрывается в репликах участниц диалога и неизменно стимулирует общую смеховую реакцию. Кроме того, в биографии, которой по ходу игры снабжается покойник (она как бы творится на глазах – лепится из отдельных высказываний, нередко даже противоречащих одно другому), важными характеристиками оказываются его многоженство и супружеская неверность. Этот мотив прослаивает весь игровой текст и наравне с похоронными мотивами формирует общую атмосферу действа, для которой характерно сочетание плача и смеха.

Наконец, очень важное обстоятельство, которое во многом определяет игровое поведение присутствующих, – представление о том, что покойник – всем дед («И всем он быў дед»[2]), то есть является общим предком (если ряженый на Святках именуется в данной традиции Стариком, то этот персонаж получает более прозрачное название: Дед). Кстати, установление разных степеней родства, связывающих собравшихся с Дедом, взаимное перекладывание ими особых прав на его оплакивание – всё это входит в структуру самóго представления.

Не менее существенна и такая деталь обряда, как имя собственное, которое дается покойнику, – Сидор (Сидорка)[3]. И

---

[1] Зап. от нее же.
[2] Зап. от И.Ф. Дергачевой.
[3] Зафиксирован, правда, и ряд других имен.

хотя в толковании носителей традиции оно ориентировано на явно необрядовую действительность (в качестве реального прототипа Деда в с. Москаленята назван, например, покойный односельчанин исполнителей обряда, Сидор Михайлович Боровский), есть основания сближать его с тем же именем других обрядовых персонажей[1].

В сцене прощания с Дедом участвует и ряженый Поп, который забавно ходит кругом лавки с импровизированным кадилом и произносит нечленораздельную «молитву». В записанном со слов И.Ф. Дергачевой обряде д. Филимоново появляется еще и «Дохтур» (он «патрошил покойника» непосредственно перед отпеванием); названный вариант традиции осложняется, таким образом, дополнительным игровым эпизодом. «Хоронили» Деда, вынося его на улицу и укладывая на сани. Заканчивался обряд поминальным столом, на котором была обязательна сырница[2].

«Масленая» («сырная») неделя отмечена в данном регионе катанием женщин на прялицах с целью повлиять на урожай льна (при этом лен привязывался иногда к прялице). Днем в течение всей недели разрешалось работать, под запретом оказывался лишь один вид работ — прядение: считалось, что оно «на скот влияет, скоту плохо будеть, вястись ня будеть». Вечера же назывались «святыми», и работать вечером было строго запрещено: «Мужчины в карты играли, а женщины сказки говорили. Молодежь собиралась: посиделки»[3].

Завершается неделя изготовлением и похоронами аналогичной куклы, именуемой Бабой: «Делали Бабу такую самую ж. Натыкали ее соломой, сеном. Голову, делали очи, бровы, все ей делали». При этом особое значение имела женская атрибутика образа: «Сиськи делали — самое основное...» Смерть Бабы объяснялась тем, что она «подавилась сырницей»[4]. Подобно Деду, ее оплакивают, выносят на улицу и там «хоронят» (сняв с чучела одежду, полностью разбирают его), затем устраивают поминки — застолье с ритуальным угощением, песнями.

В данном случае воплощение обрядового текста связано с комплексом явно игровых средств. Пожалуй, самое впечатляющее при этом состоит в порождении специфически игровых волн поведения на фоне внеигрового общения. Исполнитель-

---

[1] См. сноску 2.

[2] Сырницу (сырники) ели на протяжении всей масленичной недели.

[3] Зап. от И.Ф. Дергачевой.

[4] Зап. от Е.Р. Коваленко.

ски эти переходы из одного состояния в другое осуществляются с поразительной легкостью и естественностью. Включение в игровую атмосферу обряда и переключение из нее в бытовую даются участникам без всякого напряжения, так что в целом действо отличается высокой степенью их перевоплощаемости. Они то произвольно ныряют в особый игровой мир, диктуемый обрядовой действительностью (в нем соседствуют смех и плач), то естественно освобождаются от его законов; одной-единственной репликой участники представления и нарушают игровое равновесие, и восстанавливают его, хотя в целом всё здесь ориентировано, конечно, на игровую модель развертывания сюжета.

Запись публикуемого [ниже] материала сделана в с. Москаленята Городокского р-на (в обряде участвовали О.Д. Мансурова, 1925 г. р., Н.В. Малахова, 1926 г. р., А.П. Сафонов, 1941 г. р., И.Т. Мелюшков, 1931 г. р., А.И. Мелюшкова, 1930 г. р., М.К. Сафронова, 1923 г. р., К.П. Иванова, 1910 г. р., С.М. Моисеенко, 1908 г. р.).

— Дед аж побелéл ужé. Пóртиться начинáет.

— Отчегó он помёр?

— Костьёй подави́ўса. Мя́со жраў и подави́ўса. А чéраз нядéлю бýдеть Бáба лежáть: Бáба сы́рницей подави́лась[1].

— А как его зовут (*вопрос собирателя*)?

— Си́дор. А Бáба — Марю́та ти Хадóра. Ты чагó ж не голóсишь (*обращается к одной из присутствующих*)?

— А ён мне не рóдный, у негó рóдные ёсь.

— Як ходи́ў, дак тады́ ўси́м рóдненький быў. Я ж дóчка его, а ты — жёнка. Пéрша ты голоси́, я же не жилá з им. Голоси́!

— Счас Мáнька при́йде. Ён ей роднéй уси́х.

— На вечари́нки ён не ходи́ў, стряпáў дóма да рабóтаў. Хорóший, хорóший, тапéря ж ня поды́мешь, хоть обголоси́ся пéрад им.

— Моли́ся Бóгу, что помёр.

— Горéлку пил — вот и подави́ўса. Каб ён свóей смéртью помёр, а то подави́ўса.

— Таки́й Дед, *бéгаў к* табé. Тапéрь бýдешь голоси́ть. Таки́й блядýн буў... Вы голоси́те, кали́ вам жáлко.

— По Бáбе ужé мóжно бýдеть голоси́ть, а Дед — что?

— Здесь сади́ся, ря́дом: твой бáтька.

— Стáрый, си́вая бородá.

— Як напьётся, дурны́й быў: бьётся. Як тверёзый, дак хорóший.

---

[1] После этого сырницу уже не ели: со вторника в местной традиции начинался Великий пост.

— Хошь биў, да быў.

— Отказáлись от его [дети]: дренный быў.

— И задóхся и помёр. А пья́ный чи хóчешь бýде дéлать. — Дед быў не прóтив, каб Бáба помёрла заперóд.

— У ягó былá козá, кýрица да петýх (*т. е. всё хозяйство*).

— Осóбенно жёнок любиў ён: три ў ягó былó ти чаты́ре.

— Не чаты́ре — шесть: Мáрья-то шестáя. А прожы́ў ён уже сто годóв. Який-то врэ́дный быў: вси [жёны] умирáли. Послéднее урéмья злёг, а так усё ходиў.

— Раскулáченный [он]. Рáньше быў бéдный, а потóм раскулáчили. И сóсланный — ти в Китáй...

— Ты́е жёнки, як собрáлиса б, то и поголосúли б, атó б и подплясáли.

— Мóже, ён з бáбами грал?

— Сто двáдцать годóв прожúв. Ямý гóрэ, з им — гóрэ. А тут у рот кóстка гэ́та помешáла. Ещё в óсень сéно грёб, а к Мáсленке ўбрáўса.

— Зуб ня булó, дак ён и подавиўса.

— Двадцатьпя́тку отдаéте (в церкву. — *Пояснение одной из слушательниц.*) и провéрите.

— Бáтюшка явиўся. Ходи́, бáтюшко, судá бли́же.

— Дорóга дли́нна, покóйников мнóго.

— Спаси́бо, что приéхаў.

— Мáло собрáлося вас.

— Родни́ нет, да и ня собрáлися.

— Иди́ суды́ да попéй трóшку!

— А кади́ло гди твоё?

— Забы́лось.

— Гóсподи Сýсе, сзáди ня вставáйте! Гóсподи Сýсе, сзáди ня вставáйте!

— Ай, Си́дор, Си́дор, конéчно.

— Замори́лася дáже, покá прийшлá (*слова принадлежат «батюшке», роль которого исполняет М.К. Сафронова*).

— Ходи́, дóчка, бли́же к бáтьке!

— Дéдько мой, рóдненькой, вставáй, Си́дорко!

— Дед... А гди ж мóрква? (*Привязывают морковь и веревку продевают в штанину.*)[1]

— Помёр, дак уж якúе тут я́йца! Затó нос: семеры́м рос, а одномý приляпиў.

— Дéдко ты мой, Си́дорко!

---

[1] Раньше вместо моркови использовалась качалка.

— И́долы, безбо́жники!
— Гэ́то ён таки́й, ходи́ў по ба́бам.
— Си́дорко, мой краса́вец, ты быў — шевели́ў, а тапе́рь про нас забы́ў. Спу́тали [тебе] но́ги, каб ня убе́г бы.
— Штаны́ ў яго́ рва́ные.
— По ба́бам ходи́ў — штаны́ разорва́ў.
— Сомле́ў совси́м дед.
— А куды ж ты собра́ўся про́тив тёмненькой но́чки?
— Ён жа мене́ ня слу́хаеть...
— А откро́й ты свои ка́рие гла́зки, скажи́ нам одно́ слове́чко.
— У яго́ волосы́ краси́вые быль́, за то ба́бы излюби́ли. Сам помёр, а еще шаве́лится... Отжи́ў своё дедо́к, положи́ў но́жки свои.
— На́до ж накры́ть поко́йника.
— Далёко его бу́дуть знать, Си́дора на́шего. Вот блядь, тапе́рь уж ня бу́деть бе́гать по ба́бам.
— Мя́гкий ён. Че́раз няде́лю бу́деть Ба́ба ещё[1].
— Куды́ ж ты от нас улета́ешь, на яку́ю сторо́нушку?
— Ай, что ж ты сде́лаў, на что ж ты сто́лько пиў? Я б тобе́ дава́ла.
— Дед дак дед, наде́лаў дело́в, гэ́то ж поду́мать!
— Мужи́к — это не со́бственность: и с одно́й живе́ть и к други́й по́йдеть, и та бу́деть ро́дная.
— Мо́же, уже вро́мья разбира́ть? Де́да потя́гнем хорони́ть. Бу́дем справля́ть у путь его́. Пока́ тро́ху помянём, да и... Домовьё;[2] сде́лають — в домовьё яго́. [13]

«Пахавання дзеда»

В 1999 году в этом же селе вновь производилась запись «Пахавання дзеда».

Ниже приводится вариант завершающей части игры, содержащий некоторые изменения и дополнения.

— Дзя́дзька мой ро́дненькі, Сідо́рка, устава́й, не ляжы́, у яку́ю даро́жаньку далёкую ты сабра́ўся?
— А дзе ж я́йца яго́, не шаве́ляцца?
— Сідо́рка, мой краса́вец, як ты быў жыў, нам ме́жду ног шавялі́ў, а цяпе́р пра нас забы́ў, пазараста́юць на́шы ма́нькі без цябе́.

---

[1] Существует примета: если покойник мягкий, вскоре будет еще один.
[2] Гроб.

— Штаны́ ж яго́ парва́ныя, бо па ба́бах хадзіў і штаны́ парва́ў.
— Яго́ о́чань любілі. Сам памёр. А струк яго́ шаве́ліцца. Вот блядун.
— Аджы́ў дзед, адлюбіў баб, злажы́ў ру́чкі свае́, закры́ў гла́зкі свае́.
— А куды́ ж ты ад нас сабра́ўся про́ці цёмненькай но́чкі?
— Куды́ ж ты ад нас адлята́еш? У яку́ю да́льнюю staро́начку?
— Дзед мя́гкій. Це́раз нядзе́лю ба́ба ўмрэ́ць.

<...> Деда на санках везли за деревню, сбрасывали и засыпали снегом или жгли на костре. Во время шествия по улице к участникам присоединялись зрители, бросали реплики, замечания. Мужчины могли схватить «деда», бросить его на какую-нибудь женщину, повалить ее в снег вместе с этим чучелом и при этом кричать: «Сідо́рка на Га́нну ўзле́з, шчас яе́ Міко́ла дасць яму́ по́ўху». [14]

Весенние песни

«Ой, вясна́, вясна́, вясе́начка, вясе́начка,
А дзе твая дачка́ Але́начка?» —
«Пагна́ла каро́ў у ліпачкі.
У ліпачкі, у скры́пачкі,
А за ёй Прахо́р, задра́ў хахо́л». [15]

Ці ўсе́ ба́бы вы́шлі,
Ці ўсе́ маладу́хі?

Люлюшкі-люлі,
Ці ўсе маладу́хі[1].

Ці ўсе маладу́хі,
Ста́рыя стару́хі.

Праско́ўка не выхо́дзіць,
Та́нца не выво́дзіць.

Та́нца не выво́дзіць.
Максім не пуска́іць.
Максім не пуска́іць,
Варо́ты запіра́ець.

---

[1] Припев «Люлюшкі-люлі» повторяется со второй строкой каждой строфы. (*Примеч. собирателя.*)

Варо́ты запіра́іць,
Се́нцы запіра́ець.

Праско́ўечка рэ́зва,
Це́раз забо́р ле́зла.

Це́раз забо́р ле́зла,
Сая́н папарва́ла.

Сая́н папарва́ла,
Хварту́х пацяра́ла.

Максі́м во́ўкам вы́ець,
Сая́н лы́кам шы́ець.

Сая́н лы́кам шы́ець,
Зу́бам калупа́ець.

Зу́бам калу́паець,
А лбом прыбіва́ець. [16]

За ляса́мі, за бара́мі
Пашла́ дзе́ўка за грыба́мі.
За бы́стру раку́,
Эй, за бы́стру раку́.

Не дахадзя́ дзе́ўка бо́ру
Нашла́ гры́ба мухамо́ра,
Кра́снага гры́ба.
Эй, кра́снага гры́ба.

Яна́ ж яго́ падхваціла,
У кашо́лачку ўлажы́ла,
Пашла́ дадо́му.
Эй, пашла́ дадо́му.

Ой, прышла́ ж яна дадо́му,
Палажы́ла спаць з сабо́ю
На бе́лую крава́ць.
Эй, на бе́лую крава́ць.

Дзе́ўка спа́ці не кладзе́цца,
То́лькі слёзкамі ліе́цца —
Баі́цца гры́ба.
Эй, баі́цца гры́ба.

«Ах ты, дзе́ўка прыукра́сна.
Не лій слёзачак напра́сна,

Не бойся мяне́.
Эй, не бойся мяне́.

Кладзі свячу́ васкаву́ю,
Я тры ра́зы пацалу́ю.
Мілая ма́я.
Эй, мілая ма́я». [17]

Ды на гары́ мак[1]
Салаве́йка то́пча.
Ой, люлі-палю́лі,
Салаве́йка то́пча.

Салаве́йка то́пча,
Паляце́ці хо́ча.

Паляце́ў салаве́й
За сіняе мо́ра.

Да сеў і слу́хае,
Як пане́нкі пла́чуць.

За старо́га ідучы́,
Бе́лу ло́жку сцелючы́[2].

«Бада́й гэ́та ло́жа
У агні згарэ́ла.

Як мне із старэ́нькім
Но́чачка дадзе́ла.

Распасцёр ён бараду́
Па маёй паду́шы,

Па маёй паду́шы,
Да не к маёй ду́шы». [18]

Ой, до́бра, што вясна́ прышла́.
Я, мо́лада, у грыбы́ пашла́.
Я з грыбо́ў ішла́, у це́рам[3] зашла́.
Я ў це́раме разгуля́лася
І з мало́йцамі разгука́лася.

---

[1] Припев «Ой, люлі, палюлі» повторяется со второй строкой каждой строфы. (*Примеч. собирателя.*)
[2] Стеля.
[3] Терем.

Вот пятýх пяé – я й дамóў не іду́,
Другі пяé – я й не ду́маю
Зарá ўзыйшлá – я й дамóў пашлá.
Барóцікі распірáюцца,
Мой мілéнькі прачынáецца:
«Ой, да дзе, жанá, ты дасю́ль былá?» –
«Вот, мой міленькі, пры табé спалá.
Ці ж ты, міленькі, адурáчыўся,
Ка мне вóчкамі не <а>дварáчываўся». [19]

«А чаму́ ты, бярóзка, не кудрáва?» –
«Я у лéсе ў халадóчку стаяла.
Там дачу́шка з маму́лечкай размаўляла:
"Не аддáй мянé, мая маму́лечка, за старóга.
Я з стары́м адну́ нóчку начавáла,
Як за калóдай за гнілóю паляжáла.
Не аддáй мянé, мая мáмачка, за малóга,
А я з малы́м адну нóчку начавáла,
Як верабéй пад страхóй шчабятáла.
Аддáй мянé, мая мáмачка, за рóўніцу.
Я з рóўніцай адну́ нóчачку начавáла,
Як у бару́ зязю́лечка кукавáла"». [20]

Купальские песни

Пашлí мáльцы каля́ жы́та, лы́гу-лы́гу,
Ці не нáйдуць каró ў жы́ще, лы́гу-лы́гу,
Канéй нáйдуць – éздзіць бу́дуць, лы́гу, лы́гу,
Дзéўку нáйдуць – любіць бу́дуць, лы́гу, лы́гу. [21]

Купáла на Йвáна!
«Дзе, Купáла, начавáла?» –
«Начавáла нóчку ў зялёным лясóчку,
Пад асíнкаю з Максíмкаю,
Пад арэ́шкаю з Цярэ́шкаю,
Пад éлкаю ды з дзéўкаю». [22]

«Дзе ты, Купáла, ноч начавáла?» –
«У чы́стым пóлі пад éлкаю
З маладóй Алéнкаю». –
«Дзе ты, Купáла, ноч начавáла?» –
«У цёмным лéсе пад асíнкаю
З маладóй Аксíнкаю». [23]

Купáла на Йвáна!
З кім я спáла, усё прапáла.
Пад алёшкам — із Цярэшкам,
Пад асíнай — із Васíлем,
Пад гáначкам — з Міхáлачкам,
Із Мікíтам — пад ракíтам,
А з Ягóрам — пад явóрам. [24]

«Купáла, Купáла,
Гдзе ты прабывáла?» —
«У Кузьмы́ на дварóчку
Усе дзéўкі ў танóчку.
Мáці Рóжу чэшыць,
Чэшыць, навучáець:
"Дачýшка Рóжушка,
Не стой з Кузьмóм пóплеч!
Кузьмá цябе здрáдзіць".
Рóжа не ўвазнáла,
З Кузьмóм пóплеч стáла.
Схапíў Кузьмá Рóжу,
Кінуў на бéлую лóжу.
Кузьмá лісты́ пішыць
Да Рóжынай мáці:
"Не ждзі, мáці, Рóжу,
Рóжу ў вянóчку.
Да ждзі, мáці, Рóжу,
Рóжу ў платóчку.
Аб зялёным свя́це,
І з мáлым дзіця́ці,
І з бéленькім сы́рам,
І з мáленькім сы́нам"». [25]

Бóжа мой! На вýліцы скры́пкі іграюць, бóжа мой[1].
Карóль дачкí не пускáіць.
«Мой тáтачку, мой рóдненькі,
Пусці мянé на вýлку гуля́ць,
Туды́ пайдý пазнюсенька,
Адтýль вярнýся ранюсенька».
Ужó на дварэ́ я́сная зарá,
Каралёвай дачкí з гульні нямá.

[1] «Божа мой» повторяется в начале и конце каждой строки. (*Примеч. собирателя.*)

На ёй шáты сцёрты, змя́ты,
Залаты́ пярсцёнкі з пáльца зня́ты,
Руцвяны́ вянóчак з галавы́ зня́ты. [26]

Усé дзявóчкі з Купáла йдуць,
Аднó вайтóўны дóўга ждуць,
Яе вóйчанька чакáе
Да ў варóтах страчáе:
«Вайтóўна, вайтóўна, дзіця́тка,
Да чагó хýстачка змя́та?» —
«Вóйчанька, малайцы́ гуля́лі,
Узя́лі маю́ хýстачку і змя́лі». —
«Вайтóўна, вайтóўна, дзіця́тка,
Да чамý хвартушóк мóкранькі?» —
«Вóйчанька, малайцы́ купáліся
Да маім хвартушкóм уціра́ліся». —
«Вайтóўна, вайтóўна, дзіця́тка,
Да што ж у цябé да ў прыпóле?» —
«А мой вóйчанька міленькі,
Да гэ́та ж дзіця́тка малóе». —
«Ой, вайтóўна, дзіця́тка,
Да трэ́ба цябé стра́ціці». —
«Не траць, вóйчанька, у сыбóту,
Да траць, мілéнькі, у нядзéлю,
Да каб усé стары́я глядзéлі,
Каб стары́я дзівава́ліся,
А малады́я кáяліся».
Вайтóўна сы́на прывя́ла
Да й ў кітаёчку спавіла,
Да й ў ціхі[1] Дунáй пусціла. [27]

А на Йвáна Купáла
Праявілась прая́ва,
Праявілась прая́ва —
Сястрá з брáтам прапáла.
А брáхнейка жóўценькі[2],
А сястры́ца сіненька,
Што плáкала сільненька.
А брáхнейка жóўценькі,
А ён плáкаў мóўчанькі.

[1] Тихий.
[2] Желтенький.

«А Бог мяне́ засцяро́г,
Што з сястро́ю спаць не лёг.
А Бог мяне́ мілава́ў,
Што сястру́ я не абніма́ў».
Рашчыніся, но́ва клець,
Сястра́ з бра́там з кле́ці йдзе́ць.
«Пайдзём, сястра́, у ясо́к,
Мы скінемся траво́ю.
А на Іва́на Купа́ла бу́дуць
Дзе́ўкі ў кра́скі іці,
Бу́дуць яны́ кра́скі рваць,
У вяно́чкі завіва́ць,
Сястру́ з бра́там паміна́ць». [28]

Калі́на! Не пі, ко́сю, ключаво́й вады́, калі́на[1].
Не еш, ко́ся, лугаво́й травы́:
А ў ключы́ дзе́віца ўмыва́лася,
Сваёй красато́й любава́лася:
«Ці не бог таму́ даў, у каго́ ма́мачка,
А мне, маладо́й, ліха́ ма́чыха —
Пасла́ла мяне́ ў ліхі цирамо́к,
У ліхі церамо́к бе́лу ло́жу слаць».
А ўжо́ на двара́ петухі́ пяю́ць,
А на́шай сіро́ткі дамо́ў не чуць.
А ўжо на двара́ бялю́сенькі свет,
На́ша сіро́тка з церамо́ў ідзе́ць.
Шаўко́вая шнуро́вачка расшнурава́на,
Ру́сая каса́ растрапа́ная,
Бе́лае ліцо́ запла́канае.
У вакне́ сядзіць ліха́ ма́чыха,
Ліха́ ма́чыха ўсміха́ецца:
«Не ўсміха́йся, ліха́ ма́чыха,
Я шнуро́вачку шнурава́ць бу́ду,
Бе́лае ліцо́ ўмыва́ць бу́ду,
Ру́сую касу́ часа́ць бу́ду.
Ліхую ма́чыху праклі́на́ць буду». [29]

Брато́вая зо́лвы на ночь про́сить.
        Ту-ту-ту!
— Моя золви́ца, моя сястри́ца.

[1] «Калі́на» повторяется в начале и конце каждой строки. (*Примеч. собирателя.*)

Ту-ту-ту!
Приди́ ко мне ночь ночава́ти.
Да тябе́ ў мяне́ нихто́ не ўкраде́.
Да ў мяне́ клётка з перякля́тками,
У мяне́ заве́сы шоўко́выя,
У мяне́ поду́шачки пухо́выя.
У мяне́ посте́лька мя́кка-бяле́нька. [30]

Сяре́д но́чи а поўно́чи
Да приезжа́ють три дворяни́ны,
Три дворяни́ны не жана́тые.
Оди́н дворяни́н клётку одчиниў,
Другий заве́сы подняў,
Трети дворяни́н мене́, молоду́, узя́ў.
Нихто́ того́ ни чуў, ни ба́чиў,
То́льки чу́ло не́ба да земля́.
То́льки ба́чила чу́жа сторона́. [31]

«Ня ёсть моя́ брато́вая.
Да ёсть моя́ здра́дница.
Здра́дила мяне́, молоде́нькую,
З рутьвяно́го вянца́,
З дяво́цькаго стоўца́».
Купа́ла на Ива́на,
Брато́ва зо́лву на ночь зва́ла.
«Да ў мя́не клётка но́вая,
А крова́ть тисо́вая».
Стук-грук ко́ло клёти.
Зо́лва ка́жа: «Зло́дяй хо́дить»,
Брато́ва ка́жа: «Жанихи́ хо́дять»,
Да ў сине́ньким клётку одобиў[1],
У зялёненьким поло́жку ўзня́ў,
А ў чирво́неньким зо́лву ўзя́ў.

Образы и выражения восходят к отдаленнейшей древности: (1) похититель действует «в синем», через железо, сталь, оружием и разбоем (см. пословицу «Враг силен — завел и в синем»), хотя точно так же здесь разумеется синий кафтан, признак зажиточного крестьянина; (2) «берет в зеленом» — берет зеленую, молодую и снимает зеленый венок ее девства; (3) «берет в красном» — красную девушку, с золотого стольца или престола.

[1] Отбить.

При купальских кострах и при воде молодые парни обыкновенно в эту сладострастную летнюю ночь тушат огонь своей страсти, девушки гибнут; под утро, дождавшись солнца, те и другие купаются. Но и это совершается не даром, ибо не только поневоле, но даже обрядно и по принудительной силе предания. В другое время, как малорусы, так и белорусы в особенности, крайне целомудренны. [32]

Девушка готовит путы для коней, на коих приезжает за ней молодец. Гульба ее разрешилась слезами — слезы о падении и униженное положение:

Ма́лая но́чка Купално́чка,
Не вы́спалася Гану́ся.
Змочи́ла ху́стоньку,
Слёзы утира́ючи.
Сука́ла пу́ты едва́бны,
Пу́тала ко́ни вороны́. [33]

Ма́лая но́чка Купално́чка,
Не вы́спалася Пара́ся.
Погна́ла волы́ хлипа́ючи,
Змочи́ла ого́нь ко́тячи[1],
Слёзы утира́ючи.
Сука́ла шнуры́ воло́ве,
Пу́тала щу́ры полёве.

Невыносимое супружество бросает страстную женщину на шею к деверю, как ни священна, по старине, его особа:

Да мой же ты деверя́тка!
Вяди́ ж ты мяне помалю́сеньку
Ча́ряз се́ни, ча́ряз ха́точку,
Да ў но́вую корова́точку. [34]

Да мой жа ты, да сусе́д бли́зкий.
Чаму́ ў тябе́ пиряла́з ни́зкий?
Хоть ты мяне́ на мяжи́ положи́,
То́льки мойму́ му́жу ни кажи́.
Хоть ты мяне́ к бороне́ приста́ў,
То́льки ты мяне́ хорошо́ спла́ў.
А я свойму́ мужику́ Миро́ну

---

[1] От слова «катить».

Заре́зала пятуха́ и воро́ну.
Да я свойму́ мужику́ Юрку
Заре́зала пятуха́ и ку́рку.

Молодуха сперва играет тою свадебною картиною, как деверь ведет невесту на кровать, потом заигрывает – отчего от него, близкого соседа, к ее кровати такой низкий перелаз и переход удобный? А дальше еще прямее – «сплавь» – сплыцься: по-белорусски – слиться; зарезать петуха и ворону – прекратить близкие отношения.

Пойгра́й музы́ку, пан,
Поигра́й, любе́нький.
А я тоби́ заплачу́,
Чим сама́ захочу́.
Канапе́ль ми́сочку,
А на верьх – п<и́здочку>.
Поигра́й, музы́ку, у свой смык,
А я пожи́чу тобе́ с п<и́зды> шлык[1].
Коли ня бу́дешь игра́ти,
То не дам п<изды́> права́ти[2]. [35]

Як з двара́, двара́
Злята́ў Ва́нечка,
Злаві́ў Ка́цечку.
Яна́ про́сіцца:
«Пусці́, Ва́нечка,
Мяне́ да дзе́вачак,
Да лябе́дачак». –
«Не пушчу́ цябе́, не пазна́чыўшы:
Надзе́ну ша́пачку на гало́вачку,
Тады́ пушчу́ цябе́
Не да дзе́вачак, а да жо́начак». [36]

«Раньше шли на конец села, где жито наливное. Ой, что же мы там делали! Оденемся дедами старыми, горбатыми, с посохом – идет старый дед! Бороду прицепят изо льна длинную, маску наденут, кожух или свитку большую, а тогда подпояшутся большой веревкой, штаны наденут оборванные, лапти обуют, тряпкой закрутятся до колен. Шапку наденут большую, лохматую, горб прицепят. <...> На бабу юбку надевали длинную, широ-

[1] Шлык – вид головного убора. (*Примеч. собирателя.*)
[2] Правати – от «править», технический термин. (*Примеч. собирателя.*)

кую, фартук, кофту. Бабе кочергу часто в руки давали. И маска — красненькие щечки. Баба с дедом целуются, обнимаются. И бегают вслед за людьми. А тогда дед девушек как начнет пугать и целоваться с ними хочет: “Внученька, хочу поцеловаться!”» [37]

Жнивные песни

Ой, да́йце мне заго́н-разго́н,
Маладо́га павя́знічка:
Ён са мно́ю снапы́ звя́жа,
Ён са мно́ю спа́ці ля́жа.
Снапы́ звя́жа, памацу́е,
Спа́ці ля́жа, пацалу́е. [38]

Ой, ду́май, ма́тко, ду́май,
Што я бу́ду вячэ́раці,
З кім я ля́жу спа́ці?
Вячэ́раці бу́ду гаро́х,
Ля́жу спа́ці ўдво́х. [39]

А пара́ дамо́ў, пара́,
А пара́ спары́лася.
А пара́ спары́лася,
Вячэ́рка звары́лася.
На вячэ́рку — цяце́рку,
На пасце́льку — Маце́йку. [40]

Ма́рфачка жы́та жне,
А Гардзе́йка вя́жэць,
Дажа́ўшыся[1] да мяжы́,
Яна́ яму́ ка́жа:
«Баразёнка вузе́нька —
Не паме́сцімся,
Но́чка ле́тняя каро́тка —
Не наце́шымся». [41]

Ішо́ў казёл па мяжэ́,
Дзівува́ўся барадзе́.
Дзі́ва, барада́! Дзі́ва, барада́!
Дзівава́лася каза́,
Што балта́іцца ў казла́.

[1] Дожав.

Дзíва, барадá! Дзíва, барадá!
А ты, кóзінька-казёл,
Пакажы́ мне й свой хахóл.
Дзíва, барадá! Дзíва, барадá! [42]

Пан з пáней рáду рáдзе,
Пан пáню ў крэ́сла сáдзе,
Пан кáжа валá рэ́заць,
Пáні кáжа – карóвіцу,
Яшчэ́ лéпшую ялóвіцу.
Як пан пáню абдымáе,
Ён такóе жы́та мáе.
Абдымáй, пан, пáню часцéй,
Бýдзе расці жы́та гусцéй. [43]

СЕМЕЙНЫЙ ЦИКЛ

Родинная поэзия

Дзя́куй таму́ кавалю́,
Што зрабі́ў нам гульню́.

А не то кавалі́,
Што к пе́чы кава́лі.

А то кавалі́,
Што к цёмнай начы́.

Ён жа цяпе́льца не палі́ў,
І ру́чачкі не ху́каў.

І ру́чачкі не ху́каў,
І малато́чкам не сту́каў. [44]

Ой, спасі́ба таму́ кавалю́,
Што скува́ў дзяцёну.
Малато́чкам не сту́куў.
У ру́ча́чкі не ху́куў.
А ляжа́ўшы на палу́,
Упіра́ўся ў сцяну́.
Цёплая, до́брая ку́зня была́.
Ой, спасі́ба таму́ кавалю́,
Што скува́ў дзяцёну. [45]

Дзя́куй таму́ кавалю́,
Што нарабі́ў нам ба́лю.
Малато́чкам не сту́каў,
Так, рука́мі ашчу́паў.

І лучы́нкі не свяціў,
У пацёмачку зрабіў. [46]

Дзя́куй таму́ кавалю́,
Што зрабіў ён нам гульню́.
У ру́чачкі не ху́каў,
Малато́чкам не сту́каў.
То́лькі жо́начку патро́с[1],
Нам гарэ́лачкі прынёс. [47]

Дзя́куй таму́ кавалю́,
Што ўстро́іў нам гульню́.
Малато́чкам не сту́каў.
І ў ру́чачкі не ху́каў.

А не кава́ў ён удзе́нь,
А стыда́ўся людзе́й.
А кава́ў ён уначы́[2],
Не палі́ўшы свячы́[3]. [48]

«Выганя́й, ма́ці, каваля́ з ха́ты,
Бо кава́ль малады́ хо́ча начава́ці». –
«Ой, до́чка мая, хто па се́нях хо́дзе?» –
«Ой, ма́мка мая́, кава́ль каня́ во́дзе». –
«Ці я та́бе не каза́ла, ці не гавары́ла,
Не кладзіся са мной спаць, бо бу́дзе Гаўры́ла». –
«А ён мяне́ не паслу́хаў, ўсё пры бо́ку кла́ўся.
Цяпе́р сама́ не зна́ю, скуль Гаўры́ла ўзя́ўся.
Цяпе́р, мая́ ма́ці, гані́ за кума́мі,
А Гаўры́ла на пе́чы шо́ўгаіць нага́мі». [49]

П’я́на бабу́лька была́,
Це́раз рэ́чку брыла́,
На кла́дачку ступіла,
Ку́рачку намачы́ла.
Усе́дка паглядзе́ла –
Мая́ ку́рка парудзе́ла.
«Псіца, усе́дка, псіца,
Мая́ ку́рка, як лісіца». [50]

[1] Трясти.
[2] Ночью.
[3] Зажигать свечу.

На́ша ба́бка падпіла́,
І пад пры́печкам лягла́.
А мы́шы пашале́лі —
Ба́бе дзірачку прае́лі.
А мале́нькі ўнучо́к
Нясе́ ба́бцы ласкуто́к
Ды й зала́піць хвартушо́к. [51]

Бабу́лька, бабу́лька,
Таўчы́, мало́ць нядужа, нядужа.
На пада́ркі й дасу́жа, дасу́жа.
Дзе гарэ́лачку пачу́іць, пачу́іць,
Там пад пло́там начу́іць, начу́іць.
А там мы́шы шале́лі, шале́лі,
Ба́бе дзірку прае́лі, прае́лі.
Трэ́ба зашы́ць скурато́м, скурато́м. [52]

Кум ідзе́ па ву́ліцы,
Кума́ — па гаро́ду.
Кум нясе́ кусо́к са́ла,
Кума́ — скаваро́ду.
«А ку́мачка-галу́бачка,
Спячо́м мы яе́шню». —
«А кумо́чак-галубо́чак,
Каб не было́ сме́шна.
А кумо́чак-галубо́чак,
Каб не было́ грэ́шна». [53]

Ай, дзед ба́бку замата́ў у тра́пку,
Палíва́ў яе́ вадо́й, ка́бы ста́ла маладо́й.

Была́ ба́ба маладо́й, была́ ба́ба рэ́зва,
Напіла́ся гарэ́лачкі — чуць на печ узле́зла.

Ба́ба дзе́да палюбіла, да й адда́ла гро́шы,
Разглядзе́ла бабу́лька, аж дзед нехаро́шы.

«Ой, лю́дзі до́брыя, за што ж я плаціла,
Я б тако́га дзе́да з кухва́йкі пашы́ла». [54]

Кум у ку́мы начава́ў,
Кум у ку́мы ўпі́ўся,

Кум у ку́мы на крэсе́лку[1]
Ша́пачку забы́ўся[2]. [55]

Кума́ па са́ду хадзіла,
Кума́ раса́ду[3] садзіла.
Ку́міна раса́да ў лісто́чку,
А ку́м да кумы́ штоно́чку.
Ку́міна раса́да не ўсхо́дзіць,
А кум да кумы́ спаць хо́дзіць. [56]

Ішо́ў ку́м да кумы́,
Лю́льку запалі́ўшы.
Ляжы́ць кума́ на палу́,
Лы́тку загалі́ўшы. [57]

А кум к куме́ прые́хаў.
Кума́ ку́му – арэ́хаў.
А кум к куме́ – на га́нак,
Кума́ ку́му – бара́нак.
А кум к куме́ – ў святліцу,
Кума́ ку́му – куры́цу.
«Ай, ку́мушка, што за звер,
Я баюся, каб не з'еў». [58]

А кум куме́, ай, ро́дны брат.
Да й у ку́ма зе́лен сад.
А кум ку́мку разува́ў,
Да й пад но́жку пагляда́ў.
«А ку́мачка, што за звер,
Я й баюся, каб не з'еў.
Паку́ль вы́няў пісталет,
Аглянý́ўся – зве́ра нет». [59]

А кумо́чак, галубо́чак,
Пацалу́й мяне́ разо́чак.
А я табе́ за гэ́та
Раджу́ сы́на на ле́та.
А за гэ́ту віну́
Пацалу́ю, абніму́. [60]

---

[1] Креслице.
[2] Шапочку забыл.
[3] Рассаду.

І дождж ідзéць,
Расá падзéць
На кýміны сéні, на кýміны сéні.

«Схадзí, кумóк,
Скасí сéна,
Накры́й кумé сéні, накры́й кумé сéні».
І дождж ідзéць,
Расá падзéць
На кýміну хáту, на кýміну хáту.

«Схадзí, кумóк,
Скасí мя́ту,
Накры́й кумé хáту, накры́й кумé хáту».
І дождж ідзéць,
Расá падзéць
На кýміну лóжу, на кýміну лóжу.
«Схадзí, кумóк,
Скасí рóжу,
Накры́й кумé лóжу, накры́й кумé лóжу». [61]

«А кумóк галубóк,
Будзь да мянé лáскаў, будзь да мянé лáскаў.
Не пушчáй качаня́т
Да на мой зáстаў, да на мой зáстаў». —
«Маé качаня́ты
Шкóды не нарóбяць, шкóды не нарóбяць,
Напíўшыся, наéўшыся,
Дахáты[1] прыхóдзяць, дахáты прыхóдзяць». [62]

Як кум кýмкай быў рад,
Павёў кумку ў вінагрáд.

Пасадзіў кум кýмку на кравáць,
Стаў кум кýмку разувáць.

Аднý нóжку разувáў,
Ён нічóга не відáў.

Стаў другýю разувáць,
Аж вéльмі ён спужáўся.

«А кумáчка, што за звер,
Да я баюся, штоб не з’еў». —

[1] Домой.

«А мой жа ты куманёк,
Твой дурне́нькі разумо́к.

Гэ́та ж мая куры́ца,
Што па но́чы туліцца.

Гэ́та ж то́е бо́бра,
Што па но́чы до́бра». [63]

А кум ку́му разува́ў, разува́ў.
Пад падо́лік пагляда́ў, пагляда́ў.
«А што гэ́та за звер, за звер,
Я ж баю́ся, каб не з'еў, каб не з'еў». —
«Гэ́та ж, кумо́чак, та́я вы́дра,
Што мужчы́нам і ўначы́ відна». [64]

Пайшо́ў кум да кумы́
Пазыча́ці навіны́.
Кума́ но́жку падняла́:
«От табе і навіна́». [65]

Не той сто́ляр, не той му́ляр,
Што пры я́снай свячы́.
А той сто́ляр, а той му́ляр,
Што па цёмнай начы́.
Высталя́рываў, вымуля́рываў,
Тутатата́, гуляля́,
Усім усе́дачкам гульня́. [66]

У кумо́чка ў майго́
Стаіць, стаіць у яго́.
А што ў яго́ стаіць?
Сіві́ ко́нік на ста́йні.

А ў ку́мачкі ў маёй
Касма́тая ў яе́, лахма́тая ў яе́.
А што ў яе́ касма́тае,
А што ў яе́ лахма́тае?
Аве́чачка ў хлявé.

А ў дзяду́лькі ў майго́, у дзяду́лькі самаго́
Вісіць , вісіць у яго́.
А што ў яго́ вісіць?
То́рба гро́шай на сцяне́.

А ў ба́бачкі ў маёй, у ба́бачкі самаёй
Шыро́кая ў яе́, глыбо́кая ў яе́.

А што ў яé шырóкае, а што ў яé глыбóкае?
З вінóм стýдня на дварэ́. [67]

Дзя́куй тамý кавалю́,
Што зрабіў нам гульню́.
Ён і ў рýчкі не хýкаў,
Малатóчкам не стýкаў.
Дзя́куй тамý хую́шку,
Што зрабіў нам пірýшку. [68]

«Тáкі, кумá, дáйся,
Тáкі дагадáйся,
Тáкі чáсам пад пая́сам
Пашчýпаці дáйся». –

«Чы ты, кýме, п'я́ны.
Чы ты апантáны?
Чы ты, кýме, сышóў з ýма?
То ж я твóя рóдна кýма». [69]

Прыéхалі на далíну:
«Давáй, кýмка, бо я згíну!» –
«Ці ты, кýме, п'я́ны,
Ці ты апантáны?
Ці ты, кýме, без розýма,
То я твóя рóдна кýма».
Як кум кýму не паебé,
То не бýдзе ў небé.
Трэ́ба ўсяля́к старáцца,
Каб да нéба дастáцца. [70]

Кум к кумé заляцáўся,
Сéяць канапéлькі[1] абяцáўся.
Кум кумé засявáў,
Кум кумé прысявáў,
Прысявáючы, казáў:
«А ты, кýмушка-душá,
За ўсе кýмы харашá».
        Кум к кумé заляцáўся,
        Рваць канапéлькі абяцáўся.
Кум кумé зарывáў,
Кум кумé прарывáў,

[1] Конопли.

Прарываючы, казаў:
«А ты, кумушка-душа,
За ўсе кумы хараша».
Кум к куме заляцаўся,
Церці канапелькі абяцаўся.
Кум куме заціраў,
Кум куме прыціраў,
Прыціраючы, казаў:
«А ты, кумушка-душа,
За ўсе кумы хараша».
Кум к куме заляцаўся.
Прасці канапелькі абяцаўся.
Кум куме запрадаў,
Кум куме прыпрадаў,
Прыпрадаючы, казаў:
«А ты, кумушка-душа,
За ўсе кумы хараша».
Кум к куме заляцаўся.
Ткаць канапелькі абяцаўся.
Кум куме затыкаў,
Кум куме прытыкаў.
Прытыкаючы, казаў:
«А ты, кумушка-душа,
За ўсе кумы хараша».
Кум к куме заляцаўся,
Бяліць канапелькі абяцаўся.
Кум куме забяляў,
Кум куме прыбяляў,
Прыбяляючы, казаў:
«А ты, кумушка-душа,
За ўсе кумы хараша».
Нашай песенцы канец,
Канец ды канец,
Сунься, пізда, да яец, да яец. [71]

Кум разоркаю ішоў,
Куль саломы нашоў.
«Кума мая, кумушка ты мая,
Чырвоная ягадка ты мая».
Кум кумку абуваў,
Пад пелену зазіраў.
«Кума мая, кумушка ты мая,
Чырвоная ягадка ты мая.

Што ў цябе тут за звер,
Я баюся, каб не з'еў?
Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́».
«Ці ты ў ле́се не быва́ў,
Во́ўка зве́ра не ві да́ў?» —
«Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́.
Ой, я ба́чыў во́ўка —
Ні така́ гало́ўка.
Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́.
Я сказа́ў бы: за́яц,
Кума́, бу́дзеш ла́яць.
Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́.
Я сказа́ў бы: парася́,
Да та во́рса хараша́.
Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́.
Я сказа́ў бы: мыш,
Да та дзірка, што ты сцыш.
Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́.
Прыдзі, ку́мка, уначы́.
Бу́дзем про́са таўчы́.
Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́». —
«Мая́ сту́пка ні жэ́й пу́пка,
Твой таўка́чык і залу́пка». —
«Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́». —
«Мая сту́пка, твой таўка́ч,
Як заса́дзіш, хоць ты плач». —
«Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́». [72]

Дай, дай! Кума́ бу́дзеш,
Як не дасі, дурна́ бу́дзеш.
Дай, дай! То паце́шу,
Як не дасі, то паве́шу. [73]

Задры́, задры́, кума́, но́гу.
Ска́жуць лю́дзі: хвала́ Бо́гу.

Задры́, задры́ і другу́ю,
Я з кумо́ю патанцу́ю. [74]

Ой, кум у кумы́ пытáе:
«Ці ўжо, ку́ме, світáе?
Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́». –
«Яшчэ, куме, не відно́,
Хавáймося пад радно́». –
«Ку́ма мая́, ку́мушка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка ты мая́». –
«У мяне́, ку́ме, травá асакá,
Касі, ку́ме, з высакá». [75]

На ву́ліцы шум, шум.
Хто прые́хаў? «Кум, кум».

Припев:
Гоп, чыкірдá, кашаву́ра,
Чамудры́кі, чы́рыкі.
Караíнда, караíнда,
Чáпур, чапуры́нда.

Кум да кумы́ прые́хаў,
Кумá ку́му арэ́хаў[1].

Припев.

Ой, кум куме́ рад,
Павёў куму́ у сад.

Припев.

«Што ж ты прывёз у су́мцы?» –
«Чаравíчкі ку́мцы».

Припев.

А кум ку́мку абувáў,
Ту́ды-сю́ды падглядáў.

Припев.

«А ку́мачка, што за звер,
Я баюся, каб не з’еў».

Припев.

---

[1] Орехов.

Ці ж ты, кум, упі́ўся,
Ці ж ты ізбясі́ўся.
Ці ты ў ле́се не быва́ў,
Ці ж ты вы́дры не віда́ў.

Прыпеў.

Гэ́та ж та́я вы́дра,
Што па но́чы відна.
Касма́тая, лахма́тая,
На адно́ во́ка зякра́тая».

Прыпеў. [76]

А кум із кумо́й
Баразёнкай ішлі́,
Да пад сало́мкай нашлі́
Да баці́начкі[1] кумі́ны.

Ой, кум куме́
І баці́нкі надзява́ў.
І баці́нкі надзява́ў
І мі́жы но́гі разгляда́ў:

«Ай, ку́мка мая, ай, галу́бка мая́,
А што ж у цябе́
Мі́жду но́жак жыве́?
А што жа ён ды мяне́ не з'еў?» —

«Ай, ку́ме мой, ку́ме,
Дурны́ ў цябе́ ву́ме.
Ці ты ў ле́се не быва́ў,
Ці ты зве́ра не віда́ў?» —

«Ай, ку́мка мая, ай, галу́бка мая́.
А я быў у ле́се,
А я ба́чыў барсука́,
Дак у ку́мкі шэ́рсць не така́». —

«Ай, ку́ме мой, ку́ме,
Дурны́ ў цябе́ ву́ме.
Ці ты ў ле́се не быва́ў,
Ці ты зве́ра не віда́ў?» —

«Ай, ку́мка мая, ай, галу́бка мая́.
А я быў у ле́се,

[1] Ботиночки.

А я бачыў ліса.
Дык у кумы лыса». –

«Ай, куме мой, куме,
Дурны ў цябе вуме.
Ці ты ў лесе не бываў,
Ці ты звера не відаў?» –

«Ай, кумка мая, ай, галубка мая.
А я быў у лесе,
А я бачыў воўка,
Дык у кумы ж лоўка»[1]. [77]

Ой, кум куме рад,
Павёў куму у сад.
Палажыў на дзераве[2],
Пагладзіў па чэраве.
Ой, кум куме рад,
Павёў куму у сад. [78]

Сядзіць голуб на дубу,
Галубка на плеці.
«Прыхадзі ка мне, кум,
Паспім з табой у клеці». –
«Ой ты, кумачка мая,
Ты галубачка мая.
Мы паспім у клеці,
Ніхто не замеціць». [79]

«Дзяўчынанька-кветка, чаму радно рэдка?» –
«Не хацела прыбіваць, каб не было душно спаць». –
«Дзяўчынанька-сэрца, адчыні акенца,
Пусці мяне пад радно, бо мне ў ножкі халадно». [80]

На прыпечку, на краёчку
Шыла баба нейк сарочку,
Прыйшоў чорт – ніці ўкраў
І божыцца, што не браў.

І божыцца і клянецца,
Узлез на запечча і смяецца.
І божыцца і клянецца,
Узлез на запечча і смяецца.

---

[1] Ловко.
[2] Дерево.

Ба́ба гу́бы тут наду́ла
І да ста́расты паду́ла,
А ста́раста прыказа́ў,
Ба́бе ніці каб адда́ў.

Чорт ба́бе ніці пада́е
Да й за цы́цкі бярэ́.
Пакаціліся ў куто́к –
Прапаро́ў ба́бу гуро́к.

Ста́ла ба́ба азіра́цца,
Што жыво́т стаў падыма́цца:
«Што тако́е, чо́рце ў пе́кле,
Што са мно́ю вось дзяе́цца?»

Ста́ла баба пла́каці –
Пачало́ ўжо і кувя́каці.
Люлі-люлі-люля́сікі,
Што зрабілі гуля́сікі! [81]

Ох, мой жа ты куму́сеньку, вядзі мяне́ памалю́сеньку,
Хоць ты мяне́ на мяжы́ палажы́, а маёму мужыку́ не скажы́.
Яшчэ́ й мяне́ на мяжы́ не кла́лі, ўжо й маёму мужыку́ сказа́лі,
Бяру́ць яго́ ду́мкі-хва́ткі, што чужы́я жо́нкі гла́дкі. [82]

Прыйшо́ў кум да кумы́
Пазыча́ці бараны́.
Кума́ нагу́ падняла́:
«О то табе́ барана́!» [83]

Пасадзіла я квасо́леньку, сама́ йду дадо́му,
А мой мілы-чарнабры́вы п'е ў карчме́ з кумо́ю.
«Ой, нядо́бра, нехарашэ́, мой міле́нькі, ро́біш –
Як дзень, як ноч п'яню́сенькі і з кумо́ю хо́дзіш.
Го́дзе, мілы-чарнабры́вы, і з кумо́ю піці,
Ой, хадзе́мо дадо́маньку вячэ́ру вары́ці». –
«Мая́ міла-чарнабры́ва, яшчэ́ вазьму́ ква́рту –
Кума́ мая́ харо́шая яшчэ́ бо́лей ва́рта».
Пад вішняю-чарэ́шняю палята́лі спа́ці:
«Мая́ міла-чарнабры́ва, не дай ніко́му зна́ці».
Я ж малада́я, як я́гада, тады́ не ўтрыва́ла
І, вы́йшаўшы на ву́ліцу, усім лю́дзям сказа́ла:

«Там за са́дам, за каро́дам, шчэ й за перала́зам
Палягáлі кум з кумо́ю, да й або́е ра́зам». —
«Ой, за што ж цябе́, міле́нькі, ра́зам іскава́лі?» —
«То за то́е, мая́ міла, што з кумо́ю спа́лі». [84]

У кум ку́мку ў садо́чак вядзе́.
А кум ку́мцы агуро́чак нясе́.

«Не хачу́ я агуро́чка твайго́.
Не чапа́й ты хвартушо́чка майго́».

А кум ку́мку ў садо́чак вядзе́
А кум ку́мцы ды кілба́ску нясе́.

«Не хачу́ я ды кілба́скі тваёй,
Не чапа́й ты ды спадні́чкі маёй».

А кум ку́мцы мёд, гарэ́лку нясе́.
«Пакашту́ю, кумо́к, мёду твайго́,
Не чапа́й жывато́чка майго́.

Упіла́ся, кумо́к, мёдам тваі́м.
Да рабі ўжо, што хо́чаш, з жывато́чкам
маі́м». [85]

Кум да кумы́, кум да кумы́
Баразёнкай ішо́ў,
А у гэ́тай баразёнцы
Куль сало́мкі знайшо́ў.

Припев:
Ку́мачка, галу́бачка ты мая́,
Чырво́ная я́гадка спе́лая!

А што ж у тым, а што ж у тым
Саламя́ным кулі?
Казло́выя чараві́чкі
Для харо́шай кумы́.

Припев.

А кум ку́мку, кум галу́бку
Абува́ў, абува́ў,
Чырво́нымі сту́жачкамі
На нага́х шнурава́ў.

Припев. [86]

Свадебная поэзия

Камóра[1]

Да клéці, Гáпачка, да клéці.
За ёю нясýць тры плéці.
«Кажы́ся, Гáпачка, кажы́ся,
З кім ты гарэ́шкі[2] шчыпáла?» —
«Шчыпáла гарэ́шкі з сястрáмі,
Брáла ягóдкі з сястрáмі». —
«Нýце вы, дрýжкі, варушы́цеся,
Нáшаму кня́зю нéкалі:
Той[3] калóчку[4] дзяржы́ць,
А тáя лáўку грызéць,
Да пасцéлі завéць». [87]

Вядýць мяне́ ў клецъ спаць,
Трэ́ба прáўду казáць,
З кім вóлікі[5] паслá,
З кім арэ́шкі траслá,
Да катóры пастушóк
Падары́ў фартушóк.
Да Івáнька-пастушóк
Падары́ў фартушóк. [88]

Мядзвéдзь-муравéйнічак
А ўзлёз на істóпачку,
Скінуў карóбачку.
А ў той карóбачцы сем кур на вярóвачцы,
Вóсьмая самавóль хóдзіць,
Пятухá за хахóл вóдзіць. [89]

А былі ж мы ў клéці, у клéці,
А éлі мы бéлы сыр, бéлы сыр,
А зарóдзіцца пéрвы сын, пéрвы сын.

---

[1] Эти песни исполняются во время первой брачной ночи молодых и сразу после нее. Камора — отдельное помещение в доме, где хранятся продукты, зерно и т. д. и где обычно стелили первое брачное ложе. (*Примеч. собирателя.*)

[2] Орешки.

[3] В записях А. Дембовецкого в подобных песнях вместо слов «той», «тая» употребляются прямые обозначения.

[4] От слова «кол».

[5] Волы.

А былі ж мы ў клéці, у клéці,
А елі мы мáслечка, мáслечка,
Каб былá дачкá Нáстачка. [90]

Як ляцéлі шэ́ршні з бóру,
Заляцéлі ў камóру.
Як вы́садзіў шэ́ршань жáла,
Дык у дзéўкі сэ́рца звя́ла. [91]

Прыляцéў, мáмка, шэрсéнь,
Да й уткнýў жáла,
Сэ́рца мáе задрыжáла.
Дзéўку не за пуп, да за чарэ́во
Укусíў пасярэ́ду. [92]

«А мáмачка, балазé,
Паўзé чарвя́к па назé.
А мáмачка, баю́ся,
Ён жа мянé ўкýсе.
А мáмачка, у клець вядýць». —
«Не бóйся, дачýшка,
Пірагá дадýць». [93]

Нáшы сваткóве-лаўцы́
Éздзілі на ўлóванькі,
Злáпалі звяры́ну,
Схавáлі пад пяры́ну.
Пяры́на трасéцца,
А звяры́на смяéцца. [94]

Я й лажы́лася на пéчы,
Я й праснýлася ў клéці, —
Ажнý маé нóжунькі разувáны
І вýсначкі цалувáны. [95]

А ўчóра звячóра ўкусíла дзéўку пчóла,
Не за пуп, не за калéна, а за гóлае цéла.
Упусціла жыгáла, ажнó сéрдзечка звя́ла.
Ай, дáйце ж вадзіцы дýшаньку адліці[1]. [96]

Закладáйце быкі-нéўкі ў ярмó
Да бýдзем да й навíнаньку арáці.

[1] Отлить.

Ды калі ж будзе ды навінанька цаленька,
То тады́ бу́дзе да яе́чанька смачне́нька.
А калі ж бу́дзе да навінанька ара́на,
То тады́ ж бу́дзе да рэ́дзечка скрыля́на. [97]

Каза́лі нам: «Сямёнка гульта́й,
Залату́ю со́шаньку напраўля́ў,
Чо́рную абло́гу раздзіра́ў». [98]

Былі́ мы ў Крако́ве,
Там лю́дзі аднако́вы,
Там нас муштрава́лі,
Ара́ці запрага́лі.
Мы ара́лі дзярно́, дзярно́,
Палама́лі ярмо́, ярмо́.
Ара́лі дзярні́стае,
Палама́лі ярмі́стае. [99]

Як пайду́ я па се́нях
Да па но́венькіх,
Як найду́ я трох ку́рачак
Да ўсё чо́рненькіх.
Каб нашо́ўся купе́ц,
Я б і ку́рак прадала́,
Каб харо́шы маладзе́ц,
Я б і так аддала́.
Як тако́му смаркачу́
Я й за гро́шы не хачу́.
Як я́кому бла́зну
Па зуба́х я бра́зну. [100]

Панясла́ нявеста
Пятуха́ на ме́ста.
«Нашто́ мя́не прадае́ш?» —
«Нашто́ ра́на ня пяе́ш?» —
«Бу́ду табе́ ра́на пець,
Нясі мяне́ ў но́ву клець,
Пасадзі на крава́ць». [101]

Ай, мі́ленькі мой,
Чорнабры́венькі,
Не ве́рыш ты мне,
Ні сэ́рцу майму́.
Не ве́рыш ты мне,

6*

Ні сэ́рцу маймý.
Пастáў калакóл
Пад бéлы падóл –
Хто мянé затрóнець –
Калакóл зазвóніць.
Хто мянé парýшыць –
Калакóл аглýшыць. [102]

А ў нас сёння шавялі былі,
Чатыры нóжачкі ў кýчы былі.
Пя́тая нóжачка шавяліла,
Нам гарэ́лачку саладзіла[1]. [103]

У агарóдзе грýшка
Ужó патрýшана.
Нáша Мáр'юшка
Ужó паварýшана. [104]

Нáша Аўдóтачка
Пáшню пахáла,
На рагáч папáла.
З рагачá зваліласъ,
На кол узбілась. [105]

Пад ёлкаю спáла,
Да не дзéўкаю стáла.
Хто бáчыў – скажы́це,
Хто падня́ў – вярніце.
Свáтко бáчыў – не сказáў,
Мілы падня́ў – не вярнýў,
К шчы́раму сэ́рданьку прыгарнýў. [106]

Да ў пя́тніцу клён-дзéрава[2] спушчóна,
А ў субóтачку каравáтачка зраблёна,
А ў нядзéльку ў клéтачку ўнясёна.
У панядзéлак чужазéмачка прывязёна.
А ў ваўтóрак чужазéмачка спаць пашлá
Да ўранíла сваю́ я́гадку ў каравáтку
І развесяліла сваю́ радзíначку і мáтку. [107]

Святы́ панядзéлку
Сапсавáў нам дзéўку.

---

[1] Солодила.
[2] Дерево.

Галóваньку пакудлáчыў,
Нóжанькі раскарáчыў.
Маладáя рáна ўстáла,
Маладóга папытáла:
«Ці не чуў, ці не бáчыў,
Хто галóўку пакудлáчыў?
Бо я ўнóчы ўстаю,
Андарáк не так,
Хвартýх на бакý
І траяк у кулакý». [108]

А éздзіў Якýбка з гары ў мох,
Наламáў калінкі кóлькі мог.
А за ім мóлайцы хадзілі,
У Якýба калінкі прасілі.
«Я не дам каліны нікóму,
Я гэту каліну сам садзіў,
Мне гэту Аўдýльку Бог судзіў,
Я гэту каліну сам паліваў,
Мне гэту Аўдýльку Бог даравáў». [109]

Прышлі ка мне хлóпцы,
Дóбрыя малóдцы:
Адзін — Прóхар Баранчýк,
Другі — Сідар Макарчýк.
Ішóў сялóм-вýліцаю,
Аж на канцы хáта,
А ў той хáце сóрак дзéвак,
Аднá — чаравáта.
Ні сякéры, ні нажá —
А чэрава, як дзяжá. [110]

Наéхалі прыдáначкі, як аднá,
А прывязлі нам бóчачку без дна.
«А ці вы ў яé сáмі дно ўстанавіце,
А ці вы яé з сабóй дамóў вязіце». [111]

А брадý, брадý
Па калéні ў вадý,
Каб жа мне перабрáцца
На тýю старанý.
На тэй старанé
Спадóбілася мне
Маладáя нявéста.

А стаіць бел шацёр,
Кітáйкаю ўкрыт,
Чóрным ядвáбам
Па краям ушыт.
Вéцер павéець —
Кітáйка зашуміць,
Сóнца прыгрэець —
Макóўка зазвініць. [112]

Злавіла мáці бýсла,
Што яé дачкá гнюсна.
«А вы, сваты, не стóйце,
Да сіву кабылу падóйце».
Сіва кабыла да дóйна былá,
Да ўсім сватáм малакá далá. [113]

Вядýць карóву рагáтую,
Вядýць Алéнку пузáтую.
На загарóду садзілась,
На кол прабілась. [114]

Дзяўчóнацка з мальцішацкам
Салóдкую дрýжбу мéлі — йшлі да камóры,
Ні дайшóўшы да камóры — сéлі, пасядзéлі.
Яны сéўшы пасядзéлі, стáлі абнімáцца,
Стáлі абнімáцца, стáлі й цалувáцца.
«А што ў цябé, дзяўцóнацка, за пáзухам мякка?»
Дзяўцóнацка мальцішацкі мéла[1] атвіцáць:
«Глуп ты, глуп, мальцішацка, біз умá пытáіш.
Майгó бáцькі гýсі былі, пýху нанасілі,
За тоé ў мянé, дзяўцóнацкі, за пáзухам мякка».
«На што ў цябé, дзяўцóнацка, вýсінцы[2] салóткі?»
Дзяўцóнацка мáльцішацкі мéла атвіцáць:
«Глуп ты, глуп, парнісацка, біз умá пытáіш.
Майгó бáцькі пчóлы былі, мёду нанасілі,
За тóе ў мянé, дзяўцóнацкі, вýсінцы салóткі». —
«А што ў цябé, дзяўцóнацка, падпýзіца пóўна?»
Дзяўцóнацка мальцішацкі мéла атвіцáць:
«Я па пóлюшку йшлá — салдáцікаў стрэла[3].
Гарóх éлі і мне дáлі — гарóшанку зьéла,

[1] Букв.: имела
[2] Губки.
[3] Встретила.

За то́е ў мяне́, дзяўцо́нацкі, падпу́зіца по́ўна». —
«Ну а што ў цябе, дзяўцо́нацка, праміж ног царне́нька?» —
«Краўцы́ бы́лі, шу́бу шы́лі, скума́цьця[1] абраза́лі.
А я малада́-мала́дзенька, скума́цьця збіра́ла,
Я скума́ткі збіра́ла, міжа ног сува́ла,
За то́е ў мяне́, дзяўцо́нацкі, праміж ног царне́нька».

Синяки, 1919 [115]

Полесские свадебные песни

Да вэдэ́м тэбэ́ спа́ты,
Трэ́ба пра́ўды каза́ты,
С ким ста́ток гоны́ла[2],
С ким у гори́шки ходы́ла.

Молодая сбрасывает сапоги молодому, а он — ей, а свахи в это время поют:

Положи́лы чоты́ры ноги́,
А пья́ту да коро́ткую —
На горы́лку соло́дкую.

Когда будят молодых:

Ой, у клу́ни — новы́на,
За клу́нею — дэрны́на.
Да волы́ старые, ро́стам малы́е.
Дерны́ны не водра́лы!

До́брая нам бу́ло госты́на,
Што на́шая де́вонька пусты́ла.
Што во́на по ни́чи ходы́ла,
Пры соби́ красу́ носы́ла.
Да носы́ла красу́ до ча́су,
Держа́ла пра́ўдоньку ў сэ́рдоньку.
Просы́лы хло́пцы, не дала́.
Сваиму́ жанишку́ щадела́.
Просы́лы хло́пцы за шоста́к,
Своиму́ женишку́ дала́ и так. [116]

---

[1] Лоскутья.
[2] Гоняла.

Из смоленских записей В.Н. Добровольского

«А де ж вы нáшу мыладýю дéли?[1]
Ти ў клеть зыгнáли, ти по ваду́ послáли —
Ай ти по ваду́ послáли, ай ти бáню топи́ть?» —
«А ў клéти, у клéти калбáсы чи́нють;
Начини́ли калбасу́ — сам треть ни ўнису́». [117]

Да кали́нка нáша Ду́нечка
Пыд кали́нкыю гуля́ла,
Ру́чками кали́нку лумáла,
Нóжкыми кали́нку туптáла,
Пыдалóм нóженьки утирáла.

Да кали́нка нáша Мáшинька
Пыд кали́нкыю гуля́ла,
Ру́чками кали́нку лумáла,
Нóжкыми кали́нку туптáла,
Там инá Ивáна спадабáла.

«Мáтушка мыя́, я жани́тца хáчу!» —
«Сынóчек, ти вяли́к твой хуй?» —
«На канцé как мóрда в аўцé[2],
Пыд канéц как вóси[3] канéц». [118]

Да вяли́чка нáша Ду́ничка:
Развяли́чила два двары́:
Пéрвый жа двор свéкаркин,
Другóй жа двор бáтюшкин.
Но ня тым вяли́ка, што на галавé.
А тым вяли́ка, што на пыдалé. [119]

Мáтушка мыя́, я тепéрь ни твыя́:
Я ж тагó пáна, с ким нóчку спáла.
Я ж тагó двырянúна, с ким ноч гывари́ла.
Спáла ни спáла, слáванька пáла.
Я ж ту́ю слáвыньку сбу́ду,
С Ивáнькыю спать бу́ду. [120]

---

[1] [Собиратель поясняет, что эти песни] поют в то время, когда молодую оставляют наедине с женихом.
[2] Овцы.
[3] Оси.

Едь, мой бáтюшка, сярёд дня,
Ня бóйся майгó сарамá,
А мой жа сарóм удáўся,
На бéлый кашýли спазнáўся. [121]

Пыгнáли мыладý пы вадý, пы вадý,
А ўви́дила рáчиньку, што ў вадé:
«А такóй-сякóй рáчинька, што ў вадé,
Ни хватáй майгó мýжа за мудé,
А мне мудé сгыдя́тца, сгыдя́тца». [122]

Фрагменты белорусской свадьбы из собрания П.В. Шейна

Стáршая коровáйница,
Ни стой коля́ пéчы:
Бо ты хвартýх спáлиш,
Абó кýрку осмáлиш. [123]

Когда ведут в клеть:

А бяжы́ть таракáн по сценé,
А Е́вачка кáжа: «Вох це мне.
А вядýць мянé ў клець спаць,
А бýдуць у мянé прáўду пытáць.
А ўсю прáўду сказáўшы.
А бýдуць биць, звязáўшы.
А полови́ну сылгáўшы,
А бýдуць целовáць, обня́ўшы». [124]

До клéци, Гáпочка, до клéци,
За нéю нясýць три плéци.
«Кажи́ся, Гáпочка, кажи́ся:
З ким ты варéшки щипáла?» —
«Щипáла варéшки з братáми,
Брáла ягóдки з сестрáми».
Нýця вы, дрýжки, вороши́цеся,
А нáшому кня́зю нéколи,
Тэй колóчку дзяржиць,
А тáя лáўку грызéць,
До посцéли зовéць[1].

---

[1] «Тэй» (тот), т. е. жених, «тáя» – невеста. По известным нам незамаскированным разночтениям из других местностей тут вместо «тэй» и «тáя» находятся не употребляемые у нас в печати слова. (*Примеч. П.В. Шейна.*)

По окончании супружеского обряда:

Ня ме́сячка све́це,
Ня со́ўнико гре́е,
А ў на́шея дзяўчи́ноньки
Кали́ночка зре́е;
Зре́е, вызрева́е,
К све́ту поспева́е. [125]

Вслед за молодым к свекру приезжают приданки. Пока последние гуляют, свекруха готовит угощение. Закусивши, приданки гуляют и поют. «Вы́чухаўшысь, дзе́да дзе́лаюць: возьму́ць же́нскую соро́чку, напха́юць ее соло́мой, надзею́ць штаны́ и све́рху нало́жуць ша́пку, на я́йцы пове́сюць ему́ бура́к и поста́вяць его́ на кут. Одна́ прида́нка пилну́я, штоб не обрыва́ли, не скубли́ дзе́да, голо́сиць: "Дзе́дка мой!" Остальны́е прида́нки, забра́вшись на ла́ўку, пою́т:

Стои́ць цэ́рква скля́та,
Из блино́ў зля́та.
А ў тэй цэ́ркви
Стои́ць поп
З грэ́цкий сноп:
Поп сморка́ч,
[Хуй] з тоўкач».

Одна из наиболее бойких приданок вносит в это время борону, сверху которой положит заслонку, изображая лист бумаги. А если в доме найдется лист настоящей бумаги, то кладут его и читают. В это время стоящие на лаве поют:

Горэ́лки, сва́ця, горэ́лки,
Ни бра́ци было́ ў нас дзе́ўки,
Ни роби́ци было́ ей дзи́рки.
А вяли́ци е́хаць до короля́,
Залячы́цця дзи́рочку, як была́.

После этого приданкам дают водки, а свекор приносит для закуски ржаной пирог, обвязанный красным поясом. Приданки, поплясав немного, поют:

А ходзи́ла пане́ночка по избе́,
Носи́ла лучы́ночку у пизде́,
А хоце́ла дом запали́ци,
А уба́чыла <...> на поли́цы,
Вы́тращаўшы вочы́цы

Да на нас, молодзи́цы.
Прыда́ночка-католи́чка,
Яе п<издá> невели́чка.
Сем коп конопе́ль мо́кло.
Усё ты́я нидоро́сточки.
Полома́ли ў п<и́зде> ко́сточки.
Х<у́й>но, х<у́й>но, х<у́й>но,
Ни ходзи́ця ў гумно́:
Абы́ мы́шка зъесьць,
Абы́ я́щерка попадзе́,
Абы́ дзе́ўки попаду́ць,
Да й на сябе́ ўзволоку́ць.
Одна́ ка́жа: «Рэ́зьма!»
А друга́я ка́жа: «Зъе́жма».
А трэ́тья ка́жа: «Ни псу́йма!
Сама́ сабе́ ўсу́йма».

Вечером, когда сидят за столом, приданки дают молодому держать «почы́нок», который молодая должна сматывать в клубок. Под конец вечера молодые отправляются спать в клеть. Постель стлал дружка; в клеть вводили молодых одни мужчины. Они заставляли молодую при себе снять рубашку и надеть другую. На другой день молодых поднимали с разными обрядностями, рубаху рассматривали дружко, крестная мать и вся дружина жениха. После этого осмотра рубаху передавали приданкам, которые играли с нею, выделывали с ней разные штуки, катали ее по столу и т. д. Приданские забавы начинаются в понедельник после обеда и кончаются в тот же день вечером. [126]

Самый же обряд, который мой доверитель, близкий мне человек, заслуживающий полного доверия, наблюдал во время свадьбы в Березинской волости Борисовского уезда. Когда молодые после венца приезжали в дом молодого, на дворе перед клетью расстилают кусок холста, в двери самой клети ставят соломенную куклу, одетую в свитку белого холста, которую обыкновенно носят крестьяне этой местности, и снабжают фаллусом. Последний делают из свеклы и двух маленьких брюкв, прикрепленных к надлежащим местам. Молодая выступает вперед, развязывает пояс и подходит к кукле. Если она еще невинна, то подходит туда по холсту, в противном же случае она не имеет права этого сделать. Впрочем, на этот счет не очень строго смотрят. Затем она набрасывает свой пояс на

фаллус и выдергивает его. Этот [обряд] символизирует, что женщина имеет исключительное право на фаллус. После описанного обряда молодых вводят в хату и вскоре затем их уводят спать в клеть. [127]

Из архивов современных собирателей

Калі дóбрая маладýха, то пяюць:

Дóбрага кýсту каліна,
Харóшага пóваду Людачка.
Дóбра рабіла, што ў цёмны лес не хадзіла.
Сваю калінку расціла[1],
Пад калінкай спаць лягла́,
Нóжкай калінку кранýла,
Чырвóну я́гадку зраніла,
Сваю радзіну на кут пасадзіла.
Шанýйся, радзіна, на куцé[2],
Як зóлат пéрсцень на руцэ́. [128]

Мянé ў клець вядýць,
Той у рýкі даюць.
А як жа мне быць,
Што мне з ім рабіць?
Мáці не казáла,
Бáцька не казáў. [129]

А ў лужкý, у лужкý
Сýчэчка брэ́ша.

Чагó ёна брэ́ша?
Паджанішнік чэ́ша.

А ў лужкý, у лужкý
Сýчэчка выя.

Чагó йнá вы́я?
Паджанішнік мы́я.

А ў лужкý, у лужкý
Сýчэчка вішчы́ць.

---

[1] Строка повторяется дважды. (*Примеч. собирателя.*)
[2] Куте.

Чаго́ йна́ вішчы́ць?
Паджані́шнік лашчы́ць. [130]

На́ша маладая
Дасу́жа была́.

Затапіла печ,
Па грыбы́ пашла́.

Па грыбы́ пашла́,
Заблудзілася.

Напа́ў на яе́
Ды бу́ры мядзве́дзь.

Ён яе́ паваліў,
Ко́сьці паламаў.

Дзе ме́ста чарне́й,
Там дзяре́ць сільне́й.

«Наляце́ў, ма́мка, шэ́ршань,
Паміж но́жачак се́ўшы,
Но́жкі раскара́чыў,
Ко́скі[1] пакудла́ціў.
А я ж ду́мала, ма́мка, памру́,
Аж я гэ́та ве́льмі люблю́». —

«А дзе ж сват падзе́ўся,
Ці ў куль увярце́ўся?
Ці ён се́на ко́сіць,
А чаму ж ён нас не про́сіць?
Ці ён се́на грабе́,
Ці ён сва́ху ябе́?» —

«Гэй, ста́ршы сват,
Што ж ты ўчо́ра нарабіў:
Ба́баў, дзе́вак папужа́ў,
Гэй, ста́ршы сват!

Гэй, ста́ршы сват,
Як вы́цягнуў з-пад палы́
Тры аршы́ны даўжыні,
Гэй, ста́ршы сват!» [131]

---

[1] Ко́сы.

Эй, ста́ршы сват.
Ай, йшоў жа ты луга́мі.

Эй, ста́ршы сват.
А нашоў су́мку з пізда́мі.

Эй, ста́ршы сват.
А іх жа там тры́щцаць шэсць.

Эй, ста́ршы сват.
Аны ка́ждая разнашэ́рст.

Эй, ста́ршы сват.
Адна́ была́ падла́са.

Эй, ста́ршы сват.
То свато́ва пакра́са.

Эй, ста́ршы сват. [132]

«За́ўтра ўжэ́ капу́ста там, у свато́ў е́тых. І мы прiхо́дзім на пахме́лля, туда́, зна́чыт. Во так. Садзі́мся, зна́чіт, капу́сты там налiва́ют, начiнаем угашча́цца тут, па стака́нчіку вы́п'ем там. А по́сле, зна́чіт што, начiна́ем і капу́сту е́ту. Ну вот балтане́ш капу́сту, да і начiна́еш:

Гдзе ва́ша гаспады́ня,
Што капу́сту вары́ла?

Ва́ша капу́ста пу́ста,
Сем пізд вары́лэся.

Сем пізд вары́лэся,
Во́сьмая ўвалілася.

Дзевя́тая самаво́ль хо́дзіт,
Па́на ху́я за сабо́й во́дзіт[1].

Як вязу́ць і як прівязу́ць мыладу́ю ў двор мылаго́га:[2]

Вы́кыщілі, вы́кыщілі
Дубо́вую бо́чку, дубо́вую бо́чку.
Вы́свытылі, вы́свытылі

---

[1] Каждая строка повторяется дважды. (*Примеч. собирателя.*)
[2] Когда привезут невесту на двор жениха.

У пáна свáта дóчку.
Мы пывязём, мы пывязём
Да свайгó дамóчку.
Мы засьцéлім
Ды бéлую лóжу,
Мы палóжым
На бéлую лóжу.
Мы дыстáнім чырвóную рóжу». [133]

Пыцішáюць бáцьку, што дычкá цнатлівая:

Едзь, мой тáтычка, сярёд дня,
А ня бóйся ж майгó сырымá.
А ўжо мой сóрым спызнáўся,
На бéлую кашýлю пыказáўся.
А мая кашýля ў сем пол,
Туды-сюды павярнý – ёсьць распóр. [134]

«Ой ты, свáце-баламýце,
Не пасі каня ў маёй рýце,
Бо твой кóнічак не спасéцца,
А мая рýтанька звядзéцца.
Прышлі, прышлі сваго Янaчка з вазóчкам,
Няхáй забярэ яру рýтаньку з пясóчкам.
Прышлі, прышлі сваго Янaчку з каўнямі,
Няхáй забярэ яру рýтаньку з караням». [135]

За лéсам, лéсам
Саснá гарэла.

Маладá дзéвачка
Вадзіцу грэла.

Вадзіцу грэла –
Шкляначкі мыла.

Шкляначкі мыла,
На Дунáй пусціла:

«Плывіце, шкляначкі,
Да маёй мáмачкі.

Скажыце, шкляначкі,
Маёй мáмачцы,

Што я гэту ночку
Не ў любосці спала.

Не ў любосці спала,
Не ў цалосці ўстала.
Што мая пасцелька
Як зім-зімненька,

Што мая падушка
Ад слёз макрэнька». [136]

Сядзіць малойчык, як сакол,
Да прывёз сабе неспакой:

На ўсю ночачку цёмную
Часаці воўну чорную.

Не спакой — ночку, другую —
Будзе часаці сівую.

«А чаму яна ссівела?» —
«Бо доўга ў бацькі сядзела». [137]

Прыехаў маршалак-мешчанін
Да ў лаву яйца зашчаміў.

Тузаў, тузаў, тузаў, не выняў —
Застагнаў, заплакаў, закрычаў.

А хто ішоў міма — не мінуў,
Усялякі пугай сцебануў. [138]

Сядзіць сватка, як шарсцень,
Лётаў, гойсаў каля сцен.
Лётаў, гойсаў каля сцен
Ды ўваліўся ў берасцень.

А з берасня да дубу
Укусіў сваццця за губу.
Сваццця за губу бярэцца —
Увесь народ смяецца. [139]

Ах ты, сватка малады,
Няма ў цябе барады.
Няма ў цябе барады —
Пагнаў куры на грады.

Налічы́ў іх два́ццаць шэсць —
Удаліся ў адну́ шэрсць.
Адна́ была́ кудра́ва —
Та́я на е́лку ўдра́ла.

Прыйшо́ў сва́тка, ша́пку знёў:
«Пы́щі, ку́рка, лезь дало́ў.
Пы́щі, ку́рка, лезь дало́ў,
Мы пае́дзем усе́ дамо́ў».

«Нечестной» невесте поют:

Под е́лкою спа́ла,
Не дзе́вкою вста́ла.
Шы́шка с е́лки спа́ла,
Дзе́вку сапсава́ла.

А целомудренной поют:

У ле́се кали́на додо́лу сви́сла,
А на́ша (имя) дзе́вкаю вы́шла.
А на той у́лицы дзецюко́в не́ была,
А были́ дзецюки́, да всё блазно́та.
А гуля́ли не́мцы,
Да не сме́ли к дзе́вцы. [140]

Могилевские свадебные песни из записей А.С. Дембовецкого

При собирании по всем приходам белорусских народных песен для вышедшего уже в своде описания Могилевской губ<ернии>[1] были записаны и эти вместе с теми, которые вошли в 1-ю книгу. Песни эти, конечно, не могли быть помещены в самом издании описания губ., так как оно предназначено для всех полов и возрастов, но жаль было их бросить, потому что сам обычай пения таких песен во время свадеб, несовместимый с просвещением, проникающим хотя медленно, но постепенно в народную среду, исчезает и теперь употребляется в семействах крестьян и мещан более бывалых, а со временем и должен исчезнуть даже из области преданий.

---

[1] *Дембовецкий А.С.* Опыт описания Могилевской губернии. Могилев, 1882. Кн. 1.

Между тем этот обычай составляет бытовую особенность, бесследное исчезновение которой могло бы причинить незаменимую потерю для белорусской этнографии.

Поэтому настоящие свадебные песни белорусов отпечатаны в числе 20 всего экземпляров для сообщения их нашим ученым обществам.

Во время свадьбы, после обеда и вечером во время танцев.

9

Брешы́ця, сва́тки, брешы́ця,
Аб кол языки́ чешы́ця.
Сва́шышки-галубя́тычки,
Паймáйця зáйца,
Пастáвьця ягó на лáвцы
И пьщалу́йця яму́ ў я́йцы.

11

У пéчцы ку́рка сквярéтца,
А стáрша дру́жка з дзя́дзькам ябéцца.
На балóце, на ставку́
Ёб жóрав лáставку.
Ни так ябéць,
Скóльки ў гылаву́ тавчéць.

12

Ого-го, о-го-го.
Калú б такúй у майгó.
И клець замыкáць,
И пад пóвяс затыкáць.

13

Вы́кыщили, вы́кыщили дубóвую бóчку,
Вы́прасили, вы́мынили ў пáна свáта дóчку.
Павязём, павязём да свайгó дамóчку,
Палóжым, палóжым на дубóвай каравáци,
Што захóчым, то и учы́ним чужóму дзиця́ци.

14

А за рéчкой за Днипрóм
Я давáла чатырём,
А пя́таму жанáтаму,

А шастóму халастóму.
Я тагó ни рахýю,
Што давáла карнахýю.
Я тагó ни личý,
Што давáла пыничý.

15

А за рéчкой за цякýчей
Ѐбли дзéвку усú кýчей.
Там и поп, там и дзяк,
Панамáр-небарáк.
Мянé чёрт падаткнýв,
И я кóнчик уваткнýв.

16

А ужó ж маё гóрла
Пирясóхла бяз пóйла.
А ужó ж нáши живатú
Пирипáли биз ядú,
А ужó ж наши рéбры
Пирипáли биз éбли.

17

Калá рéчки ишлá,
Чирявúчки знайшлá,
Ня чóрненькия да чирвóненькия.
Да не бáцька мне шив
И ни маць мне купúла.
А пашúв жа мне швец
За мой живацéц.
Начапáли рамéння
За маё сумлéння.
Начапáли и стýжки
За маé жартýшки.

18

Сядзúць бáба на кóминку,
Вúставила скарóминку.
Ни стрúжина, ни гóлина,
А пасярóд — раскóлина.

19

А Бо́жа мой, живаце́ньки баля́ць[1],
А што не́каму и за ту́ю падзяржа́ць[2].
Судзи́ Бо́жа, дзень да ве́чэра даждáць,
Бу́дзиць каму́ и за ту́ю падзяржа́ць.

20

Тавчи́цеся, тавкачи́,
Яби́цеся, багачи́.
А мы тагды́ бу́дзим,
Як хле́ба дабу́дзим.

21

Ай, музы́ки вы мае́,
Паигра́йце вы мне.
А я ўсе́м зыплачу́,
Чым сама́ зыхачу́:
Канапе́ль ми́сачку
Ды наве́рх пи́здачку.

22

А йгра́й, музы́ка, у свой смык,
Я пашы́ю табе́ с пизды́ шлык.
Ни наси́ ж ты яго́ ў бу́дзинь дзень,
А наси́ ж ты яго́ ў скрысе́ння,
Бу́дзиць тваёй душы́ спасе́ння.

23

Каси́в та́та, каси́в и я.
Праси́в тата, праси́в и я.
Чаму́ таму́ ни праси́ць,
Хто хырашо́ хо́дзиць.
Чаму́ таму́ ни дава́ць,
Хто хырашо́ про́сиць.
Адну́ руку́ пад цы́цку,
А друго́й падно́сиць.

---

[1] Животики болят.
[2] Подержать.

24

А я ту́пала, ту́пала,
За машо́нку щу́пыла, щу́пыла.
Я ду́мала, што там гро́шы,
Аж хуй и ду́жа харо́шы.

25

Ах ры́дым, ры́дым,
Начива́ла дзе́вка з жи́дым.
Штоб я жи́ду ни дала́,
Так бы жи́ва ни была́.

27

Цы́цки ж мае́ ды буха́ныя,
Сянња́ вас бу́дуць былава́ць.
Ку́рка мая́ ды чуба́тыя,
Сянни́ цябе́ бу́дуць начина́ць.

28

Сядзи́ць дзе́вка на пыро́зи[1],
Рыста́вивши о́бе но́зи.
Кали́ нихто́ ни быва́иць,
Ниха́й ве́цир пыгуля́иць.

29

«А, ма́мычка, Марци́н крычи́ць,
Скрозь тын рубля́ тычи́ць:
"Во табе́, дзе́вачка, ны пиро́г,
Пусьци́ мяне́ пагуля́ць миж ног"».

30

Я и сплю – бирягу́ся,
Пирядо́м ни лажу́ся.
А чорт яго́ збиряже́тца,
Ён и з за́ду пригарне́тца.

31

А ма́мычка, ма́мычка,
Лю́бицъ мяне́ Я́нычка.

---

[1] Пороге.

Пýсциць кóники ў далúну,
А сам ка мне ў пярúну.
И кóники сивы́я,
И штóники[1] малы́я.
Состáрився стáрый пёс,
Ящé не женúвся.

32

Ах ты, сýкин сын Ярмóшка,
Пыпрасúв у мянé нямнóжка.
А я мылaдá былá,
Трóху памнóгу далá.

33

На вýлицы ни былá,
Ня вúдзила Я́ся.
Хацéв мянé пывалúць,
А я ни далáся.
На вýлицы ни былá,
Ня вúдзела Úцки,
Хацéв мянé пыдзиржáць
За бéлыя цы́цки.

34

На вýлицы ў трысничкý
Хóдзиць пиздá ў кысничкý.
Яé хлóпцы увазнáли,
Пúряд ёю шáпку зняли.
Ни так рáды мнóю,
Як маёй мандóю.

35

Бúли дзéвки Лукашá,
На парóзи пылажá.
И дывбéшкыю ў лоб,
Што ён хырашó ня ёб.

36

Хаджý[2], хаджý хыдзянём,
Чяшý пиздý грибянём[3].

---

[1] Брюки.
[2] Хожу.
[3] Гребнем.

Што вы́чышу выласо́к,
То буйми́стру на вусо́к.

37

У прися́дычку припа́в,
За лыхма́тую пыпа́в[1].
А за ту́ю лахма́тыю
Сядзе́в три дни за ха́тыю.

38

А я пья́на, пья́на,
Свярби́ть мая́ апанта́на.
Пойду́ я к Лукашу́,
Апанта́ну пычяшу́.

39

Ци ни жаль табе́ бу́дзя,
Што ябу́ць мяне́ лю́дзи.
Ни жале́й ты мяне́,
Бу́дзиць до́сиць и табе́.

40

Го́мын, го́мын за гаро́ю,
Го́мын, го́мын за круто́ю.
Я ду́мав, гаре́лку пьюць,
Аж дзе́вки ху́я сяку́ць.
Палажи́вши на пясо́чку,
Ру́бють яго́ ны кусо́чки.

41

«Авдо́тычка, мыя́ ко́зычка,
А пазы́ч сту́пки ставчы́ крупки». —
«А мыя́ сту́пка ни паро́жняя,
Тавку́ть шля́хты пыдаро́жныя».

42

А дзе́вачки, а я ваш,
По́йдзем з ва́ми ны кирма́ш,
А с кирмаша́ у лазу́.
Там я не́шта вам скажу́.
А з лази́ны — дадо́му,

[1] Попал.

У я́рую сало́му.
Аляна́я мяки́на,
Зялёныя се́на —
Яно́ ж мяне́ зъе́ла.

43

Зялёныя асака́, зялёныя асака́.
Як вы́кашу ды клыка́,
Ски́ну стог ми́жды ног,
Дылибо́г, дылибо́г.

44

Як я ў ма́тушки в гразе́[1],
Я дыва́ла и в лазе́[2].
Як я ў ма́тушки в распу́сце,
Я дыва́ла и в капу́сце.
Я ма́тушки баюся,
В кынапе́льках[3] лажу́ся.

45

Наш тыргаве́ц, наш тыргаве́ц
Накупля́в пизд, як аве́ц, як аве́ц.
Привёз их до бро́ду:
«Ле́зьця, пи́здочки ў во́ду».
Адна́, впирли́ва, ни пале́зла в во́ду,
Привяза́в жа ён яе́ к пло́ту,
А сагна́в жа з яе́ ахо́ту.

46

Ай гоц, гоца-ца́,
Чаго́ ж дзе́вцы хо́чатца:
Ци гаро́ху мачо́нага,
А ци ху́я тачо́нага?
А гацу́, а гацу́,
Ма́ю пизду́ я с авцу́.
А мне ма́ци приказа́ла,
Пизду́ лы́чком зывяза́ла.
А кали́ ж мне захо́читца,
Так и лы́чка раско́читца.

---

[1] Грязи.
[2] Давала в лозе.
[3] Конопля.

47

Ай, трух-ратýх, калá жóпы пятýх,
Хоць пéсин ни пяéць, а спаць ни даéць.

48

Авдзéюхна-сылавéюхна,
Пакúнь сóшку,
Пацéшь трóшку.
Хоць ты ябú на межú,
Абы́ маймý мужикý ни кажú.
Хоць ты ябú у каравáтушцы,
Ни кажú ты маéй мáтушцы.

49

А чия́ ж гéто жинá
Да дасýжая былá.
А пыéхала ў дрóвы
У зялёныя дубрóвы.
Примарóзила пиздý
Ды к заднёму вязý.

50

«Ай, жид, мáтка, жид
Да на пéчцы ляжúць.
Ай, жид, матка, жид
Да за цы́цку дзяржúць». —
«Каб жа ты, дóнька, дóбрага рóду,
А ўзялá б ты за ры́жую барóду». —
«Ай, мáць, ты, моя́ мацъ,
Як жа мáю я брацъ.
Учóра пришóв — сем кóпык принёс,
А сягóдня пришóв — дзвинáццаць принёс».

54

«А татýличка мой, я жанúтца хачý». —
«А мой сынóчик, ци вялúк хуёчик?» —
«А татýлька мой, як быв я ў лядзú,
А мéрив — три пядзú.
А ны сáмым канцы́ як мóрда ў авцы́».

55

Мы éхыли кылá лéсины,
Усé хуú пынавéсины.

Наш Ипали́тка-ду́рень,
Ён свой атдуду́рив.

56

А мыя́ пизда́ ни тваéй вирста́,
Ны одно́й пылави́не хоць ты се́на каси́,
На друго́й пылави́ни хоць ты стог пылажи́.
Пысяре́д пизды́ да пают́ць дразды́.

57

За ре́чкой за крини́цей
Праси́в за́яц у лиси́цы:
«А лиси́ца-ма́мычка,
Пыкажи́ нам мо́хну,
А то я тут здо́хну». —
«А хоць жа ты здо́хни,
Ни пыкажу́ мо́хны.
Я й пыд го́ру подбига́ю,
Хвасто́м мо́хну зыкрыва́ю».

58

За гаро́ю за быйда́кам
Там стая́ла ба́ба ра́кам.
А дзед ду́мав, шчо капли́ца,
Здзев ша́пку, став мали́цца.

59

А мой мужи́к невздале́ка
Заби́в ху́ем чилаве́ка.
Макси́м, Макси́м нявздо́лечка,
Заби́в ху́ем падсви́нычка.

61

А яху́, яху́, яху́,
Зыпрягу́ хуя́ в саху́.
Чаму́ хырашо́ ни аре́ш,
Чаму́ дзе́вок ни ябе́ш?

62

Ой, ды́ли, ды́ли, ды́ли,
Дзе́вки ху́я би́ли, би́ли.
Пылажи́вши на вслóнчику,
Да ду́бчикым па ко́нчику.

Пылажи́вши на сту́пе,
Тывкачём пы залу́пе.
Кылачо́вкыю ў лоб,
Чаму́ хырашо́ ня ёб?

63

А на пе́чи, ны лучи́не
Пизду́ мы́ши вылачи́ли.
А ни кри́ку, ни го́лысу,
Расцягну́ли па во́лысу.

64

Тапчи́цеся, чёботы, на сало́ми би́ты.
Мне ни ба́цька купи́в и ни ма́тка дала́ –
Сыма́ мла́да сирата́ на сало́ме здабыла́.

65

А ў на́шега сва́та
Някры́тая ха́та.
А накры́та лубъём.
А пыд тым жа лубъём
Сидзя́ць пи́зды с зубъём.
Нильзя́ приступи́ци,
Хо́чуць укуси́ци.

При отправлении молодых в клеть и во время их пребывания там.

74

Ци вы сле́пы, дру́жки,
Ци вы ни ба́чиця,
Што хуй штаны́ по́рицьⁱ[1]
Да клётухны го́ниць.
Пизда́ ла́вку грызе́ць
Да клётухны заве́ць.

75

Куды́ мяне́ видзяце́,
Таку́ мыладзе́ньку,
Ды камо́ры спа́ци.
Я нико́му ни дава́ла.
Цепе́рь тре́ба да́ци.

[1] Распарывает.

76

«А ма́мычка, у клець вяду́ць». –
«Ня бо́йся, до́нечка, пиро́г даду́ць.
Да ня тэй пиро́г, шчо яду́ць,
А тэй пиро́г, чым ябу́ць». –

«А ма́мычка, у клець вяду́ць, у клець вяду́ць». –
«Мавчи́, дачу́хна, хуй даду́ць, хуй даду́ць». –
«А ма́мычка, штаны́ развяза́в». –
«Мая́ дачу́хна, Бог пыказа́в». –
«А ма́мычка, ужо́ ле́зиць». –
«Мая́ дачу́хна, не заре́жиць».

78

«Бо́же мой, ма́менька, у клець вяду́ць». –
«Бо́же мой, дзи́цячко, там табе́ хуй даду́ць.
До́сиць сидзе́ць[1], пизда́ ла́вку грызе́ць,
До́сиць сидзе́ць, хуй штаны́ дзяре́ць».

79

«А ма́мычка, у клець вяду́ць». –
«Ня бо́йся, до́нечка, штось[2] даду́ць.
Сту́кне, як у мех,
Тре́сня, як арех».

80

Пирякинь ду́жичку чи́ряз клець,
Штоб знав Ваню́шка, як узле́зць.
Пысцяли́ Ваню́шке сало́мы куле́к,
Шчоб встав у Ва́нечки сла́вный хуе́к.

81

Каци́лыся кали́со из кле́ци,
Яби́цеся харашо́, дзе́ци.
Начо́вычки сту́ку-брязь.
Звали́лася пизда́ в грязь.

83

«Ой, ма́мка, ле́зя, ле́зя». –
«Ня бо́йся, до́ньку, ни заре́же».

---

[1] Сидеть.
[2] Что-то.

Каци́лыся з кле́ци кылясо́.
Ма́мка, ма́мка, ябу́цца дзе́ци харашо́.

85

«Ах, дзявчо́нка мыя́,
Ды чаго́ ж ты сярдзи́шся,
Чаму́ ка мне[1] живато́м
Ни пове́рнишся?» –
«А я к табе́ живато́м з варо́нкыю.
А ты ко мне ху́ем з машо́нкыю».

86

Каци́лыся кылясо́ из кле́ци,
Ябі́цеся хырашо́, дзе́ци.
Еб, еб ды вы́рвывся.
«Чаму́ ж ты ни дзиржа́вся?
Рука́ми было́ дзержа́цися,
Нага́ми было́ упира́цися».

89

Засну́ла ла́сычка под вярбо́й,
Пришо́в за́ичка, скок на яе́.
Прасну́лась ла́сычка макре́нька.
«А су́кин сын, за́ичка, быв на мне,
Пыкля́вся за́ичка клятбо́ю,
Шчоб я прапа́в с табо́ю».

91

«А йдзе́ ж вы на́шу мыладу́ю йдзе́ли?» –
«А в кле́ци сядзи́ць,
Кывба́сы чини́ць.
Начини́ла кывбасу́,
Сам друг не внясу́».

93

У пе́чи кылапе́ньки трясу́цца,
А ў кле́ци мылады́я ябу́цца.
Пасцяли́ли сыло́мки куле́к,
Ка́бы уста́в Ва́нькин хуёк.
Пяту́х таро́чиць
Да на ку́рку хо́чиць.

[1] Почему ко мне.

Ай дайця яму зёрнушка зъесци,
Каб ён вздолив на курку ўзлезци.
А Ванька хахочиць
Да на Васечку хочиць.
Ай дайця яму скибку зъесци,
Каб ён вздолив на Ваську ўзлезци.

94

Хитра-мудра Сашычка,
Пыслала пасцельку миж кублов
И схавала дзирачку миж кудров.
А хицер-мудзер Андронка,
Павыкидав падушки миж кублов,
Нашёв дзирачку миж кудров.

95

Хитра-мудра Сашычка,
Паслала пасцельку меж карабов
И схавала дзирачку миж грибов.
А хицер-мудзер Андронка,
Павыкидав подушки миж карабов,
Нашёл дзирочку миж грибов.

96

Ай, Бог таму дав,
У каго Настачка.
Ускачив-памачив,
Як у масличко.

При появлении новобрачных.

А) Если молодая окажется честной.

99

А ў нас сягодня навина, навина,
На живой калина зацвела, зацвела.
Ни таким жа цвятом, як летым,
Летым цвила белиньким,
А цяперича — красниньким.

100

Пасеяли гречку ды на навине,
А брихали брихуны усе на мине[1].

[1] На меня.

А паки́ньци, брихуны́, брiха́ци,
Прихадзи́ця кали́ну лыма́ци.

103

А наш Ва́нiчка сышничо́к
Но́вую со́шеньку разыдра́в,
Чо́рную аблóгу разыдра́в.
Но́выя со́шинька – ба́цькова,
Но́вая абло́га – ма́ткина.

108

Кали́на на́ша По́личка.
Скажи́ нам, Иван, усю́ пра́вду.
Ци́хага[1] лу́гу кали́на,
До́брага ро́ду По́личка.
Ци ни было́ на ее́ сла́вухны[2],
Кали́ яна́ до́брае ма́мухны.
Ци ни было́ на ее́ гавaре́ння,
Кали́ яна́ до́брага сумле́ння.
Ци ни было́ на яе́ трево́ги,
Кали́ яна́ до́брае паро́ды.
Па́свила По́личка циля́тки[3],
Праси́ли у ее́ рибя́тки.
Яна́ рибя́ткам ни дыла́,
Сваймý Ива́ньку сыблюла́.
Шо́вкым но́жухны[4] абвила́,
Залаты́м замо́чком замкну́ла.
Кали́ яе́ Ива́нька захаце́в,
Зылато́й замо́чик атляце́в.
Чырво́ны шо́вчик папырва́в,
Шчо ямý тре́ба, ён доста́в.
Пымага́в ямý Бог из не́ба,
Дыста́в ён то́я, шчо и тре́ба.

109

Спаси́ба сва́ту за дачку́
И зы кра́сную саро́чку.
Хоць яна́ пы нача́м и хадзи́ла.

---

[1] Тихого.
[2] Славы.
[3] Телята.
[4] Шелком ножки.

Ды зы сабóю таскý насúла.
Прасúли хлóпцы — ни дылá,
А сваймý Питрачкý сыблюлá.

110

Спасúбо Питрачкý,
Шчо паебáв маю дачкý.
У сéничках ны калéничках,
Примасцúв услóн и калóдычку[1],
Пымачúв кóнчик и галóвычку.

111

Подзь, мыя́ мáмка, хоць ня подзь.
Цепéрь мая́ пиздá, як мядвéдзь.
Подзь, мыя́ мамка, хоць пастóй.
Цепéрь мыя́ пиздá як пастóл.

113

Дóбрыя нáши марóзы
Ни заморóзили нáшей рóзы.
Пусцúли квéци
Да па цéлай клéци.
А зялéный листóк — пыд мостóк,
Чирвóная калúна — в припалóк
Ды улучúла янá в пыдалóк[2].

115

Сéя нóчи Иванька ночь не спав,
Цвёрдýю цвярды́ню раздзирáв.
Цвёрдáя цвярды́ня — Марýся.
Цвярды́ню раздзирáв,
Цнóтухны дастáв.
А цнóта, цнóта лýчши за злóта.
А цнóту нóсюць на гылóвачке,
А злóто кладýць у кырóбачки.

116

Ай дóбре, дóбре нáша дзéвка учинúла,
Што ни ходзúла ў щир бор у арéхи,
Тóльки хадзúла у зялёные лугú у калúну,

---

[1] Колодочку.
[2] Подол.

Ды узвисялила сваю радзину.
Ни так радзину, як сама,
Што вывила свайго татульку из сырама.
А ужо мой сором удався
Ды на белу кашульку аказався.

118

Швачка была наша Васька,
Вышила укруг падала
Тупой иглой бяз вушка
И чирвоным шовкам.

119

Чаму ж нам ня пець,
Чаму ж ни гулящь.
Кали наша Васька дзевкай пришла.
Так хадзила, як мацъ радзила,
Так гуляла, як мацъ казала.
Як была пыд хрястом,
Так стала и пыд вянцом.

122

Хвала табе, Божа, што добра пришла,
Хвала табе, Божа, што укрив ни ишла.
Хвала табе, Божа, як арех луснув,
Хвала табе, Божа, як у мех шуснув.

Б) Если молодая окажется нечестной.

123

А ў нашага свата
Кырявая хата.
Хата кырявая,
Дочка дырявая.
К ей хлопцы хадзили,
Яны яе абманили,
Яны ее цылавали,
Яны яе и паебали.

124

Да ня чуйце, коники, каровы
И усякая пашня,
Шчо к нам курва пришла.

Пад е́лкой спа́ла,
У пизду́ ши́шка упа́ла.
Хвали́ць Христа́,
Шчо не бали́ць пизда́.

126

У на́шия мылadóни
Пизда́ ши́ре зы ладо́ни.
У на́шея мыладзи́цы
Пизда́ ши́ре рукави́цы.

127

Под е́лкой расла́,
Ня дзе́вкой пришла́.
Казу́ дайла да на рог пизду́ праби́ла,
Каро́ву пуска́ла, ны рога́ч пыта́ла.

129

Хоць едзь, ма́тухна, хоць ужо ня едзь,
Разырва́в пизду́, як мядзве́дзь.
Прие́хыла же маць пизду́ зашива́ць.
Привязла́ шо́вку с хуёву голо́вку,
Уве́сь шовк расши́ла, пизду́ ни заши́ла.

130

На е́лцы расла́, ня дзе́вкой пришла́,
Ци каро́в дайла да на рог праби́ла,
А ци хадзи́ла на масту́ да набра́лась хварасту́.

132

Под е́лкой расла́,
Ня дзе́вкой пришла́.
З е́лки звали́лася
Да на сук праби́лася.

133

Чу́йця, ко́ники, чу́йця, каро́вки,
Чуй и вся семья́,
Чуй и вся пашня́.
Шчо сяго́дня к нам
Да и ку́рва пришла́.

134

Ай, гóцнем, гóцнем
Да на гáрнец вады́
Бо нáшу Настýльку усé хлóпцы яблú.

В тот же день после обеда и вечером.

137

А зы гумнóм, гумнóм, ны паринúне
Пиздúща здóхла, касцúщя[1] ляжúць.
А пришóв-ка хуй, цяжко вздахнýв,
Став, дýмав-гадáв, идзé пиздý схавáв.
Схывáим пиздý кы Святóму Рыжствý,
Аб святы́м Раздвé бýдзя лúха пиздзé.

141

Забúв сарóку пысярёд тóку.
Ябý ягó маць.
Над равлóю[2], пыд пиздóю
Сем пизд на мы́чячку,
А вóсьмая у кары́щечку[3],
А дзевя́тая самавóл хóдзиць,
Янá хýя за хахóл вóдзиць.

142

Як вязлú мене́, конь пристáв,
Як яблú мене́, хуй ни устáв.

146

А у машкý, у машкý журавúнки бýйны,
А Гладкóвские да рибя́тки вýмны.
Умéли Пóличку мёдам-мёдам напайць,
Под ты́н падвалúць,
Под тын падвалúць и па пуп зыгалúць[4].

148

А у машкý, у машкý
Журавúнки дрóбны.

---

[1] Костище.
[2] Дыркою. (*Примеч. собирателя.*)
[3] Корыточко.
[4] Заголить.

7*

А на на́ший ву́лицы
Хло́пчики до́бры.
А уме́ли пывали́ць,
А уме́ли и зыгали́ць.
А цепе́рь жа таки́й устано́в:
Лажи́сь, ми́линький, биз штано́в.

149

Ци ны на́ший у́лицы
Кызако́в ни было́?
А были́ кызаки́ да усё дураки́:
А уме́ли пывали́ць, ни уме́ли зыгали́ць.

150

Ой, це́шча зя́ця
З пирядо́ем ждáла.
Сало́му тавкла́,
Пираги́ пикла́.
Се́на сма́жила,
Пираги́ ма́зала.
А на пе́чи лигла́,
Пизду́ припякла́.
Да прие́хав зяць с паляни́цею,
А зала́пив пизду́ рукави́цею:
«Во́т табе, це́шчухна, и смех, и бида́.
И смех, и бида – ла́плина пизда́».

153

А у на́шыго сва́та
Някры́тыя ха́та.
Дров ни пале́на,
А хуй па кале́на.

158

Нарядзи́ли, як са́ми схаце́ли.
С це́ста – паляни́цу,
С дзе́вки – мыладзи́цу.
А дзе́вачкам ды на жа́ласць,
А мало́дчикам ды на ра́дасць.

159

Дзе́вирка у няве́стачки ту́ця пыпраси́в.
А няве́стка дабра́ и взапра́вду дыла́.

«А хадзи́м, дзе́вирка, у канюшиньку,
Ляж ты, дзе́верка, подыспо́д мяне́.
Ня грех пыбажи́цца,
Шчо ня быв ты на мне».

160

Ай на дваре́ гылалёдзица наста́ла,
А у варо́тах си́ва кабы́ла приста́ла.
То тэй, то тэй си́ву кабы́лу зы узду́,
А наш Йпычка, помы́вши ру́ки, зы пизду́.

161

Ой, у кле́ци на прикме́ци
Пизда́ шубу ши́ла,
Иглу́ пацира́ла,
А на ху́я сказа́ла.
Ой, хуй пыбажи́вся:
«Да души́ ж я не ба́чив,
Да души́ ж я ни брав,
Далибо́г, ни брав,
Ай, каб жа я прапа́в,
Пысирёд пизды́ пыпа́в».

162

Камава́тый питушо́к
Пыйма́в ку́рку за грибяшо́к.
«А во табе́, ку́рка, за то,
Ни хадзи́ць было́ у чужо́я гумно́».

163

Ай, зяць це́шчу ны вячёру пыпраси́в:
«А ты, це́шчухна, а ты, ма́тухна,
Сядзь са мной, сядзь са мной.
Пывячёрявши, мыя́ ма́тухна,
Спаць са мной, спаць са мной». —
«А ты, зя́цюхна, а ты, сыно́чик,
Бог з табо́й, Бог з табо́й.
Атдала́ я табе́ дачку́,
Спи з дачко́й, спи з дачко́й». [141]

Свадебные пожелания

Невесте

Дару́ бо́чку агуркоў, каб не бе́гала да чужы́х мужыкоў.
Дару́ гарба́тай, каб мужы́к не быў рага́ты.
Дару́ гарбу́з, каб праз год нарадзіўся карапу́з.
Дару́ дуго́ю, каб не бе́гала ад мужы́ка даро́гай крыво́ю.
Дару́ дука́ты, каб малада́я была́ спе́раду гарба́тай.
Дару́ каро́бку жукоў, каб не хадзіла да чужы́х мужыкоў.
Дару́ медзяка́мі, каб не гуля́ла з чужы́мі мужыка́мі.
Дару́ цябе́, маладзе́нькая, ніткай, каб не трэ́сла лы́ткай.
Дару́ пале́нца, каб муж пацалава́ў у кале́нца.
Дару́ ра́жку про́са, каб не хадзіла бо́са.
Дару́ пушко́м, каб праз па́ру ме́сяцаў была з трыбушко́м.
Дару́ рашато́м, каб малада́я ляжа́ла ўве́рх жывато́м.
Дару́ сальні́чку, каб у малadóй заўсёды было́ чы́ста пад спадні́чкай.
Дару́ трыно́жкаю, каб не брыкала но́жкаю.
Дару́ маладу́ю хамуто́м, каб лажы́лася ўве́рх жывато́м.
Дару́ цуке́рку, каб малада́я падняла́ суке́нку.
Дару́ цябе́ шпі́лькаю, каб не адваро́чвалася спі́нкаю.

Жениху

Дару́ агурэ́ц, каб до́бра стая́ў кане́ц.
Дару́ ало́вак, каб малады́ маладу́ю пацалава́ў у падо́лак.
Дару́ табе́ бэз, каб ты на чужы́х жо́нак не лез.
Дару́ даёнкаю, каб не спаў з чужо́ю жо́нкаю.
Дару́ дайні́цай, каб не заглядаў пад чужы́я спадні́цы.
Дару́ дайні́цаю, каб часце́й быў пад спадні́цаю.
Дару́ дуго́ю, каб но́ччу не даваў жо́нцы спако́ю.
Дару́ запа́лкі, каб малады́ ста́віў до́брыя па́лкі.
Дару́ ў кут, каб стая́ў як прут.
Дару́ паду́шкай, каб муж не спаў з падру́жкай.
Дару́ петухо́м, каб не ляжа́ў уверх трыбухо́м.
Дару́ пісталет, каб інструме́нт стая́ў сто лет. [142]

«Честность» невесты
Ритуалы второго дня свадьбы в современных записях

1. [После брачной ночи «приданые» (гости, участвующие в свадьбе со стороны невесты) идут к свахе (матери жениха) и просят у нее курицу за «ку́ру», которую она забрала к себе (т. е. невесту). Если невеста «честная», сваха дает им курицу, если «нечестная» — не дает. «Ку́ра» имеет два значения: 1) курица и 2) vulva (в переносном значении это слово употребляется и по отношению к самой невесте).]

[У] сва́хи праси́ли ку́ру [курицу]. Му праси́ли, прида́ные. Ада́ли ж сва́си ку́ру [невесту], ку́ру [невесту] к сабе́ забра́ла. [Какую куру?] — Маладу́ю ж везу́ть с ку́раю [vulva]! Праси́ли: «Мы табе́ ку́ру [невесту] да́ли — а ты нам дай ку́ру [курицу]». [А сваха отвечала:] «Я вам ку́ру [курицу] не дам, бо ужо́ ва́ша неве́ста нече́сная. Ужэ ку́ра ва́ша прайшла́». [Если же невеста оказалась «честной»,] даю́ть ку́ру, пе́ўня — ци ку́ру, ци пе́ўня. А нема́ ку́ры, дасьць са́ла ци мя́са. [143]

2. [На свадьбе] чэ́сна дзе́ўка [невеста должна была садиться] на дзе́жку.

3. Е́сли она́ чэ́сна, она́ иде́ць с ико́най на рука́х. [144]

4. То ра́ньше сажа́ли няве́сту на дяжу́, як сва́дьба идэ́. Як ужэ́ прывязе́ к жениху́, то даю́ть во́бразика, яна́ дяржы́ть. А на дяжу́ вывора́чываюць кожуха́ и сте́лють. Ды няве́сту поса́дуть. Але́ саду́ть и во́бразика даю́ть, як чэ́сна няве́ста. А як нячэ́сна, то ка́жуть, исти́ [идти] вады́ да кало́ца прынясти́ вядро́. [145]

5. Коли́сь гавари́ли. Як де́вушка ўохо́дить за́муж де́вушкой, кра́сный флаг выве́шиваюіть на воро́тях молодо́й. Е́сли не де́ўка — коляса́ поче́плять на коло́к абу́ бе́лый флаг выве́шиваюіть. [146]

6. Че́сна, то кра́сный рушни́к на дом ве́шали, а нет — хому́т на её ба́тька. [147]

7. Када́ кра́снай ле́нтай павя́жуць ци гарэ́лку, ци вино́ — че́сная, а нет — на яе́ хаму́т адзева́ли. Специа́льна хаму́т пля́ли́ бе́лый.

8. Таре́лку ста́вят кра́сную [обвязанную красной лентой], если няве́ста че́сная, а нет — све́тлую.

9. [Когда-то давно на второй день рубашку молодой отдавали свекрови.]

10. Када́ переначава́л и ана́ аказа́лась нячэ́сная, ма́тке её хаму́т на галаву́ адзева́юць [настоящий]. Гарэ́лку све́тлую ста́вяць, е́сли маладая нячэ́сная, е́сли чэ́сная – кра́сную. [148]

11. Када́ жани́х с няве́стой переначу́ють, он бярэ́ пасу́дину и бура́е; кали́ няве́ста чэ́сна, дак усё бура́е. А як нечэ́сна, дак ён не тро́гае, не бье́ пасу́ду, а хро́сны ба́тька бярэ́ бу́лку хле́ба и вырезáе дю́рку у хле́бе. Е́то с хахло́в пашло́.

12. У ха́те не спа́ли. Кладу́ть малады́х на пасте́ль бе́лу, чысту. Пасте́ль свякру́ха сте́ля. А тады́ оны́ вже переначу́ють, она́ гляди́ть: ти чэ́сна няве́ста. Ма́тка, е́сли нече́стна, дак у коря́уки одева́ють, ону́чи ве́шають да вязу́ть. Як чэ́стна вже, дак уважа́ють, дак сва́дьбу гра́ють. По-чэ́стному ты не суме́ла убере́гти, дак нема́ табе́ че́сти.

13. Свякру́ха стели́ла пасте́ль, а е́сли ўже нечэ́стна, дак ба́тьку и ма́тце хому́т ко́ньский надею́ть на шэ́ю. [149]

14. Няве́сту ў клеть паса́дять с жениxо́м, иду́ть ани́ и спять. Пато́м руба́шку е́ту жани́х сваé́й ма́тери вруча́ет. Е́сли неве́ста чэ́сная, харо́ша – честь ей атцу́ и ма́тери. А е́сли плаха́я, нечэ́сна, зна́чить, ужэ́ атцу́ и ма́тери пазо́р – адяю́ть аднаму́ като́ру хаму́т и́ли са́дять на бараму́ и во́зять па дяре́ўни – ўот ка-ка́я дачка́ плаха́я. [150]

15. Где-то тако́е було́, надева́ли ма́тцы няве́стину саро́чку и воды́ли ма́тку няве́стину по селе́. А у нас тако́е не було́. Си́льно ве́льми ж позо́рно. [151]

16. Если де́ўка нечэ́сна иде́ за́муж, надеу́ть че́реп – гаршо́к пабью́ть – на го́лову ма́тци чи ба́тьке, а де́ўку водо́й оболлють. [152]

17. [Чтобы проверить, «честная» невеста или нет, ее] на дэжу́ сады́ли, надэ́жником [покрытую; если невеста «нечестная», то] не ся́дэ, бо Бо́га боя́цца. [153]

18. Молоду́ са́дять на дэжу́, ко́сы расчэ́свають. Ста́ршы дружо́к и ста́рша сва́ха вяду́ть молоду́ и молодо́го у крова́ть, бьють плёткама [шутя]. Ра́нок прыxо́дять и ды́вяца на постэ́ль. Як чэ́сна молода́, то пьюць и спява́юць, як нэчэ́сна – голо́вы опуска́юць. [154]

19. Як чэ́сна невéста, то у ей покáжецца на сорóцце крóў, и свекрýха выхóдиць и таньцýе с сорóчкою, хвáлицца, шо нивéстка чэ́сна. [155]

20. Як бэрэ́мэнна йидэ́ до вэнцý, постолюкáми грáзными кидáли. [156]

21. [Клятва невесты в своей честности.] Як увéчери её [невесту] забирáють до жэнихá, онá доўжнá стать на порóзи, шчэ [еще] кленéцца: «Чирвóна калúна сем лет не родыла, як я нэ справэдлúва, коб я до гóду головóю наложыла». И ўжэ ей ўэзýть до молодóго. [157]

22. Чэ́сну водыы́лы óколо столá, целовáлы образы́, хлиб, на дежý садыы́лы.

23. Закóнна дэ́вка – садúлы на дежý с тúстом. Брáчну сорóчку на óбраз закúдвалы, покрывáло – на пич. [158]

24. [Когда молодая приезжает в дом к молодому, она сходит на дежу.] Ну, говорáць, што пэрэпры́гивае, говорáць, як нэчэ́сная; а чэ́сная – станóвицця на дежý. Это ўжэ як ўóна́ злéзе с машы́ны там колы́ ж вуоз да ўжэ́ ж идé к свекрýси ў хáту. [Что будет, если на дежу встанет нечестная?] Ну, говорáць, хлиб не рóдиць. [159]

25. Когдá привезýць молодý к свекрýси – на двор вынóсяць дежý, в котóрой хлеб пекýць, и застилáюць бéлым рушникóм. Éсли онá чэ́стна, то стáне на вéко прáвой ногóй, а éсли не – махнéць мúмо. [160]

26. Калí нявéста былá чэ́сная, то навéшваюць крáсныя трáпкі сюды́, і на гармóнь, і на бýбен. Ідýць і пяю́ць:

Ой, спасíба, мáмачка, за тваю́ чэсць,
Што ты насíла сваю́ дачкý ў хвартучкý,
Нікóму не далá, сваймý Мíшачку саблюлá.

І так пяю́ць пры ўсíх на вýліцы, што янá засталáся чэ́сная. І тады́ прыхóдзяць у хáту, нявéста здзяé тýю рубáшку, што начавáла з хазя́інам. І ўсíм éтым аддаé яé свякрýха. Разгáртвае яé, каб усé бáчылі, што нявéста засталáся чэ́сная. І ён тады́, хазя́ін, такí давóльны!

А як катóрая пры́йдзе нячэ́сная, нясýць дзірáвую карзíну па сялý без дна, тамý і лю́дзі былí чэ́сныя, дóбрыя. Калí няслí карзíну, пéлí:

Спасíба, мáмачка, за тваю чэсць,
Што на тваёй дачкí двáццаць шэсць.

І пачынáюць перачысля́ць рóзныя пры́казкі, а пóтым гавóраць: «Адчыня́йце клець, у ваш двор б<лядзь> ідзéць, чýйце, гýсі, кýры, карóвы, уся́ пашня́ — у наш двор б<лядзь> прышлá». [161]

27. Сваты́ сустракáлі гасцéй з флáгамі: калí нявéста былá чэсная — з чырвóным, калí не — у флáге былá дзíрка. [162]

28. Адамкнýўшы клець, маладзíцы падыхóдзяць к пасцéлі і аглядаюць яé. Калí вы́ясніцца, што нявéста былá чэсная, малады́м прынóсяць вадý і рушнікі. Малады́я мы́юцца, нявéста плáча аб стрáце свайгó дзявóцтва. Калí нявéста аказáлася чэсная, ўсé рáдуюцца. Маладзíцы б'юць пóсуд і гаспадáр за гэта не гнéваецца. На двараэ́ вывéшваецца чырвóны сцяг, каб усé вéдалі, што нявéста дóбрая — тады́ ўсямý яé рóду гóнар. Ўсé дáраць ёй падарýнкі: хто грóшы, хто — палатнó. [163]

29. На другі дзень пяюць:

Под ёлкою спáла,
Под ёлкою спáла,
Шы́шка туды́ ўпáла —
Трэ́ба кóні нанімáці,
Трэ́ба кóні нанімáці,
Стуль шы́шку выймáці. [164]

30. «Цыганы́» збірáюцца ў хáце маладóй, каб ісцí па курэ́й да маладóга. Злавíўшы кýру, яé забівáюць, смáляць, убірáюць у кветкі, перавя́зваюць лéнтай і нясýць маладóму за стол, каб ён з яé пéршы сарвáў цвет, як і з маладóй. Так і закáнчваецца вясéлле. [165]

ВНЕОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР ИЗ КОЛЛЕКЦИЙ ИЗВЕСТНЫХ СОБИРАТЕЛЕЙ

Из собрания Н.Я. Никифоровского

На доли́ни – журавы́,
На доли́ни – гу́си.
Никого́ так ни любі́ў,
Як свою́ Мару́сю.
Я ў Мару́си нычываў,
Я ў Мару́си ўпі́ўся,
Я Мару́си рубля́ даў
И штаны́ забы́ўся.

Ах ты Си́дор-макацёр
На поро́зи ба́бу цёр.
Што паве́рниць –
Ба́ба пе́рдниць,
Што поци́сниць –
Ба́ба пи́сниць.

Че́риз ре́чку, че́риз гай
Любі́ў мяне́ Микола́й.
И я яго́ люби́ла,
К яму́ на ноч ходзи́ла.

Мой милёнак Стыфанёнак
И курча́вы быць бара́н.
Попросі́ў у мине колечко –
Побожи́лася – ни дам.

Як за ле́сом, за лясо́м,
Бу́йно жи́то колосо́м.
Там Вольгу́тка жы́то жа́ла,
На мяжу́ снапы́ кида́ла.

А Ваню́шка догляда́ў.
«Бог на по́мач, – ёй сказа́ў. –
Ты снапо́чки ни вяжы́,
Ходзи́ со мно́ю поляжи́».

Дзе́ўка ба́ничку топи́ла,
Обвали́ўся подоло́к.
Че́риз ка́менку скочи́ла,
Обсмали́ла хохоло́к.

Ни сама́ гармо́нька йгра́йць,
На́да па́льцам шивяли́ць.
Ни сама́ дзяў́чо́нка ля́жиць –
Яе́ на́до положи́ць.

Ко́ньчи, ко́ньчи ты ходзи́ць,
Ко́ньчи подгова́риваць.
Ты ж ня ду́маў за́муж браць –
Было́ ни сподма́ниваць.

«А скажы́-ка, солове́й,
Што на све́ци солодзе́й.
А ци са́хар, ци мядо́к,
Ци дзяў́чи́ночкин ратóк». –
«А ни са́хар, ни мядо́к,
А дзяў́чи́нкин пирадо́к».

Под мо́стом – ры́ба с хво́стом,
На бе́ригу – су́хо...
У мальчи́шек растуць ву́сы,
У дзе́вочок – бру́хо.

По зялёниньким лужо́чку
Водзи́ца сочи́лася...
Я ў милёнка на колёнках
Говори́ць учи́лася.

«А што ў цибе́, моло́донька,
Як у ву́тки носо́к?» –
«Ко́ло ре́чки ходзи́ла –
Жирова́ла пясо́к[1]». –
«А што ў цибе́, моло́донька,
Пу́зо надуло́ся?» –
«Ко́ло ре́чки ходзи́ла,
Воды́ напила́ся». –
«А што ў цибе́, моло́донька,
Да под пу́зом я́мка?» –
«Я по ре́чки ходзи́ла,
Упила́ся пья́ўка».

«Шевяли́, ба́бка, ного́й». –
«Ни могу́, корми́лец мой.
Я б и рада шивяли́ць,
Шевялу́ха не стои́ць».

Потрудзи́ся ты на ўспа́шки,
Мой воро́ненький конёк!
Запаши́ моёй мила́шки
Да й зялёненький лясо́к.

Там была́, там была́,
Дзе ко́ни пасу́тца,
Так дала́, так дала́,
Што ру́ки трасу́тца.

Як на ёлки на комёлки
Дзе́ўки ў ду́дки йгра́ли.
Яны́ йгра́ли и скака́ли,
Кавале́раў собира́ли,
Цэ́лу но́чку з и́ми спа́ли.

Ишо́ў пани́ч по току́
У чырво́ным башмаку́.
Ён и мост мосци́ў,
Долото́м гвоздзи́ў,
Молото́чком прибива́ў,
Кра́сну дзе́ўку любова́ў.

Праз дубо́вое вядзёрко
Уся́ во́да процикла́.
Зацижа́рыла дзяў́чо́нка,
На мало́йчика бида́!

Ишла́ дзеўка з га́нку,
Нисла́ мёду шкля́нку.
А за е́ю – пaничо́к,
У яго́ чо́рниньки́й вусо́к.
Просці́ў, просці́ў – ни дала́,
То́льки ла́иць зачала́.
«Я цибе́ не ўкуси́ў,
То́льки мёду папраси́ў».

А бабо́шка на Питра́
Улови́ла вирибья́.
Ушчами́ла ми́жа ног,
Би́ла, би́ла, паку́ль здох.

Я и дро́вцы нарубáў,
И лучы́ны нашчыпа́ў,
Накорми́ў поросі́т
И дзива́цёрых курча́т.
Одна ку́рка без хвоста́ –
Та́я дзе́вочкам систра́.

Ты, миле́ньки, ни балу́й,
При наро́дзи ни цалу́й.
У поцёмочку, одну́,
Низаме́тно никому́.

Чому́ тоды́ ни пришо́ў,
Як я жи́то жа́ла,
Куды́ ру́ки, туды́ й но́ги,
Догоры́ лежа́ла.

[1] Песок.

Ух ци, Марусиңа,
Хвартýх у цибé кольшиҭтца.
А посирёд хвартухá
Ци вошиҭца, ци блохá.

Захоцéлось мне моркóўки,
Я й на рйночок пойшлá.
Увéсь рйнок обходзйла,
А моркóўки ни знайшлá.
А домóўки як пришлá,
На печ брýхом прилиглá
Мне ня спйтца, ни ляжйтца,
Мне маркóўки усё хоцйтца.

Як у пóли, у пóли
Пасéць дзéўка кóни.
Пришóў до яé Я́коў,
Стáвиў дзéўку рáком.

Я своюó милáшку тéшиў,
На безмéн барáнки вéшаў.
А я вéшаў ли тогó,
Каб любйла одногó.

Сполюбйў мене москáль-
водовóз,
Положйў жа минé спаць у навóз.
Мне ў навóзи спаць ня хóчитца —
Водовóза любйць хóчитца.

Дзéўка пáшиньку пахáла,
Сýчку ў сóшку запригáла.
Сýчка ў сóшиньки ня хóдзиць,
Дзéўку дó злосци довóдзиць.

Пошлá Гáнка корóву дойць,
Потрáпила на быкá.
Узялá быкá за сйку,
Надойла молокá.

Ах ты, мáминька моя́,
Мне случйлося бидá.
Я на кáмешку сидзéла,
Пáру я́блочкоў я зьéла.
З чирвятóчинкой одзйн
У живóцику заньíў.

Дуб, дуб зеленéнький,
Наш мальчйшка молодзéнький.
З сибé сам дзивýитца
И з дзиўчóнкай цалýитца.
Цалýй раз, цалýй два,
Хоць и дзéсиць — ни бидá.
Цаловáтца ўсим мóжна,
Тóльки нáда астарóжна.

Зáўтра прáзничак Иван,
Я настáвлю самовáр.
Стáну клйкаць я дружкá,
Свóго мйла голубкá:
«Кóло лéсу ручайкóм,
Приходзй ты вичаркóм.
Бáцька дóма ни начýиць,
Мáтка глýха — ни пачýиць.
Ты зайгрáиш, я присвйсну,
Я прилягу, ты прицйснеш».

Поспéў мак, мак, конопéльки,
Налецéли птáшки-вирабéйки.
Паклювáли й мак-конопéльки.
Собирáлися дзéўки ў лясóчку
Тáнцы-пля́сы разводзйць,
Пришлй мáльцы им шкодзйць.

Кóло рéчки ходзйла
Молодá,
Окунёчкоў ловйла
Молодá.
Обмочйлась, обросйлась
Молодá,
Кóло пéчки сушйлась
Молодá.
А й ўпаў из пéчки вуталёк —
Бидá:
Пропалйў мой тóнкий
хвартушóк —
Бидá:
Моё пýзо нáдто свéцитца —
Бидá:
Окунькй ў пýзи пялéщутца —
Бидá.

Хто со мной ни стречáетца –
Бидá.
Нáдо мной той насмехáетца –
Бидá.

Марйночка, лйта-лйта,
Поскакáла ў жйто, ў жйто.
Сергéичка-голубóк
Зловйў яé за пупóк.

Сйдор, Сйдор, Сидорéц,
Попасй моих овéц.
Мой óвцы куплёньи,
Усй бóки луплёньи.

Ты, катóлик, ты, катóлик,
Ня руш минé за падóлик.
Мой падóлик шóўком шит,
Хто порýшиць – бýдзиць бит.

Люблю, люблю Пéциньку
За слáдку коньхéцинку.
Як полóжиць у ротóк,
Дык заньíиць животóк.

А ў горóдзи огурéчки цвицяць,
А ў дзéвок животóчки болячь.
Нихáй болячь да побáливаюць,
Нихáй мáльцив ни
подмáниваюць.

Позвóль, мáтушка, жанйтца,
Пазвóль узяць когó хочý.
Не позвóлиш мне жанйтца,
Кóлом печ разворочý.

Гдзе милáшка вóду брáла,
Там я кóника поиў.
Мне милáшка припенялá,
Чамý спаць ни приходзйў.

Я за гóрушкой орáў,
Сóху ў зéмильку ни ўпяў.
А як мйлая пришлá,
Сохá ў зéмильку пошлá...

Я на лядзи борновáла,
Приходзйў Мишýтка.
Вынимáў по пранічку
И давáў за шýтки...

Постóй-ка, я табé скажý,
Почесáла я сабé бядý.
Як у дни, як у ночй
С казакóм всё на пячй.

Айдзé с мйленьким стояли,
Там растáяли снягй.
Айдзé с мйленьким ляжáли,
Там цвятóчки расцвялй.

Кóло бьíстрой ракй
Пóюць кóни казакй.
Белогрйвого конá
Пóиць мйлая моя.

Людзи колопéньки сéюць,
А мои ў жбанóчку спéюць.
Людзи колопéньки молóцюць,
А мой вирабéйки колóцюць.

На солóми спáла,
Ничóго ни стáло.
Зялёнае сéно
Навéк минé зъéло.

Ну, разсóхлиси вядзёрки
И покáпала водá.
Забрухáцили дзяўчóнки.
Ну, мне, мóлодцу, бидá.

Як по Вóбольской дорóжки
Прокацйлось колясó.
За дзяшóвую коньхéтку
Я пошчýпаў хорошó.

Ишóў Ромáн по дорóги,
Сховáў яйцьí ли бярёзы.
А дзéвочки грыбьí брáли,
Ромaнóвы яйцы ўкрáли.

Ах ты, дзéўка крáсная,
А што ў табé хрáснуло?
А хрáснуло як орéх,
Полецéло як у мех.

Ах ты, дзя́дзинка-
Виногрáдзинка.
Ни кажи́ ты никомý,
Што цибé я повалю́.

Кацяри́на и Томáш
Пошли́ рáзом на кирмáш.
Пошли́ по лясóчку,
Лягли́ на пясóчку.

У тракти́ру-кабакý
Ляжи́ць бáба на бокý.
А пришóў Ярмачóк,
Павярнýў бáбу ў ничóк.

А до души́, до души́,
Полегчи́ло на души́.
Ли дзяўчóнки полижáў,
За сисёнки подзиржáў.

Дзяўчи́ночка-я́года,
Люби́ў цибé три гóда.
Яшчó бýду люби́ць пяць,
Ци ни ля́гишь со мной спаць?

Авдóтухна-дзéвухна
Поцихóнечку живéць,
Помалéнечку бярéць...
Як унáдзиўся попóк
До Авдóтухны ходзи́ць,
Слáдки я́блочки носи́ць.

Си́дор éдзиць, а я идý,
Подвязéць мою́ дудý!
Моя́ дудá бяси́лась,
Кóло дзéвок, кóло баб носи́лась.
Кóло дзéвок, коло баб,
Кóло мáленьких рибя́т.

Як там за лясóм
Дзяўчи́на борнýиць.
Боронá зилéзная,
Дзяўчи́на любéзная.
Боронý постанови́ла,
Цаловáць застанови́ла...

Ни дай Бог таки́й мýки,
Як попáстца шавцý ў рýки.
Ши́лом кóлиць,
Дрáтвой вя́жиць,
При́дзець домóў,
Со мной ля́жиць.

Никомý так ни ўдалóся,
Як мне, гóрький сироцé.
Зьéла кýрку я з нóжками,
Трапóчитца ў живоцé.
И трапóчитца, и бьéтца,
А мне вéры ни даéтца.
Тады́ вéры я далá,
Як на рýчки ўзялá.

Упилáся на мядý —
Домóваньки ни зайдý.
Ёсь у тáтки молодéц,
Домóвоньки завядзéць.
Домóвоньки завядзéць,
И спáценьки покладзéць,
И нóжиньки разýиць,
И в ýсциньки цалýиць...

У зилёниньким лужкý
Водзи́ца сочи́лася...
Я ў ми́лóго на колéнках
Говори́ць учи́лася.
А мой ми́лый баловни́к
Наклáў стрýчча ў пирядни́к.
Я дзяўчи́на глýпая,
Шла дорóгой хрýпала.

Наш дзед сáни гнець,
По чаты́ри кли́ны бьець.
«Постóй, бáбка,
Ишчó слáбка.
Гоню́ пя́тый,
Пóйдзиць глáдка».

А мой дзя́дзька ўпи́ўся
Да на дзя́дзину свали́ўся.
А дзя́дзина ўцикла́ –
Чаго́ тре́ба, ни дала́...

Ци ты змёрз, ци ты здрог,
Ци ты испуга́ўся,
Што ня ви́дзиш:
Проми́ж ног
Пяту́х заплута́ўся.

Ты, дзяўчо́нка-мару́да,
Ци ня бу́дзиць табе́ ху́да?
Зачи́м е́ла окунька́
Да глядзе́ла на дружка́?

Ни вядзи́ мине́ до ле́су,
То́льки до гаёчку.
Я и так цибе́ поцэ́шу
У зилёным лужо́чку...

Молоды́е ковали́
Дзяўчо́начку поняли́.
Че́риз ре́чку, че́риз мхи,
Положи́ўши на мяхи́...

А ў горо́дзи либида́,
Пла́чиць дзеўка молода́:
«Сгуби́, Бо́жа, либиду́ –
Бою́сь, сы́на я найду́».

Мине́ ку́ма ни ўзлюби́ла,
Помяло́м по за́ду би́ла.
А я ж я́е – тоўкачо́м,
Сам ни ве́даю – по чо́м...

Жни́ця, дзе́ўки, жни́ця,
Кру́чий спи́нки гни́ця.
Станови́ця снопы́ ў рад,
Повярни́ця нам хуць зад.

Станови́ся, сва́цця, пра́мо,
Повярни́ся ты ўпра́во.
Не́шта дзе́итца тако́я,
Ня до́брая, а лихо́я!..

Што жа ро́биш ты, Мики́та,
Чаму то́пчиш маё жи́то?
Маё жи́то зилянո́я,
Кало́сики ни нали́ло́.
Приходзи́ тоды́ топта́ць,
Як я ста́ну жи́то жаць.

Ма́хир-шту́кар-штукаре́ц
Да пусци́ўся ў тане́ц.
И ўпра́во – зир-зир,
И ўле́во – киў-киў.
А каб ви́дзили ўсе лю́дзи
Як трасу́тца яго́ му́дзи...

У крини́цу по водзи́цу
Ишла́ дзе́ўка молода́.
До крини́цы ни дойшла́ –
Ей случи́лося бида́.
А бида́-то нибольша́я –
Дзе́ўка не́што поцира́ла...

За па́зушкой – пирожки́,
У ручо́ньки – орашки́.
А оре́шки зу́бы ло́мюць,
Пирожки́ пузёнко дмуць.
Ду́юць, ду́юць, раздува́юць -
Ро́вно з но́сом подыма́юць...

Ба́бка ры́бку вари́ла,
Хвартушо́чик спали́ла.
А нико́му ни скажу́,
Што я с дзи́рочкой хожу́.

А там на горе́
Мужи́к жо́нкой оре́.
А друга́я подбига́я:
«Запряжи́ ж ты мяне́».

А ў са́дзи-винигра́дзи
Во́лики пасу́тца.
Як дзед ба́би ко́лом сза́дзи -
Аж ку́длы трасу́тца...

Ты ж мяне́ подвучи́ла,
Ты ж мяне́ подвила́,

Ты ж мяне́ ў цёмную
Комо́рочку завяла́...

Ох ты, ку́мушка-кума́,
Разсудзи́, ку́ма́, сама́!
Разсудзи́ла ку́ма-свет,
Што ў любо́сци греху нет!..

Ци табе́ я ни каза́ла,
Як целя́тко загоня́ла:
«При́дзи, при́дзи, за́ўтра свя́то,
Нима́ ма́мы, нима́ та́ты...
А сама́ я до́ма бу́ду,
Из споднíцы зро́блю бу́ду.
А з хварту́ха зро́блю две́ри,
Сама́ ля́гу на посце́ли...»

А Мари́на самово́льница была́,
Ко́ника с хомуто́м пропила́,
На ко́нику ни нае́здзилася
И с ко́ника ни наце́шилася...

У горо́дзи — яри́ца...
Наш Дани́ла — пьяни́ца.
«Кацяри́на-ви́шанька,
Подсува́йся бли́зянько...»
«Я ня бу́ду су́нутца,
А то ска́жуць — лю́бютца».

Нико́му так нико́му,
Як мне сироце́.
Зье́ла му́шку-трипяту́шку —
Тряпо́читца ў живоце́.

Дро́бный до́жжик идзе́...
Солда́т ба́бу вядзе́.
Ба́ба ка́жа: «Ни хочу́».
Солда́т ка́жа: «Заплачу́».

Ты — рожо́к, ты — рожо́к,
Я — беля́ночка
Ты — мужи́к, ты — мужи́к,
Я — двора́ночка.
А бода́й ты, рожо́к,
На ме́сце пропа́ў.
Як ты мяне́, беля́ночку,
На доро́жке стопта́ў!..

И ты чьи́нишь, и я чьи́ню —
Люби́ жо́нку абы-чи́ю[1].
Ци попо́ву, ци дзяко́ву,
Ци до́брую мужико́ву!

Муку́ се́ю, крупу́ то́чу...
За пи́сара за́муж хо́чу.
Ни брани́ся, моя́ ма́ци,
Што я по́знинько пришла́.
Ночива́ла с писара́ми —
Научи́лася письма́!

За́инька ше́ринький,
Ни ходзи́ по се́нях.
Ня тро́пай ного́ю —
Ни ля́гу с тобо́ю!
А ля́гу с Ива́ном
Под ше́рым капта́ном.
А яшчо́ з Алёшай
Под шу́бой хоро́шай.

На боло́ци осака́
Си́ни во́чки ў казака́.
Мяне́ ма́ци жури́ла,
Што каза́ка люби́ла.
Я каза́ка люби́ла
И плато́чак згуби́ла.

Жыдо́вачка чорнома́за,
Пусци́ мяне́ ночова́ць.
Я зада́рмо ни хочу́,
Прода́м су́чку — заплачу́!..

Цикла́ ре́чка ў край Дуна́я...
Кого́ лю́блю — обыма́ю.
На берёзи цве́ту нет —
И в любо́сци гре́ху нет.

Походзи́ла моло́дочка по саду́,
Укуси́ла мура́шанька за ногу́.

[1] Лишь бы чью.

Трéба тýю мурáшаньку
побивáць,
Што ни далá молóдочки
погуля́ць.
Люблю́ дзéвок, люблю баб
И малéньких рабя́т.
Люблю́ тую сиротý,
Што хинéтца к животý.

Пятухи́ пяю́ць,
Як у бýбны бьюць,
А мой хвастýн
Ля чужóй заснýў.

А я своймý Янýлечку
А пошию кашýличку
И галю́ном обложý,
С собóй спáцьки положý!

Дзяўчи́ночка баламýткой
былá —
Обяцáла да ня хýтко далá.
Обяцáла под бýдкою,
Зосталáся баламýткою.

Я ба даў табé цалкóвый,
Каб цибé поцаловáць.
Я б купи́ў платóк шаўкóвый,
Каб з тобóю ночовáць. [166]

Из собрания М. Федоровского

Жар, мáці, капýсціцу,
Жар, мáці, буракі.
Цябé, мáтка, любіць тáтка,
Мянé — двóрны дваракі.

Чы ты мя́не гадаваў,
Чы ты мя́не пéсціў?
Каб ты, гіцлю, не даждáў,
Каб ты пá мне éздзіў!

Наштó бáбе рашатó,
Наштó бáбе сіта?
Ой, дзед з бáбай вы́спіцца,
Бýдзе бáба сы́та.

Маскáль, матулéньку,
Падрáў кашулéньку
Ад пят да калéна,
Шукáючы прытулéння.
Прытулéння не знайшóў,
Заплáкаў ды пашóў.

Ой, цéраз мост рэ́чка цячэ́[1],
Там дзяўчы́на блінцы́ пячэ́.
А дзецінка сéна кóсіць
Да ў дзéўкі блінцá прóсіць.
А дзяўчы́на да й не далá,
Чапялóю замялá.
«Ці я цябé ўкусіў,
Што я блінчыка папрасіў?»

Ганчáр — бáцька, ганчáр — мáці
Ганчáрыку трэ́ба дáці.
То за гаршчóк, то за міску
Ганчáрыку трэ́ба кры́шку.

Ой, вы́йду на вýлічку,
Ся́ду на грудóчку.
Адзін пéвень дзярэ́ хвартýх,
А другі — сарóчку.

Чóрная карóвіца,
Рáбы бык, рáбы бык;[2]
Дзед бáбу — за спадніцу,
Бáба брык, бáба брык.

Ці я тáбе не казáла,
Мілы ты Тадаýшка.

[1] Течет.
[2] Рябой бык.

Што на печы гарачó,
На прыпечку вýзка?

Чэшу, чэшу па дубіні[1],
Дзеўкі вянкі пагубілі.
Маладзіцы і спадніцы,
Кавалéры ганавіцы.

Ой, дзед бáбе кýрду гне,
Па чатыры клінкі б'е.
«Пастóй, бáбка, яшчэ слáбка,
Заб'ю пяты, бýдзе глáдка!»

Ой, на гары дуб распусціўся,
Ой, да бáбы чóрт прыступіўся.
Зазавіце, хлóпцы, грамадý
Да ўзсадзіце чóрта на бáбу.

А старóму хлеб аўсяны,
Маладóму – пытляваны.
А старóму – хлéба лýсту,
Маладóму – дзéўку тлýсту.

Цéраз рэчку, цéраз стáў
Любіў мяне Станіслáў.
І я ягó любіла,
Спаднічку згубіла.

Ой, мой хвартýх дарагі,
Вышываны берагі.
Як я хвартýх павéшу,
То ўсіх хлóпцаў пацéшу.

Кацярына прысягáла,
Яé душá чыста:
Начавáло сто ўлáнаў
І казáкаў трыста.

Мáці – ў хáце, мáці – ў хáце,
А бáцька – ў адрыне.
А дзéўка з паробэчкам –
У ячмéннай мякіне.

Ой, нікóму, нікóму,
Як той бéднай сірацé.
З'éла мýху з пазурáмі,
Трапéчацца ў трыбусé.

А што гэто за сусéдка былá,
Абяцáла, да не хýтко далá.
Абяцáла, да не кáждаму,
Чалавéку падарóжнаму.
Абяцáла, да за хáткаю,
Каб не відзіў[2] айцéц з мáткаю.

Служыла тры рóкі
На хвартýх шырóкі.
Ні пілá, ні éла,
На хвартýх глядзéла.
А з тагó хвартýшка
Выпала квятýшка
З рýчкамі, з нóжкамі,
з чóрнымі вóчкамі.

«Ужó вéчар вечарэе,
Бычóк дóма не начýе.
"Му-у, му!"
Выйдзі, дóнька, на вýланьку,
Зажэнь бычкá дадóманьку». –
«Му-у, му!» –
«А ў бычкá круты рóгі,
Бычóк мяне цап за нóгі.
"Му-у, му!"
А я яго клічу: "Быцю!"
А ён мяне – за спадніцу.
"Му-у, му!"
А я бычкý – місу круп,
А ён мяне – за хвартýх.
"Му-у, му!"
А я бычкý – місу мукі,
А ён мяне цап за рýкі.
"Му-у, му!"
А я ягó клічу ў мак,
А ён мяне – за андарáк.
"Му-у, му!"»

---

[1] Чешу по дубине.
[2] Видел.

«Кума́, кума́,
Задры́ но́гу!»
А кум ска́жа:
«Хвала́ Бо́гу». [167]

Песни фривольные и танцевальные

А дзед боб малацíў,
Ба́ба падсява́ла.
Дзед у ба́бы папрасíў,
Ба́ба не дава́ла.
«Калí мне не дае́ш,
Не дава́й нíко́му,
Заткнí пізду́ кулако́м,
Уцяка́й дадо́му.
Я цябе́ прывяду́
К зялёнаму ду́бу.
Хай цябе ваўкí ябу́ць,
А я ня бу́ду».

Я Мару́сі — сёе,
Я Мару́сі — то́е,
Я Мару́сі, скруцíўшы[1],
Вяро́вачку за то́е.
Мару́ся ні хо́ча,
Я Мару́сю — за цыцу́лю[2],
Мару́ся раго́ча.
Я Мару́сі — піва,
Я Мару́сі — віна́.
Я Мару́сі — тры таля́ры,
Жэ́бы была́ жы́ва.

Ох, ма́ці, кача́н[3],
Недаро́слы кача́н.
Пашла́ ма́ці высява́ць,
Кача́н яе́ цалава́ць.
Ох, ма́ці, кача́н,
Недаро́слы кача́н.
Пашла́ ма́ці ў вагаро́д,
Кача́н яе це́раз пло́т.
Ох, ма́ці, кача́н,
Недаро́слы кача́н.
Пашла́ маці па муку́,
Кача́н яе́ — за руку́.
Ох, ма́ці, кача́н,
Недаро́слы кача́н.
Пашла́ маці на пасце́ль,
Кача́н яе — за піздзе́ль.
Ох, ма́ці, кача́н,
Недаро́слы кача́н.

Се́нды, сенды́чанкі[4],
На бало́ці крынíчанькі[5].
Вох, там пізды сядзя́ць,
Тапо́рчыкі дзяржа́ць.
Прышо́ў хуй начава́ць,
Яны́ яго́ зарuба́ць.
Вох, той хуй не дура́к,
Вы́няў тры па́лачкі,
А чацьвёрты хуёк
Сюды́ мах, туды́ мах,
Вы́цяў пізду і па зуба́х.
Пашла́ пізда́, гука́ючы,
Па сім са́жань ступа́ючы.
Як ідзе́, так ідзе́,
Кама́р му́шаньку ябе́.
А мой ты камарэ́ньку,
Ябі мяне памале́ньку.
Бо я му́ха стара́я,
Пізда́ мая не туга́я.

[1] Скрутив.
[2] Титьку.
[3] Кочан [капусты].
[4] Строка не имеет смыслового значения.
[5] На болоте родники.

Як іду́ я кала́ са́ду,
Каго́ ўгле́джу, нася́ду.
Ой, надышо́ў пане́начку,
Ніве́льку, мале́нечку.
«Ой, пане́начко, дай, дай,
дай!» —
«Ой, пані́чыку, жаль, жаль,
жаль.
Ох, як яко́му пані́чу́
Я на паве́р[1] пазычу́.
А як яко́му смаркачу́,
То і за гро́шы ні хачу́».

Ехаў жыд з жыдо́ўкаю,
Накры́ў пізду́ ярмо́лкаю,
Жэб сло́нко не пякло́,
Жэб са́дло не цякло́.
Ай, вей, як сло́нко прыгрэ́ло,
То ярмо́лка зляце́ла[2].
А як сло́нко прыпякло́,
То і са́дло пацякло́.

Ой, се́яла рэ́пку, ты-лі-лі,
ты-лі-лі,
Ні гу́сту, ні рэ́дку, ты-лі-лі,
ты-лі-лі,
Магі́ркамі ме́рыла, ты-лі-лі,
ты-лі-лі,
Кулака́мі то́птала, ты-лі-лі,
ты-лі-лі,
Да кале́ні го́лыя, ты-лі-лі,
ты-лі-лі.
Калёсы раву́ць, раву́ць,
ты-лі-лі, ты-лі-лі,
А дзе́ўкі хуй вязу́ць, ты-лі-лі,
ты-лі-лі.
Яны́ ве́злі, ігра́лі, ты-лі-лі,
ты-лі-лі,
Ра́ды, што хуй пайма́лі, хі-хі-хі,
Палажы́лі яго́ на ўсло́нчыку,
хі-хі-хі,
Білі яго́ па ко́нчыку, хі-хі-хі:
«Чаму́ ты, хуй, не ябе́ш?» —
«Чаму́, пізда́, не дае́ш?»

У про́шлую сыбо́ту,
У про́шлую сыбо́ту
Ішо́ў маска́ль на рабо́ту.
Маро́з захваці́ў, маро́з
захваці́ў.
Ён пазна́ў, што не́дзе дзе́цца,
Зайшо́ў у пізду́ пагрэ́цца.
«Здра́стуй, мі́лая!
Здра́стуй, мі́лая!
Здра́стуй, мі́лая, харо́ша,
За табо́й маі́х два гро́ша.
Пажа́луй, анда́ць, пажа́луй,
анда́ць.
Ні аддасі маі́х дзе́нег,
Яба́ць бу́ду другі́х дзе́вак —
Бу́дзеш таскава́ць, бу́дзеш
таскава́ць!
А са ску́кі і з даса́ды
Нае́ялі ў пізду́ раса́ды.
Бу́дзеш паліва́ць, бу́дзеш
паліва́ць.
А заса́дзім хуй у ла́ўку,
Бу́дзеш таргава́ць, бу́дзеш
таргава́ць».
Ён таргу́е пама́ле́ньку,
Выгляда́е праз аке́нка.
Гаспады́нька ідзе́, гаспады́нька
ідзе́.
Гаспады́нька прыбяжа́ла,
Пізда́ яе́ задрыжа́ла.
Ён дава́й яба́ць, ён дава́й
яба́ць.
Ён ябе́ да ўсё дыша,
Яна́ ляжы́ць да ўсё слы́ша,
Дзенку́е за хуй, дзенку́е за хуй.
Ні так за хуй, за хуі́ну,

[1] Одолжить на веру, без письменного подтверждения.
[2] Слетела.

Як за тýю халадзíну[1],
Што нахаладзíў, што
нахаладзíў.

Ішлí дзéўкі граніцаю,
Абасрáлі пяты гарчы́цаю.
Ішлí хлóпцы мяжóю,
Пíлі піва дзяжóю.
Пашлí дзéўкі на край лýга,
Знайшлí хýя, так як дýга.
Аднá кáжэ: «Éжмо!»[2]
Дрýга кáжа: «Рэ́жмо!»[3]
Трэ́ця кáжа: «Не рухáймо»,
Аднá другóй паштурхáймо.

Без занóза, без вярмá,
Хóдзіць бáба, як дурнá.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
Ах ты, бáба, стáра дýра,
Прадáй быкí, купí хýя.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
Ты́я быкí ні на век,
А хуй — дóбры чалавéк.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
На папóвуй лебядзé[4]
Ебалíся медзвядзé.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
Вы́ябалі нéмца,
Хуй па калéнца.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
На папóвум пералáзі,
Ебалóся трóе рáзам.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
Адзíн ябé, другí прóсіць,
Трэ́ці ў рукáх хýя нóсіць.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
Дзéўка вýліцай ідзé,
Пізду кóзырам[5] вядзé.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
Пашлá пíздá па ваду́
Ды ўвалíлася ў калóду.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.
Зрабíў хуй клю́чку,
Падáй, пізда́, рýчку.
Журавéль мой, журавéль,
Журáвачка маладá.

«Чамý тады́ не прышóў,
Як я табé казáла?
Сю́ю ноч, тýю ноч
На краёчку ляжáла». —
«Да далібóг бы прышóў,
Да бóцікаў не знайшóў.
Без бóцікаў не хóчацца,
Бо ў нас хлóпцы валóчацца».

Ой, камáру, камáру,
Душы́ мяне́ памáлу.
Бо я мýшка старáя,
У мяне́ дзю́рка малáя.
Ой, камáр мýшку папхнýў,
Гаршчóк з кáшаю запхнýў.
Каб ты мáрне прапáў,
Як гэ́ты гаршчóк упáў.

Ішлí дзéўке з кермашý,
Знайшлí хýя з каўбасý.

---

[1] Холодина, холодрынь.
[2] Едим!
[3] Режем!
[4] Лебеда.
[5] Козырем.

Адна́ ка́жа: «Рэ́жмо»,
Дру́га ка́жа: «Е́жмо»,
Трэ́ця ка́жэ: «Не псу́ймо»,
Адна́ другóй усу́ньмо[1].

Жаўне́р, матуле́ньку[2],
Падра́ў кашуле́ньку
Ад пят да кале́на,
Шука́ючы прытуле́ння.
Прытуле́ння не найшóў,
Запла́каў ды пайшóў.

А ішóў пані́ч касі́ці,
Стаў пане́нкі прасі́ці:
«Пане́начка, дай, дай, дай!» —
«Пані́чыку, жаль, жаль,
жаль!» —
«Пане́начка, заплачу́!» —
«Пані́чыку, не хачу́!»
Пані́чыку харóшы,
Не дастáнеш за грóшы.

Дай жа, дай, ні жаля́й,
Бу́дзе сын Мікала́й.
Дай, дай, не журы́ся,
Бу́дзе цу́рка Мары́ся.
Дай, дай, паце́шуся,
Не дасі́, паве́шуся.

А мой жа ты бондар,
Падбі́ мне дайні́цу.
А я табе́ заплачу́,
Падня́ўшы спадні́цу.
А мой жа ты бóндар,
Абабі́ мне бóчку.
А я табе́ заплачу́,
Падня́ўшы сарóчку.

Ой, Бог таму́ даў,
Хто бара́ны рэ́жа.
Пад'е́ўшы кі́шачак[3],
На дзяўчы́ну ле́зе.
Ой, Бог таму́ даў,
Хто пе́кну жóнку ўзя́ў.
Ён не спі́ць, не ляжы́ць,
За пі́зду ўсё дзяржы́ць.

Пашóў хуі́шчэ на пажары́шчэ,
Да па пі́ндах пла́чучы.
Пасадзі́ў хуёк пі́нды ў радóк,
Стаў мядкóм частава́ці:
Малады́м — ку́бкі дзерavя́нныя,
Серадабóльшым — сярэ́браныя,
А старóй пі́ндзе́ — залаты́ ку́бак,
Каб не пабі́ла гу́бак.

Пасе́яла рэ́пку
Ні гу́сту, ні рэ́дку.
А прышóў я ра́на:
Мая́ рэ́пка рва́на.
А прыду́ я е́шчэ:
У мае́й рэ́пцы це́шча[4].
Да вазьму́ я це́шчу
За ле́вую кле́шчу
Да пастáўлю ра́кам,
Па пі́ндзе́ кула́кам.

Ах ты, це́шча, да ты це́шча
мая.
Несалёная капу́стка твая!
Як ты бу́дзеш да капу́стку
садзі́ць,
То я бу́ду тваю́ дóчку любі́ць.
А капу́сту, пасалі́ўшы, яду́ць,
А дачу́шку, палажы́ўшы, ябу́ць.

Е́хаў ба́цько з тóргу,
Купі́ў хуй у тóрбу.
Пасаджа́ў дзе́ткі ў ку́чкі,
Падава́ў хуйкі́ ў ру́чкі.
«А вы, дзе́ці, зна́йце дзе́ло:
Запіха́йця хуйкі́ ў це́ло».

---

[1] Всунем.
[2] Мамочка.
[3] Подъев кишок.
[4] Теща.

Вы́йду я на раку́
Да на бы́струю,
Да ля́гу на гары́,
Трыбу́х вы́стаўлю.
Прыду́ на гу́ліцу, ся́ду пры лучы́ні,
Выстана́ўлю рыгізу́ру[1] –
Угляда́йцеся, мужчы́ны!

На мху я́, на мху я́
Я́гады збіра́ла.
Там я со́бе, там я со́бе
Я́ся спадаба́ла.
«Дэ ты ідэ́ш, дэ ты ідэ́ш,
Дэнёчкі бяле́нькі?» –
«Іду па мя́со, іду па мя́со,
Я́сю молодзе́нькі».

Пры́дзі, пры́дзі, ра́да бу́ду,
Я з спадні́цы зраблю́ бу́ду.
А з хвартуха зраблю́ дзве́ры,
Каб хадзілі кавале́ры.
А з ху́стачкі – халадо́к,
Каб вадзілі на мядо́к.
На мядо́чку ўпіла́ся,
У халадо́чку вы́спалася.
Я ду́мала, што днеіць[2],
Ажно́ хварту́х угору ле́зіць[3].

А што гэ́то за сусе́дка была́!
Абяца́ла, да не ху́тко дала́.
Абяца́ла, да не ко́жнаму
Чалаве́ку падаро́жнаму.

Кача́ліся, валя́ліся,
Я́йцы ў халадо́чку.
Каці́ліся, валі́ліся
Дзе́ўкам пад саро́чку.
«Вы, дзяўча́та-небажа́та,
Пусці́це пагрэ́цца,
На дварэ́ мяце́ліца,
Няма́ дзе падзе́цца».

Тра́ўка, тра́ўка, мура́ўка
Да не дзя́целіна.
Харо́шая дзяўчы́начка
Да не ма́церына.
Тра́ўку, мура́ўку
Да целя́ткі яду́ць,
Харо́шую дзяўчы́начку
Да пад ру́чкі вяду́ць.

Ой, пае́хаў бе́лы хуй
На кабы́лі на лі́ху́й.
А кабы́ла – кля́чка,
На піздзе́ – баля́чка.
То ў капу́сту, то ў бацьвінё,
То ў ба́біна касмацінё[4].

«Мату́лінько, свярбіць мне». –
«Маўчы́, ку́рва. Так і мне». –
«А чорт цябе́ не бярэ́,
Табе́ і ба́цька надзярэ́». –
«Ты, ку́рво, дзяры́ па́льцамі,
Паку́ль пры́дзе з я́йцамі».

Ой, пайду́ я кала́ са́ду,
Каго́ найду́, то нася́ду.
Я нася́ду, се́чкі ўрэ́жу.
Яна́ крычы́ць, а я ле́зу.
Яна́ крычы́ць, драпо́чэцца,
А я ле́зу, бо хо́чэцца.

Ма́ці до́чку навуча́ла,
Каб до́брэ выпуча́ла.
«Ты, ма́тко, не вы́пучыш,
Бо ты ле́пей не вы́пучыш.
Я мала́я, як свярчо́к,
А вы́пучу, як гаршчо́к.
За піво, за гарэ́лку
Вы́пучыла, як барэ́лку».

---

[1] Метафора, не имеющая содержательного значения.
[2] Светает.
[3] Фартук поднимается.
[4] Косматый.

А дзед ба́бу гла́дзіў, гла́дзіў,
На ярма́рак выправа́дзіў.
А ён я́е ярмарку́е,
Кіем, кіем пабухту́е
Да пад хва́ртух ёй рыхту́е.

Матуле́ньку, Мазу́р е́дзе,
Мазу́р е́дзе, ры́бу вязе́.
Ры́бу вязе́, вязе́ ра́кі,
Бу́дзе бя́да ка́ля сра́кі[1].

Хто да каго́, хто да каго́,
А я – да Пара́скі.
Прытуля́ў, прыціска́ў
Ма́йткі да запа́скі.
О, Пара́ска мая́,
Ке́ды ла́ска твая́,
Няха́й мае́ ма́йткі бу́дуць,
Дзе запа́ска твая́[2].

Пашлі́ дзе́ўкі па траске́,
Знайшлі́ ху́я тры куске́.
А́дна ка́жэ: «Зье́шмо»,
А другая́: «Пара́жмо»,
А трэ́ця: «Не жу́ймо»,
Да па ра́зу ўсу́ньмо.

Жыд жыдо́ўку пад бачка́,
А жыдо́ўка драпачка́.
Жыдо́к ка́жэ: «Не ўме́ю».
Жыдо́вачка: «Я не сме́ю».
Жыд жыдо́ўку не ўзлюбіў,
Ярмо́лкаю ў сра́ку біў.

Ты́кі, ты́кі, не́мчыкі,
Ябалі́ся за́йчыкі.
Вы́ябалі Рама́на,
Пайшо́ў Раман да па́на:
«Што, па́не, рабіці?
Трэ́ба хуй жаніці».

Ішо́ў Маце́й-верацей
Да па цёмнай но́чы.
Ажно́ ля́! – сядзіць пізда́,
Вы́лупіўшы во́чы.
Я на я́е: «Гы́ля, гы́ля!»
Яна́ і прысе́ла.
Каб не меў хуй ў запа́сі,
Яна́ б мяне́ зье́ла.

Ой, зайгра́йце, музы́кі,
Мае́ цы́цкі вяліќі.
Мае́ цы́цкі трасу́цца,
З мяне́ хло́пцы смяю́цца.
Ні так хло́пцы, як дзяўча́ты,
Што мала́я ды пача́та.

А ў гаро́дзі – рэ́дзька,
На пло́ці – пятру́шка,
А дзед ба́бу ябе́ ззаду,
Ду́маў, што цялу́шка.

Ксёндз Мару́сі купіў бо́ты,
Яна́ яму́ дала́ бу́сі.
Арганісты за падшы́ццё
Бу́дзе ме́ці цэ́ло жы́цце[3].

Скака́ла і ту́пала,
У кішэ́ні шчу́пала.
Я ду́мала – чырванцы́,
Аж адно́ – два яйцы́.

Зязю́ленька кава́ла,
Ма́ці я́йца хава́ла.
Ой, ці куй, ці не куй.
Ма́тцы я́йцы, дзе́ўцы – хуй.
А дачу́шка нашла́
І ў карчму́ занясла́,
Бу́дзе за што выпіва́ць,
Бу́дзе за што пагуля́ць.

---

[1] Будет беда около сраки.
[2] Пускай мои штаны будут, где юбка твоя.
[3] Будет иметь целую жизнь.

Ці я та́бе ні каза́ла,
Ці ні гавары́ла.
Скіда́й по́рткі, я дам пёткі,
То бу́дзе Кіры́ла.

Ці я ні харо́ша?
Ці я ніпадо́бна?
По́ўна пізда́ мандаво́шак,
Як карто́пля дро́бна.

На вуліцы ні была́,
Ні ба́чыла Я́ся.
Хацёў Ясь паяба́ць,
А я ні дала́ся.

Пыта́лася ма́ці ў до́чы,
Ці дава́ла зя́цю ў но́чы.
«Табе́, ма́ці, не пыта́ці,
Як папро́сіць, трэ́ба да́ці».

Дзяўчы́ненька бо́са хо́дзіць,
На тшэвічкі не зaро́біць.
Не пажа́луй сваёй пі́чкі,
То заро́біш на тшэвічкі.

Ай жэж ты – мой дзе́дку,
А я – твая́ ба́бка.
Кармі мяне́, ябі мяне́,
Каб я бы́ла гла́дка.

Го́па, го́па, го́па па,
Чо́рна сра́ка ў папа́!
А ў папа́ддзі – бе́лая.
Поп за ёю бе́гае.

Скака́ла па бе́ламу,
Разадра́ла па цэ́ламу.
Кажу́ ма́ці рубля́ да́ці
Ту́ю дзіру залата́ці.
Ой, сшыва́лі крэўцы́, шэўцы́,
Папушча́лі до́ўгі канцы́,
Пасціга́лі, пасціга́лі,
Я́шчэ шы́рэй разадра́лі.

Гуля́й, гуля́й, мая́ міла,
Задрыжа́ла мая жы́ла.
Не так жы́ла, як суста́вы,
По́йдзем гуля́ць – пераста́нуць.

Да ў на́шае пападдзі
Тры кута́са на задзі.
До́бра з ёю гуля́ці,
За кута́сы дзіржа́ці.

Васіліха і Васіль
Сварыліся за кісе́ль.
Васіліха Васіля
За чэ́рава ўкусіла.

Напіла́ся гарэ́ліцы,
Усякага тру́нку.
А я хуй, ох, як хо́чу,
Да́йце парату́нку!

Дзеўчыне́нька маладая.
У каго́ ты ўдала́ся?
Не памы́ла бе́лых ру́чак,
Да і за хуй ўзяла́ся.
Ні памы́ла мізіна па́льца,
У пра́ву ру́ку – пяту́ху,
А ў ле́ву – я́йца.

Пашла́ дзе́ўка на рэ́чку па ра́кі,
Адарва́лі пізду́ саба́кі.
«Што ж я бу́ду, бе́дна, рабіць?
Чым я бу́ду хло́пцаў звадзіць?
Хаця́ ж я бу́ду з гліны ляпіці,
Такі ж бу́ду хло́пцаў звадзіці»[1].

Та́то з ма́маю
Скрыпя́ць ла́ваю.
Дзе́ці на за́печку:
«Памажы́, Бо́жа, та́тачку».

А дзед ба́бе са́нкі гну́ў,
Па чаты́ры кліны гна́ў.
«Пажджы́, ба́бка, яшчэ́ сла́бка,
Заб'ю пя́ты, бу́дзе гла́дка».

[1] Сводить.

«А мой жа ты ху́ю,
Дзе ты валачы́ўся?» –
«Ад мястэ́чка да мястэ́чка
З піндамі сварыўся.
Да з адно́ю біўся,
З друго́ю сварыўся.
У трэ́цяю па я́йцы ўтапіўся».

Су́ха вёсна была́,
Канапе́ль не было́.
Саро́чка па пуп,
Дай пяце́льку відно́.

Што-то ў ліха за курча́та,
Сыплю про́су, ні яду́ць.
Што-то ў ліха за дзіўча́та,
Што папрашу́, ні даюць.
Ото ж тыя ста́ры ку́ры,
Што пасыплю, то яду́ць,
Ото ж тыя маладзіцы,
Што папрашу́, то дадуць.

Прыказа́ла сястра́ бра́ту:
«Пагалі ты я́йца к свя́ту». –
«А я табе, Во́льга, зычу,
Падгалі ты са́бе пічу».

«Га́ндзю, Га́ндзю, дзе ты была?
Дзе тыгу́нь, лю́льку падзе́ла?» –
«Ой, схава́ла ме́ндзы но́гі,
Бо то тыгунь на́дта дро́гі».

Дай, дай, мая́ душа́,
Я ні пёс, ні ўкушу́.
Я ні пёс, ні саба́ка,
Ні ўку́шу тэ́го зна́ка.

Чырык, чырык, во́ўчы брат,
Вырваў пізды, да і шмат.
А дзе вырваў, там баліць,
А дзе ўсу́нуў, там свярбіць.

Цыпух, Цыпух, Цыпуле́нько,
Падняў хвартух, там чарне́нька.
Падняў вышай, там бяле́нька,
Маё сэ́рца весяле́нька.

Чырык, чырык на бало́ці[1],
Ста́рым ба́бам хуй у пло́ці.
Маладзіцам – жарабя́чы,
А дзяўча́там – то і саба́чы.

Рэж, ма́ці, капу́сціцу,
Стру́жы, ма́ці, буракі!
Вядзі до́чку на ву́лачку,
Няха́й ябу́ць дваракі.

Ябі, ябі жо́нку зра́на,
Бо пад ве́чар то й не ўста́не.

За папо́вым перала́зам
Ябало́ся тро́я ра́зам.
Там і поп, там і дзяк,
Трэ́ці – ксёндз небара́к.

По́лька шыла, по́лька пра́ла,
То нале́ва, то напра́ва.
Да́ла ма́ла, да́вай бо́лей.
Бо захо́чацца яшчэ́ го́рай.

Гуля́й, гуля́й, краса́віца,
Паку́ль хварту́х наста́віцца.
Краса́віца ні баіцца,
Хварту́х ду́бам станавіцца[2].
Як хварту́х ападзе́,
То і красата́ прападзе́.

Куда́ мяне́ павядзе́ш
Да ў камо́рку спа́ці?
Я ніко́лі не дава́ла,
Цяпе́р му́шу да́ці.

Хвалілася Кацярына,
Што ме́ла тры до́чкі:

[1] Болоте.
[2] Передник поднимается.

Адна́ го́ла, друга́ бо́са,
Трэ́ця — без саро́чкі.

Ой, там на расі́цы[1]
Прасі́ў за́яц у лісі́цы.
А лісі́ца не дава́ла,
То тым, то сім затыка́ла.

Чалаве́к, чалаве́к,
Чы не ба́чыў за́йца.
Сам сі́вы, хвост бя́лы,
Паджа́рыя я́йца.

Чо́рны бара́н, бе́лы я́йца,
Дурны́ дзе́ўкі, што бая́цца.
А хто яго́ ўсцеражэ́цца,
Калі ззаду дабярэ́цца.

Напіла́ся гарэ́ліцы,
Напіла́ся мёду
За ту́ю рагазу́лю,
Што ў мяне́ спяро́ду.

Дзяўчы́нанька чарнабро́ва
Пае́хала ў лес па дро́ва.
Пае́хала чо́рным бы́чкам,
Падвяза́ўшы пізду лы́чкам.
Зачапі́лася за пень,
Прастая́ла цэ́лы дзень.
Каб не тыя панічы́,
Прастая́ла б да начы́.

Вы́правіла мяне́ ма́ці
Да каро́вы мала́ка.
Не папа́ла пад каро́ву,
А папа́ла пад быка́.
А я кажу́: «Бы́цу, бы́цу!»
А ён ка́жа: «Пад спадні́цу!»
А я кажу́: «Буга́й, буга́й!»
А ён ка́жа: «Ляга́й, ляга́й!»

Сякі́ — такі́ ме́льнічак,
Сваёй душы́ ве́рнічак.
Ён ме́рачкі[2] не бярэ́,
На ко́ш но́жку задзярэ́[3].

Я скака́ла, драпаце́ла,
Паку́ль яба́ць захаце́ла.
Я ду́мала, што міне́цца,
Аж хварту́х уго́ру дме́цца.

Гарбу́з рэ́жуць,
Мо́ркву стру́жаць.
До́чку ябу́ць,
Ма́ці ту́жыць.

Ой, бес, ні Хвядо́ра,
Ба́чыў Ганьчык, што я го́ла.
Ест у мя́не та́ко зе́ло,
Што абра́сце[4] да вясе́ло.

Ой вы, хло́пцы, а я з ва́мі,
Сі́ва во́ўна між нага́мі.
Трэ́ба но́гі разгіра́чыць,
Ту́ю во́ўну пакудла́чыць.

Папо́вы до́чкі
Шы́лі чабато́чкі:
З хуявіны халявіны,
З манды́ перадо́чкі.

Ой, у ле́сі на гарэ́сі
Зязюля рagóча:
«Бада́й таго́ тра́сца трэ́сла,
Хто міне́ ня хо́ча».

За мі́сачку гарэ́хаў[5]
Хуй па піздзе́ прае́хаў.

[1] На росе.
[2] Мерки.
[3] Задерет.
[4] Обрастет.
[5] За мисочку орехов.

За місачку талакна́
Пізда́ ху́я валакла́.

А ў вальшы́нцы, беразінцы[1]
Кабы́лка хадзіла.
Дзяўчы́ненька маладая
У піздзі гніды біла.
У вальшы́нцы, беразінцы
Кабы́лка брыка́ла.
Малада́я дзяўчы́ненька
Ябаці дава́ла.

Та́то гаро́х малоціць,
Ма́ма падсява́е.
Та́то ма́му просіць,
Ма́ма не дава́е.

Ой, дуй да не дуй,
Чо́рна пізда, лысы хуй.

На ву́ліцы дзве ку́рыцы
І пяту́х чо́рны.
На Мары́сі два Хвалісі
І пасту́х дво́рны.

Габру́сь Юсты́ну
Прыпёр да ты́ну.
А Юсты́на прысяга́ла,
Што Габру́сю не дава́ла.
А Габру́сь пабажы́ўся,
Што ў Юсты́ны пажывіўся.

На пры́печку на краю
Як дава́ла, так даю.
Прызнаюся, хло́пцы, вам,
Як дава́ла, так і дам!

Бара́н, бара́н, бара́начку,
Чашы́ мяне́ штора́начку.
На ём во́ўна аве́чая,
Чашы́ мяне́ штове́чара.
Ой, і таго́ бара́на
Хо́чуць во́ўкі зьесці.

Ён міне́ начаса́ў,
Я не магу́ се́сці.

На капу́сце дро́бна лісце,
Памале́ньку, хло́пцы, ле́зьце!
Памале́ньку, раз за ра́зам,
Каб не зрабіць тро́е ра́зам.

Ахмістры́ня ў бу́бен бу́біць,
Пакаёўка ў хуй тру́біць.

На капу́сце — дро́бна лісце,
Я во́ліку напасу́.
Като́рая дро́бна ска́ча,
Та́я любіць каўбасу́.

Тут су́хо,
А тут гразь,
Тут ля́жа,
А тут дасць.

Чашы́, чашы́, яна ля́жа,
Яна́ та́бе пра́ўды ска́жа.
Яна́ ля́жа, як цялу́шка,
Без спадніцы, без фарту́шка.

Дзяўчыне́нька ты мая́,
Ні дала́ ты спакая́.
Ні дала́ ўно́чы спаць,
Цябе́ му́сіў калыха́ць.

І ты ні быў, і я ні быў,
А хто ж ёй дзіця́ зрабіў.
Я два ра́зы, ты два ра́за,
Юж па зе́мі дзе́цко лазі.

Гуля́й, гуля́й, мой каха́нку,
Сіва во́ўна на бара́нку.
Сіва во́ўна пакарчо́на.
Юж дзяўчы́на заручо́на.

Не ўважа́й, дзеўчыне́нько,
Хто я хло́пец ма́лы:

[1] В ольхе, березе.

Вару́шацца, вару́шацца
Я́йцы, як цымба́лы.

На вясе́ллі была́,
Не палу́днавала.
Памале́ньку скачу́,
Бо я ху́я хачу́.

Ой, з-пад ла́вы, з-пад кало́дкі
Пла́чуць дзе́ўкі, што каро́ткі.
Адна́ дру́гу развaжа́е,
Што за но́чку падаўжа́е.

На папо́вуй сенажа́ці
Прасілася паляжа́ці.
Як я е́хаў, то ляжа́ла,
Як я свіснуў, то ўста́ла.

Як стары́, так дурны́,
Зачэ́м не дзяржа́ўся?
Ссу́нуўся з трыбуха́,
У гнаю ўкача́ўся.

Ой, на ду́бі саланіна,
Ба́ба дзе́да асмаліла.
Асмаліла я́йца дзе́ду
Дый зрабіла сабе́ бе́ду.

Гуля́й, гуля́й па-на́шэму,
Не дава́йся каню́шэму.
А ў каню́шы чо́рны ву́шы,
Ро́біць дзіця́ ў капялю́шы.

У мяне́ цы́цы трасу́цца,
З мяне́ хло́пцы смяю́цца.
Не так хло́пцы, як дзяўча́та,
Што мала́я, а цыца́та.

Як я спа́ла з дварака́мі,
Затыка́ла бурака́мі.
Як двара́кі захаце́лі,
Так бура́кі паляце́лі.

Дзяўчыне́нько, не дам ве́ры,
Бо карто́плі не ўскіпе́лі.

Сы́ры дро́вы, го́ркі дым,
Ле́гла б спа́ці, няма́ з кім.

Гоп, гоп, з ду́ба на ляшчы́ну,
Ско́чыў п'я́ны на дзяўчы́ну.
А дзяўчы́на ду́рна бы́ла,
Што п'яно́га не пусціла.

Ой, я сваёй Зо́сі
Абяца́лэм цо́сі:
Дво́е ду́шак пад хварту́шак,
Няха́й здро́во но́сі.

Прасіў мяне́ Гарасім,
Каб я спаць ліглá і з ім.
А я спаць не ля́гу,
Бо згубіла сярмя́гу.

На гу́ліцы — тры ку́рыцы,
Да і пе́вень дво́рны;
На Ульля́ні — два ула́ны,
Да і пасту́х дво́рны.

Не ўважа́й, дзяўчыне́нько,
Што я абшарга́ўся.
А мой та́тко ябаў гла́дко,
Я ў яго́ ўда́ўся.

Два дзядэ́, два дзядэ́
Да на адну́ ба́бу,
А трэ́ці, мале́нькі,
Прычапіўся зза́ду.

Ба́ба дзе́да любіла,
Яму́ ра́ка купіла.
А дзед ра́ка не хаце́ў,
Узя́ў ба́бу пакаціў.

Ты — дзяўчы́на, а я — хлоп,
Ты пама́лу, а я ў скок.
А цож з таго́ скака́ння,
Як хварту́шак не ста́не.

Ба́ба кісе́ль вары́ла,
За пуп дзе́да вадзіла,

А дзед бабу — за цыцэль,
Вадзіліся сем нядзель.

Паехаў поп па сена,
На пападдзю трое ўссела.
Ані папу сена браць,
Ані пападдзі ратаваць.

А скуль ты, дзеванько,
З якой стараны.
Ябалі цябе хлопцы,
Як авечку бараны.

А я сваю красатую
Ды на векі закатую,
Палажыўшы на кажусі,
Зраблю дзірку ў канцы брусі.

Дылі, дылі на скрыпачку,
Сядзіць баба на прыпечку.
Баба дзеда — хвартухом,
А дзед бабу — петухом.

Чыкі-чыкі-чанчыкі,
Ябаліся зайчыкі.
Ой, у сенях на лаўцы,
На чорнай кітайцы.

Наш парабак вашай Зосі
Зрабіў дзіця на гаросі[1].
Ой, зрабіў да і з рукамі,
Каб ні звалі байструкамі.

За гарою, за дубом
Загарэўся піздзін дом.
Прыбег хуй з памялом
Загасіці піздзін дом.

Што ў міне за суседка была,
Абяцала да не хутко дала,
Абяцала да за грошы,
А дала з раскошы.

Люлі, люлі, калысенька,
А ў калысцы — лялька.
А хто, хто яе зрабіў —
Панічовы яйка.

Я казала зранку:
«Скінь сарочку, злажы дранку».
А ты ўмёр да ў маёй,
Трасца — мамі тваёй[2].

Ой, патушу свечку,
Каб не было відна.
З дзеўчынóю лягу спаць,
Каб не было ўстыдна.

Ой, на печы, на лучыні
Дзеўкі хуя валачылі.
Ой, думалі, што сланіна,
Ажно хуя палавіна.

Сярод лесу агонь гарыць,
Там дзяўчыні жывот баліць.
Няхай баліць, няхай знае,
Няхай хлопцам не давае.

Ой, на печы — торба маку,
Дзед на бабі сядзіць ракам.
Ой, на дварэ — торба дроў,
Дзед на бабу лезя зноў.

За гарою курта брэша,
Там дзяўчына пінду чэша.
За гарою курта выя,
Там дзяўчына пінду мыя.

Ой, іду і баюся,
Ці не выйдзе Маруся.
Ой, дала б такому,
Што ні скажа нікому.

Чы я не кавалер.
Маё міле панства[3].

---

[1] Горохе.
[2] А ты умер в моей, / Холера (малярия) — твоей матери.
[3] Мои милые господа.

А хуй – па калéні,
Залýпа – цыгáнска.

Дзяўчы́нэнька дрóбна скáча,
Учóра далá, сёння плáча.
Учóра далá на ганéчку[1],
Сёння плáча па вянéчку[2].

А Бóжа мой, як мне хцэ́сен!
Дáйце, дáйце, змілуйцéся!
Дáйце вóла ці карóву
Ці дзяўчы́ну чарнабрóву.

Цяпéр жа мянé, мая мáтко,
Жаўнéр ні пазнáе.
Трэ́ця вя́сна, як абрáсла
Да пýпа займáе[3].

А дзед бáбі каптýр купíў,
За каптýра сем раз лупíў.
«А здарóва каптýр насí,
За каптýра сем раз дасí».

Ой, ты піздá-чараўнíца,
Што ты хýю нарабíла?
Ён старáўся цэ́лу нóчку,
А ты ягó абмулíла.

Пад грýшкаю стаíць хуй з
пýжкаю
Да цялятка пасé.
А пад парóгам піздзюля з
рóгам
Да табáку трасé.

«А ей мáмко, Я́нко лéзе!» –
«Цíхо, дóньку, не зарэ́жа.
А што ўсáдзіць – то і вы́ме,
Пацалýе і абды́ме».

Ой, вы дзéўкі-небарáкі,
Не хадзíце ў гýркі.
Бо там гóлы пáсвіць вóлы,
Затрабýе дзюркі.

Пéйце, людзі, гарэ́ліцу,
А вы, гýсі, – вóду.
У мянé мандá авéчая,
Скубі штовéчара.

Дзед бáбу пярдóліў, пярдóліў,
А хто ж яму́ пазвóліў,
пазвóліў?
А то ж самá бáба ляглá, ляглá,
Угарý нóгі падняла́, падняла́.

Я не Тацья́на,
Я не Марýся,
Я не давáла,
Я не баю́ся.

Рэ́заў бáцько сéчку
Да ні па запéчку,
Ні сярпóм, ні касóю,
Да па піздзе каўбасóю.

У бáбачкі цымбáлачкі,
А ў дзéдачкі смык, смык.
Дзед на бáбу сáдзіць нóгу,
А бáбачка сік, сік.

Мая́ жóнка Евýся
Крóсна стáвіць на брýсі.
Ой, на пýпі крóсна ткáла,
А між ног чаўнóк пускáла.

На мху я́, на мху я́
Я́гады збірáла.
Ціху[4] я, ціху я
Пéсенькі спявáла.

Ой, тáтко, ой, тáтко,
Ой, не буду жы́ва.

---
[1] Пороге.
[2] Веночку.
[3] Третья весна, как обросла / До пупа заняла.
[4] Тихую.

Ой, кóле, ой, пóрэ
Дружчаткóва жы́ла.

Дзеўчы́ненька мáла,
Чэ́му ў це гóла?
Ці з мóладу, ці з гóладу,
Ці аблéзла з хóладу?

Ой, там за гарóю
Жураўлі пасу́цца;
А дзед бáбу лупіў ззáду,
Аж кýдлы трасýцца.

А ў нáшай пападдзі, пападдзі
Тры кутáсы на задзі, на задзі.
А той трэ́ці[1] з перадá –
Як у жы́да барадá.

Нідалéко да дня́,
Трэ́ба красáць агня́.
Тáта на матýсі
Выкрасáці мýсі.

Дзед на бáбу кладзé нóгу,
Бáба кáжа: «Хвáла Бóгу!»
Дзед на бáбі скры́паў, скры́паў,
Аж і з бáбы кіндзюк вы́паў.

У Хадарóўцы на гýліцы
Éхаў пéвень на кýрыцы.
«А на якóй?» – «На рабóй,
То то[2] пéўно на маёй».

То ў прысядкі, то ў далóні
Пашлá мýха па камóры;
Там дзяўчы́на ў пéчы пáліць,
А дзяцюк ёй пізду смáліць.

А ў Лявóна каптáн з палашáмі,
У Лявóніхі піздá з валасáмі.
А ў Лявóна гýзікі абарвýць,
А Лявоніху салдáты аддзярýць.

Ай, дýрню, які ты кеп,
Пад хвартýшкам чóрны склеп.

А ты тагó не знáеш,
Калé пýпа шукáеш.

Тáтко мáтку валачэ́.
Трымáй, тáтку, уцячэ́!
Тáтко мáтку ры́пае,
Аж ложэ́нько скры́пае.

На капýсце дрóбна лісце.
Вох, памáлу, хлóпцы, лéзце!
Не трасíся, не вярцíся,
Каб не змóгся ябучы́ся.

Ажаніўся гóлы, бóсы,
У дзяўчы́ны чагóсь прóсі.
А дзяўчы́на не ўважáла,
Паднялáся, паказáла.

Цéраз рэ́чку мастачóк,
Нямá ў піздзé кастачóк.
І німá, і ні бýдзе,
А хто ж мяне любіць бýдзе?

Даліна, даліна.
На даліне – брóвар.
Выставілі дзéўкі пізды:
«Нáце, хлóпцы, тóвар».
А дзед бáбу паваліўшы,
Па тылóчку плéшчэ.
«А мой жэж ты мілы дзéдку,
Хоць з пярэ́дку éшчэ».

А ў гарóдзі баркýн рóдзіць,
Да дзяўчы́ны сікýн хóдзіць.
Ой, не радзі, баркунíшчэ,
Ой, не хадзі, сікунíшчэ!

Ашалéла бандарóўна,
Да за юду пóшла,
А ў юды чóрны мýды,
Па калéні мóшна.

Ой, бéдна я сірóтэнька,
Покінéла мянé мáтэнька!

---

[1] Третий.
[2] Видимо.

Ні пяры́ны, ні кажу́шка,
Тыло дзу́ндзя[1] як паду́шка.

Хо́дзіць хло́пец кале́ пло́ту,
Лю́лечку курыу́шы;
І угле́дзеў дзяу́чыне́ньку,
Вяле́ў паваліці.

Лю́ляй, лю́ляй, лю́ляй,
У калы́сцы[2] — ля́лька.
А хто я́е вымаля́ваў?[3]
Пано́ва я́йка![4]

Ой, ду, ду, ду, ду,
А з кім жэ я буду́?
А му́сіць, з тым краўцо́м,
Да што з адны́м яйцо́м.

За гаро́ю ку́рта брэ́ша,
Там дзяу́чы́на пізду чэ́ша.
Начаса́ла валасо́ў
Да натка́ла паясо́ў!

Бандару́, бандару́,
Набі́й жа мне бо́чку!
А я та́бе заплачу́,
Падня́ўшы саро́чку.

Уцяка́йце ўшы́сткі з дрогі.
Е́дзе ды́шаль памі́ж но́гі.
Е́дзе ды́шаль і каля́ска —
Па́ру я́ек і кілба́ска.

Пашо́ў дзед па грыбы́,
Ба́ба — па апе́нькі.
І зышлі́ся, паяблі́ся,
Або́е радзе́нькі.

Пад бара́кам, пад хвайня́кам,
Там стая́ла дзе́ўка ра́кам.
Хло́пец ду́маў, што саба́ка,
Анно́ пізда да і сра́ка.

Бада́й та́го[5] Я́ся
Мяце́ліца замялá!
Ён не спіць, не ляжы́ць,
Усё за цы́цкі дзяржы́ць.

Ой, дзед гнед, ба́ба ры́жа,
Дзе́ду ба́ба ду́пу ліжа.

Як я е́хаў да дзяу́чы́ны,
Узя́лі мяне́ мы́слі;
Конь прыста́ў, хуй уста́ў
Дый я́йкі абвіслі.

Наш та́тачка рэ́заў се́чку,
Рэ́заў се́чку на запе́чку.
То сярпо́м, то касо́ю,
То па піндзі каўбасо́ю.

Ой, лес, лес да яліна,
У лесі хмель да ўе́цца;[6]
Гаспады́ні дома німа,
Гаспады́ня ябе́цца.

Чы я та́бе ні каза́ла,
Мой ты Андрэю́шко:
На пячэ́ гарачэ́,
На пры́печку ву́зко.

А кашу́лі ні пашы́е,
А кара́ляў по́ўна шы́я;
А зару́бчыка ні зару́біць[7],
Ча́рэз дзірку хло́пцы лю́біць.

[1] Это метафора.
[2] Колыбели.
[3] Нарисовал.
[4] Яйцо пана.
[5] Чтоб того.
[6] Вьется.
[7] Рубашки не сошьешь, / А бус полна шея; / И рубца не зарубит.

Чэ́раз рэ́чку ка́чке гна́ла,
Высоко́ се подкаса́ла.
Казако́ві бры́дко, усты́дно,
Што ў дзе́ўкі цэ́лка ві́дна.

Там за старо́ю або́раю
Стаіць ба́ба каро́ваю.
А за но́ваю адры́наю
Стаіць баба кабы́лаю.

Не ўважа́й, дзяўчыне́нько,
Што я абгалі́ўся.
Злажы́ў я́йца на цяле́жку,
А хуй залупі́ўсё.

А я я́го — за часны́к,
А ён міне́ — за касні́к;
А я я́го — за цыбу́лю,
А ён міне́ — за цыцу́лю.

Ра́да ба́ба, ра́да я,
Што злавіла гараб'я́.
Усадзі́ла памі́ж ног,
Там дзяржа́ла, паку́ль здох.

Ой, там, там за бара́кам,
Там стая́ла ба́ба ра́кам.
То не ба́ба, то бяда́ —
У канцы́ сра́кі барада́.

Я да до́му завяду́,
На крава́ці палажу́;
На крава́ці палажу́,
Ру́кі, но́гі разлажу́.

Грай, музы́ка,
Як ты звык!
Ой, папы́еш
З ху́я смык.

Гу́паў, гу́паў та́то ма́му
Ка́ля пу́па ў чо́рну яму.
А за то́е пагомпа́нё
Па́ру я́ек на сняда́нё.

Я на гу́ліцы была́
Да ўгле́дзела Я́ся.
Хаце́ў Ясь паяба́ць,
А я не дала́ся.

Ой, галя́[1], галя́,
Паве́сілі каваля́.
На драбі́нцы нясу́ць,
Яго́ я́йцы трасу́ць.

Ой, на гары́ — млын, млын,
На далі́ні — бро́вар.
Падня́ла Ка́ся спадні́цу,
Паказа́ла то́вар.

Ішо́ў я да млі́на,
А ў млі́не — наві́на.
Там пшані́ца пылюе́цца,
Хто любе́цца, то ябе́ца.

Не ве́дала пападдзя́,
Як інды́кі зва́ці.
«Кур, кур, кур, наста́ў хуй,
Ой, дам паяба́ці».

Ой, каб ты мне, як я табе́,
За́раз быў бы я на табе́.
Як я да це, то ты кры́чыш,
Мусіць, ты мне лі́хо зы́чыш.

А дзед ба́бу сты́ча[2],
А ба́ба мармы́ча:
«Пасто́й, дзе́дку, ні штычы́,
Ляжы́ць хуй на пячы́».

Стары́, стары́ стару́шачку
Вары́ў пізду́ ў гарну́шачку.

Дзеўчы́нанька малада́,
До́ўга ў цябе барада́.
А я хло́пец малады́,
Ні баюся барады́.

---

[1] Слова не имеют значения, задают рифму.
[2] Тычет.

Як мне свя́рбі, як мне бо́лі,
Як цыру́лік пі́нду го́лі.
Е́дзін го́ліць, дру́гі — смо́ліць, —
Трэ́йці ззаду, ай, пярдо́ліць.

Дзеу́чыне́нька дро́бна ска́ча,
Учо́ра да́ла, сёні пла́ча.
Учо́ра да́ла за цыбу́лю,
Сёні пла́ча, што не сту́лю.

Чы ты спіш, чы лежы́ш,
Чы якое ліхо?
Я чэшу́ся, варушу́ся,
А ты ля́жыш ціхо.

Як была́ я малада́я,
То я бы́ла рэ́зва;
Паста́віўшы кало́дачку
Дай на хло́пцы ле́зла.

Песни танцевальные циничные

Замкні акно́, замкні джві,
Няха́й бу́дзе це́мно.
Положы́вшы на ло́жэчко[1]
Змілу́йсе надэ́мно[2].

Там была́, там была́,
Дзе валы́ пасу́цца.
Так дала́, так дала́,
Аж трасу́цца.

Я сваёй Зо́сі
Абяца́ў цо́сі.
У то́рбу ху́я запаку́ю,
Няха́й здро́ва но́сі.

Сідар я́йца прадае́,
Сідары́ха ні дае́.
Сідар ка́жа: «Прада́м, прада́м!»
Сідары́ха: «Не да́м, не да́м!»

Ні ў ле́сі, ні ў саду́,
Нідзе́ ме́сца не знайду́.
Як у ле́се, так у саду́,
Як уле́зу, так усаджу́.

А што гэ́то за заво́д завяла́?
По́ўну ха́ту бугаёў навяла́.
Бугайкі нідаро́стачкі
Палама́лі пі́здзе ко́стачкі.

Чы́кі, чы́кі, барана́,
Зарэ́залі за́йца.
Ся́му-та́му па кава́лку,
А дзяўча́там — я́йца.

Сядзіць ба́ба на пры́печку,
Есць свірэ́пу[3] з малако́м.
Дзед на ба́бу зажуры́ўся
Да па пі́здзе кулако́м.

Пані́чу, пані́чу,
Хадзі, табе́ пазы́чу.
Ні пазы́чу, ні прада́м,
Пры́дзе пара́, сама́ дам.

Ой, жыщё маё міло,
У до́ме ніпара́дкі;
Хло́пцы жо́нку ябу́ць,
А мне ніда́ста́ткі.

Ой, учо́ра галу́шкі
І сёння галу́шкі.
Прыдзі, прыдзі, мой міле́нькі,
На бе́лыя но́жкі.
Учо́ра гаро́х,
І сёння гаро́х.
Прыдзі, прыдзі, мой міле́нькі,
Пагаво́рым удво́х.
Учо́ра куцця́,

[1] Ложе.
[2] Надо мной.
[3] Суре́пку.

Сяго́ння куцця.
Прыдзі, прыдзі, мой міле́нькі,
То зро́біш дзіця́.

«Як дай, як дай
Шмандо́хі тро́хі!» —
«Ні дам, ні дам,
Аб'е́лі бло́хі». —
«Як дай, так дай,
Хоць паглядзе́ці!» —
«Ні дам, ні дам,
Смяюцца дзе́ці».

Сядзіць хуй на дубу́,
Узя́ў сабе́ булаву́.
Сюды мах, ту́ды мах
Дай піздзі па зуба́х.
Пізда́ лу́пы наду́ла,
Да старосты паду́ла.
Пан старо́сту не злюбіў
Да на ху́й насадзіў.

Чу́хай, чу́хай, я́на ляжа,
Я́на та́бе пра́ўду ска́жа.
Я́на ля́жа, як цялу́шка,
Без спадні́цы, без хварту́шка.

Тро́мба ба́ба, тро́мба дзед.
Ля́гла ба́ба, лёг і дзед.
Дзед на ба́бу задра́ў но́гу.
Баба ка́жа: «Хвала Богу».

То за са́ло, то за кру́пы,
Там б'е шво́ран ка́ле ду́пы.

Хо́дзіць бу́сел па бало́ці,
Рабо́ты ні ма́е:
Траву́ смы́ча,
Ху́ем ты́ча
Да ўсё папіха́е.

Чы ты чу́ла, чы ні чу́ла,
Як я ціб́е клі́каў?
Як я та́бе між ы но́гі
Кукуру́зу ўты́каў?

«Во, чыя́ ты до́чэнька?» —
«Папо́ва.
У вагаро́дзе мо́ркаўку пало́ла.
Во, пало́ла мо́ркаўку,
пастарна́к,
Застраміла ў піздзянку да
страмя́к».

«Ба́дай цябе пёрун свіснуў,
Як ты мя́не, ох, прысціснуў»[1]. —
«Дай, дай, ку́май бу́дзеш,
А не дасі, ку́рвай бу́дзеш».

Кача́ліся, валя́ліся
Я́йца ў клубо́чку;
Каці́ліся, валі́ліся
Дзе́ўкам пад саро́чку.

А я та́го не злічу́,
Што дава́ла панічу́.
Сем раз лажы́лася,
Каму́ дала́, забы́лася.
Каму́ раз, каму́ два,
Каму́ трэ́йчы дала́.

Дзяўчы́нанько дро́бна ска́ча.
Учо́ра да́ла, а дзісь пла́ча.
Учо́ра да́ла з до́брай во́лі,
А дзісь пла́ча па няво́лі.

Го́чы[2] мае́, го́чы,
Ні даспа́лі но́чы.
Ні даспа́лі но́чы
Да са́май паўно́чы.
Стаў я засыпа́ці,
Го́ра[3] забыва́ці.
Прышла́ ж ка мне ра́дасць,
Ра́дасць мая ра́дасць.
Ра́дасць нібальша́я,
Ка́сенька міла́я,

[1] Чтоб тебя гром ударил, / Как ты меня прижал.
[2] Очи.
[3] Го́ре.

Ка́сенька міла́я,
Дзяўчы́на люба́я.
Хапіў за ручэ́ньку,
Павёў у светлічэ́ньку,
Пасадзіў на ла́ўку,
Наліў віна́ ча́рку.
А сам вы́піў ча́рку,
Стаў ёй паднасіць,
Міласці прасіць.
Яна́ ні прыма́е,
Наза́д адсыла́е:
«Ой, захаце́ла хме́лю,
Вядзі на пасце́лю».
Палажы́ў на ло́жку
Да закінуў но́жку.
Пашлі разгаво́ры,
Падня́ўшы падо́лы.
Ён дагада́ўся,
За цы́цкі хапа́ўся,
За цы́цкі рукою,
За хварту́х друго́ю.

Ішлі дзе́ўкі па зарэ́чу,
Знайшлі хуя́ чалаве́чу!
Адна́ ка́жэ: «Цо то, цо то?»
Дру́га ка́жэ: «Зло́то, зло́то».
Трэ́йця ка́жэ: «Кава́ль кія»,
Чва́рта ка́жэ: «Гэ́нся шы́я»[1].
Пе́нта ка́жэ: «Ку́ся, ку́ся[1],
Бо відзя́лам у тату́ся».
Шо́ста ка́жэ: «Я́йца, я́йца,
Бо відзя́лам в све́го а́йца».
Сё́дма ка́жэ: «Рэ́жмо!»
О́сьма ка́жэ: «Е́жмо!»
А дзевя́та: «На́дто тлу́сты,
То схава́ймо до капу́сты!» [168]

Из собрания Е.Р. Романова

«Мару́сенька-се́рденько, люблю тябе́ ве́рненько,
Переночу́й со мно́ю». —
«Я ж не бу́ду ночева́ти, прие́де пан, бу́дя зна́ти». —
«Мару́сенька-се́рденько, да мы ж поста́вим сторожей,
На чаты́ри стороны́ па чаты́ри москали́».
Моска́лики уснули. Прие́хав пан — не чу́ли.
«Мару́сенька-се́рденько, а што у тебе́ у пери́ни?» —
«Ходи́в ста́рый, убо́гий, ен безру́кий, безно́гий.
На сени́чках рачи́вся, ен во ха́ти вали́вся,
У пери́ну скати́вся.
На́до б ему́ рубля́ дать да с пери́ны отправля́ть».
На ко́ничка сади́вся, Мару́сенькой хвали́вся,
Што у Мару́си ночева́в, рубля́ гро́ший з яе́ узя́в. [169]

Сыйди́, сыйди́, доли́нушка, с круты́ми гора́ми,
Вы́йди, де́вочка, за воро́ты, с чо́рными брова́ми.
Бро́ви мае́ чарня́выя, го́рачка мне з ва́ми.
Вы́сушили вы, мое́ бро́вы, холосто́го па́рня.
Холосты́й па́ринь — бурла́к, го́ркий разбия́ка,

---

[1] Шея гуся.
[2] Укусим.

По у́лицы по́зна хо́дя, де́вок с ума́ зво́дя.
Изве́в де́вочку, изве́в кра́сную ду́рно, понапра́сному.
Сты́дно-бры́дко кра́сный де́вицы за воро́та вы́йти.
Вы́шла де́вочка, вы́шла кра́сная, ста́ла, як сиро́тка.
А хто иде́, сироту́ мина́е, той до́ли не ма́е.
Потеря́в жа солове́йка го́лос че́рез я́чный ко́лос,
Че́рез сво́е ра́ньне вылета́ньне, че́рез шчабята́ньне.
Потеря́ла кра́сна де́вочка до́лю чераз сво́ю во́лю,
Чераз то́е че́раз погуля́ньне, че́раз жаниха́ньне,
Чераз то́е че́раз жаниха́ньне, че́раз ночева́ньня.

А ю по́ли[1] три доро́жки ро́зно.
Ходи́в каза́к до девчо́нки по́зно.
З ве́чар, з ве́чар ма́ти до́ньку би́ла:
«А иде́, до́нька, коле́чко згуби́ла?» –
«Край Дуна́ю, ма́ти, поло́тна бели́ла,
Там я и коле́чко згуби́ла». –
«На́до, до́нько, люде́й собира́ти, коле́чко шука́ти». –
«Нашто́ ж, ма́ти, люде́й собира́ти?
На́до, на́до усю́ пра́вду сказа́ти.
Ишла́ ж я га́ем, га́ем зелене́ньким,
Сустре́в мене́ каза́к молоде́ньки́й.
Зня́в з руки́ кольцо́ золото́е.
С ким я зна́юсь, с тым я повенча́юсь.
Повенча́вшись, по́йдем до шинка́рки.
Шинка́рочка руба́шку ши́ла,
Яе́ до́нька горе́лку приноси́ла». [170]

Хвали́лася Ро́жа своéю дочко́ю:
Нихто́ до́чки ня во́зьмецъ
Без скры́пок, без цимба́л, без вяли́ких боя́р,
Без мяду́, без вина́, без го́рькой горе́лки.

Зачу́в ба Кузёмка у поро́зи сто́я:
«Не хвали́ся, Ро́жа, я твою́ дочку́ возьму́
Без скры́пок, без цимба́л, без вяли́ких боя́р,
Без мяду́, без вина́, без го́рькой горе́лки».
У нядзе́льку ра́но вы́йшли дзе́вки на ву́лку,
поста́ли в кружо́чак,

Не вяду́ць тано́чак бяз Ро́жинай до́чки.
«Дзе́вочки-сястри́цы, бу́дзем Кузёмку проси́ць
По Ро́жину до́чку сходзи́ць»:

---
[1] В поле.

“Кузёмочка-бра́цец, сходзи́ по Ро́жину до́чку”».
«Дзе́вочки-сястри́цы, прибяри́ця мяне́ у дзяво́цкае пла́цце.
У жано́цкий похо́д, у дзяво́цкия гово́рки[1]».

Прибра́ли Кузёмку у дзяво́цкае пла́цце.
У жано́цкий похо́д, у дзяво́цкия гово́рки.
Пошо́в жа Кузёмка по Ро́жину до́чку.

«Ро́жухна, ма́тухна, пусьци́ до́чку на ву́лку». –
«Дзе́вочка-сястри́ца, бою́ся Кузёмки». –
«Ро́жухна-ма́тухна, Кузьмы́ до́ма не́ту:
Пошо́в жа Кузе́мка зе́млю паха́ци, росу́ выпуска́ци!» –

«Ро́жухна-до́чухна, ня йдзи́ з Кузьмо́м у та́нец,
Ро́жухна-до́чухна, Кузьма цябе́ зма́ниць.
Што ж то за това́риш: за ру́чку циска́ець,
Што ж то за това́риш: на но́жку ступа́иць».

В пынядзе́лок ра́но а бъець Кузьма чало́м за Ро́жиным стало́м:
«Я ж твою́ до́чку змани́в
Без скры́пок, без цимба́л, без вяли́ких боя́р,
Без мяду́, без вина́, без го́рькой горе́лки». [171]

Ой, дя́дечка Я́ков поста́вив мяне́ ра́ком.
Поста́вив у куто́чку, залупи́в соро́чку,
Уда́рив мяне́ кулако́м,
Каб не быв я дурако́м. [172]

Як за ле́сом, за буйра́ком
Там стоя́ла ба́ба ра́ком.
А ду́рный ду́мав, што – капли́ца,
Ды й дава́й туды́ моли́тца. [173]

Пошла́ ба́ба под осе́ть,
Де́ду блино́в принесе́ть.
А дед блино́в не хо́ча,
Ко́ло ба́бы раго́ча. [174]

Я на га́нку стою́, слёзы ко́цютца:
Лю́дзи за́муж иду́ць, и мне хо́читца.
Лю́дзи за́муж иду́ць ды на во́йлычку,
Кому́ даць расчеса́ць чо́рну во́внычку. [175]

[1] Говор.

Из собрания П.В. Шейна

Чи́раз ре́чку, чи́раз стаў
Ходзи́ў ко мне Станисла́ў.
И я к яму́ ходзи́ла
И спадни́чку згуби́ла. [176]

Ох, ма́ци, коча́н,
До души́, ма́ци, коча́н.

Я кача́на на ляху́
Кача́н – мя́не за ногу́.
Я ў клець – по муку́,
Кача́н – мя́не за руку́.
Я кача́на полива́ць,
Кача́н мя́не цалава́ць[1]. [177]

Там на пе́чи под кожу́хом
Зробиў дзиця́ з одны́м ву́хом.
Ли́хо табе́ не догодзи́ў,
Чаму́ дзиця́ не доробиў. [178]

Хоць ты мене́ на меже́ положи́,
То́льки мойму́ мужику́ не кажи́. [179]

А ма́мычка, ма́мычка!
Лю́биць мяне́ Я́ньгчка.
У яго́ ко́ни сивы́и,
А шта́ники си́нии.
А ша́пычка з казырко́м,
Кошу́лька з кыўнярько́м.
Пусьци́ ко́ней у дали́ну,
Ходзи́ ко мне ў пяри́ну.
Пусьци́ ко́ни ны лужо́к,
Ходзи́ ко мне ў пылажо́к. [180]

Из-под га́ю каза́к бежы́ць,
А ў дзеўчы́ны хварту́х дрыжы́ць.
«Ты ня бо́йся, дзяўчы́на,
Я хоро́шы молодчы́на».

Кацяри́на ра́на ўста́ла,
У сусе́да попыта́ла:

---

[1] Остальные строки этой песни нескромного содержания. (*Примеч. собирателя.*) При подготовке настоящего издания архив П.В. Шейна был недоступен.

«Ци ня ви́дзиў, ци ня ба́чиў,
Хто мой хва́ртух ускудла́чиў?» [181]

Каб ты ве́даў, каб ты знаў,
Хто со мно́ю ночова́ў,
Ах, люби́ў мене́ попо́ў сын,
Дарова́ў мне ко́ней сем.
Дурна́ была́, не бра́ла –
Шасьцёркаю ката́ла б.
Ах ты, изво́щик, па́рень молодо́й,
Вядзи́ ло́шадзи на пой.
Дзе кри́ничная вода́,
Там дзяў́чи́на молода́. [182]

Аўсе́юшка, солове́юшка,
А поки́нь со́шку,
Поце́ш тро́шку.
А поки́нь борону́,
Поце́ш молоду́. [183]

Бога́тая, прокля́тая,
Да шчо к то́му пы́шна.
Сусе́дочка, лябе́дочка,
Як у са́дзя[1] ви́шня
За воро́та вы́шла.
Я б нацалова́ўся,
Я б намилова́ўся,
Як у са́дзя солове́й
Ви́шань наклява́ўся. [184]

Я ў Тацця́ны ночова́ў,
Я ў Тацця́ны ўпи́ўся.
Я Тацця́не ру́бля да́ў,
Ша́почку забы́ўся. [185]

Дзяўчи́ночка ми́ла-лю́ба,
Соба́ччая тво́я гу́ба.
Набраха́ла на мяне́,
Што я б на табе́.
Ня кажы́ ты на мяне́,
Скажы́ на Дани́лу,
А я та́бе заплачу́ си́вую кабы́лу.

[1] В саду.

Чатыры нядзе́льки,
Дау́но бы́у у дзе́уки, а пя́тая настае́ –
Дзе́ука сы́на продае́.

Ме́льник, ме́льник,
Вядзи́ мяне́ у́ е́льник,
Накры́й мяне́ е́лкаю,
Каб я была́ дзе́укою.

А ма́мочка, ме́льник
Повёу миня́ у́ е́льник,
А и стау ён ворожи́ць,
Куды́ мене́ положи́ць.
А но́жками к доро́жца,
Голо́укою к бяро́зца. [186]

«А ела ж я ма́слячка, бе́лы сыр,
Люби́у мяне, ма́мочка, су́кин сын». –
«Было ж табе́, до́нечка, уцика́ць,
Праз но́ва аке́начка у́мыка́ць». –
«А чорт яго́, ма́мочка, уцяче́,
Што су́кин сын за ко́сачку волоче́». [187]

Ой, Ци́ханка, Ци́ханка,
Пома́леньку, ци́хонька.
Пома́леньку, пово́ли,
Наце́шисся дово́лей[1]. [188]

Кацяры́на, Ка́цька
Ня слу́хала ба́цька.
Пошла́ у́ доли́ну
И родзи́ла Кули́ну.

Ця́раз ре́чку, ця́раз гай
Любиу мя́не Микола́й.
И я ж яго́ люби́ла,
К яму́ на ночь ходзи́ла. [189]

У на́шага сусе́да
Заводзи́лася бясе́да;
Собира́лися робя́ты
Молоды́я, нежана́ты.

---

[1] Ой, Тихон, Тихон, / Помаленьку, тихонько. / Помаленьку, потиху, / Натешишься вволю.

Но́вы се́ня поломи́ли,
Кра́сну дзе́ўку подмани́ли.
«Ой ты, дзе́ўка, ты кра́сная,
Ци пое́дзеш ты жа з на́ми,
З холосты́ми козака́ми?»
Е́дзя по́ля, друго́я,
На трэ́ця узяжджа́е[1].
Пла́ча, пла́ча оцец, ма́ци
По ро́дному дзицяци:
«Дзиця́ на́ша подмоўлёна,
На Украйну завязёна.
Каб у ле́ся заблудзи́ла,
Усе́ б лясы́ посушы́ла.
Каб у лу́зя[2] затону́ла.
Усе́ б лу́зя затопи́ла.
Каб у огню́ згорэ́ла.
Пошли́ б дымы́ си́нянькия». [190]

Ах, нивó́дзин друг так ня мил,
Як мил мой дружо́чек.
Сядзи́ць сабе́ за сто́ликам,
Як сиз галубо́чек.
Яго́ ша́пачка з бобра́ми,
Голо́ўка кудра́ва.
Проси́лася до́нька ў ма́ци
На ву́лку гуля́ци:
«Пусьци́, пусьци́, мату́лечка,
Хоця́ на часи́нку».
Ма́тка до́ньку выпраўля́ла,
Да й усё навуча́ла:
«Каб ты, до́нька, з бурлака́ми
Да й не постоя́ла».
До́нька ма́ци не слу́хала,
Дай заночева́ла.
У бурла́ка на коле́нях
Се́ла, задрема́ла.
Кото́рые пере́дни
Заклада́йця ко́ни!
Очхну́лася дзяўчи́ночка
Аж у ро́ўным по́ли.

---

[1] Въезжает.
[2] На лугу.

«Пусьци́, пусьци́, бурлачи́ще
(Каб з табо́й не зна́цца)
К ойцу́, ма́тцы попроща́цца». –
«Ах, не пущу́, дзяўчи́нка,
Бы́ла не коха́цьца[1].
Табе́ со мно́ю
Пове́к не разста́цца». [191]

А на мо́ре дзяўчи́на бель бяли́ла.
Як пришло́ до дзяўчи́ны два моло́йцы:
«А Бог по́мочь, дзяўчи́на, бель бяли́ци.
Ходзи́ з на́ми у корчо́мочку мядо́к пи́ци».
Упои́ли дзяўчи́ну на мядо́чку,
Положи́ли спа́таньки ў чоўно́чку.
Як узя́ли моло́йцы по шосто́чку,
Сколыхну́ли чоўно́чак з бяражо́чку.
Ай, очхну́лася дзяўчи́на си́рад мо́ра, –
Увозна́ла дзяўчи́на, што ей го́ра.
«А ни тату́лька мяне́ сюды́ оддава́ў,
А ни маму́нька скры́ню наклада́ла,
Ни бра́цитки ко́ски расплита́ли,
Ни сястры́цы ўплёты отбира́ли.
Вы́дав мяне́ сюды́ ясён ме́сяц,
Наклада́ла жа мне скры́ночку цёмна но́чка,
Расплята́ли ко́сочки буйныя ве́тры,
Отби́рали уплёты дро́бныя зорки». [192]

«Чаму у цябе́, дзе́ўка,
Пу́за надуло́ся?» –
«Коло рэ́чки ходзи́ла,
Воды́ напила́ся». [193]

А на горе́ мак поваля́ўся,
До мяне́ ше́ўчук уда́ўся –
Таки́, сяки́ невяли́чачки:
«Пошíй же мне чаравiчачкi». –
«Як жа мне табе́, дзе́вачка, унарави́ць,
Отку́ль табе́ загоро́чки[2] станови́ць?
Ци из за́ду, ци из пярадо́чку?» –
«Прикаци́ся к майму́ живото́чку». [194]

---

[1] Было не любиться.
[2] Абцасы [каблуки]. (*Примеч. собирателя.*)

Дзяўчи́нонька по грибы́ ходзи́ла,
В зелянéньком гáи заблудзи́ла.
Приблудзи́ла к зелéному дýбу:
«Тут я, молодá, ночовáци бýду,
Ты, казáче, ты, вели́ки гультáю,
Вы́видзь минé з зялёного гáю». —
«Цяпéр, кали́ даси́ся на ци́ху розмóву,
Повы́вяду з гáю на дорóгу». —
«Хоць я бýду всю нóчку блудзи́ци,
Таки не дáмся казáку люби́ци». —
«Вой дам таби́ две кватэ́рки мёду,
Таки́ звядý дзяўчи́няньку млóду.
Вой дам таби́ два кручкá горэ́лки,
Таки́ звядý пасци́вую дзéўку». —
«Ой, давáй да[1] не давáй мёду и горэ́лки,
Таки́ не звядзéш мянé, пасци́вае дзéўки»[2]. [195]

Вой на нéбе цёмна хмáра рóзна,
Хóдзиць казáк до дзяўчи́ны пóзно.
«Ты, казáче, не ходзи́ до минé,
Каб ни былá мне слáва праз цибé».
Гляджý я в окóнцо на ры́нок:
Я дýмала, што мéсяц схóдзиць,
Ажнó мой ми́лый по ры́ночку хóдзиць.
За собóю свойгó си́ваго коня́ вóдзиць.
Свойгó пáна хорошéнько прóсиць:
“Пусьци́, пусьци́, пáне, з гэ́туль додóму!
Зчарнéў[3], змарнéў си́вы кóник подо мнóю”. —
“Велю́ твойгó коня́ да до стáяньки заковáци,
Да цебé, шéльму, да в жалéзо заковáци”. —
“Ни куй минé, пáни, при цёмнянькой,
Да скýй минé, пáни, при шинкáрчиной хáци.
У шинкáрки — мёд, винó, горэ́лка,
Да в шинкáрки да хорóша дзéўка”».
Шинкáрочка свою́ дóню би́ла:
«Дзе ты, дóню, свой вянóк згуби́ла?» —
«Я ходзи́ла до броду по вóду,
Да пусьци́ла свой вянóчок в вóду». —
«Трéба, дóню, людзéй собирáци,

---

[1] Или.
[2] А не сведешь меня, честную девушку.
[3] Почернел.

Трéба, дóню, твой вянóчак поймáци». —
«Я ни бýду людзéй собирáци,
Бýду-бýду да всю прáўду казáци:
Вой, шла я цéраз гай зелянéньки,
Да сустрéў минé да казáк молодзéньки,
Сорвáў з минé вянóчак руцьвянéньки,
Кúнуў да в Дунáй быстрéньки:
"Плывú, плывú ты, вянóчак, з водóю,
Мандрýй, мандрýй ты, дзяўчúна, за мнóю". —
"Бýдуць людзи дзúво дзивовáци,
Што нас пáра пошлá в свет мандровáци"». [196]

Да в недзéлю рáна
Гусары́ гуля́ли,
Да Вля́ну намовля́ли.
Вля́ну намóвили,
За стол посадзúли,
Винóм-мёдом напоúли.
Спиць Вля́на до свéту,
Да в её рубáшки нéту.
Облилáся слезáми
Да пошлá за возáми.
«Мне дорóжка пы́льна,
Мне додóму сты́дно».
Сярóд двóра сéла,
Вся родзúна встрéла.
«Золýвоньки-сястрóньки,
Дáйця мне споднúчки.
Дзявóньки-сястрóньки,
Ня пúця горэ́лки!
Бо горэ́лка шýмна
Завядзé до гýмна.
А в гумнú — солóма
Нарóбиць сорóма.
А в солóми — щýры
Да порóбяць дзюры»[1]. [197]

Дзяўчúнанька сцúха
Да нарóбила лúха.
Да впусцúла казáка
До комóры цúха.

[1] Наделают дыр.

Каза́к, там побы́ўшы,
Причи́ну зробиўшы,
Ко́ника сядла́я,
На край све́та е́дзя.
Дзяўчи́на млада́я
Да всю ноч ни спа́ла,
Всю но́чку ни спа́ла,
Дро́бны лист писа́ла
До того́ каза́ка,
Што ве́рно коха́ла.
Каза́к, лист приня́ўши,
Той лист прочита́ўши,
То си́льно запла́каў:
«Пуща́й мине́, па́не,
З во́йска додо́му.
Молода́ дзяўчи́на
Породзи́ла сы́на». —
«Ци ни мо́жна, каза́к,
На кого́ сказа́ць?»
«Ни мо́жна, пано́чку.
То хоро́ша дзяўчи́на,
То моя́ причи́на».
Каза́к молодзе́ньки
На двор да зъязджа́е,
Молодо́й дзеўчи́ны
Родзи́на сустреча́я:
«Каза́че, каза́че,
Молоды́ каза́че,
Праз цибе́[1], каза́че,
Дзяўчи́на гору́е».
Каза́к як на поро́г
Дзяўчи́ну цалу́я.
«Ни пла́ч, дзяўчино́ньку,
Госпо́дзь Бог з тобо́ю.
Як ты выздоро́ваиш,
Во́зьмем шлюб з тобо́ю». [198]

На што мне жани́тца,
На што мне жо́нка.
Ёсьць у мине́ сусе́дочка,
До́брая прыяцёлка.

[1] Из-за тебя.

Веле́ла мне прыхо́дзиць,
Як до свойго́ до́му.
«Прыдзи́, прыдзи́, молоды́ хло́пче,
У пе́ршой годзи́не,
А я вы́шлю сво́йго му́жа
У лес по кали́ны:
“Идзи́, идзи́, ста́ры муж,
У лес кали́ну лома́ци.
Не нало́миш кали́ны,
То не идзи́ доха́ты.
Ох, идзи́ ж ты, мой сыно́к,
Та́ты пильнова́ци.
Як бу́дзе исци́ з кали́ною,
Дава́й мне чу́тко зна́ци”».
Идзе́, идзе́ малы́ хло́пец,
У дало́ни пле́ще.
«Гуля́й, гуля́й, моя ма́тко.
Не идзе́ та́тко е́ще».

О прыхо́дзиць ста́ры муж
З кали́ной доха́ты.
Як сидзе́ла, так упа́ла,
Ста́ла яго́ гна́ци:
«Ой, пойдзи́ ж ты, ста́ры муж,
Уколу́пи мёду.
Ця́жко, ця́жко мне на сэ́рцы
И голо́уки не зведу́».
О як пошо́у ста́ры муж
Мёду колупа́ци,
Ой, на той час миле́нького
Вы́пусьцила з ха́ты.
Идзе́, идзе́ ста́ры муж,
У дало́ни трэ́пле:
«О быу́ жа тут ошука́нец,
Ещэ ме́йсьцо це́пле»[1]. [199]

Из собрания Е.А. Ляцкого

На ву́лицы ни была́,
Ня ви́дзила Я́ся.
Хацёу мяне́ павали́ць,

[1] Место теплое.

Дык я ни дала́ся.
На вули́цы ни была́,
Ня ви́дзила й Гры́шки —
Хацёў Гры́шка павали́ць
Ды вы́пусьциць ки́шки.

Ляце́ла пту́шачка, жо́ўтая бру́шка,
Каза́ла пане́начка, што дзяцючо́к — ду́шка.
Бальша́я бальша́начка палюби́ла марша́лачка:
За гаро́ю пиро́г дала́,
А за друго́й и сама́ лигла́
Яе́ ж хло́пцы люби́ли
И пэ́рлы ей купи́ли.

Ста́ры, ста́ры, гани́ вало́ў,
Ста́ры разстагна́ўся.
Як уви́дзиў дзяў́чы́начку,
Ста́ры разгуля́ўся. [200]

Дзяў́чы́начка-мали́начка
Па ваду́ ишла́.
Пи́рад ку́зинькай малато́чак нашла́.
Багда́й таго́ каваля́
Мяце́лица задула́.

Як ён мяне́, маладу́,
Павали́ў на ляду́.
Гуля́й, гуля́й, гуля́ка,
Як ра́биньки саба́ка.
Бо як бу́дзиш жо́нку мець,
Ни захо́чыш паглядзе́ць.

А пасе́ю я гаро́ху
На шыро́кай ни́ўцы.
А пашы́ю чарави́чки
Сваёй чарнабры́ўцы.
Яшчэ́ гаро́х ни паспе́ў,
То́льки лапато́чки.
Ужо́ знаси́ла башма́чки —
То́льки запято́чки. [201]

А куры́ца и пяту́х
На ўзава́ды латату́х,
А куры́ца пятуха́
Да й вы́гнала с катуха́.

У ку́рачки пе́ръя рабо́я,
Любі́цися, дзе́тки, або́я.

Прыдзі́, прыдзі́, табе́ дам,
Чаго́ з ро́ду ни віда́ў:
Сало́дкага чыснаку́ —
Пры́дзя та́бе да смаку́.

Никаму́-ни-тако́му, як мне́, бе́днай сираце́:
Зъе́ла ры́бку-шатры́нку, трапе́шчытца ў жываце́.

Ци я ў ма́ци ни дачка́, ци я ни дачу́шка, —
Ру́са каса́ да пояса́, зялёная исту́жка. [202]

Ци я ў ма́ци ни дачка́, ци я ни хадзя́йка, —
Тры дни ў пе́чы ни палі́ла, а ў пе́чы жа́рка.
Ци я ни дзе́ўка, ци я ни пане́нка, —
Прамы́ж лы́так клубо́к ни́так, пад пу́пам — цяце́рка:
На пупе́ цэ́ўки ссука́ла, праміж ног чаўно́к пуска́ла.

Е́хаў каля́ млы́на — спиць дзяўчы́на, як малі́на.
Калі́ е́хаў, тады́ спа́ла, а як сві́снуў, тады́ ўста́ла.

У дзе́да — цымба́лы,
А ў ба́бы — кру́чки.
Пасне́даў, паабе́даў:
«Дай, ба́ба, цы́цки».

А мой жа ты сусе́д блі́зки,
Чаму́ ў цябе́ пирала́з ні́зки —
Чы́рыз сени, чырыз ха́тачку
На но́вую карава́тачку? [203]

Ой, кум куму́
У садо́чык вядзе́ць,
Ой, кум куме́
Агуро́чак дае́ць.
«Ах, кум-кумо́чак,
Ни хачу́ агуро́чка,
Ня псу́й ты майго́ жывато́чка». [204]

Дзяўчы́на пы́ха нарабі́ла лі́ха:
Пусьці́ла ў камо́ру жаўне́ра ці́ха,
А жаўне́р, пабы́ўшы, прычы́ну зрабі́ўшы,
Асидла́ўшы каня́ — ды на вайну́ пае́хаў.

«Ох ты, жаўнéру, слáўны кавалéру!
Праз тваю прычыну радзила я сына». –
«Ни плач, дзяўчына, гадуй майгó сына.
Як я сувярнуся, с табой ажанюся». –
«Ох ты, жаўнéру, слáўны кавалéру!
Ты з вóйска вярнéшся, з другóй ажанишся.
Люли-люли-люли, жаўнéраў сынку,
Учóра звячóра на свет нараджóны.
Люли-люли-люли, мая гóрка дóля». [205]

Из собрания М.В. Довнар-Запольского

Рáня, рáня!
Пéрья ни дрáня!
На што мне дрáци,
Кали не с ким спáци.

Ик[1] я былá мáла,
З мáмаю спáла.
А ципéр я велика.
Трэба мне чалавéка.

«Стáры, стáры!
Гани валэ[2]», —
Стáры растагнáуся.

«Стáры, стáры!
Лезь на бáбу», –
Стáры разсмяяуся.

Ик былá я мáла,
Минé мáма калыхáла.
Ик я стáла падрастáци,
Стáли хлóпцы калыхáци –
Ту у калысцы, ту у карóбцы,

Ту у гумéнцы на салóмцы.
Альбó ш минé калышэця
Альбó ш зáмуж вы мянé вазьмéця,

[1] Как.
[2] Волы.

Гоп, мае́ таука́чыки
Гоп, мае́ дубо́вые!
Сем год валя́лися,
Паку́ль у сту́пи сабра́лися.

Ик хадзи́ли тры-чатэ́ры,
Дык ничо́га ни зраби́ли.
А ципе́р жа адзи́н хо́дзиць,
И спадни́ца ни сыхо́дзиць.

Ка мне дзяк прыхадзи́у,
Рэ́шата пирaго́у прынаси́у.
А я яму́ дала́ гаршо́к ма́сла,
Кап цалава́у ча́ста[1].

Пане́начка, маё сэ́рца,
Падыдзи́ пад аке́нца.
Падыми́ кашу́льку,
Пакажы́ зязю́льку.

До́бры ве́чар, гаспады́ньки, прашу́ вас,
И ни зайшла́ мая́ ку́рачка да вас?
У маёй ку́рачки жо́ута пе́рья и чубо́к
И на но́шцы – касмычо́к.
Да хадзи́ла мая́ ку́рка па начы́,
Да злави́ли яе́ паничы́,
Да загна́ли у куто́к,
Абарва́ли жо́ута пе́рья и чубо́к.

Дзяуча́та!
Като́ра з вас пача́та?
Като́ра не,
Нясе́це мне.

Вы́скачила з лябяды́:
«Здра́ствуйця, дзяуча́та!
Сем год была́ у лябядзе́
И ще ни почáта».

Па сало́ми кача́лася
Мне ничо́га ни ста́лася.
Яно́ ш то́я се́на[2]
Мине́ зье́ла,
Маё це́ла папауне́ла.

Пане́начки, мае́ ми́лы!
Падрантве́ли мае́ жи́лы.
Не так жи́лы, як суста́вы.
Ски́ну штанэ́, ля́гу з ва́ми,
Ски́ну штанэ́ и саро́чку.
Ля́гу з ва́ми у халадо́чку.

---

[1] Чтоб целовал часто.
[2] Видимо, из-за того сена.

Пасéю я рéпку
Ни гу́сту, ни рéдку.
Расьци́, мая́ рéпка,
Ни гу́ста, ни рéдка.
Пайду́ я ра́на,
Мая́ рéпка рва́на,
Пайду́ я па начы́,
У маёй рéпцы – паничы́.
Пайду́ я éще,
У маёй рéпцы – цéшча.

Антóн харóшаньки,
Мантóн карóцяньки.
Вéцер падзима́я,
Мантóн падыма́я.

А мой жа стары́ нябóжа!
Каб ты памёр, дай Бóжа.
А я б пашла́ гуля́ци
Маладóга шука́ци.

А на што мне малóдшы,
Кали́ ста́ры харóшы?
Ен паéдзя, паки́ня,
Прыéхаушы, абды́мя[1].

Стары́ старычóк
Пашы́у ба́бе каўпачóк.
И пашы́у, и надзéу,
И на ба́бу паглядзéу.

«А мой жа Антóнчыку,
А што у цибé на кóнчыку?» –
«Залата́я була́вачка,
Для панéначак заба́вачка».

На га́нку стаю,
Слёзы кóцяцца,
Дзяукé за́муж иду́ць,
И мне хóчацца.

[1] Приехав, обнимет.

Ци я такáя урадзи́лася,
Ци такáя мая́ дóля?
Пáшла б зáмуж за старóга,
Барадóю кóля.

Ой, пайдý я за такóга,
Што ни мáя вýса.
Ен мине́ пацалýя,
А я засмяю́ся.

Карóцяньки Станислáу
Ты́кау, ты́кау, ни достáу.
Калóдачки ни знайшóу,
Заплáкау ды пашóу.

Скачы́, скачы́, кульгáвы,
Ат пры́пячка да лáвы.
А вы, дзяуке́, знáйця,
Кульгáваму дáйця. [206]

1) Крутуха — танец, состоит в том, что два парня и две девушки выступают на середину хаты, берутся крестообразно за руки и идут вкруговую, подпрыгивая. Во время танца они поют:

Матýлинька! Далибóг!
Я не бэ́ндо жы́ва.
Абарвáлася мизь нох
Сáма ле́пша жы́ла.

Ой чух, чух начýхауся,
Падня́у хвартýх, наню́хауся.
Падня́у хвартýх и спадни́цу,
Аж там сядзи́ць[1] з рукави́цу.

Чучáначка, чучáначка,
Едзя <...> на сáначках.
Пытáецца Василя́:
«Чы далёка да сялá?» —
«Ни далёка — бли́зенька.
Чэ́раз <...> — лы́синка».

---

[1] Сидит.

Ён праўды ни сказа́у,
<...> к пло́ту прывяза́у.

Прывяза́у я к ду́бу,
Неха́й чѐрци <...>,
А я ня бу́ду.

Ух ну, ух ну,
Ни дава́й хахлу́,
А дай ру́скаму
Да палю́дзкаму.

2) Барыня — парни берут девушек под руки и идут, припрыгивая, по хате вкруговую. Припевают:

Ба́рыня раськира́ка
Замары́ла у <...> ра́ка.

У на́шай ба́рыни та ни́зкай
Абрасла́ <...> рады́ской.

Ба́рыня, ба́рыня,
Суда́рыня мая́!
Ба́рыня пы́шна
За варо́та вы́шла.
Рук ни намы́ла,
<...> загали́ла.

У на́шай ба́рыни высо́кай
Абрасла́ <...> асо́кай.
Сядзи́ць ба́рыня пад пло́там,
Зашыва́я <...> дро́там.
Нашто́ ж ба́рыни чапе́ц,
Кали́ у ба́рыни хлапе́ц.

Казак — танец общеизвестный.

Ажани́уся удаве́ц,
Узя́у сабе́ дзе́уку.
Пасадзи́у на пры́печку,
Глядзи́ць у паце́льку
«Ох ты, каза́к, казачо́к,
Ты — харо́шы мужычо́к.
Цябе́ ска́чуць, цябе́ пля́шуць,
Табе́ пе́сенки паю́ць». [207]

Народные песни

У саду́, у саду́ соловэ́йко щебэ́че,
А по-край са́ду бы́стра й ре́чка тэ́че.
Тудо́ю йшла́ молода́я молоды́ца,
Хоро́шого ста́ну, а бе́лэнького лица́,
У сад ишла́, як чирво́на ро́жа,
А з са́ду ишла́, як бе́ла бэро́за.
У сад ишла́ бе́лыми ножэ́ньками.
А з са́ду дры́бными слизо́ньками[1].
Во́на ду́мала, што гру́шки-мину́шки[2],
Ажно́ росту́ць да ўго́ру фарту́шки.
Во́на ду́мала, што сокы́лик лета́е,
Ажно ў бо́ку да дэты́на брыка́е. [209]

За горо́ю, за круто́ю
Росло́ жи́то ў лэбэде́.
Там Тацья́на жи́то жа́ла,
В пра́вой ру́це серп дэржа́ла.

Там Ваню́ша коня́ пои́ть,
А Тацья́ну з ума́ зво́дить.

Да не я ее́ з ума́ зводю́,
Звэла́ ее тэ́мна но́чка,
Тэ́мна но́чка, соло́дка горэ́лочка,
Ужэ́ Тацья́на нэ де́вочка.

Да ўсе де́ўки за́муж пошли́,
А Тацья́на зостала́са,
Ли́ха дождала́са.

Да ўсе де́ўки с молодка́ми,
А Тацья́на – з парубка́ми. [210]

Из собрания И.И. Носовича

Апана́с ко́ней пас,
Кацери́на – бы́чки.
Почека́й, не ўцека́й,
Ку́плю череви́чки.

---

[1] Мелкими слезками.
[2] Гру́шки-мину́шки – шутки, которые проходят. (*Примеч. собирателя.*)

Ты, Андре́й, не дуре́й,
Хварту́х подзере́цца.
Мне тату́лька поши́в,
Штоб Миха́лька люби́в. [211]

Из собрания С. Малевича

Ой, лёд трашчы́ць
И вада́ плищы́ць.
А кум да кумы́
Судака́ тащы́ць.
«Ой ты, ку́мушка,
Ты галу́бушка.
Да звары́ мне судака́,
Ка́бы ю́шка была́.
И ю́шачка, и пятру́шачка,
Ку́ма ми́ла, ку́ма лю́ба.
Ку́ма ду́шачка». [212]

Ту́пу, ту́пу каля́ ла́вачки
Ту́пу, ту́пу кача́лачки,
Ту́пу, ту́пу жале́зныя.
Дру́жачки да жарэ́бныя –
Па Нясьви́жы пабега́ли,
Байструко́ў панарабля́ли.

Бе́гла мы́шка па пали́цы,
Звали́лася бра́ту ў нагави́цы,
Яна́ ду́мала – каци́що[1],
Падра́ла бра́ту яи́ца. [213]

«Ты, Сямёня, ты, Сямёня,
Чарнабры́вы Сямёня.
Чаму́ хо́дзиш, ня гаво́рыш да мяне́,
Чаго́ мяне́ Машу́нькаю ни заве́ш?»
Каго любиш, то ў камо́рушку вядзе́ш,
А ў камо́ры стаи́ць ло́жа цясо́ва,
На том ло́жы – пяры́нушка пухо́ва,
На пяры́ни ляжы́ць Машу́нька-душа́.
Пра́вой ру́чкой рабяци́шку абняла́.

[1] Котище.

Яго́ го́ркими сьлязáми аблилá:
«От, цяпéр я ни дзяви́ца, ни ўдавá.
А цяпéр я салдату́шка маладá». [214]

Рáда бáба, рáда я,
Што злави́ла салаўя́,
Пасадзи́ла пами́ж нох,
Бая́лася, каб ни здох, –
Як здо́хня, то прату́хня,
Па чэ́раво ўспу́хня. [215]

«Прыляцéў лапату́х
Да заби́ў дрыгунá,
А ты, ку́рва, дзе былá?» –
«Я сядзéла на глиня́нцы,
Давáла пиць па шкля́нцы». [216]

Ой, там за барко́м
Гуля́ла бáба з ваўко́м.
Да зашывáла во́ўку
Срáку шо́ўкам.
А воўк, як захацéў,
Дык и шоўк разьляцéў. [217]

Мянé Вáнька сумани́ў[1],
На ло́жачку палажы́ў,
Жыво́й рэ́пкай накарми́ў.
Стáла плáкаць я, тужы́ць,
Тавáрышам гаварыць.
«По́лна, глу́пая, тужы́ць,
При́дзя урэ́мя, при́дзя час,
Бу́дзе ри́бушка ў нас».
А назáўтра на зары́
Е́дзя ми́лы на кани́. [218]

Да прыéхаўшы музы́ка,
Да звали́ўся с пры́пяка,
Да заби́ў смыко́м цяля́[2],
Да зраби́ў дру́жаццы дзиця́. [219]

[1] Сманил.
[2] Теленка.

Из собрания М.А. Дмитриева

У пóли кýрно да ды́мно,
За тумáном свéту не ви́дно.
Край дорóшки ширóкай
И крини́чаньки глыбóкай.
Улан каня́ напавáя,
Дзéука вады́ падливáя.
Улан дзéуку намауля́е:
«Поéдзимо, дзéуча, з нáми,
З малады́ми уланáми.
Да у нас гóры не таки́я,
У нас гóры залаты́я.
Да у нас трáвы шоукóвыя,
Да у нас вéрба грýшки рóдзиць,
У нас дзéуки у злóци хóдзяць». [220]

Душá дзéука паслýхала,
З уланáми паéхала.
Éдуць пóле, и другóе,
И на трéцим нáда стаць
И кóники напасáць
Стáли хмáрки наступáць
И стаў дóжджик накрапля́ць.
Вели́ць улáн пасцéль слаць,
Стáла дзéука, падýмала
И си́льненько заплáкала:
«Не мацъ мянé выдавáла,
Штоб я улáнам пасцéль слáла.
Далáсь мне сваяа вóля,
Нишчáсная лихá дóля.
Ой, вы́йду ж я на гóрачку,
Падзиўлю́ся я на дали́начку.
У дали́начки панéначки
Рвýць цветóчки на вянóчки.
Ох, я моладá, не рвáла». [221]

У пóли садóчак не мéцен[1],
Да вóкала – рýтая плéцень[2].
Нихтó у том садý не бывáу,

[1] Метён.
[2] Да вокруг – забор из руты.

Душá-малóйчик канý вёу,
Кóникам танóчак разагнáу,
Рýчками вянóчак разарвáу.
Крáсну дзéвицу к сабé узя́у. [222]

Ах ты, мáци мая́,
А я – дóчка твая́,
Чаму ж мянé не учи́ла,
Як я мáленька былá.
А цяпéр я уже вяли́ка,
Старáйся мне чоловéка –
Ни старóга, ни малóга,
Малóйчика маладóга.

Дзевчи́начки, го-го-го,
Люби́ менé гóлого.
Я кашýли не мáю,
Жани́цися думáю.
Як кашýлю здабýду,
Жани́цися не бýду. [223]

Ишóу я з вечарни́цы
Серóд цéмнай ночи́цы.
Сидзи́ць жáба на купи́ни,
Выгращи́уши вóчи.
Я а её: «Гы́ля, гы́ля»,
Янá и прысéла.
Каб не схвацíу кия́ у рýки,
Янá б минé съéла. [224]

Из собрания В.Н. Добровольского

«Мáтушка-лáстушка, галóука бали́ть». –
«Дéтичка ми́лая, платкóм зывяжи́». –
«Мáтушка-лáстушка, платóк каратóк». –
«Дéтичка ми́лая, други́м пыдвяжи́». –
«Мáтушка-лáстушка, живатóк бали́ть». –
«Дéтичка ми́лая, ляж пыляжи́». –
«Мáтушка-лáстушка, дитя́ радилá». –
«Кýрва, бля́дзь, с ким прижилá?» –
«Мáтушка-лáстушка, с папóвым батракóм». [225]

Як пайду́ я па лу́гу,
Па зялёный тра́ўки.
Як сустрэ́ўся двырянйн
У зялёный ша́пки.
Хо́четь мя́не пували́ть
На зялёный тра́ўки.
А мне ма́ти приказа́ла,
Штоб я хо́рыша гуля́ла,
Чо́рну ку́ну прихува́ла
На пали́цу, под гаршчо́к.
Як пришоў жа дварянйн,
А ўсй гаршкй пирябйў,
Чо́рну ку́ну стирябйў.
А што атрэ́жить – то ў рато́к,
Што выста́нки – то ў плато́к. [226]

За гаро́ю гром загримéў,
Гром загримéў.
Над гаро́ю до́ждик пашо́ў,
До́ждик пашо́ў.
Што ў дубро́ви, што ў дубро́ви
Стучи́ть-грючи́ть, стучи́ть-грючи́ть?
Князь Васи́ли
Тéрем ру́бить.
Журли́ва мать
До́чку жу́рить:
«И де, курва до́ню,
Вéнчик дела?» –
«Сырва́ў, ма́ти,
Князь Васи́ли». [227]

А зра́дница нявéстка
А зра́дила зало́ўку:
«Хади, зало́ўка, у клеть спать».
Узъéхала три[1] на двор.
А ў чирво́ным клеть атпёр,
А ў багро́вым атчинйў,
А ў зялёным узя́ў.
А пла́кала дзéвушка,
Што ни ба́цюшка атдаéть,

[1] Въехало трое.

Што ни сястри́цы сурижа́ють.
«Сурижа́ла мяне́ цёмна но́чка,
Выдава́ла клётушка,
Праважа́ў мяне́ ме́сячик,
А зра́дила – няве́стка». [228]

У по́ли на дали́ни
Жуки́ ба́бу завали́ли.
И руба́ху падняли́,
Прачуха́нку дали́. [229]

Па мху де́вушка гуля́ла,
Па мху кра́сная,
Па мху, па мху ль я.
Во́льху де́вушка лума́ла,
Во́льху кра́сная,
Во́льху ль, вольху́ ль я.
В ре́чку де́вушка упа́ла,
В ре́чку кра́сная,
В ре́чку ль, в ре́чку ль я.
Ры́бку де́вица пайма́ла,
Ры́бку кра́сная,
Ры́бку ль, ры́бку ль я.
Пе́чку де́вица тапи́ла,
Пе́чку кра́сная,
Пе́чку ль, пе́чку ль я.
Ры́бку де́вица вари́ла,
Ры́бку кра́сная,
Ры́бку ль, ры́бку ль я. [230]

Ива́н Ма́рью звал на купа́льню,
Купа́ла на Йва́на.
«Где, Купа́лка, ноч начува́ла?» –
«Пад аси́нкаю с Макси́мкыю,
Пад аре́шкаю с Тяре́шкаю». [231]

Пашли́ де́вушки купа́тца,
Паскида́ли усе руба́шки.
Адку́ль узя́ўся вор Игна́шка,
Укра́ў Хи́мину руба́шку.
Уж ты, су́кин сын, вор Игна́шка,
Атда́й Хи́мину руба́шку.
А Игна́шка пубажи́ўся,
К Нико́лушки прилажи́уся:

«Убéй мяне́, Бóжа, сы палúцы пирагáми,
Затапú мяне́, Бóжа, гылавóю ў смитáни,
Задушú мяне́, Бóжа, у крáснай дзе́ўки пад сúськами». [232]

Подвыпившие гости позволяют себе двусмысленности в разговоре.

У майгó бáтюшки висúть дак висúть,
Ай, лёли, лёли, висúть дак висúть.
У майгó брáтчика стайúть дак стайúть.
У бáтеньки висúть катёл на стаўбé,
У брáтчика стайúть конь на стóйли. [233]

Лет семнáдцати деўчóнка.
Пашлá Лисá ў лес гулять,
Жучкá чóрныга искáть.
Инá нямнóжка прахадúла,
Жучкá чóрныга нашлá:
Со рукáми, со нагáми.
Со буйнэ́ю галавóй.
«То, кажúтца, дружóк мой».
Увязáла у платóчик.
Приняслá ягó дамóй,
Пасадúла на вакóшка,
Дáла сáхару кусóк.
Атéц с мáтерью сматрéли,
Разбранúлись на ягó,
Стрóга-стрóга приказáли,
Штоб вы́кинуть за вакнó.
Инá ня слýхала тагó,
Ни кидáла за вакнó.
Тёмна нóчка настаéть,
Жук пакóю ни даéть:
«Жучóк пóўзаить па мне,
Ищит дúрычки ва мне́.
Ён надéльить клапóт,
Што ня схóдитца капóт». [234]

«Áх, мáтушка, барáн[1],
Гасудáрыня, барáн.
Па ýлицы хóдить». —
«Áхи, пусть егó, дóчи,

---

[1] Баран в шкоде — ночные посещения любовника. (*Примеч. собирателя.*)

Не кричи́, дача́, маўчи́,
Пусть бара́н начу́ить,
Пусть ён привыка́ить». –
«Ах, ма́тушка, бара́н,
Гасуда́рыня, бара́н.
У се́нюшки ўхо́дить». –
«А́хи, пусть его́, до́чи,
Не кричи́, дача́, маўчи́,
Пусть бара́н начу́ить,
Пусть ён привыка́ить». –
«Ах, ма́тушка, бара́н,
Гасуда́рыня, бара́н.
На крава́тку лажи́тца». –
«А́хи, пусть его́, до́чи,
Не кричи́, дача́, маўчи́,
Пусть баран начу́ить,
Пусть ён привыка́ить». [235]

Де́ўка лянóк бра́ла,
Бра́ла-выбира́ла,
Зямлю́ жа аткида́ла,
Гарстя́ми кида́ла.
Бая́лыся де́ўка
Да се́рыга во́ўка –
Ни таго́ бая́лась,
Што па ле́су хо́дить.
А таго́ быя́лась,
Што па по́лю ры́щить,
Кра́сных де́вык и́щить.
Узя́ў де́ўку пыпярёк
За шаўко́вый паясо́к,
Павёў де́ўку ў лясо́к,
За пень, за калóду,
За пень, за калóду,
За бе́лу бярёзу.
«Ты стой, па́ринь, ни валя́й,
Сарахва́н ни мара́й.
Сарахва́н мой си́ний,
Сама́ яго́ ски́ну,
Сама́ яго́ ски́ну,
Пад сябе́ падлажу́.
Сарахва́н кума́шный,
Рабо́ты дама́шний». [236]

А ў варо́т дéўка стыя́ла,
Рукаво́м дéўка маха́ла.
К сябé мылайца́ гука́ла,
Ни прасто́га, халасто́га,
Свет маёра палкаво́га.
Маёр па то́ргу гуля́л,
Свинцу́-по́рах закупа́л,
За Няву́-ряку́ стриля́л.
За Няво́й, за ряко́ю,
Пра́ва, нету никаго́:
Ни кала́ ни двара́,
Ни мило́га жывата́.
Тольки шéринький[1] като́к,
Кудрива́льтенький[2] лабо́к,
Кала́ шéиньки плато́к,
Как ёсь го́линький цвято́к.
Як уна́диўся[3] като́к
У слабо́дку, у дваро́к,
И к удо́ўки, ки ўдавé,
Ки сиржа́нцкай ки жанé.
Як пайма́ли ката́
На сянёх, на двярёх.
Як уда́рили ката́
Аб сыру́ ма́тку-зямлю́:
«По́лна, ко́тинька, хади́ть,
По́лна, шéринький, дури́ть». [237]

«Ду́ня мая́, чаго́ стёжки натарёны?» —
«Сéры во́лки прабяга́ли,
То яны́ даро́жки натаря́ли». —
«Ду́ня мая́, чаго́ варо́тики скрипéли?» —
«Ма́минька, бу́йны вéтрики шумéли,
Што вако́шичка дрыжа́ла,
Сéра ко́тика пушча́ла». —
«Ду́ня мая́, чаго́ сая́ник ни схади́ўся?» —
«Ма́минька, краўцы́ шы́ли да вузи́ли». —
«Ду́ня мая́, чаго хварту́х надума́ўся?» —
«Ма́минька, у крыхма́личку ни ўда́ўся». —

---

[1] Серенький.
[2] Кудрявенький.
[3] Как повадился.

«Ду́ня мая́, чаго ў клётычки крича́ла?» —
«Ма́минька, дитятычку наража́ла». —
«Дуня мая, ета табе наву́ка». —
«Ма́минька, калы́ш-ка свайго́ вну́ка». [238]

Из собрания А. Гуриновича

Апана́с валы́ пас.
Кацяры́на — бы́чкі.
«Пачака́й, не уцяка́й.
Куплю́ чараві́чкі». —
«Чараві́к не вялі́к,
А у бо́ку — дзю́рка.
Ты не мой кавале́р,
А я не твая́ дзе́ўка.
А за тва́е чараві́кі
Мяне́ ма́ці бі́ла.
А за то́е мяне́ бі́ла,
Каб цябе́ я не любі́ла». [239]

Пасе́ю я боб за гаро́ю,
Уна́дзіўся дзед з барадо́ю.
Трэ́ба таго́ дзе́да спайма́ці,
Сі́нія по́рткі садра́ці.
Дзе́ўкам шнуро́ўкі пашы́ці —
Бу́дуць Бо́га прасі́ці. [240]

Хо́дзіць Ка́ся па га́начку, ой-ой-ой,
Ляманту́іць па вяно́чку, ой, Бо́жа мой.
«Нешчаслі́вы той ганэ́чак, ой-ой-ой,
Дзе згубі́ла свой вянэ́чак, ой, Бо́жа мой». —
«На цо ж бы́ло да́рма тра́ціць, ой-ой-ой,
Кі́ды ж бы́ло каму́ пла́ціць, фалдарыдо́м»[1]. —
«Нешчаслі́вы тэ пако́і, ой-ой-ой,
Дзе нас бы́ло то́лькі дво́е, ой, Бо́жа мой». —
«А дзе дво́я, там і тро́я, ой-ой-ой.
Трэ́ба было́ зду́маць то́я, фалдарыдо́м». —
«Нешчаслі́вы тэ паду́шкі, ой-ой-ой,
Гдзе я е́ла сло́дкі гру́шкі, ой, Бо́жа мой». —
«Калі е́ла сло́дкі гру́шкі, ой-ой-ой,

[1] Припев без смысла, вроде «ля-ля-ля».

Бу́дзеш ме́ці ве́рны слу́жкі, ой, фалдарыдо́м». —
«Ані́ у мя́не паясэ́чка, ой-ой-ой,
Спавіва́ці не́чым дзе́цка, ой, Бо́жа мой». —
«Калі бу́дзіць хло́пчык ла́дны, ой-ой-ой,
Куплю́ яму па́сак ла́дны, ой, фалдарыдо́м». —
«Ані́ ў мя́не пялёначкі, ой-ой-ой,
Спавіва́ці не́чым дзе́цка, ой, Бо́жа мой». —
«Ёсць у мя́не зле портэ́чкі, ой-ой-ой,
Бу́дзець та́бе на поле́чкі, ой, фалдарыдо́м». —
«А не мам я начу́лечак, ой-ой-ой.
Пакупа́ці не ў чым дзе́цка, ой, Бо́жа мой». —
«Ёсць у мяне́ столярэ́чкі, ой-ой-ой,
Скажу́ зро́біць начуле́чкі, ой, фалдарыдо́м». —
«Нет у мяне́ калысэ́чкі, ой-ой-ой,
Калыха́ці не ў чым дзе́цка, ой, Бо́жа мой». —
«Враз пае́ду да Крако́ва,
Бу́дзець калы́ска гато́ва». —
«Ані́ ў мя́не выпіва́ці,
Ані ў мя́не паяда́ці». —
«Враз пае́ду я да Вільна
Куплю́ табе́ мёду, віна». —
«А чаго́ ж ты ка мне хо́дзіў,
А нашто́ ж ты мя́не зво́дзіў?» —
«А чаму́ ты не ўцяка́ла,
А чаму́ ты не крыча́ла?» —
«Як жа бу́ду я крыча́ці,
Сяро́д но́чы ўцяка́ці?» —
«А ў стра́ха ве́лькі во́чы,
Бы́ло ўце́каць сяро́д но́чы». —
«Куды́ ж, Я́ська, ды зла мо́ўка[1].
Дык бяры́ мяне́ за жо́нку». —
«Ня́дзе ж ты́я дзе бывалі,
Каб за жо́нку ку́рву бра́лі». —
«А я по́йду да старо́сты
Ды скажу́ я ды старо́сту». —
«Ідзі сабе́ хоць да кро́ля.
І кроль ска́жа, што ты — ку́рва, фалдарыдом». [241]

А з-пад ле́су, з-пад явóру ўзніма́ўся ту́ча-гром.
Узніма́ўся ту́ча-гром за часце́нькім за дажджо́м.

---

[1] Злая молва.

Припев:
Гэй, калі́на мая́, гэй, малі́на мая.

Ста́лі дажджы́ ўсхадзі́ць,
Бу́йны ве́тры прыхадзі́ць.
Ста́ла ву́ліца гра́зна, перaву́лачкам ішо́ў,
Перaву́лачкам ішо́ў ды кале́тачку знайшо́ў.
А з кале́тай – на крава́ць,
Про́сіць но́чку начава́ць.
«Раскраса́вец, лю́бчык мой,
Заначу́й жа ты са мной». –
«А баю́сь я начава́ць,
Баю́сь све́ту не ўвазна́ць». –
«А я са́ма ра́на ўста́ну, цябе́ ра́на пабуджу́.
Цябе́ ра́на пабуджу́, так далёка правяду́.
Каб запя́ткі не стуча́лі,
Каб падко́ўкі не груча́лі.
Мая́ ма́тка не чу́ла,
З кім я но́чку начу́ю.
Мая́ ма́ці не чува́ла,
З кім я но́чку начава́ла.
Пры́дзі, пры́дзі, я тут бу́ду,
А з спаднiцы зро́блю бу́ду.
А з фарту́ха зро́блю дзве́ры,
Каб хадзі́лі кавале́ры». [242]

Як я е́хаў каля́ млы́ну,
Відзіў дзе́ўку, як малі́ну.
Як я е́хаў – яна́ спа́ла.
Як я свіснуў – яна́ ўста́ла.
Я калі́ну лама́ў – пірaве́сіўся,
Любіў, любіў дзяўчы́начку –
Не нацешаўся.

Бро́іла вада́ каля́ ка́меня,
Бро́іла, бро́іла ды ў Дуна́й пайшла́.
Гуля́ла дзяўчы́начка ў карчо́мцы,
Гуля́ла, гуля́ла ды дамо́ў пашла́.
На ву́лку ішла́ бу́йным ве́трыкам,
А з ву́лкі прышла́ дро́бным до́жджычкам.
На ву́лку пашла́, як пане́начка,
А з ву́лкі прышла́ ўжо не дзе́вачка.
Тады́ дзяўчы́на хараша́ была́,
Паку́ль яна́ адно́й душо́й жыла́.

Тады́ яна́ ды запла́кала,
Як у дзяўчы́ні закуга́кала.

Лю́лі, лю́лі, дзётка, спаць,
Адна́ ма́тка, ба́цькаў — пяць.

А-а, мало́е,
А на ле́та — друго́е.
А на ле́та та́та
Зро́біць табе́ бра́та. [243]

Из собрания А.Р. Янковского[1]

А хло́пцы ж вы мае́,
А што ж вам здае́цца.
Вас — шмат, я — адна́,
Чорт вам надае́цца.

А на двары́ мяце́ліца,
Усе́ дзе́ўкі паце́люцца.
Цялілася б і я,
Ды не ма́ю дру́га я.

Бада́й табе́, сівы дзед,
Галава́ аблёзла.
Як ты мя́не абкульба́чыў,
Я на печ ня ўзлёзла.

Бада́й таго́ маскаля́
Мяце́ліца замяла́.
Як ён мяне́, маладу́,
Замаро́зіў на ляду́.

Бе́дны я, бе́дны я,
Бе́дны я аста́ўся.
Жо́нка са́начкі спаліла,
Што з пе́чы ката́ўся.

Брыгадзіру дагадзіла,
Прэдседа́целю дала́.
І нічо́га не рабіла —
І ў ста́ханаўках была́.

«Вот чаго́-чаго́ — цаца́,
Чаго́ табе́ хо́чацца.
Ці во́дачкі салódзенькай,
Ці дзе́вачкі мало́дзенькай?» —
«Я і во́дку піў бы,
І люльку курыў бы.
Маладу́ дзяўчы́начку
Да сэ́рца туліў бы».

Го́па-го́па-го́па-ца,
Ле́пша дзе́ўка за хлапца́.
Хло́пец дро́ваў насячэ́,
Дзе́ўка бліно́ў напячэ́.

Дзяўчы́начку, ах-ну́,
Не дава́й ты хахлу́.
Хахо́л чэ́сці не зна́е,
Яшчэ́ шэ́рсці напха́е.

Каро́ценькі Станісла́ў
У сто́ечку не даста́ў.
І кало́дачку падмасціў,
Куды́ трэ́ба запусціў.

Латату́х-латату́х,
На ку́рыцы — пяту́х,
А на ба́бе — руса́к,
А на дзе́ўцы — пруса́к.

Навары́ла-напякла́
Уся́кага гату́нку.
Расста́віла ру́кі-но́гі —
Про́сіцца рату́нку.

Навары́ла-напя́кла —
Няма́ каму́ е́сці.
Расста́віла ру́кі-но́гі —
Няма́ каму́ ўзле́зці.

Не хадзіце, дзе́ўкі, за́муж,
Не хваліце ба́б’ю жы́зь.
Бо як вы́йдзе дзе́ўка за́муж, —
Каза́к, ра́дышкам лажы́сь.

[1] По определению собирателя — «гэта брыдкія».

Ой, ці чýла, гаспадыня,
Што парóбак дзéўкі чыне.
Палажыўшы на кажýху,
Шукáў дзюркі калá брýху[1].

«Ой ці чýеш, кумá мая,
У гарóдзе свіння твая». —
«Няхáй рые і начýе,
Бо салóдкі кóрань чýе».

Ой, у пóлі на лужáйцы
Кóнікі пасýцца.
Ляціць дзéўка да хлапцá,
Аж цыцкі трасýцца.

Ой, чух-чух, начýхаўся,
Паднáў хвартýх, нанюхаўся.
Прышóў кум да кумы.
«Пазыч, кýмка, чапялы». —
Кумá нóжку паднялá.
«О то, кýме, чапялá».

Там у лéсе на граніцы
Прасіў зáяц у лісіцы:
«Дай ты кóнчык намачыць,
Буду тыдзень малаціць[2]».

«Ты — панéнка, я — паніч,
Ты, панéнка, мне пазыч». —
«Не пазычу, не прадáм,
Прыдзі ўнóчы, дáрма дам».

Я ўстáла рáна-рáна.
Гляджý: фáртух разарвáны.
Гляджу-гляджу тýды-сюды —
Áжно вéцер вéе ўсюды.

А што я за Магдалéна,
Што за юду пóшла.
А ў юды чóрны мýды,
Па калéна мóшна. [244]

Из собрания Р.И. Барадулина

Вушáцкія нарóдныя пéсьні, папéўкі, як і ўсá нарóдная паэ́зія наóгул, ужывáюць скарóмныя слóвы й вóбразы. У вýснах нарóднай пéсьні, абрáдавай ці пóбытавай, любóе слóва гучыць цнатліва, бо гэ́та йдзé яшчэ́ ад пагáнства, якóе ня карыстáлася фігавым лісткóм. Насéльнікі халаднавáтай часьціны планéты грэ́лі свой юр, ятрылі сябé слóвам мóцным, як пяршáк. Каб род ня зьвёўся[3].

А дзед бáбу разувáў,
Пад нóжачку паглядáў:
«Ой, бабýлька, што за зьвéр,
Я баюся, каб ня з'éў». —

[1] Брюхо.

[2] Молотить.

[3] Ушаческие народные песни, припевки, как и вся народная поэзия вообще, включают скоромные слова и образы. В устах народной песни, обрядовой или бытовой, любое слово звучит целомудреннно, ведь идет это еще от язычества, которое не пользовалось фиговым листком. Жители холодноватой части планеты грели свою страсть, тешили себя словом крепким, как первач. Чтоб род не переводился.

«Ці ты ў лесе ня бываў,
Чорных зьвяроў ня відаў?
Ты, дзядулька, ня рабей,
Гэта птушка — салавей.
Ён і сьвішчаць, і пяець,
І спакою ня даець».

Дзякуй таму хуюшку,
хуюшку, хуюшку,
Што зрабіў нам пірушку,
пірушку, пірушку.
І ў ручачкі ня хукаў,
ня хукаў, ня хукаў.
Малаточкам ня грукаў,
ня грукаў, ня грукаў.

І стар, і нядуж.
І крывы на нагу.
Як убачу маладую,
Ашалеўшы бягу.

Пайшла маці ў Даўгінава,
Дачку дома пакінула.
Пакуль маці вярнулася,
Дачка дома сапсулася.
Па суседству жыў Мікіта,
У Мікіты хата крыта
І чаротам, і кулямі,
Пасярэдзіне — хуямі.

А на дварэ шум-гам.
«А хто едзіць?» —
«Кум, кум». —
«А што вязець?» —
«Акуні»[1]. —
«А для каго?» —
«Для кумы».

Ажаніўся мяшок,
Узяў торбачку.
Туды-сюды павярнуў,
Цмок у мордачку.

А ў чыстым полі пад ябурамі,
Часалі дзеўкі хуй тапарамі.
Яны часалі дай прымяралі,
Каб гэта, ціці, ня ўкараціці!

Я сягодня рана ўстала,
Да суседа я паджгала:
«Ці ты відзіў, ці ты бачыў,
Хто мне перад рассабачыў?» —
«А я відзіў, а я бачыў,
А я перад рассабачыў».

Як на пасту ганяла,
Пізду дома кідала,
На паліцы пад гаршком,
Націскала камяшком.

Сядзіць баба над ракой.
Работы ня маіць,
Траву рвець, пізду трэць,
А ўсё ж ня гуляіць.

А старой сто гадоў,
А старому — дзьвесьце.
Стары лесьвіцу майструіць[2]
На старую ўзьлезьці.

[1] Окунь.
[2] Лестницу мастерит.

Цераз рэ́чку йшла́,
На кла́дачку се́ла:
«Ты, пізьдзі́чка, пі вадзі́чку[1] —
Ты калба́ску зье́ла».

Як заруча́лі, тады́ каза́лі,
Што ў сва́та каро́ў мно́га.
Як пайшлі даіць,
Адзін бык стаіць,
І той ня до́іцца.
Вазьму́ я бы́ську
Ды за пумпы́ську:
«А дай, бы́ська, малака́».

Салаве́й, салаве́й,
Што на сьве́це саладзе́й,
Ці гарэ́лка, ці мядо́к,
Ці ў дзе́ўкі перадо́к?

«Ста́ры, ста́ры, лезь на печ», —
Ста́ры расстагна́ўся.
«Ста́ры, ста́ры, лезь на ба́бу», —
Ста́ры расьсмяя́ўся.

Вы́йшла ба́рыня пляса́ць,
Сало́дкія па́льцы,
У а́дну ру́ку ўзя́ла хуй,
А ў другу́ю — я́йцы.

Сядзіць ба́рыня пад пло́там,
Вышыва́іць пізду дро́там.
Е́дзіць ба́рын і хахо́чаць,
А ў піздзе дрот лапо́чыць.

А банда́лы, бандалы́
Падыма́юць падалы́.
А мале́нькі бандало́к
Падыма́іць падало́к.

А сініца вераб'я́
У стоі́чку залюбла́.

Хо́дзіць хата,
Хо́дзіць дол,
Хо́дзіць па пізьдзе́ хахо́л.

Ой, калі́на, сьме́лы цьвет,
Ка́ля пу́па — сельсаве́т,
Пад пу́пам — райвыканко́м,
Куды хо́дзяць за пайко́м.

Хо́чацца, рагочацца,
За старо́га ня хо́чацца.
Ста́ры хо́чаць і баіцца,
Каб у пізьдзе́ ня ўтапіцца.

Ня руш мяне́, ня чапа́й,
Я — дво́рная дзе́ўка:
Паміж лы́так
Клубо́к нітак,
А там і цяце́рка.

Нае́лася буракоў,
Напіла́ся ква́су,
Манілася хло́пцу даць,
Ні дабра́ла ча́су.

Цяпе́р да́й, цяпе́р да́й,
Цяпе́р хо́чацца,
А пад ста́расць хуй ня ўста́ніць,
Пізда́ змо́ршчыцца.

Чух-чух, начу́хаўся,
Падня́ў хварту́х, нанюхаўся.
Падня́ў хварту́х і спадніцу,
А там сядзіць з рукавіцу.

Ах ты, Я́начка, пабіля́начка,
Дзе машо́к расьце́ць,
Там і я́мачка.
Імшо́к разлíта́іцца
І ваўчо́к раздува́іцца.

Ой, дзе́вачкі, Бог із ва́мі,
Зьніму́ штаны́, ля́гу з ва́мі.
Зьніму́ штаны́ і саро́чку,
Ля́гу з ва́мі на ўсю но́чку.

Ой, сва́т ты, мой сват,
Ня бяры́ мяне́ за зад.

[1] Водичку.

Бяры́ мяне́ за пяро́д,
Тады́ мяне́ забяро́т.

Ішла́ ба́ба з ры́нку,
Нясла́ чапялінку.
А за ёй за́яц,
Нача́ў ба́бу ла́іць:
«Ах ты, ба́ба, сьце́рва,
Каму́ дала́ пе́рва,
Ці Ані́січку сі́січку,
Ці Анто́нічку шмо́нічку?»

Гарманіст у нас адзін,
Мы па ра́зіку дадзім.
Гарманісту трэ́ба даць,
Весяле́й будзіць ігра́ць.

Гармо́нь но́ва,
Кры́шка сьцёрта,
Гарманіст пахо́ж на чо́рта.
Гармо́нь но́ва,
Кры́шка ста́ра,
У гармані́ста шы́шка ўста́ла.

Хоць боб няпо́ланы,
Дык пуп нако́лены.
«Маму́лічка, бабо́к е́ла,
Маму́лічка, набубне́ла.
Маму́лічка, ай, бабо́чак,
Ня схо́дзіцца варато́чак».

Злавілі саро́ку
Ды пасяро́д то́ку,
Лёй-ліля-лё.
А надра́лі ло́ю
Ды над са́май піздою.
Лёй-ліля-лё.

Ай, забра́ло, забрало́
І но́жачкі задрало́.

А я сваю ба́бку
Пасаджу́ ў ка́дку,
Палію́ яе́ вадо́й,
Яна́ бу́дзіць маладо́й.

А паўзе́ць паву́к па сьцяне́,
Аво́хці мне, я баю́ся,
Каб ён ня папо́ўз па пу́зе.
Да́йце мне яку́ю рызьзінку,
Закры́ю я сва́ю разі́ньку.

Гарэ́лачку я люблю́,
Гарэ́лачку да́йце,
Як уп'ю́ся – павалю́ся,
Хло́пцы, ня зява́йце!

Ай, ня ўсто́ю, ня ўле́жу,
Падыма́іць адзе́жу.
Ай, ня ўле́жу, ня ўсто́ю
За сваёю ліхо́ю.

Сі́дар, Сі́дар, Сі́дарэ́ц,
На, пасі маіх аве́ц.
Мае́ аве́чкі ку́плены,
Твае́ я́йцы лу́плены.

Салда́т, любі мяне́,
Куды́ хо́чаш, вядзі мяне́,
А ці ў боб, ці ў мякі́ну,
Сама́ цябе́ перакі́ну.

Упрыся́дкі прысяда́ў,
За касма́тую хвата́ў,
А за ту́ю касма́тую
Тры дні сядзе́ў за ха́таю.

А дзед ба́бу шанува́ў,
На папа́ры прывяза́ў –
А няха́й жа ба́ба ве́траіць,
А мо́жа, яна́ пале́пшаіць.

Дзе́ўкі ў цэ́ркву іду́ць,
Бо́гу мо́люцца,
А Міко́ла сьвяты́
З хуем го́ніцца.

А лісіца і барсу́к
Люба́ліся це́раз сук,
А мале́нькі барсучо́к
Це́раз ма́ленькі сучо́к.
А лісіца барсуку́

Пасуліла на суку́:
«Калі хо́чаш ты, барсу́к,
Палізáй ка мне на сук».

На ву́ліцы я былá,
Увíдзіла Гры́шку,
Хацéў мянé паваліць,
Пашчу́пала шы́шку.

Нікóму так ня ўдалóся,
Як нáшаму Юрку,
Сем гры́вень заплаціў –
Не папáў у дзюрку.

Чагó тады́ не прышóў,
Як я цябе клікала,
Усю нóчку на палóчку
Нóжка аб нóжку пстры́кала.

Чагó тады́ не прыйшóў,
Калí я казáла,
Усю нóчку на пáлочку
Дагары́ ляжáла.

А калі ты – бóндар,
Дык набí мне бóчку,
А я тáбе заплачу́,
Падняўшы сарóчку.

Мой мілéнькі ў лясу́,
Яму́ сьнéдаць панясу́:
Ку́рачку гарáчую
На шы́шачку стаячую.

Я ў Пóлацку былá,
Бáчыла Мікóлку,
Я хацéла яму́ даць,
А ў ягó – зь іголку.

У цыгáнкі хвартух нóвы,
А ў цыгáна – хуй дубóвы.
Хварту́х нóвы ня парвéцца,
Хуй дубóвы ня сагнéцца.

Ой, Мары́ся, ты Мары́ся,
Пад Мікóлам ня мары́ся.
Ня мары́ся пад Мікóлам.
Бо ў Мікóлы тóлькі кóлам.

І сьвяты́ б паскакáў,
Каб гарэлкі паспытáў,
Паку́ль ёсьць гарэлка ў
шкля́нцы,
І ў пасьцéлі бу́дуць тáнцы.

Мая́ мілка памірáла
На асінавым бярнé.
Ру́чкі, нóжкі сашчапíла,
Адказáла пізды мне.

Ой, мáмачка, я прапáла,
Любíць мяне хто папáла –
І ру́скія, і паля́кі,
І ўся́кія пабасьця́кі.

Ашалéла Паланéя,
Што за юду пайшлá,
А ў юды чóрны му́ды,
Па калéна машнá.

Як я былá маладá,
Тады́ былá рэзва:
Цéраз хáту па канáту
Самá нá хуй лéзла.

Ой вы, дзéўкі, ку́рвы, бля́дзі,
Не хадзíце к майму́ дзя́дзю,
А мой дзя́дзя ня калéка –
Зрóбіць ху́ем чалавéка.

Арáў Рамáн пры дарóзі,
Павéсіў хуй на бярóзі.
Там дзяўчáты крáскі брáлі
І ў Рамáна хуй ўкрáлі.

А за кру́пы,
А за сáла
Пізда лу́пы
Закасáла.

Дождж ідзéць, дождж ідзéць,
Зь нéба кáпаіць,

Ніхто́ за́муж ня бярэ́ць,
То́лькі ла́паіць.

Дождж ідзе́ць, дождж ідзе́ць,
То́лькі крапе́лькі,
У тако́га кавале́ра
Пад но́сам сапе́лькі.

Ой, дзя́каваць Бо́гу
За трэ́цюю но́гу,
Хоць яна́ каро́тка,
Зато́е сало́дка.

Танцава́ла
З цымбалі́стам,
Затыка́ла
Пізду лі́стам.

А шалёны, апанта́ны
Памачы́ў канец у сьмята́ну.

«Маму́лічка, у клець вяду́ць». —
«Ня плач, дачу́шка, хуй
дадуць». —
«Маму́лічка, стра́шна». —
«Ня плач, дачу́шка, зато́е
сма́шна».

А Бо́жа мой, жываце́нкі
Баля́ць,
А не́каму за сісёнкі
Дзяржа́ць.
Судзі, Бо́жа,
Да нядзе́лькі дажда́ць,
Бу́дзіць каму́
За сісёнкі дзяржа́ць.

Ня зама́ніш калачо́м,
Ня зама́ніш бу́лкай.
А цябе́ заманю́
Кучара́вай ку́ркай.

Ха́дзі, ха́дзі, хо́дка,
Сьпе́радзі — баро́дка,
Паміж ног — хахало́к,
Зза́дзі — скаваро́дка.

Скаку́-скаку́ на па́льчыках,
Се́ла скулка на я́йчыках,
Скаку́-скаку́ на пяце́,
Се́ла скулка на пізьдзе.

Во́зера[1], во́зера
Но́гі прымаро́зіла,
А як лёбары прыйшлі́,
Но́гі ўста́лі ды пайшлі́.

Выхадзіла па́ня Я́ня,
Танцава́ла та́нцы,
Цалава́ла па́ня Я́ня
Па́ну Я́ну ў я́йцы.

Мая́ мілка захварэ́ла,
Захаце́ла малака́,
Ня папа́ла пад каро́ву,
А папа́ла пад быка́.

Лю́дзі жэ́нюцца, любу́цца,
А мне ў не́вашта абу́цца.
Хоць на дзе́ўцы і на пе́чы
Бо́саму якра́з дарэ́чы.

У бало́це пад кусто́м
Цяце́ра нясе́цца.
Ха́ім Ба́сю любе́ць,
Аж ярмо́лка трасе́цца.

«Ці ня ты мяне́
Па по́жаньцы кача́ў,
Ці ня ты мяне, мало́дзеньку,
Пача́ў?» —
«А кача́лі цябе́ за́йчыкі,
А пача́лі цябе́ ма́льчыкі».

Мая́ мілка, як кабы́лка,
То́лькі ро́зьніца адна́:
На кабы́лцы е́зьдзяць лю́дзі,
А на мі́лцы — то́лькі я.

[1] Озеро.

Расхадзіліся суста́вы
Каля́ пе́чы, каля́ ла́вы.
Са́мы бо́льшы суста́ў
З тапары́шча ўста́ў.

Усе́ залёткі, як залёткі,
А мая́, як рэ́зьгіны:
Усе́ гуля́юць, усе́ ска́чуць,
А ў мае́ ўсё хрэ́сьбіны.

Ба́ба се́яла, трусі́ла,
За пізду блыха́ ўкусі́ла.
Ба́ба ду́мала, што клоп.
Па пізьдзе дало́ньню хлоп!

Ба́ба се́яла муку́,
Сы́пала ў каду́шку,
Загада́ла мужыку́
Палюбіць цялу́шку.

«Ой, По́лінька, По́лінька,
А што ў цябе́ го́лінька?» —
«Ня брашы́ця, зладзе́і,
Занялóся кудзе́ляй!»

Ай, жо́нка му́жа ды зьняважа́ла —
Завяла́ ў по́ле дый прывяза́ла
Плячмі́ к бяро́зі,
Хуём — к даро́зі.
А хто ня е́дзіць, ды ўсё пыта́іць:
«Што чалаве́чы хуй баўта́іць?» [245]

Біўся каза́к, біўся, з даро́жанькі збіўся,
Каню́ варано́му на гры́ўку схілі́ўся.
«Пераста́нь, дзяўчы́на, куко́ль вырыва́ці,
Сцялі пасце́ль бе́лу, паля́жама спа́ці». —
«Пасце́ль я пасцялю́, сама́ я не ля́гу —
Каза́к маладзе́нькі адра́зу абма́не».
Дзяўчы́нанька ду́рна пасце́льку пасла́ла —
Казак пажартава́ў, дзяўчы́на не ўчу́ла.
Дзяўчы́на ўста́ла, ру́чкі залама́ла:
«Ой, Бо́жа, Бо́жа, што я й нарабі́ла?
Учо́ра я бы́ла чырво́на калі́на,
А дзі́ся я ста́ла, як ру́та завя́ла». —

«Дзяўчына, дзяўчына, нá сто рублёў на мы́ла,
А дзвéсце – на піва.
Півам напівáйся, мы́лам намывáйся,
Каб красá зайгрáла, каб мáтка не пазнáла». [246]

Муж паéхаў да млы́на, да млына, да млына,
А я сабé чарнавýса прывялá, прывяла!
Ліха ягó – чарнавýса:
Самá з сябé дзівýюся –
З чарнавýсам цалýюся!

Муж прыéхаў уначы́, уначы́, уначы́,
Застáў мя́не на пячы́, на пячы́!
Муж прыéхаў з дарóгі, з дарогі, з дарогі,
А я ямý бух! у нóгі, бух! у ногі:
«Што я, мілы, зрабіла:
Чарнавýса прывялá,
З чарнавýсам ноч спалá!» [247]

ИЗ АРХИВНЫХ РАЗЫСКАНИЙ

Із-за лéсу, лéсу цёмнага
Прывязлі ягó, агрóмнага,
Прывязлі ягó на семяры́х
валáх,
Закавáнага ўсягó ў кандалáх.
Дзéўкі бéгаюць, равýць,
Што хуёвіну вязýць.

Із-за лéсу, із-за гор
Паказáў мужы́к тапóр.
І не прóста паказáў —
На тры крóпкі наказáў.

А дзед бáбу раздзявáў,
Пад спаднíчку падглядáў:
«Бáбачка-турýшачка,
Што ж у цябе за птýшачка?
Ні кукýе, ні пяé,
Тóлькі рóцік разяé».

І ты «пóлька», і я «пóлька»,
У мянé шырэ́й на стóлька:
Лéзе рак і бурáк,
Дзéсяць пáльцаў і кулáк,
І папóва шáпка,
Яшчэ́ бýдзе слáбка.

І папóва мéльніца,
Сем раз пераве́рнецца.
І мяхí, і дзярýга,
Тады́ бýдзе тýга.

Пашóў дзед у грыбы́,
Бáба — ў лісíцы.
Прышóў дзед без штанóў,
Бáба — без спаднíцы.

Ой, бáбачка, ры́дам, ры́дам.
Начавáла сёння з жы́дам.
Каб і жы́ду не далá.
Дык і жы́ва б не былá.

Ой ты, пóлька, дрóбна скáча,
Ўчóра дáла, сёння плáча.
Ўчóра дáла, бо свярбéла,
Сёння плáча, што не цэ́ла.

Ва садý лі, ва гарóдзе
Мы злавíлі жýка.
Цэ́лы дзень ў яго шукáлі,
Дзе ў жýка штýка.

Скáчце, дзéўкі, кракавя́к,
Не давáйце за дурня́к,

А давáйце за рублі,
Каб вас дáрам не яблі.

Я бывáла на базáры,
Прадавáла цы́цкі.
Мне давáлі пяцьдзесят,
Ну іх к чóрту, хай вісяць.

А мне мілы падары́ў
Любóў сваю вéрную.
А я ямý падары́ла
Сваю безразмéрную.

Я, бывáла, ўсім давáла
На гарáчай на пячы́.
Мянé мáменька ругáла,
Што працёрла кірпічы́.

Ой, мілка мáя,
Закінь нóжку на меня.
Закінь нóжку прáвую,
Пакажы́ кудрáвую.

Не ругáй мянé, мамáша,
Што шафёру я далá.
Ты самá мянé паслáла
Зарабóтаць на дравá.

Не магý я ўцярпéць,
Каб і зáдам не вярцéць.
Ох і гэ́та сатанá,
Так і вéрціцца самá.

Дзéдушка, дзéдушка,
Хýя тáбе хлéбушка,
Плóха бáбушку ябёш,
І на бýльбе пражывёш.

Я на пéнсію пашлá,
У крымплён надзéлася.
Рýкі-нóгі аддахнýлі,
Хýя захацéлася.

Пашóў Багдáн на базáр,
Купíў сабé бýркі.
А я нóгі падкідáю
Вы́шы сваéй кýркі.

Ах, юбка мая́,
Ю́бка ў цвятóчкі.
А пад юбкай сядзіць
Вы́лупіўшы вóчкі.

Я давáла маскалю,
Маскáль кáжа: «Раскалю».
Я давала яўрэю,
Яўрэй кáжа: «Я ня ўмéю».
Я дам рýскаму
Пецярбýрскаму.
Рýскі чэ́сці не знáе,
Туды́ шэ́рсці напхáе.

Ах, мілка мая́,
Вярці жóпаю, як я.
Стáра бýдзеш — пазабýдзеш,
Вярцéць жóпаю не бýдзеш.

Ой, сват ты, мой сват,
Ушчыпні́ мянé за зад.
А я цябе — за пярóд,
Мóжа, цябé разбярóт.

Ох ты, пóлька, мая́ жызь.
Раздзявáйся, спаць лажы́сь.
А я Бóга не баюся.
Раздзяюся,
Спаць лажýся.
Ты лажы́ся ля сцяны́
І здзівáй сваé штаны́.
А я лягу з краю,
Цябé адмахáю.

Вáся, Вáся, Васілёк
Хуй павéсіў на кручóк.
Дзéўкі дýмалі — малíна,
Адкусілі палавіну.

Цéраз рэ́чку ішлá
І нагáмі цёрла.

Нашлá я́йцы сем пудóў,
Чуць на плéчы ўспёрла.

Ішлá Зóся каля́ прýда,
Нашлá я́йцы каля́ пýда.
Бýду нéсці, хоць парвýся,
Затó ўвóлю наябýся.

Ой, спасíба, Гарбачóў,
Ой, спасíба, Мíшка,
Не папíў мужы́к вінцá,
Хуй стаíць, як шы́шка.

Па дарóзе я ішлá
І сустрэ́ла Я́ся,
Ён хацéў пакацíць,
А я не далáся.

Стáра, стáра бáба стáла,
Старычкý давáць не стáла.
Павéсіла на кручóк –
Не дастáнеш, старычóк.

Сямён, Семянé,
Хадзі сядзь ля мянé.
Ў мянé – сéні, ў мянé – хáта,
Ў мянé – кýрачка чубáта.

На дварэ́ мяцéліца,
Свярбíць мая́ пяцéліца.
Пайдý к Талашý,
Пяцéліцу пачашý.

На сталé стаíць цвятóчак,
Галубы́ ды áленькі.
Лýччы мáлы да стая́чы,
Чым бальшы́ да вя́ленькі.

Я, бывáла, усім давáла
Па чаты́ры рáзікі,
А цяпéр мая́ давáлка
Стáла шы́ры тáзіка.

Пайдý плясанý
Ды хуля́мі трасанý.

Няхáй лю́дзі паглядзя́ць,
Кýды хýлі паляця́ць.

Мая́ мíлку-кýкалку
Прыжымáлі ў вýгалку.
Я глядзéў у шчэ́лачку,
Як ламáлі цэ́лачку.

Дзéўкі пóлюць кукурýзу,
Цы́цкі хлóпаюць па пýзу.
А як сóнца прыпячэ́,
З пізды расá пацячэ́.

Каб я знáла, не давáла
Я б такóму ебакý.
Павалíў мянé ў канáву,
Дзíрку íшча на бакý.

У вуглý пад абразáмі
Вісíць нéшта з валасáмі.
Хацéў Бóгу памалíцца.
Хуй на ды́бкі станавíцца.

Нічагó мне так не жáлка,
Як савéцкі самалёт.
У мянé ніхтó не прóсіць,
Разаб'ю пiздý аб лёд.

Ад Масквы́ да Ленінгрáда
Крáсна звёздачка гары́ць,
А ў калгáсніка ад бýльбы
Хуй няпрáвільна стаíць.

І сэ́рца балíць,
І пад сэ́рцам балíць,
Тóлькі там не балíць,
Дзе мой мíлы шавялíць.

Ох, мíлка мая́,
Шавялíлка мая́.
Шавялі маё мудзé,
Каб не лáзіла нідзé.

Палюбíла я шафёра
За харóшую яздý.

Папрасілася пад'ехаць,
Ён пашчупаў за пізду.

Наелася пірагоў,
Напілася рому.
Каб хто палачку паставіў,
Я пайшла б дадому.

Трыццаць лет — мужа нет,
Усё мне надаела.
Палажу пізду на газ,
Каб яна згарэла.

Як у нашага Мірона
На хую сядзіць варона.
Як варона запяе,
У Мірона хуй ўстае.

Гаварыла мне бабуля:
«Падурэем мо, дзядуля?» —
«Ў мяне кокі не стаяць,
Яны хочуць аддыхаць».

Прыхадзі ка мне, мой мілы,
У чацвер ці ў сераду.
Нічаго не прынасі,
Толькі хуя спераду.

На гарэ стаіць ізбушка.
Ўнучка з бабушкай жыве,
Ўнучцы чэшацца махнушка,
Баба волі не дае.

Дзеўкі спорылі на дачы,
У каго яна лахмачы.
Аказалася лахмачы
У заведуюшчай дачы.

На гарэ стаіць бяроза,
Пад бярозай — каштаны.
Дзед на бабе польку рэжа,
Аж калоцяцца штаны.

А на печы на краю
Ябуць мілачку маю.
Я па хаце тупаю
І трасу залупаю.

Мяне бабачка вучыла,
Як у дзевачак прасіць:
«Ангелочак, дай разочак,
На руках буду насіць».

Мяне бабушка вучыла,
Каб я жопаю круціла:
«Ох, унучачка мая,
Круці жопаю, як я».

Гарманіст, гарманіст,
Палажы мяне на ніз.
А я ўстану пагляджу,
Ці я хораша ляжу.

Дзед Мароз Снягурачку
Падмануў, як дурачку.
Палажыў на лавачку
І паставіў палачку. [248]

Як на Тураўскім масту
Мыла дзеўчына пізду.
Мыла, мыла да ўсё церла,
Паднялась —
Яна ўсё чэрна.
Падзівіўся Герасім,
Які пекла неўгасім!

З вечарынкі ішла,
На кладачку села.
Праву ножку падняла,
Ўрэмя пагладзела.

Так нікому не ўдалося,
Як нашаму Юрку.
Сам на печы, яйцы — ў печы.
А хуй — у пячурку.

Прыязджайце ка мне ў сваты,
Я ўжо багатая.
Сіські выраслі бальшыя
І пізда касматая.

Я па ву́ліцы ішла́
І прысві́стывала.
Пізду ко́зырам нясла́,
Жо́пу вы́ставіла.

Дзе́ўкі бе́лы, дзе́ўкі бе́лы,
Дзе́ўкі са́харны пясо́к.
Не жале́йце, дзе́ўкі, цэлак,
Мы вам здзе́лаем з дасо́к.

«По́йдзем, ма́льцы, па дзярэ́ўні
І бяды́ надзе́лаім.
Каму́ ваке́нца разаб'ём,
Каму́ банка́рта здзе́лаем.

Ка́жуць, ку́мачка душа́.
Ка́жуць, ку́мка хараша́.
А што ж гэ́та за кума́,
Што пад ку́мам не была́?

Ты, Сямёнаўна, Сямёнаўна,
Сямёнаўна сем раз,
А няўжо́ ж, мая́ Сямёнаўна,
Да ра́ніцы не даш?

Ай ты, по́лечка-трасу́ха,
Дай пама́цаць каля́ бру́ха.
Хоць трасі́ся — не трасі́ся,
А пад ра́ніцу дасі́ся.

А ў маёй а ў міленькай
Да сарафа́нек сіненькі.
На сарафа́не сем шнуро́ў.
Пад сарафа́нам — будзь здаро́ў!

А ў маёй міла́шачкі
Залатыя ляшачкі.
А ў мяне́ — кане́ц стально́й,
Дава́й паля́паем з табо́й.

Як на Ле́пельскім шляху́
Е́хала міліцыя.
Станавіцесь, дзе́ўкі, ра́кам,
Бу́дзе рэпеці́цыя.

Ах ты, мілая мая́,
Каб цябе́ хале́рыя.
З табо́й но́чку пераспа́ў,
А ты мне ня ве́рыла.

Я дава́ла Са́ўцы
У сеня́х на ла́ўцы.
Я дава́ла Верамé́ю,
А ён ка́жа: «Не ўме́ю».
Я дава́ла афіцэ́ру,
А ён ка́жа: «Не пацэ́лю».

Каб я зна́ла, не дава́ла
Ды таму́ Дзяні́су.
Ён змясі́ў і змалаці́ў
Ку́рыцу на мі́су.

Каб я зна́ла, не дава́ла
Ды гэ́таму Ві́нкі,
Раскало́ў маю пізду́
На дзве палаві́нкі.

Стань ка мне ты перадо́м,
А я к табе́ гру́ддзю.
А як но́чка нас заста́не —
Вынімáй ару́ддзю.

І дай — гавара́ць,
І не дай — гавара́ць.
Трэ́ба даць і паўтары́ць,
Пераста́нуць гавары́ць.

А вы, дзе́ўкі, ба́бы, зна́йце.
Кілава́тым не дава́йце.
Бо я ду́раю была́,
Кілава́таму дала́.
А ні ўку́су, а ні сма́ку,
То́лькі б'е кіло́ю ў сра́ку.

Мая́ мілка захварэ́ла.
Захаце́ла малака́.
Не папа́ла пад каро́ву,
А папа́ла пад быка́.

А ў дзе́да — кулямёт,
А ў ба́бы — міна.

Заражáлі ўсю ноч,
Білі да Берліна.

Ай, дзéдзька мой,
Чагó сéрдзісся,
Чамý ж ка мне перадкóм
Не павéрнесся.

Пéйця, дзéвачкі, прыпéвачкі,
А мне не да тагó.
Мой дзядóк памёр на бáбцы,
Невядóма ад чагó.

Палюбіла Андрыя́на
І Гагáрыну далá.
І такóя аніччушчэ́ння,
Як у кóсмасе былá.

Палюбіла б я Хрушчова.
Ён і пáрань нічагó.
Ды баюсь, што ўместа хýя
Кукурýза ў ягó.

Нóвы рýскі, нóвы рýскі,
А навéйшы беларýс.
Хуй тым áтамам[1] напхáны,
Што ябé, як землятрýс.

Кажуць, усё ў нас ня мóдна,
Як пяюць і як ядýць.
А найгóрш тагó ня мóдна,
Што па-стáраму ябýць.

Ой, Сямёнаўна, бáба бóйкая.
Семяры́м далá і не вóйкнула.

Ой, Сямёнаўна, бáба хітрая.
Любіла Стáліна, радзіла ад
Гітлера. [249]

Каля́ рэ́чкі я ішлá
І паймáла шчýчку.
Мяне́ мілы паваліў,
А я нóгі ў кýчку.

Ня стóй пад акнóм,
А хадзі ў хáтку.
А я тáбе тóе дам,
Што мамýля — тáтку.

Мяне́ мілы праважáў
Éльнічкам-бярэ́знічкам.
Раз пятнáццаць падымáў
Ю́бачку з пярэ́днічкам.

Калá рэ́чкі ішлá,
Устрэ́ціла Міхéя.
А ў Міхéя міжы ног
Гусíная шэ́я.

Дзéўкі ў вóзеры купáлісь,
Я на кáмушкі сядзéў.
Дзéўкі чýду паказáлі,
А я ў вóзера ўлящéў.

Адкры́й, мáмка, варатá,
Я з вячóрачкі іду́.
Адарвáлі мáльцы сіські,
Я ў кашóлачкі нясу́.

Ай спасíба Гарбачóву,
Ай спасíба Мішке.
Мужыкі не стáлі піць,
У іх паднялісь шы́шкі.

З нéба звёздачка ўпáла
Гарбачóваму ў штаны́.
Чорт з табóй, што мы галóдны,
Абы́ нé была вайны́.

Не хадзíце, дзéўкі, зáмуж,
Зáмужам не берагýць.
Перадзéлаюць на бáбу
І спасíба не дадýць.

Ой, дзед, ты мой дзед,
Ты не знáеш маíх бед.
Захацéлася маркóўкі,
У гарóдзе такóй нет.

---

[1] Тем атомом.

Ой, агу́рчыкі
Ды памідо́рчыкі.
Ён завлёк мяне́
А ў калідо́рчыкі.

Каб я зна́ла, не абяца́ла б
Ды тако́му дураку́.
Паваліў мяне́ ў кана́ву,
Шука́ў дзірку на баку́.

Ай не скажу́, якая ба́бка
На рабіну ла́зіла.
Сабе́ піську паламáла,
Гуталінам зма́зала.

Ай, Ягор-Ягóрушка,
Надзе́лаў ты мне го́рушка.
Надзе́лаў го́ра і забо́т,
Што не схо́дзіцца капо́т.

Баява́я, баява́я,
Баяво́й я атама́н.
Я нача́льніку міліцыі
Забра́лася ў карма́н.
Баява́я, баява́я.
Баяве́й я сатаны́.
Я нача́льніку міліцыі
Забра́лася ў штаны́.

Я не зна́ю, як каму́,
Ну, а мне забо́та –
Шавяліцца ў жываце́
Мілага рабо́та.

А ў дзе́вачкі пад ю́бачкай
Батарэ́йку я знайшо́ў.
Расшпілілася шыры́нка,
Сра́зу но́мер падышо́ў.

Не руга́й мяне́, маму́ля,
Што я прастудзілася.
Я ў шо́фера ў кабіні
Тармазіць вучы́лася.

Я ў Кла́вы начава́ў,
Я ў Кла́вы спіўся.
Я ў Кла́вы на крава́ці
Пра штаны́ забы́ўся.

Не ідзіце, дзе́ўкі, у ба́ню,
А там мы́ецца яўрэ́й.
А ў яўрэ́я – батарэ́я
Ад сцяны́ аж да дзвярэ́й.

Чабо́х, чабо́х па бало́ту
Ідзе́ць піська на рабо́ту.
Яна́ лы́чкі дзярэ́ць[1],
Ху́ю ла́пці пляце́ць.
Каб і бо́сым не хадзіў,
Каб і цы́пак не насіў.

Лейцена́нта я любіла,
А маёра хо́чацца.
Патаму́ што ў маёра
Па зямлі вало́чыцца.

А стару́ха стары́ка́
Памяня́ла на быка́.
А бык се́на ўсё пае́ў,
Пад карму́шкай акале́ў.

Ідзём, ідзём па ву́ліцы.
Сядзіць пяту́х на ку́рыцы.
Я ду́мала – на якой,
Ён на ры́жанькай маёй.

Сядзе́ла дзе́ўка на лугу́,
Паглядала пад нагу́.
А што гэта за сара́й,
Хоць мядзве́дзя запіра́й.

Ого-го́, ого-го́,
Які хер у майго́,
І варо́ты падпёр,
І Куліну прыпёр,
Сам падпераза́ўся,
Яшчэ́ мне кане́ц аста́ўся.

[1] Дерет.

Раскаціўся гарох
На чатыры часці.
Сорак цэлак я зламаў
Пры Савецкай власці.

Мая мілая красіва
Ды багатага атца.
У гародзі сагласілась
За чатыры агурца.

Ішлі дзеўкі баразною,
Нашлі хуя з барадою.
Адна кажа: «Рэжмо»,
Друга кажа: «Ежмо».
Трэця кажа: «Не псуймо,
Да па разу ўсуньмо».

Гаварыла сваймў дзеду:
«Беражы маркоўку,
Скора ў космас паляцім,
Здзелаем стыкоўку».

Ой, якая я была
У дзеўках інцерэсная,
У дзеўках дзевачку радзіла,
Замуж вышла чэсная.

Мяне мілы паваліў
У чорную смародзіну.
А я рукі падняла
І крычу: «За Родзіну!»

Баба дзеда называла
Нагляцом і падляцом.
А цяпер яго назвала
Аднаразавым шпрыцом.

Дарагой міліцанер,
Разбяры мае дзела:
Нікаму я не давала, —
Ад каго я радзіла?

Дзед у бабкі пад юбкай
Аблігацыю нашов.
Расчапів сваю шырынку,
Сразу номер падышов.

Ой, мужчыны вы мужчыны,
Скора будзе вам капут.
Яйцы пойдуць на гранаты,
А муды — на парашут.

А я з Юркам ішла,
Цацку з дзюркай нашла.
Юрка плача, а я — не,
Цацка з дзюркай у мяне.

Мяне мілы тузаў, тузаў,
Думаў, што я без райтузаў.
«Ты ня рві мае штаны,
Гузік — з левай стараны».

«Ай, мамка, баюся,
Лезе чарвяк па брусе». —
«Ой, дачушка, не ў бядзе,
Знойдзе дзірку, прападзе».

Ой, нікому так не добра,
Як нашай Алёне.
Каму хоча, таму дасць,
Ніхто не адбароне.

Ажаніўся стары дзед,
Пагляддзеў, а сюсі нет.
«А бадай ты хварэла,
Дзе ты сюсю падзела?»

Паехаў неяк на базар, на базар
Падслепаваты дзед Макар,
дзед Макар.
Хацеў сабе штаны купіць, ой,
купіць,
Каб сраматў сваю прыкрыць,
ой, прыкрыць.
Прымерыў, выбраў і купіў, ой,
купіў,
А рамяшок удзець забыў, ой,
забыў.
Яшчэ купіў сабе рубаху, ой,
рубаху,
Каб прад бабай не даць маху,
не даць маху.

Рубáха нóва па калéна, ой, па калéна,
З-пад рубáхі як палéна, ой, як палéна.

Наш татýлька ўпіўся,
На мамýльку ўзбіўся.
А мамýлька ліхáя —
Татýльку спіхáя. [250]

Цераз рэ́чку да калінавы мост
Там Івáнька сваю Вáлечку нёс.
Ягó малóйчыкі[1] пытáліся:
«Ці не цяжка табé?» —
«Цяжка не цяжка, казáці не бýду.
Цяжка не цяжка, кідáці не бýду.
Калі кіну дык у мякіну,
А з мякіны — ў салóму,
А з салóмы — мне самóму».

Ішóв кум по сэлý,
Кумá — по горóді.
Нэсэ́ кум чэпелý,
Кумá — сковорóду.
Кум дрів насячэ́,
Кума блінів напэчэ́.
Кум блінів ны хóчэ,
Колó кумы́ рогóчэ. [251]

Дай Бог вам мóцы
У рýчкі, у нóжкі
І між ног трóшкі. [252]

Дзед з бáбай на пячы́
Гулялі ў футбóла.
А як бáба не вярцéлась,
Дзед забіў ёй гóла. [253]

Наварыла варэ́нічкаў,
Нямá камý éсці.
Разлажыла рýкі, нóгі,
Нямá камý ўзлéзці. [254]

Пайшóў дзед па грыбы́,
Бáба — па суніцы.
Прышóў дзед без штанóў,
Бáба — без спадніцы. [255]

Ой ты, мая мілачка,
У цябé — карытца.
У мянé ёсць парсючóк,
Дай ямý пары́цца. [256]

Ты ня жмі мянé да плóту
І ня лезь абы-куды́.
Я ж табé не гарадскáя,
Як ажэ́німся — тады́. [257]

Ох, там у копы́тцы
Просів зáяц у лысіцы.
Онá ёму говоры́т:
«У міне нóжка боліт.
Ох, і нóжка боліт,
І под нóжкой боліт.
Онó ж там не боліт,
Дзе мой мілы шэвеліт». [258]

У майгó мілёначка
Да акурáтненькій насóк.
Вóсем кýрачак садзіцца,
А дзевяты — петушóк.

Выхаджý і запявáю,
Пачынáю прóста.
Я рашыла ўсім давáць
Лет да дзевянóста.

Я на рэ́чкі былá,
Бáчыла Ігнáта.
У ягó яі на тры пýда,
А хуй як гранáта.

Кóля мой, Кóля мой.
А я Кóліна.

[1] Мóлодцы.

А ў Ко́лі ме́жду ног
Частако́ліна.

Ва́ся мой, Вася мой.
А я Ва́сіна.
А ў Ва́сі ме́жду ног
Як каўба́сіна.

А мне ма́ма гавары́ла:
«Гуля́й астаро́жна.
Пад машы́ну не лажы́ся.
Пад шафёра мо́жна».

Перастро́йка, перастро́йка.
Я ўжо перастро́ілась.
У суседа хуй харо́шы,
Я к яму́ прыстро́ілась. [259]

Я па ву́ліцы ішла́,
Напа́лі сaба́кі.
Разарва́лі мне спадніцу
Да са́мае сра́кі.

Я па ву́ліцы ішла́,
Набра́лася стра́ху.
Та́я я́блыню трасла́
З усягó разма́ху.

Я па ву́ліцы ішла́
І насві́стывала.
Фартушо́к – на бачо́к –
Пізду́ вы́ставіла.

Я па ву́ліцы ішла́,
Ву́ліца ўгіна́ецца.
Да́йце, дзе́ўкі, кусо́к са́ла.
Хуй не падыма́ецца.

Я і так, я і сяк,
Я і цы́цкі наўскася́к.
Я і піську напяро́д,
Ніхто́ за́муж не бяро́т. [260]

Гавары́ла ба́ба дзе́ду:
«Паламáю но́гі.
Каб не ла́зіў у пасце́ль,
Не рабіў трыво́гі».

Усё ў нас до́бра,
Усё ў нас е́.
Адно́ то́лькі го́ра,
Што хуй не ўстае́.

Мне не на́да «Жыгулі́»,
Мне не на́да «Ла́да».
Ліш бы хуй на тры́ццаць тры
І стая́ў, як на́да.

Як жыла́ я ў айца́,
Не віда́ла і яйца́.
А цяпер мой ко́ханькі
Хло́паіць па жо́панькі.

У магазі́не паяві́лась
Па сто ты́сяч каўбаса́.
У нача́льства хуй падня́ўся.
У рабо́чых – валаса́.

Маю мі́лку ра́нілі
На краю Герма́ніі.
Ме́ста пу́лі хуй ваткну́лі,
До́ўга бараба́нілі.

Ра́ней бы́ла як абі́дна:
Із-пад ю́бкі ног ня ві́дна.
А цяпе́р вот благада́ць:
Із-пад ю́бкі ўсё віда́ць.

У ба́ні ба́банькі мясі́сты
Ізныва́лі ад таскі́,
Вдруг захо́дзят камуні́сты,
І ва ўсі́х – бальшавікі́.

Я люби́ла сто папо́ў,
Дзья́канаў – тры́ста.
Што хаці́це гавары́це,
Душа́ мая́ чы́ста.

Шы́ла мі́ламу штаны́
І ў рацэ́ купа́лася.
А дзе ж та́я качу́лачка,
Што ў штана́х кача́лася?

Не хадзі́це, дзе́ўкі, за́муж:
Ця́жка бу́дзе ў пе́ршы раз.

Перакру́ціцца паду́шка,
Пераве́рнецца матра́с.

Ой, мі́лка мая́,
Шавялі́лка мая́.
Шавялі́, пака́ рабо́тае
Шавялі́лка твая́.

Як у на́шага папа́,
У папа́ Міко́лкі,
Дзе́ўкі ху́я адарва́лі
Сабе́ на прыко́лкі.

Як у на́шага папа́,
У папа́ Яўге́нія,
Сядзіць мо́шка на хую́ –
Піша заяўле́нія.

Што но́вага?
Спайма́лі го́лага,
Захаце́лі спавіць,
А ў яго́ – стаіць.

Ой, Сямён, Сямён,
Да мі́лы Се́нечка,
Да засу́нь ты мне,
Да хараша́нечка.

Малада́я ку́рыца
Усё да пло́та ту́ліцца,
А стара́я кво́кча,
Што ніхто́ не то́пча.

Ігра́й, весялі́сь,
Што́бы ку́рачкі вялі́сь,
Петушкі вадзіліся,
На ку́рачак садзіліся.

Ой, зяць це́шчу
Зацягну́ў у рошчу.
Трашчы́ць ро́шча,
Пішчы́ць цёшча.

Касі́ў ба́цька, касі́ў я,
Закасі́лі салаўя́.

Пасадзі́лі пам́іж ног,
Ён наню́хаўся і здох.

Я, быва́ла, усім дава́ла
І Міко́лу, і Пятру́.
А цяпе́р баю́ся СПІДу,
Лу́ччы ве́нікам натру́.

Ой, ку́мка шуці́ў[1],
За кале́нку ўкусі́ў,
А дайшо́ў да сма́ку,
Укусі́ў за сра́ку.

Ой, ю́бка мая́,
Ю́бка-раздува́лка,
А пад ю́бкай у мяне́
Хле́баздабыва́лка.

Гавары́ла ба́ба дзе́ду:
«Я ў Аме́рыку пае́ду,
Пасту́плю ў публі́чны дом,
Бу́ду жыць сваі́м трудо́м».

Гавары́ла ба́ба дзе́ду:
«Я ў Аме́рыку пае́ду». –
«Ах ты, ста́рая пізда́,
Туды́ не хо́дзяць паезда́».

«Дала́ б, да баю́ся,
Бу́дзе до́чка Мару́ся». –
«Не бо́йся, дава́й,
Бу́дзе сын Мікала́й».

Ой, ба́бкі мае́,
Вы, ста́рыя чэ́рці,
Нажылі́сь, наяблі́сь,
Дык чака́йце сме́рці.

Ой, ёб ва́шу маць,
З ва́шай ву́ліцай,
Пайду́ ля́гу на сваю́
Кве́рху ку́рыцай.

З не́ба зо́рачка ўпа́ла
Пра́ма Гітлеру ў штаны́,

[1] Шутил.

Яму́ ху́я адарва́ла,
Ён крычы́ць: «Кане́ц вайны́».

Адна́ ба́ба адурэ́ла,
Кілава́таму дала́.
Нарадзіўся сын Гаўры́ла,
Со́рак фу́нтаў галава́.

Я раджа́ўся ўверх нага́мі,
Ба́цька ду́маў: чорт з рага́мі.
Ба́бка бе́гае, аро́т:
«Камсамо́льца Бог даёт».

Ох, штаны́ мае́ ў пало́ску,
Харашы́ вы, харашы́.
Прывяза́ліся ка мне дзе́ўкі:
Пакажы́ ды пакажы́.

Калі б не бы́ло вады́.
Не было́ б і грэ́блі.
Калі б не бы́ло дзяўча́т,
Не было́ б і е́блі.

Член ты мой апа́ўшы,
Член мой амярцве́лы,
Што вісіш, сагну́ўшысь,
У калашы́не ле́вай.
Чэ́раз гэ́ту п'янку
Лез куды́ папа́ла.
А цяпе́р у нябо́гі
Сілушкі не ста́ла.
Апусці́ў гало́ўку,
Зму́чаны ў до́ску,
Ты цяпе́р падо́бны
На пусту́ю со́ску.
Відна, не прыдзёцца
Бо́лей наслажда́цца.
То́лькі астало́ся
Паміж ног баўта́цца.

Біла мя́не ма́мка
Армату́рным га́кам,
Каб я не стая́ла
У паро́зе ра́кам.

Я не ля́гу пад машы́ну,
Там зада́віць калясо́.
А я ля́гу пад шафёра,
Там цяпло́ і харашо́.

Мяне́ ма́манька руга́ла
І руга́ла гро́зна:
«Пад машы́ну не лажы́сь,
Пад шафёра – мо́жна».

Будзь здаро́ва, дарага́я.
За́ўтра еду ў Азію,
Мо́жа быць, апо́шні раз
На цябе́ зала́зію.

Мой міле́нькі працава́ў
На Ко́льскім паўво́страве,
Адмаро́зіў сабе́ хуй,
Сла́ва Табе, Го́спадзі.

Раззлава́ўся ста́ры дзед
І, набра́ўшы ду́ху,
До́ма ёй зада́ў бале́т –
Выебаў стару́ху.

На гарэ́ бара́на рэ́жуць,
Пад гаро́й бара́н мычы́ць.
Ба́ба дзе́да схараніла,
А з магілы хуй тарчы́ць.

Мая́ мілачка хварсіла
У разінавых труса́х,
На піздзе́ тры валасіны,
Як у за́йца на вуса́х.

Дзе́ўкі па лясу́ хадзілі
І напа́лі на траснік.
Са́мі цэ́лкі палама́лі,
А сказа́лі, што – ляснік.

Цікаў, цікаў я за ей,
Ду́маў, цэ́лачка ў ей,
Аказа́лася ў ей
Шы́рэй ша́пачкі мае́й.

Вот мой міленькі ідзé
На дýдачку свішча.
Ягó лáпы касалáпы,
Хуй, як тапары́шча.

Я карóвачку даіла,
А папáла пад быкá.
А што ж гэ́та за карóва.
Нáдта сіська велікá.

Мы Амéрыку дагнáлі
Па надóях малакá,
А па мя́су не дагóнім.
Хер зламáўся ў быкá.

У папá, у папá
У папá Васíлія
Тры аршы́на каўбасá
І залýпа сіняя.

Я гарэ́лачкі хачý,
Гарэ́лачкі дáйце.
Як нап'юся – павалюся,
Хлóпцы, не зевáйця.

Гавары́ла старыкý:
«Не хадзі ты за ракý».
Не паслýхаў, утанýў,
Тóлькі хýем баўтанýў.

І кóсці баля́ць,
І сустáвы баля́ць.
Адзін сустáў
Па калéна ўстáў.

Бáбы спóрылі ў Кашы́ры,
У катóрай пізда шы́ры.
Аднá вы́шла напакáз,
У яé як мéдны таз.

На гары́ стаіць бяроза,
Сóкам налівáецца.
У магазіне ёсць разіна –
На хуй надзівáецца.

На гары́ стаіць бярóза,
Пад гарóю – ліпа.
Вáнька Тáньку паваліў,
Дзéлаюць Піліпа.

Базáр бальшóй,
На базáры пýста.
А дзед бáбу паваліў
І шукáе кýста.

А што гэ́та за супéц –
Бýльбачка з квасóляю.
Я цябé ябáць не стáну,
Тóлькі абмусóляю.

«Ой, цéшча мая́,
Бýду развадзіцца.
Твая́ дóчка пáда мной
Плóха шавяліцца». –
«Ой, зяць дарагі,
Што-та мне не вéрыцца.
Пад харóшым мужыкóм
І браўнó шавéліцца».

Бáба дзéда схараніла,
Тры нядзéлі ры́гала:
«А дзе тáя папірáшка,
Што па пýзу пры́гала?»

Нáша Мáша стáра, стáра,
Ніхтó зáмуж не бярэ́.
Прывязáць яé к бярóзі,
Няхáй зáяц аддзярэ́.

Ой, тапы́, тапы́, тапы́,
Што надзéлалі папы́.
Павялі кабы́лу ў лес.
Пéрвы бáцюшка палéз.

Ой, цéшча мая́,
Глянь-ка на ікóну.
Тваю дóчку ябýць
Па нóваму закóну.

Ой, мілка мая́,
Пакажы́ варóнку,

А я табе — салаўя,
Красную галоўку.

Сядзіць воўк на капé,
Чэша яйцы, аж храпé.
А лісіца са смяхý
Паміраe на стагý.

«Ой ты, мамка-мамачка,
Свярбіць мая ямачка». —
«Чашы, дочка, пальцамі,
Пакуль прыдзе з яйцамі».

Валянціне Церашковай
За палёт касмічаскі
Фідэль Кастра падарыў
Хуй аўтамацічаскі.

Дзéвачкі, вайна, вайна,
Дзéвачкі, пабéда.
Баба ў жопу заебла
Старэнькага дзéда.

А мне мілы падарыў
Новенькія буркі.
А я ногі падымаю
Вышэй сваёй куркі.

І ручкі баляць,
І ножкі баляць.
Толькі тоя не баліць,
Дзе мой мілы шавяліць.

Харашо на пéчы спаць,
Шубай накрывацца.
Харашо казу ябаць.
Ё за што дзяржацца.

Я купіла каўбасý
І ў прыпол палóжыла.
Нéшта éта каўбаса
Мянé растрывожыла.

А мой мілы-дарагі,
Ты красівы на ліцó.
Я з табой у бані мылась,
У цябé аднó яйцó.

Не скажý, якая баба
На бярозу лазіла,
Дзéсяць фунтаў вазіліну
Па піздзé размазала.

У лясý ды ў лясý,
У лясý на хворасце
Дзед бабу ябаў
На чацвёртай скорасці.

Як у Мані на сцянé
Ды вісіць цыбуля.
Мне сказалі, мой мілéнькі,
Што ў цябé нет хуя.

Ты сарока-белабока,
У цябé чорненькі хвасцéц.
Пачакай, ты мой мілёнак,
Пакуль пізда абрасцéць.

З нéба зорачка ўпала,
І караблік патанýў.
Маю мілку пад заборам
Парасёнак ебанýў.

Як мы з міленькім сядзéлі
На асінавым браўнé.
У яго зашавялілась,
Захацéлася і мне.

Як на нашым на вакзале
Вераб'і сінічку дралі.
А сінічка не давала,
Піздý лапкай прыкрывала.

Ой, дзéвачкі, п'яна, п'яна.
Свярбіць мая абазьяна.
Пайдý дзéду далажý,
Абазьяну пачашý.

Палюбіла ёбара,
А ён із Чарнобыля.
Палажыла паміж ног,
Ён нанюхаўся і здох.

Усё ў нас добра,
Усё ў нас е.

Адно́ толькі го́ра –
Хуй не ўстае́.

Усё ў нас дрэ́нна,
І дроў ні пале́на.
Адно́ то́лькі шча́сце,
Што хуй па кале́на.

Ішла́ ба́ба з Зэ́львы,
Захаце́ла ве́льмі.
Аб вярбу́ пацёрлася
І дале́й папёрлася.

Ішла́ ба́ба з Барылёў,
Знайшла́ то́рбачку хуёў,
Разлажы́ла іх на ку́чкі,
Пахвата́лі хуі ўну́чкі.

Не вядзі мяне́ ў мякі́ну,
Бо я пакалюся.
А вядзі ў лебяду́,
Сама́ павалюся.

Мяне́ мі́лы ту́заў, ту́заў
І хаце́ў парва́ць штаны́.
«Ты ня рві мае́ штаны́,
Гу́зік з ле́вай стараны́».

Ой, снег-сняжо́к,
Бе́ла завіру́ха.
Каб у цябе так стая́ла,
Як у за́йца ву́ха.

Ба́цька з пра́цы прыстава́ў,
А я па́лку ста́віў.
Ба́цька кіем лупану́ў,
Я мі́лку аста́віў.

Як хадзілі жабракі
Ды або́два батракі.
Дзед браў пірага́мі,
Ба́ба – то́ўстымі хуя́мі.

Дзед ба́бе паказа́ў
І аж засмяя́ўся.
Як стара́я трусы́ зняла,
То і ён спужа́ўся.

Ох, то́пну наго́й
І прыто́пну друго́й.
У цябе́, мая́ падру́жка,
Пізда вы́гнута дуго́й.

Не хадзіце, дзе́ўкі, у ла́зню,
Бо там мы́ецца яўрэ́й:
Валаса́ты, што гары́ла,
Хуй за качаргу́ таўшчэ́й.

Паслуха́йце мяне́, дзе́ўкі,
Не дава́йце ра́кам.
Валіцеся на спіну́,
То по́йдзе са сма́кам.

Ой, гаво́раць мне даўно́,
Што я невязу́чая.
Ро́стам вы́расці не вы́шла,
Да хуёў паду́чая.

Вось бяда́, дак бяда́,
Вось такое го́ра.
Мілы мяне трэ́ці дзень
Но́чанькай не по́ра.

Палівáю ко́жны дзень
У гаро́дзе гуро́чкі.
Вось каб ху́тка так раслі
У хло́пцаў хуёчкі.

На́ша па́ртыя радна́я
Вяла́ сваю лінію,
Каб усіх пераябáць
Не хуя́мі – хіміяй.

Ой, сей, Майсе́й,
Дальбо́г, каб ты скіснуў[1],
Як учо́ра ты мяне́
Це́раз сра́ку ціснуў[2].

[1] Прокис.
[2] Тиснул.

Гля́ну-кіну на яліну
І аж су́мна ста́не,
Не цуке́ркамі часту́юць,
А таўсцённымі хуя́мі.

Вазьму́ сваю мілку
За гара́чу спінку,
На бачо́к перавярну́,
Ху́ем до́бра кавярну́.

Ой, ба́цька дарагі,
Не сячы́ лучы́ну,
Бо як ма́е не ўябу́
Я сваю дзяўчы́ну.

Ой, любо́ў ты, любо́ў,
Ка́менная сіла.
Майго́ мілага ўсю ноч
На хуя́х насіла.

Палюбіла я яго́,
А ён, дзе́вачкі, – шафёр.
У яго́ нако́нт каха́ння
То́лькі ржа́венькі мато́р.

Палюбіла трактары́ста,
Ду́мала, што па́ша.
Я зайшла́ ў чы́ста по́ле,
Ён труса́мі ма́ша.

Сербія́начка Ната́ша,
Не хадзі на ву́ліцу.
Адарва́лі хло́пцы сіські,
Адарву́ць і ку́рыцу.

На вясе́ллі была́,
Напіла́ся ро́му,
Каб хто па́лачку паста́віў,
Я б пайшла́ дадо́му.

Як і ў вас, так і ў нас
Канюшы́ну ко́сяць.
Як і ў вас, так і ў нас
Хло́пцы дзе́вак про́сяць.

На база́ры ў кутку́
Хло́пцы прадаю́цца,
На капе́йку со́рак штук
І хуі трасу́цца.

Ка́жуць, ой, што ёлкі ко́лкі,
Ім такімі трэ́ба быць.
Ка́жуць, ой, што дзе́вак
тра́хаць,
Ім такімі трэ́ба быць.

Я іду́, я іду́,
Ста́ну і паду́маю.
Мілая дала́ усе́ду,
Я ж, няшча́сны, ду́маю.

Гарманіст, табе́ дава́ць,
То́лькі ку́рку му́чыць.
Ты ж хваліўся, што стаіць,
А ён не фуры́чыць.

Раз дала́, два дала́,
Не перадыха́ла.
Паку́ль то́ўсты хуй знайшла́,
Мно́гіх перабра́ла.

Каб табе́ таку́ю па́лку,
Мілая, паста́вілі,
Што аж но́гі пакрывіла,
Во́чы павыла́зілі.

Вы́піла гарэ́лачкі,
Захаце́ла па́лачку.
Хло́пцы ху́тка мне зрабілі
Дзе́вачку Ната́лачку.

Ой, я ма́мцы не скажу́,
Што хло́пцам дава́ла,
Бо яна́ ж мне наказа́ла,
Каб цэ́лку не рва́ла.

Ка́жуць: «Ця́жка дава́ць»,
А я не баюся.
Калі то́лькі хто папро́сіць,
Я пад ніз кладу́ся.

Муж сказа́ў: «Працэ́с пашо́ў»,
Павярну́ў на пу́зу
І пача́ў кляпа́ць адра́зу
Сы́на-карапу́за.

Я хацéла паглядзéць,
Што там бáцька рóбіць.
А ён хýем нібы кіем
Сусéдку малóціць.

Ой, чагó цябé скрывіла,
Сябрóвачка Свéтачка,
Цяпéр дóбра бýдзеш вéдаць,
Што хуй не цукéрачка.

Учóра з вéчара далá,
Дýмала, што прóйдзе,
Муж ніякага слядá
У піздзé не знóйдзе.

Ой, біце[1] мяне́,
Прыбівáйце к дýбу.
Як давáла ўсім, хто прóсіць,
Так давáць і бýду.

Мяне́ хлóпцы павалілі,
Я і не крычáла,
Калі дóбры хуй улáзіў,
Нóгі расстаўляла.

Усé сябрóўкі, як сябрóўкі,
Ну, а я передавá,
Бо ўсіх тычуць адны́м хýем,
А мяне́ адрáзу ў два.

Ой, мамка, не крычы́,
Бо я ж не давáла,
Калі хуй з штанóў вылáзіў,
Я спінóй ляжáла.

А мой мілы ў зарóбках,
То мне дóбра, весялó.
Бо ранéй адзін ябáў,
А цяпéр усё сялó.

Я адрáзу не заснý,
Бо ніякі сон ня йдзé,
Пакýль мілы разóў пáру
У рóзных пóзах не ўдзяўбé.

Я па вýліцы пашлá
Пакýль аглядáлася.
Аказáлася, сябрóўка
Ужó паябáлася.

Ой, тóпну нагóй
Ды махнý рукóй,
Нóччу дзéўкі ляжáць
Дагары́ піздóй.

Мужы́к жóнку сварыў,
Каб жа не давáла.
А яна́ ямý ў адкáз
Піздý паказáла.

Ой, ябі мяне́, ябі,
Пакýль я не ссóхла.
Вунь сусéдка на тым ты́дні
Дык без хýя здóхла.

Ох, чыя́ ж гэ́та вёска,
Чыя́ ж гэ́та хáта,
Чыя́ ж гэ́та дзéўка,
Што пізда парвáта.

На вясéллі былá
Ды дахáты ішлá,
На дарóзе, на пяскý
Хуй бярóзавы знайшлá.

Мяне́ хлóпцы яблі
У зялёным жы́це,
Дарагія сябрóвачкі,
Мáці не кажы́це.

Ой, раз, яшчэ́ раз,
Пад зялёным дýбам,
Папаёб мяне́ там
Сáшка з ры́жым чýбам.

Ой, сябрóвачкі, бядá,
Нéяк ры́жаму далá.
І праз тры́ццаць вóсем ты́дняў
Я дзяцёнка радзілá.

---

[1] Бейте.

Гоп-са, каўбаса́
І пе́ршага ма́я.
Сямі́ хло́пцам даю –
Паро́да така́я.

Пакладзі́це, пакладзі́це,
По́тым са́мі ля́жце,
То́ўстым ху́ем, што пале́нам
До́бра адкаўба́сце.

Сі́ні лён, сі́ні лён,
Сі́нія вало́шкі.
Хло́пцы гэ́тулькі яблі́,
Што скрыві́ла но́жкі.

Ста́ры хлеў, ста́ры хлеў,
Схі́лены, гарба́ты,
Што пале́на вісі́ць
Хуй майго́ та́ты.

Ране́й све́ту не было́,
Лю́дзі мно́га спа́лі,
Дзіцяня́так, што гаро́ху,
Сабе́ нарабля́лі.

Ой, кій ляжы́ць,
То́ўсты, сукава́ты,
Калі́ па́лку не паста́вяць,
Не пайду́ даха́ты.

Ся́бра мой, дру́жа мой,
Радыёлюбі́цель.
Прычапі́ў сабе́ да хуя
Гукаўзмацні́цель[1].

Трактары́ста палюбі́ць,
Трэ́ба до́бра е́сці.
Ён жа лю́біць сваю жо́нку
Да ра́ніцы трэ́сці.

Гаво́раць усе́,
Што я курапа́тка:
Да рабо́ты я ляні́ва,
Да яба́ння па́дка.

Чу́хаўскія хло́пцы
Высако́ нясу́цца.
Сваі́х дзе́вак не ябу́ць,
З сві́ннямі пасу́цца.

На́шы хло́пцы, ой, бяда́,
Ні́дзе не спыня́юцца.
Зло́вюць ста́рую пізду́
І з ёю цяга́юцца.

Чу́хаўскія хло́пцы
Вы́раслі, як ве́рбы.
Калі́ зло́вяць да засу́нуць,
То ябá́ці ве́рне.

Не ідзі́це, дзе́ўкі, за́муж,
За́мужам ня ло́ўка.
З пе́ршай но́чы на пасце́лі
Бу́дзе трэніро́ўка.

Ой, сябро́ўка дарага́я,
Чаго́ ты пано́сішся.
У цябе́ пу́за вы́шы но́са.
Ху́тка апаро́сішся.

А я ў Гру́зіі была́,
Чай там сабі́ра́ла.
Ка́бы не́ было пізды́,
З го́ладу б прапа́ла.

Ішлі́ дзе́ўкі це́раз я́му,
Знайшлі́ ве́шалку з хуя́мі:
Дзя́куй, Бо́жа, за знахо́дку,
Наябе́мся мы ў ахво́тку.

Я дава́ла, я дава́ла,
Мі́ленькія дзе́вачкі,
Не паду́майце дурно́га –
Із кішэ́ні се́мечкі.

Мая́ мі́лка захварэ́ла,
Ні́чо́га не ку́шае,
У пізду́ ра́дыё ўсадзі́ла,
Перада́чы слу́шае.

[1] Усилитель звука.

Не хадзі ты па масту́,
Не сту́кай капы́тамі.
Не хапа́йце, дзе́ўкі, за хуй
Рука́мі нямы́тымі.

Ох, ёб тваю маць,
Што ж ты, дзе́ду, нарабіў?
Заме́ст ку́рыцы ў ка́шу
Свайго́ ху́я ўсадзіў.

Як была́ я малада́я,
Дык была́ я рэ́зва,
Наяда́лась гарбуза́,
Сама́ на хуй ле́зла.

Ой, я вы́йду на га́начак,
Памалю́ся Богу,
Ці не скіне мне Гаспо́дзь
Ху́я з ко́нску но́гу.

Брыгадзір, брыгадзір,
Ну ў цябе́ і сра́ка.
Ты ў вёсцы сяро́д хло́пцаў
Найпе́ршы яба́ка.

А мой ба́цька не дурны́,
У ша́пку не дрэ́мле,
То́лькі ве́чар настае́,
Ён сусе́дку трэ́пле.

Дзе́ўкі по́льку танцава́лі,
На́дта закруціліся,
Хло́пцы мо́мант скарыста́лі —
Хуя́мі хрысціліся.

Раз рашы́ла, дык рашы́ла,
Як дава́ла, так даю,
Я ў гэ́тым жа́ркім дзе́ле
З баб любу́ю абганю́.

Зале́з мілцы пад спадніцу,
Там нічо́га не віда́ць,
Даста́ў сваю балбату́шку
І дава́й яе́ яба́ць.

Ой, мілка мая́,
Высо́кія гру́дзі.
Калі цябе́ не яба́ць,
Ты мяне́ забу́дзеш.

На стале́ стаіць стака́н,
А ў стака́не — ва́та.
Не чапа́йце мяне́, хло́пцы,
Бо я чарава́та.

На стале́ стаіць стака́н.
А ў стака́не — сліўка.
Не чапа́йце мяне́, хло́пцы,
Бо я шчэ сапліўка.

Ішо́ў ву́ліцай шыро́кай —
Дзе́ўкі ўсміха́ліся.
Я ім ху́я паказа́ў —
Усе́ пахава́ліся.

Учо́ра мілы падману́ў,
Слязамі заліва́лася:
Усё ху́ем пахваля́ўся —
Піська аказа́лася.

Ох, цюх, яшчэ́ — цюх,
Яба́ў ку́рыцу пяту́х.
Як засу́нуў глыбако́,
Ку́ра ка́жа: «Ко-ко-ко!»

Брыгадзір, брыгадзір,
Хро́мавы сапо́жкі.
Калі дзе́ўкі не даю́ць.
Папрасі ў ко́шкі.

Мяне́ мілы цалава́ў
Ды да пло́ту ціснуў.
У кішэ́ні быў гандо́н,
Ён яго́ і свіснуў.

Палюбіла брыгадзіра,
Аграно́ма хо́чацца.
Бо гаво́раць, што ў яго́
Па зямлі вало́чыцца.

Ох, зялёны калідо́р,
Ох, пізда́-прына́да.
Дзе́ўкі тра́хнулі папа́,
Так яму́ і на́да.

Ой, сад-вінаград,
Чырвань-памідоры.
Як мне міленькі ўпёр,
То ўбачыла зоры.

Сара ракам, Сара ракам,
А я перадам дала.
Мне яшчэ больша хуй
патрэбны,
Сара ўчора памярла.

Я спаў і не спаў,
Крыху падглядываў,
Як мой бацька маю мамку
Хуём перацягаваў.

У Сярожкі гарманіста
Надта доўганькі хуёк,
Сорак курачак садзіцца
І апошні сакалок.

Ох, раз, яшчэ раз,
Яшчэ многа-многа раз.
Лепей трыццаць раз старую,
Чым ні разу маладую.

Дала раз, дала два,
Закружылась галава,
Хутчэй лягу на бачок,
Хай запрэ мілы дручок.

Я іду, яна палошча
Сваю камбінацыю.
Спалашчы сваю рубашку,
Я цябе памацаю.

Сіне мора, сіне мора,
Там караблік патануў.
Маю мілку каля плоту
Сівы цуцык ебануў.

А Сямёнаўна
У рацэ купалася.
Вяліка шчучына
У пізду папалася.

Ой, ідзіце, дзеўкі, замуж
За Івана Кузьміча,
Бо ў Івана Кузьміча
Здаравенная свяча.

Я нічога не баюся,
Я на Фурцавай жанюся.
Буду мацаць цыцкі я
Самыя марксісцкія.

Мая мілка, дура дурай,
Занялася фізкультурай.
Хочаш вер, а хочаш плач —
Нарадзіла яна мяч.

Надаела жыць у Пінску,
Усюды трэскі, усюды пыль,
Трэба зробіць абразанне,
Ехаць у родны Ізраіль.

Калі кожнаму даваць,
То разваліцца кравадь.
Калі ўзяўся за грудзь,
То рабі чаго-небудзь.

Тупаў, тупаў каля лавы,
Дзеўкі кажуць, што кілавы.
Дайце, дзеўкі, па рублю,
Я вам дзетак нараблю.

Гарманіст сядзіць іграе,
Сядзіць, пасміхаецца,
У гарманіста з-пад гармоні
Нешта падымаецца.

Ой, спасіба Гарбачову,
Ой, спасіба лічна.
Два дні водачкі не піў,
З бабай спаў атлічна.

Мяне мама біла, біла,
Шчэ й паленам гладзіла:
«Каб жа ты, мая дачушка.
Па хлопцах не лазіла».

Ой, мамка, я прапáла,
Два не лéзе, адзін мáла.
Ой, ца, тáя лыса[1],
У Ягóра падняліса.

Éхалі кітáйцы,
Загубілі яйцы.
Ішлí бáбы за вадóю,
Знайшлí яйцы з барадóю.

І ты пóлька, і я пóлька,
Твая шырай вот на стóлька.
Твая шырай, мая вýжай,
Аж мая тваёй ня хýжай.

Ой, мíлка мая,
Самá вінавáтая.
Не хадзіла б за хлявóм,
Не былá б пузáтая.

А ў дзéда – кулямёт,
А ў дзéда – пýшка,
Зарадзілі на ўсю ноч,
Дýмалі: ігрýшка.

Кáжуць, што ў нас бýльбу з'елі
Каларáдскія жукí.
Без яé перазімуéм,
Былí б тóлькі мужыкí.

* * *

Стáра бáба,
Стáра ба, стáра бáба, як халéра,
А йшчэ хо, а йшчэ хóча кавалéра.
Стáры дзе, стáры дзед, сівы, як лунь,
А йшчэ лю, а йшчэ лю́біць малады́х красýнь.

Припев:
Ой, бядá, ой, бядá, бядá, бядá,
А я бáба, а я бáба маладá.

Ажанí, ажанíўся стáры дзед,
Узяў ба, узяў бáбу мáкаў цвет.
Як палé, як палéглі яны́ спаць,
Стаў каме, стаў камéдыю шукáць.

Припев.

«Ці ты, бá, ці ты, бáба, ашалéла,
Дзе камé, дзе камéдыю ты дзéла?» –
«Ці ты, дзé, ці ты, дзéда, з дýба ўпáў,
Ты ж не там, ты ж не там яé шукáў.
Ты ж шукаў, шукаў яе на спіне,
А янá, а янá пасерадзíне».

Припев.

---

[1] Та лысая.

Ле́зла ба, ле́зла ба́ба на драбі́ну,
Па́ка, паказа́ла палаві́ну,
Ле́зла ба, ле́зла ба́ба з ім на печ,
Па́ка, паказа́ла ту́ю рэч.

Припев.

А ў ле, а ў ле́се на паля́не,
Ваўкі ба, ваўкі ба́бу разарва́лі,
Засталі́ся, засталі́ся пуп, язы́к
Ды песе́, ды песе́нка для музы́к.

Припев. [261]

Припевки к танцам

Каля рэ́чкі ішла́
І пасвістывала.
Пуп закры́ла, пуп закры́ла,
Пізду́ вы́ставіла. [262]

Гарэ́ў пень, гарэ́ў пень,
Гарэ́ла сасо́нка.
Згарэ́ў хрэн, згарэ́ў хрэн,
Згарэ́ла й машо́нка. [263]

Ах ты, полька «Тармасу́ха»,
Дождж ідзе́, даро́га су́ха.

Дождж ідзе́, даро́га су́ха,
На масце́ ляжы́ць стару́ха,

На стару́се — старычо́к
Запуска́е чарвячо́к. [264]

І туды́, і сюды́ —
Закруці́ліся муды́.

Я і сяк, я і так,
Адкруці́цца нямá як. [265]

Сплю, сплю, а мне сніцца:
Па́да мно́ю маладзіца.
Цап, лап, яна́ е,
А у мяне́ не ўстае́. [266]

<...> Во, на зямлю гэтак – бах!.. як яны – мужчыны.

– І як яны?

– Выраблялі розныя штукі... і нагамі... і рукамі... лёжачы на палу жыватом... «Жабка» называлася... Ну, і рукамі там, і на жываце выкручваецца – пасярэдзіне... Людзі рагочуць... Мала выкручвацца, частушкі выбрыквае... ўсялякія.

Дзяўчынёнька
Дробна скача,
Ўчора дала,
Сёння плача.

<...> Сама сабе грае і сама сабе брэша:

Ой, Васіль, Васіль
У мяне прасіў.
Я яму не дала,
Толькі фігу вывела. [267]

Дзяўчыначка, го да го,
Любі мяне голага.
Я кашулі не маю,
Ажаніцца думаю.
Як кашулю дабуду,
То жаніцца не буду. [268]

Дзед боб малаціў,
Баба падсявала,
Дзед ў бабы папрасіў,
Баба не давала.

Мяне міленькі завёў
Ў чорную смародзіну.
А я ногі падняла
І крычу: «За Родзіну!»

Ой, чаму ты не прыйшоў,
Як я цябе клікала?
Цэлу ночку ў садочку,
Як цялушка, мікала.

Ва ўсіх дзяўчаты, як дзяўчаты,
А мая як рэзгіны.
Ўсе праўляюць імяніны,
Ну, а я ўсё хрэсьбіны.

Мяне мілы тузаў, тузаў,
Думаў, што я без рэйтузаў.
«Ты не тузай мяне,
Гузік ў левай старане».

Я па рэчцы плаваю
Са знакомай Клаваю,
А прычаліць не магу:
З палкай муж на берагу.

Ой, із клуба я ішоў,
Нацярпеўся страху:
Хуем грушы аббіваў
Са ўсяго размаху.

Музыкант у нас адзін,
Праўда, дзевачкі, дадзім?
Праўда, дзеўкі, трэба даць,
Весялей будзе іграць.

Гарманіст у нас адзін,
Як цвяточак аленькі.
Сам бальшой, баян бальшой,
А ў штанішках – маленькі.

Гарманіста палюбіла,
Прыгласіла начаваць:
«Стаў гармошку на акошка,
Сам лажыся на кравáць».

Я і так, я і сяк,
Я і вальчыкам.

Мне нара́віцца гуля́ць
З гэ́тым ма́льчыкам.

Я і так, я і сяк,
Я й з прыпе́вачкай.
А чаму́ ж не паляжа́ць
З такой дзе́вачкай?

Ране́й дзе́ўкі з ко́жы ле́злі,
Ка́бы пла́цце паказа́ць.
А цяпе́р із пла́цця ле́зуць,
Ка́бы ко́жу паказа́ць.

Мая́ мілка на вятру́
Застудзіла ерунду́.
А без гэ́тай ерунды́
Ні туды́ і не сюды́. [269]

Ой, пайшла́ б я «Ру́скага» –
Ў мяне́ юбка ву́зкая.
Ой, пайшла́ б я «Казачка́»,
Ды баюся мужычка́.

Ён сядзіць за стало́м
І ківа́е рукаво́м.
Ой, ківа́й, ні ківа́й,
Бу́дзе сын Мікала́й,
Ой, сварыся, ні сварыся,
Бу́дзе й до́чка Марыся. [270]

Ні шуміць, ні гудзе́,
Дро́бны до́жджык ідзе́.
А хто ж мяне́ маладу́ю
Да й да до́му завядзе́?[1]

Аказа́ўся каза́к
На сало́дкум мяду́:
«Гуля́й, гуля́й, дзяўчыніца,
Я дадо́му завяду́».

Хто дадо́му завядзе́,
Таму́ паў-рублёўка.
Хто са мно́ю спа́ці ляжа,
Таму́ – залато́ўка. [271]

Гусачо́к, гусачо́к,
Купіў сабе́ гу́ську.
Ўсю даро́гу цалава́ў,
Ду́маў, што Мару́ську. [272]

Ой ты, полька «Драбнату́ха»,
Ў цябе́ мо́кра, ў мяне – су́ха.
Ў цябе́ мо́кра, аж пішчыць.
Ў мяне́ су́ха, аж трашчыць.
[273]

Я палезу на гару́,
Накапа́ю румяну́.
Хоць і сам я не красівы,
А красіву падману́.

Мая́ мілка захварэ́ла
Чо́рнаю хваро́баю.
Палажу́ яе́ на ла́ўку
І ўсё раўно́ папро́бую. [274]

А ў маёй Міла́шачкі
Пад суке́нкай – пта́шачкі.
Яны́ йгра́юць і пяюць,
Сэ́рцу жа́лю задаюць. [275]

«Танцу́й, танцу́й па-францу́ску,
Тшыма́й я́йцы на ланцу́жку». –
«А як я іх утшыма́ён,
Калі дзе́ўкі дарма́ да́ён». [276]

А ў харо́шых мужыко́ў –
Жыгу́лі машы́ны.
А у на́с, у п'яніц, –
На хую́ маршчыны.

А на гарэ́ стаіць тачыла,
А пад гаро́ю – барана́.
Адна́ дзе́ўка заскачыла,
Маё дзе́ла – старана́.

Што ў Аме́рыцы тварыцца,
У Расіі таво́ нет.

[1] Две последние строки каждой строфы повторяются дважды.

Адна́ ба́ба у Расіі
Радзіла́ матацыкле́т.

Ох, цёшча мая́,
Глядзі на іко́ну.
Тваю дзе́ўку ябу́ць,
Несматра́ зако́ну.

Ой, падру́жка мая́,
Закінь но́жку ле́вую,
Закінь но́жку пра́вую,
Пакажы́ мне бра́вую. [277]

А сястра́ каза́ла бра́ту,
Каб адрэ́заў ёй цыца́ты
І закінуў іх у я́му,
Хай ня му́ча на́шу ма́му.

Як у тыну, за тыно́м
Ты дава́ла чатыро́м.
Пя́таму – жана́таму,
Шо́стаму – хало́стаму,
Сёмаму такамэ́[1] –
Ён не скажа́ ніко́му. [278]

А поп мяне́ у алта́р кліча, кліча,
За па́зуху про́свір тыча, тыча.
А я ж таго́ не хачу́, не хачу́,
На ўсю цэ́ркаў рагачу́, рагачу́. [279]

Любы́ў ба́рыню Тацяну,
Дай за па́зуху загля́ну.
Я ду́маў, шо там гро́шы,
А там цы́цы хоро́шы. [280]

Раскама́рыцкы мужы́к
Скы́нуў штаны,
Дай да ву́лыцы быжы́ць.

«А шо ў мэнэ́ дай сусід блызкі,
Шо ў його пэрэла́з ны́зкы». –

«А шо ў його дай сусідка була́,
Просы́ў, просы́ў "дай мэнэ́" – нэ дала́.

Просы́ў, просы́ў дай нэ вы́просыў,
Шоб да еі шчур вы́кусыў». [281]

Ой, там на лужэ́чку
Мы́ла йи, як овэ́чку.
Шчо́ткию тёрла,
А вона́ всэ чо́рна.

Як я бу́ла моло́дая,
В мэнэ́ була́ золота́я.
Ек танцу́ю – то брашчы́ть,
Ек прысе́ду – то блышчы́ть[2]. [282]

[1] Такому.
[2] Блестит.

А Мікі́та вадавóз, вадавóз
Запрасі́ў мянé на воз, ды на воз.
А я ямý сагласілася
Да на вóзе пакацілася. [283]

Пóлька тáя, пóлька éта,
Пóлька – дóбрая кабéта.
Пóлька мýжа не баіцца,
З кім захóча, з тым лажы́цца. [284]

Дзéўкі рвáлі рэ́дзьку
І вары́лі жур,
І кармілі хлóпцаў,
Каб быў тóўсты хуй. [285]

Пайшлá плясáць
Бáбушка Лукéр'я.
Замéст пýху на мандýху
Начапіла пéр'е. [286]

Ідзé кýрыца ў апцéку
І дарóгай квóкча:
«А чаму ж мянé пятýх
Без гандóна тóпча?»

Лепш бы бáнечка згарэ́ла
Ці разбіўся самалёт.
У мянé ніхтó не прóсіць,
Разаб'ю пі́зду аб лёд.

Слýшай, Ваня, мілы Ваня,
Вóстры нóжык тóчыцца.
Зрабі, Ваня, абразáнне,
Мне ў Ізрáіль хóчацца.

Не хадзіце, дзéўкі, зáмуж,
Замýжам такáя жызь.
Пры́дзе рáна, пры́дзе пóзна,
Хоць не хóчаш, а кладзíсь.

Гуля́й, гуля́й, нагуля́юся,
Прыдý дамóў, нашукáюся.
А ні дýшачкі, ні падýшачкі,
А ні той рэ́чы, з чым спаць лéгчы. [287]

«Гдзе ж ты былá, Дарóтка,
Гдзе ж ты былá, няцнóтка?» –

«У саду́ была́, вяно́к віла́,
Мая́ па́ни ма́тка». –
«Шо ж ты зарабі́ла, Даро́тка,
Шо ж ты зарабі́ла, няцно́тка?» –
«Зарабі́ла два таля́ры,
Мая́ па́ни ма́тка». –
«Дай жа мне, Даро́тка,
Дай жа мне, няцно́тка». –
«Ни дам табе, заро́б сабе,
Мая́ па́ни ма́тка». –
«Ке́ды я юж ста́ра, Даро́тка,
Я юж ста́ра, няцно́тка».

Дала́ мне ма́ці каро́ву
Да веле́ла гна́ці у дубро́ву.
Пагна́ла я каро́ву у дубро́ву,
Там на мяне́ хло́пцы напа́лі,
Некато́рых з бы́длам пагна́лі.
Ста́лі мяне́ се́рданькамі зва́ці,
Каб я з і́мі ішла́ гуля́ці.
Пі́ці-е́сці з сабо́й пасадзі́лі.
Я й, малада́, крэ́пка заснула.
Як свет наста́у, не пачу́ла.
Уста́ну ж я ранюсенька,
Німа́ бы́дла нікагу́сенька.
Адно́ мая́ чо́рна каро́ва,
Пры каро́ве я й сама́ здаро́ва.
Паганю́ я каро́ву дадо́му,
Ста́не мяне́ ма́ці пыта́ці,
Дзе прышло́ся ноч начава́ці.
Каб я ма́церы пра́ўду сказа́ла,
Міне́ б ма́тка з ха́ты прагна́ла. [288]

С сыбо́ты на нідзе́лю ста́ла наві́на,
Малада́я Марья́нушка сы́на паві́ла.
Да спаві́ўшы, нехрысьці́ўшы, у Дунай зане́сла.
Плыві́, плыві́, шчу́ка-ры́ба, з дзяці́наю.
Ой, там рыбыло́вы ры́бу лапа́лі,
Злапа́лі шчу́ку-ры́бу з дзяці́наю.
Да зане́слі да гацьма́на.
«Пара́дзь, пара́дзь, гацьма́н,
Што за ра́ду да́ці.
Усе́ дзе́вачкі да купа́лачкі
Як адна́ іду́ць.

Да на сваéй галóваньцы
Вянóчки нясýць.
Маладáя Марьянушка
Да па сáду идзé,
На сваéй галóваньцы
Вянкá не нясé».
Ой, узялú Марьянушку пад бéлы бóки,
Укúнули Марьянушку у Дунáй глыбóки. [289]

На мóре на сúненьком
На кáмени на бéленьком,
Там Мáнечка тарéлки-лóжки мыла,
Тарéлки-лóжки погубúла,
Крамны хвартýх замочúла.
«Ой, павей, вéтрык буйнéсеньки,
Да вы́суши хвартýх крамнéсеньки.
Каб мáчеха не спазнáла,
Мянé шéльмай не назвáла». [290]

Дивчы́нонька по грыбы́ ходы́ла,
В зелéному гáю заблуды́ла.
Прыблуды́ла к зелéному дýбу.
Ой, тут жа я й ночовáты будý.
Ой, дэсь ся взяв козáк молодэ́нький,
Под козакóм – кóник воронэ́ньки.
«Ой, козáчэ молодэ́й, я тэбэ́ витáю,
Вы́вэдь мэнэ́ на дорóгу з гаю». –
«Як дасы́ся, дúвко, на подмóву,
То вы́вэду з гáю на дорóгу». –
«Шчоб ты мне дав повгáрцю горы́лки,
Нэ вы́ведеш з рóзуму дúвкы». –
«Дам я тобú хоть повгáрця мэ́ду,
Такú ж тэбэ́ из рóзуму звэдý».
Ой, шчэ дúвка горы́лки нэ пы́ла,
Под бэрóзу гóлову схилы́ла.
Вжэ рик минýл, другú наступáе,
Ужé казáк диты́ну люляе.
«Ой, люляй, люляй жэ, малы́ голубóчку,
Здэрýть з мэнэ́ остáтню сорóчку.
Дам я тобú сим бохóнцив хлúба,
Скажы́, дúвко, на старóго дúда.
Дам я тобú корóву рабýю,
Годýй, дúвко, диты́ну малýю».

Колé лýга, колé брóду
Пьють голýбы сúвы вóду.
Пúли ж áны, напилúся,
На нóжаньки поднялúся
И крúльньками встрепенýли,
На Украйну повернýли.
Козáк з коня злезáе,
Да дзевчы́ны поспешáе.
Як прыéхав под ворóта,
Вы́шла дзéвчына, як злóто.
Взялá конé за грúвоньку
Да й повелá на стáеньку.
Далá коню́ овсá-сéна,
А козáку — меда-винá.
Далá коню́ солóменьку,
А козáку — постéль бéленьку.
Самá стáла, задумáла,
Бéлы рýки заламáла.
«Чы жаль тобú овсá-сéна,
Чы, жаль тобú соломéньки,
Чы, бéлой постэ́льки?» —
«Не жаль жэ мне овса-сéна,
А не жаль мёду-винá,
Ды жаль жа молодóсти,
Што ны жывý в любóсти».

У лéсе на колúни
Колыхáла дéвка две дитúны.
Колыхáла и заплáкала:
«Чого я, молодá, дочекáла».
Козáк стойть,
Ниц ни говорúть,
Обернéтся, смéшки стрóить.
«Ой ты, Я́сю-баламýту,
Впýстив кóня в мою́ рýту.
А твой кóник подковáны,
Вы́рвав рýту с кореня́ми».

Тúхо, тúхо Дунáй вóду нэсэ́,
А ещé тúшэй дéвка кóсу чэ́шэ.
А што начэ́шэ — на Дунáй занэсэ́.
«Плывú, косá, под тэ́мные лисá
Задавáй жáлю зэлéному гáю».

Из-под га́ю сы́вы кинь выбыга́е,
На том ко́ни каза́к выезджа́е,
Дивчы́ноньку ла́сково пытае́:
«Дивчы́ноньку, а пусты́ мэнэ́ на ноч». –
«Козачэ́ньку, зра́доньки боюся». –
«Дивчы́ноньку, не бо́йся ничо́го,
Шчэ я, мо́лод, нэ зра́дыв нико́го.
Мой ко́ничок ста́йны нэ простои́ть,
Моя́ сбру́я коло́чка нэ сло́мыть,
Я, молоды́, крова́ть нэ пролежу́».
Дивчы́нонька козака́ взлюбы́ла,
Она ёго на ноч пусты́ла.
«Дивчы́нонька, взбуды́ мэнэ́ ра́но,
Так ра́но, чтобы нэ свыта́ло.
Штоб дудары́ у ду́ды нэ гра́лы,
Штоб козакы́ в похо́д нэ выступа́лы». [291]

Ти́хо, ти́хо Дуна́й во́ду нэсэ́,
А ещё ти́шэй де́вка ко́су чэ́шэ.
Шчо начэ́шэ – на Дуна́й занэсэ́.
Над Дуна́ем – яво́р зэленэ́ньки,
Под яво́ром – коза́к молодэ́ньки
Сыды́ть соби́, у скры́почку гра́е,
Струна́ струни́ ти́хо вымовля́е.
Ныма́ спи́ну вдо́выному сы́ну,
Звив з ума́ молоду́ дивчы́ну.
В его́ ша́пци – черво́ная кви́тка,
«Ты, дивчы́на, наклада́й нами́тку». –
«Тэпэрь жэ я нэ жи́нка, нэ ди́вка,
Доста́ла́ся злая погови́рка.
Мни хочь з мо́ста да в во́ду,
Нэ гля́дючи на коза́цьку вроду́». [292]

ИЗ НАРОДНОЙ ПРОЗЫ

1. Стварэнне чалавека

Першаго чалавéка Бог сатварыў з хвастóм, як іншыя стварэння. Кудьі ні йдзé чалавéк, а хвост цягнецца ззáду. Сустракáе раз чалавéка шатáн да й пытáе ягó, нáштó яму хвóст. Не вéдае чалавéк, што атказáць, на што ямý хвост, да кáжэ, што так ямý Бог даў. Ці дóўго, ці не, не вéдаў чалавéк, навóшта ў ягó хвост, як ось бáчыць, што з ягó хвастá вырасла жанчына. Пазірáе ён на тýю жанчыну да дзівіцца, якáя яна гóжая да рум'яная, як кроў з малакóм. Пазірáе ён на жанчыну, да й не мóжэ аччý атвéсці ат яé. Пазірае, аж і янá дыхаць не мажэ без ягó. От так закахáныя яны адно ў другóго хóдзяць яны рáзам, бо ў аднóм мéйсцы[1] зраслíса так, баццэ аднó цéло. Ці дóўго, ці кóротко яны так кахáлі аднó другóго, тóлькі ось адзін раз як яны спáлі пад кустóм, жанчына ачнýласа, ды й давáй прыслухóўвацца, хто гэто так гóжо паé. Зірнé янá, аж на калóдзе сядзіць шатáн да так празрысто паé, што ў яе аж дух спéрло. Ён не такí, як яе гаспадáр, а ўвесь чóрны, аж палыскýецца, вóчы лудáтыя, нос як у кóршака. Перш ёй зрабíласо стрáшно. Вéдамо, убáчыла гéстакую пачвéру. Хацéла янá крычáць да будзíць свайгó чалавéка, алé шатáн штось паказáў. От янá і пачалá прызірáцца. А шатáн паé да падмáньвае яé да сябé. Пазірáла, пазірáла янá на тагó страшэннага да гáдкага шатáна, а нарэшце й спадабáла ягó за тóе, што ён не такí, як яé чалавéк. Вéдамо, жанчыне заўжды спадабáецца якáя-нéбудзь пачвéра, абы янá не тáкая, як людзі. Пазірáе тáя жанчына да пражэцца. Аж на ёй шкýра пýкаецца, так ёй хóчэцца хучэй бéгці да тагó шатáна. Папрóбавала янá атарвáцца, да не мажэ, бо прыраслá да чалавéка

[1] Месте.

тоўстаю жылаю. І пачала яна наракаць на Бога, што звязаў яе з чалавекам. Толькі яна гэя падумала, як Бог атступіўса ат яе. Тут шатан пырсь з калоды, схапіўса за жылу да давай рваць. Тузануў раз-другі, нарэшце як упёрса, дак дармо, што зрабіў штось такое, што сорам і казаць, але такі вырваў з жанчыны тую жылу. Заокала жанчына, хапіўшыса, што на том мейсцы, дзе была жыла, засталася толькі дзірка. Павалок шатан жанчыну ў кусты, да й завалок дзесь далёко. Хутко ён дзесь загіб, а жанчына давай плакаць да шукаць свайго чалавека. От з тых часаў чалавек шукае жанчыну, а жанчына – чалавека. Шукаюць яны і прагуцца адно да другога, а як сустрэнуцца, дак давай запраўляць тую жылу, каб зноў зрасціса. Толькі самі не зрастаюцца, але за тое аттуль выходзіць да расце дзіця. [293]

2. Чорт і баба

Жылі сабе дзед ды баба. Жылі ены ў згодзе да ў ладу, ніколі не сварыліса, не зневажалі адно другого. Так пражылі ены ўсю жытку і дажылі да старасці. Чорт хацеў спакусіць іх. Дванаццаць гадоў седзеў ён у падпечку, але нічога не зробіць. Выпетраў чорт, бы шкурат. А дзед ды баба жывуць сабе радком ды Бога хваляць. Хацеў ужэ чорт кінуць гэстых людзей ды ісці спакушаць другіх, але ось раз чуе, што людзі кажуць: дзе чорт не йме, там бабу пашле. Пачуў гэто чорт і пашоў шукаць такое бабы, каб ена звела гэтых праўдзівых людзей. Не доўго прышлосо чорту шукаць такое бабы: чуць только ён высунуўса на вуліцу, як бачыць, ажно бежыць за мужыком з качаргою падтыканая баба й дубасіць его па патыліцы й па чом папало й крычыць на ўсё село: «Ось жа табе, хварэць тваей матары!.. Я табе пакажу, як збожэ ў карчму цягаць... Я табе пакажу, валацуга ты гэтакі. Ад мяне не ўтоішса. Я што захачу, то і зраблю. Хіба ты забыўса, што баба й чорта перахітруе!» Лупіць баба качаргою мужыка. А чорт і рад. «От, – думае, – гэтая баба ўсё зробіць, што схочэ, трээ толькі к ёй падкацітца». От чорт, каб задобрыць бабу, хацеў к ёй прыслужыцца, да й ўхапіў мужыка за каўнер, каб патрымаць его. «Ах ты, такі-сякі, – накінуласа баба на чорта, – свой сечыса, рубайса, а чужы не мешайса. Што нос уваткнуў у чужую задніцу?..» І давай чорта пярэсціць качаргою. Насілу чорт вырваўся да ў ногі. Толькі на загумечы трохі ачухаўся чорт, стаіць да паскрэбаітца, бо баба ему немаль усе косці паламала. Пастаяў чорт і вернуўса ў село. От нашоў тую

бабу і давай яе прасіць, каб памаглá спакусіць тых праўдзівых людзéй. «Дóбрэ, — згаджáетца баба, — тóлько за тэе дай ты мне шáпку грóшэй». Чорт абецáў бáбе даць пóўную шáпку грóшэй, абы ена тóлькі так зрабіла, каб дзед з бáбаю пасварыліса. «Што, каб пасварыліса! — кажэ баба. — Я так зраблю, што заўтра дзед не тóлько аблáе бáбу, але й павалóчыць за кóсы».

Рад чорт. Зноў залéз пад печ і седзіць, чакáе, што гэто бáба зрóбіць. От такáя сердзітая бáба, бы незнарóк бежыць з ведрóм і сустракáе жóнку тагó праўдзіваго чалавéка. Стáлі ены пасерóд вýліцы й давáй сакатáць. Вéдамо, бáбы: ек сыдутца, дык датýль бýдуць лапатáць, пакýль аб усём не перагавóраць. От пытáютца ены аднá ў другое, ці любяць іх гаспадары, ці дóбро з імі жывýць. «Мой гаспадáр, — кáжэ сердзітая баба, — хаць і п'яніца, хаць і лáетца, і зневажáе, але так любіць, так любіць...» А тáя кáжэ, што ены з сваім гаспадарóм так дóбрэ, так згóдно жывýць, што дай Бог усім дóбрым людзям. «Але твой гаспадар цябé, мáбыць, не любіць, каб нікóлі не аблáяў абó не выцяў, ці мóо ен ужó не ўздóлее?» Пры гэтых славáх бáба прыгнýласа к вýху й штось шапнýла сусéдцэ. «Эгэ ж, прáўду ты кáжэш, — жáлітца жóнка праўдзіваго чалавéка, — гэто маé нешчáсце». — «Ій, рóдная! Калі схóчэш, я наўчý, што зрабіць, дак не тóлько штоб што, але й не наталіш!» — «Ой, баюса я, рóдная, мóо ешчэ зашкóдзіць». — «Не, не зашкóдзіць, ты тóлько слýхай, зрабі, што я табé скажý. Гэто, бáчыш, усё нешчáсце, што ў тваго гаспадарá пад барадóю вырáслі сухіе валасы; от каб ты іх выразала, тóлько каб гаспадáр аб тым не вéдаў, тагды б вы былі так шчаслівы, так шчаслівы, што б вам усé людзі завідувалі». — «Як жэ гэто зрабіць, каб гаспадáр не вéдаў?» — «А от як. Купі гарэлкі, спечы яéчню, да й напóй свайгó гаспадарá. А як ён заснé, вазьмі нож, пагастры аб прыпек, плюнь трэйко пад печ, да й выраж тые сухія валасы. Ены так і стырчáць прóціў шэрстцы». — «Дзякуй табé, рóдная!» — «Так глядзі, зрабі сегóднячы, та заўтрэ яшчэ не так падзякуеш: здавóлішса, усю ноч спаць не дась, як з замаладу, хі, хі, хі!» — і баба засмеяласа да пашлá да гаспóды.

От тóлько сóнейко сéло за лес, жóнка праўдзіваго чалавéка збéгала ў карчмý, прынéсла квáрту мóцнае гарэлкі, да й давáй прáгці яéчню. Тым чáсам тáя баба сустрэла тагó праўдзіваго чалавéка, та й кáжэ éму, што его сегóднячы хóча жóнка зарэзаць. Той не вéрыць, але ена клінéтца, на чым свет стаіць, што прáўда. «От жэ, — кáа, — енá цебé сегóднячы падпóіць, а як ты ляжэш спаць, то енá цябé зарэжэ. От пабáчым. Тóлько ты сегóднячы ўлéзеш да гаспóды, енá пастáвіць на стол яéчню і пляшку гарэлкі.

Гэто каб ты ўпіўса і не скéміў, што енá ліхó замышляе. А ты тóлько прыкінса, бáтцэ спіш, та пабáчыш, што енá бýдзе рабіць». — «Брэ́шэш, патаскýха! За што менé мая бáба бýдзе рэ́заць, калі мы так дóбрэ жывóм», — маўляў справядлівы чалавéк і пацёгса да гаспóды, каб аб том сказáць жóнцэ, але тóлько ён пераступіў парóг і зірнýў, што жóнка ўпрáўду пячэ́ яéчню, дак і прыкусіў язык. «Эгэ́, — дýмае, — мáбыць, пагáная бáба не брахáла». І прыкінуўса ён, бáтцэ нічóго не вéдае, каб паглядзéць, што з гэ́стаго выдзе. Пазірáе ён: от бáба спеклá яéчню, пастáвіла на стол пляшку гарэ́лкі й кáжэ: «Падсілкýйса». — «Што гэ́то ты, бáбо? Хібá сегóдня свято ці што?» — «Не, гэ́то кумá мне далá. Выпі, нéкалі тóе бýдзе». Выпіў ён чáрак зóтры[1] гарэ́лкі, з'еў яéчню, да й выцягса на лáве, нібыто заснýў. Храпé, бáтцэ спіць, а адным вóкам пазірáе. Бáчыць, ажнó жóнка ўзелá вялізазны нож і давáй егó вайстрыць аб прыпек. «Ну, — дýмае, — прáўду казáла пагáная бáба». От навастрыла жóнка нож, плюнула трэ́йко пад прыпек так, што аж чóрту вóчы заплевáла і падхóдзіць к гаспадарý. Тóлькі енá ўзéла его за бóроду, а той як усхвáціца, як ухóпіць ее за кóсы да пачне перэ́сціць па чом папáло. Крычыць баба на прамілы Бог: «Людзі дóбрые, ратýйце!». А ён лýпіць, як сідараву казý. «Ось я табé, хварэ́ць твайму бáцьку да стагнáць тваёй мáцеры, ось я табé пакажý, як гаспадарá рэ́заць!» Чуць не забіў дзед бáбу, але сусéдзі пачýлі крык, збéгліса й адратавáлі.

Рад чорт, вылез з падпéчка, працёр вóчы да тóлько хвастóм віляе. І панёс ён бáбе грóшы. Прыпёр цэ́лы мех. А баба пастáвіла ўверх дном велізазную бóчку, прарэ́зала ў ёй дзірку, а на ее палажыла дзірáвую шáпку. Сыпаў, сыпаў чорт у шáпку грóшы — ніяк не напóўніць. Знаў ён, дзе ў землі схóваны грóшы; палецéў, прыцёг ешчэ́ мех. Сыпаў, сыпаў, а шáпка ўсё непóўна. Падняў ён трохі шáпку, аж бáчыць, што бáба егó перахітрыла. Як закмéў тэ́е чорт, так і кінуўса к бáбе з кулакáмі. Ухапіла бáба вілы, да й кáжэ: «Ну, падлéзь, дак я табé адрáзу бéльма выкалю». Спужáўса чорт і перaскóчыў цéраз плот. Бáба за ім. Чорт ухапіў óжах і абараняетца. «От, — кáжэ бáба, — пакýль ты мне зрóбіш óжагом аднý дзірку, дык я табé вілáмі дзве». — «Давáй менятца», — кáжэ чорт. «Давáй». Паменяліса ены й давáй біца. От бáба як парнé óжагам праз плот та ўсё ў чóрта пападзé, а чорт пырáў, пырáў, да ўсё вілы ў плóце застраюць. Бáчыць чорт, што нічóго з бáбаю не зрóбіць, а енá егó скóро зрóбіць, ек рашатó, і давáй прасітца. «Гóдзі, бáбо! Давáй памірымса. Я ешчэ́

[1] Три.

дам мех грóшэй, тóлько скажы́ ты мне, у чом гэ́то ў баб седзіць сіла». — «Дóбрэ», — кáжа бáба. Палецеў чорт і па немáлым чáсе чуць плішчыць мех грóшэй. Аддáў бабе грóшы, да й пытáе: «Ну, у чóм вáша сіла?» — «От у чом», — кáжэ баба. Тут ена́ падняла́ падóл і паказáла чóрту сваё зéлье. У тагó аж вóчы на лоб вы́перло. От чорт туды́ да й схавáўса, тóлькі падóл у бáбы скалыхнýўса. От з таé пары́ й седзіць там у бáбы чорт. Людзі ўсé выганяюць его́ адтýль óжагам, да не мóгуць вы́перці. [294]

3. Што мáйстар, та злóдзей

Жыў сабé адзін пан. У его́ было́ мнóга маёнткаў, мнóга паддáных. Багáты быў пан. Мáло ён жыў у маёнтках. А ўсё éздзіў за граніцу. Маёнткамі рóндзілі камісáры та аканóмы. Набрáў пан з селá хлóпцаў да аддáў іх у Аршáву, а мóо, й за граніцу вучы́ць кагó на шаўцá, кагó на краўцá абó ры́мара, кагó на стэ́льмаха, кагó на каваля́. Вернýліса ты́е хлóпцы па наўцэ й рóбяць усё на пáна. От вернýўса раз пан, прызвáў тых майсцерóў і пытáе, што ены́ наўчы́ліса і што магýць рабіць. А ены́ кáжуць, што ўсё магýць. Рад пан, што ў его́ е сваé майстры́. Ён, бáчыце, дýмаў, што его́ паддáныя нічóго не ўмéюць. Сам ён, вéдамо, як пан, нічóго не ўмéў.

От уздýмаў той пан жанітца. Знайшóў сабе харóшую, маладýю панéнку, а сам ужэ́ стары́, сівы́. Не спадабáўса ёй стары́ пан, але бáчыць, што ў его́ мнóго маёнткаў, — пашла́. От жаніўса пан і паéхаў з жóнкаю за граніцу. Ці дóўго, ці кóротко ены́ éздзілі, тóлькі пáні не даé пáну, да й усé. «Немá, — кáэ, — у менé тагó, што ты хóчэш». — «Ну, дóбрэ, — кáэ пан, — у маіх маёнтках е такія майстры́, што ены́ ўсё ўмéюць рабіць». Прыéхалі гэ́то ены́ ў маёнтак; от пан пазвáў майстрóў і пытáе, ці зрóбяць яны́ пáні тóе, што трэ́э. Адзін гóжы, малады́ мáйстар вы́зваўся зрабіць тóе, што трэ́э, тóлькі прóсіць у пáна матаря́лу. Даé яму́ пан усяля́каго матаря́лу, адвóдзіць ему́ ў пакóях мéйсцо калé пáні, каб тóлько ён скарэ́й рабіў. Пашóў той мáйстар к пáні. Пагля́дзéла пáні на гóжага мáйстра. Спадабáўса ёй майстар, і давáй ены́ рабіць рáзам. Прахóдзіць недзéля, а мóо, дзве. Рóбіць мáйстар, што хóчэ. От здавóліліса ены́, тады́ мáйстар і кáжа пáну, што зрабіў. Даў ему́ пан гасцінца і велéў ему́ жыць у пакóях і рапаравáць пáню, калі трэ́э бýдзе. Ось на другі дзень прызвáў пан мáйстра і кáжэ: «Алé што мáйстар, то злóдзей: я табé даў цэ́лую бабрóвую шкуру, а ты ўстáвіў пáні тóлькі кусóчак». [295]

4. Поп

Быў адзін поп, да такі пага́ны, што як его́ й земля́ насіла. Про́ста драў з людзе́й шку́ру. А да баб быў такі па́дкі, што нема́ль усіх маладзіц перапро́буваў. Ужэ́ збіра́ліса дзецюкі абстры́гці ему́ касу́ да паперабіва́ць но́гі, да бая́ліса граху́. Жыў у том селе́ хло́пец, сірата́, але ве́льмі ўда́лы, да ўсего́ зда́тны. Перш ён служы́ў па́рабкам, а по́тым зарабіў гро́шэй, пабудава́ў сабе́ ха́ту й завёў хаджа́йство. Але́ ве́дамо, што гумно́ пла́ча без гаспадара́, а ха́та — без гаспады́ні. Так і ему́ ке́псько без гаспады́ні. От дава́й ён сва́таць сабе́ дзе́ўку. Вы́браў ён сабе́ са́мую го́жую дзе́ўку, а на ве́шняга Міко́лу ены й пабра́ліса. Жыву́ць Се́мко з Матру́наю да Бо́га хва́ляць. Матру́на ешчэ́ пахарашэ́ла. Уба́чыў ее́ поп — і не жыў: трасе́цца, бы асіна, але́ нічо́га не зро́біць, бо Матру́на ве́льмі лю́біць свайго́ Се́мка.

Але́ ось пе́рад дзесяту́хаю вы́ладзіла Матру́на свайго́ Се́мка ў бало́то рабіць се́но. Яна́ і сама́ хаце́ла е́хаць ра́зам з ім, але́ ён ка́жэ, што нема́ каму́ аста́цца ў дамо́ўцэ. Пае́хаў Се́мко адзін на цэ́лых дзве недзе́лі. Аста́лася Матру́на адна́. Су́мно ёй адно́й. Удзе́нь ешчэ́ нічагу́сенько, а пры́дзе но́чка — седзіць Матру́на да пла́чэ. От даў Бог недзе́льку. Дагле́дзела Матру́на гаспада́рку, се́ла кале́ акна́, пазіра́е на загуме́чэ, як там хло́пцы з дзе́ўкамі жарту́юць, смяютца, пе́сні паю́ць, а само́й так кале́ сэ́рца й завіло́: апанава́ў такі жа́ль, што не мажэ́ вы́трымаць — седзіць і пла́чэ. Але́ ось ідзе поп і пыта́е, чаго́ ена́ пла́чэ. «Та, бацю́шка, з до́брага ра́ю», — ка́жэ Матру́на. Поп зайшо́ў у ха́ту, рассе́ўса на ла́ве, пазіра́е на Матру́ну да ўсё ківа́е галаво́ю. «Што е́то, — ка́э, — Се́мка нарабіў? Што ж гэ́то бу́дзе?!» Спужа́ласа Матруна, а поп ка́жэ: «Як жэ гэ́то мо́жна? Гэ́то ж Се́мка не дарабіў дзіця́, яно́ ж бу́дзе без галавы́». — «Што ж гэ́то рабіць, ба́цюшко?» — пыта́е Матру́на. «Што рабіць... Дак хіба́ ж я ось памалю́са да дараблю́ табе́ дзіця́». І пачаў поп малітца да дзіця́ дарабля́ць, да так захадзіўса, што Матру́на аж піча́ла крыча́ць. Здаво́ліўса поп і пашо́ў да гаспо́ды.

Тым ча́сом зыска́ўса да гаспо́ды Се́мко, а Матру́на й навалі́ласа на его, што е́то ён нарабіў. «До́брэ, — ка́жэ, — што поп дарабіў дзіця́, а то дзіця́ было б без галавы́». Дагада́ўса Се́мко, як поп пакпіў над его́ жо́нкаю, й дава́й ду́маць, як бы замсціт-ца папу́. Ко́нчыласо ле́то. Узя́ліса лю́дзі се́яць жы́то. Ба́чыць раз Се́мко, што поп на агаро́дзе берэ́ кано́плі, падхо́дзіць ён бліжэ́й і про́сіць пажы́чыць бо́рану. «До́брэ, — ка́жэ поп, — вазьмі хоць абе́дзьве. Онь у паве́ці стая́ць бо́раны. Там, кале́

свірóнка, мáбыць, матýля з панéнкаю мак б'юць. Скажы́ ім, няхáй дадýць абéдзьве бараны́».

Прышóў Сéмка к пападзі, да й кáжэ: «Матýлько, велéў бáцюшка, каб вы й панéнка дáлі мне абéдзьве». — «Што ты гавóрыш, — кáжэ пападзя́, — не мóжэ гэ́то быць?!» — «Папытáйцеса ў бáцюшкі», — кáжэ Сéмко. Пападзя́ кінула прáнік, падышлá к плóту і пытáе папá: «А ці даць Сéмку?». — «Дáйце, дáйце, — кáжэ поп, — дáйце абéдзьве». — «А што? Я казáў». Нічóго не зрóбіш, надо бáцюшкі слýхаць. Павелі гэ́то ены́ Сéмку ў свірóнак і дáлі абéдзьве: перш пападзя́, а пóтым — пападзя́нка. Пападзя́ ж нічагýсенько, нáват вéльмі давóлна — спадабáлоса, а пападзя́нка аж заплáкала, не хацéла давáць Сéмку. Мабыць, у еé быў якісь свой паніч. Спрáвіўса Сéмко да пашóў да гаспóды. Седзіць пападзя́ з дачкóю, маўчáць, сóрам ім адна́ другóй у вóчы зірнýць. Ось прыхóдзіць поп. Не ўспéў ён пераступіць цéраз парóг, як на егó накінуласа пападзя́, як жыды́ на гамáна, крычы́ць: «Сякі-такі ты! Няхáй то ўжэ́ менé зневáжаў, дак наштó ж ты сказáў, каб і Мáша далá». Тут поп дагадáўса, што егó Сéмко падманýў, прасіў барóн, а ўзяў жóнку і дачкý й рабіў з імі, што сам хацéў. Злуé поп, як сам себé за срáку не ўкýсіць, але ўжэ́ нічóго не зрóбіць. От на другі дзень сустракáе ён Сéмка, параўня́ўса й кáжэ: «Дзень дóбры, Сéмко, барóн пазычáўшы!» А Сéмко: «Дóбры дзень, бáцюшко, дзецéй дарабля́ўшы». Прыкусіў поп язы́к і пасýнуў далéй. [296]

5. Палешýк і чорт

Лю́дзі кáжуць, колісь дак гэ: дзе балóто, там і чорт. Алé не то штоб тóлько ў балóце, куды́ ні зірні́, усю́ды трáпіш гэ́стую нéчысь. Вадá балó кішы́ць чарценя́тамі. Тóлькі на Вадóхрышчэ, як павыганя́юць чарцéй з вады́, та ены́ таўкýтца ў павéтры та паднімáюць такýю хвілю, што ні пі, не еж і з хáты не лезь. Заты́м-то на Вадóхрышчэ заўжды́ бывáюць ганéбные мецéліцы[1]. Чáсам усхóдзітца такáя круцéль да завірýха, што спрэ́су пазнóсіць вёскі. Бедá тады́ ў пóлі: свéту Бóжаго не бáчно. Пападýтца ў пóлі лю́дзі, так нечы́сцікі закрýцяць іх калé сáмого селá, та й загýбяць. Балó багáцько хвіля нішчы́ла людзéй. Цепéр ужэ́ рэ́дко бывáе ганéбная завірýха, бо менш стáло чарцéй. А чарценя́та спрэ́су пераведіса: іх Ілля́ пабіў грóмам, а другія не

[1] Метелицы.

раджаютца. Перш чэрці былі вельмі плодныя, але Палешук перахітрыў і чорта. От як тое было. Ababраў сабе Палешук седзібу кале балота, да й давай там рабіць будоўлю. Збудаваў ён перш сабе станок, паклаў агню, налавіў вьюноў, наеўса, да й апетаетца сабе кале агню. Бачыць чорт, што Палешук не лякаетца ні балота, ні ракі, ні лесу, от і давай ён усюдах пужаць чалавека, давай рабіць ему ўселякую пакась, каб выгнаць его з тае седзібы. Куды Палешук ні сунетца, чорт ужэ там чакае да наровіць, каб зрабіць якуюсь пакась. Пашоў чалавек у лес, каб наглядзяць здатнага дзерава сабе на будоўлю, а тут чорт давай яго вадзіць да кружыць, каб ён заблудзіўса, да й загіб. Але Палешук ідзе сабе па лесе, да й залысквае сакеркаю дзераўлякі. Вадзіў-вадзіў чорт Палешука па лесе, кружыў-кружыў, аж сам заплутаўса, а той наглядзяў сабе здатнага дзерава, надраў лыка на лапці да пашоў сабе проста да гасподы, пазіраючы на залысленые дзераўлякі. Бачыць чорт, што чалавек не заблудзіўса, забег уперад, да й пытае, нашто ён залысіў так багацько дзераўлячын. «Гэто мне здатнае дзераво на будоўлю», — кажэ Палешук. «Нашто ж табе так багато?» — «Я хачу забудаваць усё Палесе». «От беда», — думае чорт. От і пусціўса ён на хітрасць. «Давай, я табе буду памагаць, — кажэ чорт, — мне сероўна нема чаго рабіць». — «Добрэ, — кажэ Палешук, — памагай, та я й падзякую». Тым часам чорту толькі тое і трэба. «Буду памагаць, — думае ён, — да так нараблю, што пападзеш ты ў мае лапы». <...>

От абжыўса Палешук, нагадаваў гаўяда, нажаў збожа, налавіў вьюноў, — жыве й ліха не знае. Толькі ось раз малоціць Палешук, да [чорт] й пытае, што гэто чалавек робіць. «Малачу хлеб», — кажэ Палешук. «Дай я памалачу». Даў Палешук чорту цэп, а той як пачаў біць, дык снапы лецяць аж пад строп. «Чаму ў цебе[1], — пытае чорт, — снапы лежаць на мейсцы[2], а ў мене скачуць уверх?» — «Бо я дужэйшы, як дам, дык сноп і ўліпне ў ток». — «Адкуль у цебе такая сіла?» — «Адкуль! Бо я себе вылегчаў». — «Вылегчай мене, — просіць чорт. «Добрэ, — кажэ Палешук, — толькі трэбо цебе звязаць, бо ты ўцечэш, а тое зашкодзіць». — «Звяжы». От узяў Палешук ліну, што цегаюць ульe на дзераво, зкрампаваў ею чорта, прывезаў его к тоўстаму дубу, узяў серп і давай легчаць. Крычыць чорт, раве немым голасам, а Палешук пілiць серпом. Церпеў-церпеў чорт да як рванетца, дак перш дуба вырваў з карэнем, а потым і

[1] Почему у тебя.
[2] Лежат на месте.

ліну разарваў, як павуцéне. Вылегчаў Палешýк чорта, да й кáжэ: «Ну, цепéр бýдзеш дýжы, як і я». Пацягса чорт у балóто: ужэ́ не бежы́ць, а паўзé, чуць не рáкам. Паседзéў ён там — немá рáды: кроў льéтца, бы з вапрукá. Пацёгса ён зноў к Палешукý. Бáчыць Палешук, што чорт цягнетца раскарáчыўшыса, сказаў жóнцы, каб янá апранýлася ў мужчы́ньськую адзéжу, дай пашлá ў гумнó малаціць. Апранýласа бáба, пашлá ў гумнó, да й малóціць. Прыхóдзіць чорт. З бóлі ён і не вазнáў, што гэ́то не Палешýк, а бáба, да й пытáе, што чамý гэ́то рáна не зажывáе. «От чагó ты захацéў, — кáжэ баба, — каб так хýтко рáна зажылá. Менé ўжó двáццаць гадóў як вы́легчалі, а ешчэ́ і цепéр не зажылó». Пры гэ́тым бáба падняла падóл, да й паказáла чóрту сваю рáну. Зірнýў чорт, аж прáўда — рáна не зажылá. От ён падагнýў хвост, да й пацёгса ў балóто. От з таé пары́ й гóдзі чэ́рці пладзітца. Тым чáсам кóжнае лéцечко Ілья́ перунóм б'е іх да нішчыць. Усё меньш і меньш чарцéй у балóце, а палешукі мнóжатца да сéлятца па ўсём Палéсі. Мóо, скóро ўсе чэ́рці пераведýтца, тагды́ людзі заўладáюць і балóтом і ўселя́каю нéтраю. [297]

6. [Легéнда аб з'яўлéнні бýсла]

От Бóская моц: па ўсемý свéту летáе, Бог вéдае, гдзе быў, а як веснá, та и к нам цягне. Бáчыце, бýсел не рóбиць сабé гнездá дзе-кóльвек у лéсе, а ўсе калé будóўли, калé людзéй. Бýсел — святы птах. Егó забиць — серóўно, як чалавéка, бо ён колись и быў чалавéк, алé не паслýхаў Бóга, дак и стаў птáхам. Слýхайце ж бо. От як тóе былó.

Даўнéй ешчэ́ людзи не так мнóго грашы́ли, и Бог пасылáў им усё дóбрае. Не былó тагды́ гэ́тае пóшкудзи — гáду, не былó нияќога гнюсу. Бог сам хадзиў па земли да навучáў людзéй, як жыць на свéце. Алé ж кáжуць, што лихóе чáсам и Бóга перамагáе. От жэ й тагды́ лихи шукáў скýтку, каб зрабиць людзям хоць якýю-кольвек нéндзу. От ишóў Бог адны́м чáсам, зайшóў к аднамý чалавéку и прóситца нáнач. Чалавéк прыняў Бога, пачаставáў, паслáў пасцéль и палажы́ў атдыхáць. Скинуў Бог с плеч клýнак и лёг спаць. Вéдамо, здарóжыўса — як тóльки прыкархнýў, дак и захрóп. Спиць сабé Бог, а чалавéк седзиць да пилнýе бóжаго клýнка.

Алé ось па немáлум чáсе забрахáли сабáки. Хаджáин высунуўса з хáты и давáй атганяць сабáк. А ты́е брэ́шуць, аж зéмлю тóпяць. Зирне ён, адно-ж стайиць калá плóту суздрóм гóлы ча-

лавéк; стaйць, дрыжы́ць, абганя́етца ат сабáк да усё азáдкам ци́снетца паўз плóцье. Атратаваў гэ́то его́ хаджáин ат сабáк, да и прóсиць да гаспóды. Алé гóлы прылíп азáдкам к плóту, да и стaйць, бадцэ́ укóпаны, — сарóмеетца гóлы улёзци ў хату. Бáчыць тóе хаджáин и не вéдае, што парáдзиць. Алé ось на той гáман жóнка гаспадарá засвеци́ла лучы́ну и вы́бегла з хáты. Зирнé гэ́то енá, нитó гóлы вéльми гóжы чалавéк, да як навáлитца на гаспадарá, да пачнé его́ зневажáць.

— Чагó ты стaйш, хварэ́ць тваёй мáцеры да стагнáць твайму́ бáцьку? Чагó гэ́стыя бéльма вы́таращыў, бы кру́чаны сабáка!.. Не бáчыш, што чалавéк гóлы. Бежы́, прынеси́ адзёжу.

Пашóў гэ́то хаджáин у клець па плáце и па адзёжу, а жóнка усё стaйць каля́ гóлаго да пазирáе на сарамацéне. От так и пражэ́тца, так и пу́каетца — вéдамо, бáба.

Паку́ль хаджáин даставáў з кублá плáце да шукáў адзёжы, жанчы́на ужэ́ и змóвиласа з гóлым малайцóм. От прынёс хаджáин сарóчку, нагави́цы, пóяс и нóвую ку́рту. Тут зноў жóнка навали́ласа на его́, што не прынёс чóбаты. Пашóў хаджáин па чóбаты, а бáба давáй апранáць гóлаго малайцá. Насу́нула сарóчку и давай нацягваць нагави́цы. Рыхтавáла енá, рыхтавáла: не лéзуць нагави́цы — моту́з мешáе. Давай енá запихáць спéраду пад моту́з, а ззáду и не бáчыць, што хвост упирáе. Тут жа чорт — а гэ́то быў чорт — сам скамéчыў свой хвост и схаваў его ў нагави́цы, каб бáба не прыкмéцила. Тым чáсам хаджáин прынёс чóбаты. Насу́нуў чорт чóбаты на сваé лáпы с кипцюрáми, апрану́ў свиту и пашóў у хáту. Тут ён затрымáўса на парóзи, пóтым улёз у хáту, да и сеў на лáве прóци кавéшнику.

Седзи́ць чорт, балáкае з хаджáинам да у́сё пазирáе на пóкуць, гдзе спиць Бог. Тым чáсам хаджáйка барждзэ́й затапи́ла ў пéчы, нарабила ва скаварадзи́ и давáй частава́ць чóрта. Зьеў чорт каўбасу́ да яéчню. Вы́піў паўквáрты гарэ́лки, упёр бóхан хлéба, да и не лыс[1].

— Чый э́то клу́нак? — пытáе чорт.

— От гэ́таго падарóжнаго чалавéка, што спиць, — кáжэ хаджáин. Ён не знаў, што гэ́то Бог.

— А ци вéдаеш-жа ты, што ў ём е? Гэ́то ж там намéдне у́селя́кия хварóбы, пóшасци да памóрку.

И пачáў чорт падбухтóрваць хаджáина, каб ён схапи́ў бóжы клу́нак, а сабé забрáў адзин гарщóчак з грашы́ма. Алé хаджáин пабая́ўса Бóга, да и кáжэ:

[1] Лысый.

— На што мне гро́шы? Як Бог пашле́ напа́сь, та гро́шы чорт дась.

— Чака́й, паку́ль чорт дась, — ка́жэ чорт, — а тут са́ми ў ру́ки ле́зуць.

Ба́чыць чорт, што з дурны́м мужыко́м ничо́го не зро́биць, наду́маўса угавары́ць ба́бу. От легли́ адпачыва́ць. Гаспада́р як лёг, так и заснуў, бы ка́мень. Вида́ць, нагарава́ўшыса, натурба-ва́ўшыса за дзень, трэ и сапачы́ць. А ба́бу и сон не берэ́: усё на чо́рта за́рытца. А чо́рту гэто и на́ руку. Падмо́виў гэ́то ён ба́бу и дава́й падмаўля́ць, каб ена́ улама́ла дурно́го гаспадара́ ўзя́ць гаршчо́к. Але́ ось заспява́ли пе́ўни, и даў Бог дзень.

Падня́ўса хаджа́ин, адзи́н чорт храпе́: прыки́нуўса, ба́тцэ спиць. Не ве́дае хаджа́ин, хто гэ́то. Ду́мае, што гэ́то так сабе́ падаро́жные лю́дзи. Тым ча́сам Бог, як вы́блиснуло со́нейко, пача́ў збира́тца ў даро́гу. А хаджа́ин и его́ жо́нка про́сяць Бога пасилкава́тца. Падзя́куваў Бог за пачо́стку, узвали́ў клу́нак на пле́чы и пашо́ў з ха́ты. Ве́дамо, хаджа́ин пашо́ў праваджа́ць. Тут Бог аткры́ўса таму́ чалаве́ку, да и ка́жэ:

— Вазьми́ от гэ́сты гарщо́к, не развя́звай его́ да так занеси́ и ўки́нь у мо́рэ, та на земли́ не бу́дзе ния́кай пля́ги.

Бог дастаў з клу́нка абвя́заны гарщо́к и даў его́ таму́ чала-ве́ку, а сам и зник. Прынёс хаджа́ин той гарщо́к и паста́виў его на стале́, да и ка́жэ:

— Ба́бо, прыгату́й хутчэ́й сне́дане, бо мне трэ йци́ ў даро́гу.

— От валацу́га, — закрыча́ла жо́нка, — ему́ б усё валачы́тца.

А сама́ и ра́да, што гаспада́р е́дзе ў даро́гу, — а цишко́м за печ пазира́е, гдзе сьпиць чорт. Тым ча́сам чорт абудзи́ўса, да и пыта́е гаспадара́, куды́ ён збира́етца. Той и расказа́ў, што гэ́то начава́ў у ха́це сам Бог, што веле́ў ён го́рщык уки́нуць у мо́рэ.

— А што, — ка́жа чорт, — я табе́ не каза́ў, што ў го́ршчыку гро́шы. Бог шкаду́е атда́ць гро́шы лю́дзям, а вели́ць стра́циць у мо́ры.

— Его ўла́да, Его и моц, — ка́жэ хаджа́ин. — Што хо́чэ, неха́й то́е и ро́биць.

Пачу́ла гэ́то жо́нка да як нава́литца на гаспадара́, бы жыды́ на лихо́го га́мана. Жо́нка сабе́, чорт сабе́: «пакажы́ да пакажы́, што ў гаршку́». Упира́ўса, упира́ўса гаспада́р, ужэ́ вы́бег з гарщко́м з ха́ты, але́ ничо́го не зро́биць. Ве́дамо, ка́ли ба́ба захо́чэ, та на сваём паста́виць. От чалаве́к возьми́ да и развежы́ го́рщык. Чуць ён прыкры́ў, як атту́ль, — братки́ ж вы мае́, па-сы́плютца камары́, мо́шки, здра́ки, авады́ и ўселя́ки гнюс, да

су́нуць вужы́ и ўселя́кая не́чысь. Кі́нуўса чалаве́к збіра́ць гэ́стую по́гань, да гдзе табе́. Ба́чыць то́е жанчы́на й дава́й памага́ць гаспадару́. А чорт зарагата́ў, да и зник. Збіра́ли гэ́то лю́дзи, збіра́ли ту́ю по́гань, патамі́лиса, але́ не йду́ць да гаспо́ды, а усё цы́баюць на вы́гане. То́льки ось прышо́ў Бог, паглядзе́ў, што гэ́то лю́дзи нарабі́ли, да и аберну́ў их у бусло́ў, каб ены́ ўсё жыццё збіра́ли гэ́стую по́гань.

От с тай пары́ буслы́ ўсё жыццё ды́баюць па бало́це, на сенажа́ци, або́ на вы́гане, кала́ буды́нку збіра́юць га́даў, жаб и другу́ю по́гань. Ены́ ўсё хо́дзяць кала́ села́, ближэ́й к лю́дзям и гнездо́ ро́бляць на будо́ўли, або́ па прыса́дах у са́мом селі́. На их и па той час бе́лыя саро́чки да чо́рныя ку́рты. То́льки чо́баты стапта́лиса и ены́ лы́ндаюць бо́сыми чырво́ными нага́ми. Дак от які́е гэ́то пта́хи. [298]

7. Цыга́н сваю́ Мары́нку хоць бы сяро́д ры́нку

Раз на кермашу́ цыга́н прадава́ў кабы́лу, прышлі́ лю́дзі, ды і ка́жуць:

– Шкада́, до́брая кабы́ла. На цо ты прадае́ш?

А ён ка́жэ:

– Ну, то што? Прадаю́, бо то мая́. Цыга́н сваю́ Мары́нку хоць бы сяро́д ры́нку!

Так яму ка́жуць:

– Ну, ке́ды ты сяро́д ры́нку зро́біш, – га́рнец во́дкі.

– До́бра.

Заклі́каў цыга́нку, абышо́ў на ры́нак, накры́ўся хала́там і дава́й трасці́ся... Ну, так лю́дзі прайгра́лі га́рнец во́дкі і ка́жуць да цыга́на:

– То ідзе́м жэ, ра́зам вы́п'ем.

– Ну до́бра, але́ няха́й той упяро́д п'е, хто зарабі́ў.

– Ну, вядо́ма, няха́й п'е.

Паста́вілі га́рнец, а цыга́н, узя́ўшы то́е, вы́няў хуй, у во́дку памачы́ў кане́ц... Так лю́дзі, гето аба́чыўшы, заплаці́лі за во́дку.

– Цьфу! – ка́жуць. – Няха́й ты прападзі!

А цыга́н, узя́ўшы во́дку, пашо́ў да свае́ Мары́нкі! [299]

8. Аб ба́бских увёртках
Штоб паказа́ть, што ина́ ду́жа хи́тра, ба́ба му́жу во́чи тума́нить

Ади́н мужи́к захацёў узна́ть ба́бских уве́ртык. Прихо́дить у адну́ дяре́ўню, захо́дить ў избу́; у избе́ адна́ жэ́нщина то́пить пе́чку, а ха́та ў яе ку́рная.

– Куда́, маладзе́ц, идёш?

– А иду́ иска́ть ба́бских увёртык.

– Харашо́, я табе́ пакажу́ увёртки; харашо́, но то́лька ты согласи́сь грех са мной де́лать!.. – А пе́чка то́пицца жа́рка. – Ну, пасяди́ тро́ху!.. – Прынисла́ вады́ и паста́вила на загне́тку. Нидале́ча було́ гумно́, а с ха́ты на гумно́ було́ кра́сная вако́шка. – Ну, сматри́: я тябе́ увяду́ у бяду́ и вы́виду.

Паста́вила две скаме́йки к ла́ўки, к вакну́. А сяме́йства ўсё малати́ла. Ана́ и гаво́рить:

– Ну дава́й грех де́лать...

– Дава́й!

То́лька ён нача́ў грех де́лать, ана́ яго́ схвати́ла круго́м пад па́хи и ста́ла крича́ть:

– Карау́л!..

Ён и так и сяк выбива́итца: нявы́бьитца ника́к. Ён ужо́ и ду́жа абрабе́ў, а ина́ ўсё кричи́ть. Паслыха́ли мушчи́ны и бига́ть сципа́ми ў ха́ту. Вот яны́ то́лька ў се́нцы, а ина́ схвати́ла вядро́ вады́, вы́лила на дро́вы, а аста́тки на е́тыга чилаве́ка и притвари́лась, што бу́дта пла́чить. Мушчи́ны и гаво́рють:

– Што тут тако́я?

– Ах! – гаво́рить е́та ба́ба. – Када́ бы не е́тыт чилаве́к, ня быть ба на́шиму дваро́чку!.. Загаре́лись дро́вы над со́пухом, а е́тый чилаве́к их затуши́ў!

Яны́ яму́ сича́с во́дки, угошче́ние яму́. Вот публагодари́ў ён их и пашо́ў. А е́та ба́ба праважа́йть яго́ и гавори́ть:

– Ты иди́ дво́ру, рабо́тай: уси́ ба́бы таке́я!.. Пасло́вица гаво́рить: «Не верь ло́шади ў даро́ги, а ба́бы – ў дваре́». [300]

МАЛЫЕ ЖАНРЫ

Загадки

Чóрненькі шаршýнь, вы́мі да ўсýнь. *Сапоги*

Дзíва мне, што сідзя́ць на мне,
А мне дзіўнéй, што тваé ўзлéзлі на маé. *Сапоги*

Не на тóе я цябé брáў,
Каб я з табóю спаў,
А на тóе цябé браў,
Каб сваё беляцéне
Схавáць у тваё чарнацéне. *Сапоги*

На бáбе спацéў, на дзéўку захацéў. *Хлеб*

Свярбіць, баліць, чýхаіш, чýхаіш
і яшчэ́ хóчацца. *Тело, обожженное крапивой*

Прышóў да мянé,
Узлéз на мянé,
Скінуў капóту,
Сагнáў ахвóту
І пайшóў на рабóту. *Человек, печь, сон*

Дзед ласкóча, бáба не хóча,
Як прышóў дзед да цéла,
Дык і бáба схацéла. *Ключ*

Крýгла, бахмáта, кругóм касмáта,
Вы́няў — халóдно, усадзіў — цёпло. *Муфта*

На дубóвай дóшцы
Пан пáню тóпча.
Пан кáжа: «Ужэ́?»
Пáні кáжа: «Яшчэ́!» *Месить тесто*

Дыбы дыбалі,
Жылы ўставáлі,
Гóлы свішча,
Дзіры ішча. *Челнок*

Дзявóцкае чараслó
Наакóла абраслó,
Пасярэ́дзіне дзірачка. *Венок*

Хадзіў маладзік па расіцы,
Шукáў сабé маладзіцы.
Прасіў, прасіў, не выпрасіў,
Падскóчыў і выкусіў. *Заяц*

Кýпа на кýпі,
Страмбýль на пýпі. *Жернова* [301]

Колú б ни бáцюшкин шандрúк-мандрúк,
то мáтушкина шандрá-мандрá по колéни
б зарослá. *Веник*

Пýпом припрý,
Ногáми потрý,
Рукáми пихнý,
А дзе розя́вицца — вопхнý. *Ткацкий станок*

С субóты на нядзéлю
Далá сваймý дабродзéю.
И свярбúць, и балúць,
И шчакóчатца —
Бóли хóчатца. *Веник*

Пришóў, пощýпаў,
Узлёз на яé,
Сядзéў до пóту,
Спогнáў охвóту. *Печь*

Татýлька ўпúўся,
На матýльку ўзбúўся.
Матýлька лихáя,
Татýльку спихáя. *Печь*

Праз брýхо — дорóга.
Миж ног — тривóга.
Над дзúркай — вясéльля. *Скрипка* [302]

Гоголе́к ба́бу кача́ець. *Веник в бане*

Ишо́в бык,
Под ба́бчу шмык.
Ба́ба завы́ла,
Як лы́ко заби́ло. *Колокольня, звонарь, колокольный звон и веревка от колокола*

По че́реву — доро́га,
Меж ног — трево́га,
А над ди́ркою — весе́лле. *Игра на балалайке*

Як молода́ быва́ла,
Сто́ячи пи́во дава́ла.
А ста́ра ста́ла —
Ра́ком ста́ла. *Опрокинутая бочка*

Батра́к батра́чку ухваци́в за сра́чку. *Ухват за дно горшка*

Ни́же пупа́, вы́ше коле́на
Виси́ць, як поле́но. *Шпага*

Задра́вшися, на ба́бу ле́зець. *Юбка* [303]

Прышо́ў не́хта, усу́нуў не́шта.
Зрабі́ў рэч і пайшо́ў прэч. *Плуг*

У на́шага тату́лькі
Паміж ног — баўту́лькі. *Колокол* [304]

Узле́зь на мяне́,
Паяро́ш мине́:
На мне — касма́тка,
А ў касма́тки — гла́дка,
А ў гла́дки — сла́дка. *Орех, орешник*

То́нка стаи́ть, ни́зка виси́ть,
Сам касма́тый, конь лы́сый. *Орех*

Прие́хыў мужи́к у няде́лю, у зиляню́;
Я яму́ дала́, нагу́ подняла́;
Засвярби́ть, забали́ть, защако́читца
И ящо́ хо́читца. *В бане парятся*

Як млада́ была́,
Сто́ючи дала́.
Ста́ра ста́ла —
И, сагну́ўшись, ни даста́нишь. *Кадка и вода*

Стайть де́ўка на гаре́
И диву́итца сваей дыре́:
«Ди́ра мыя зылытая,
И де мне тябе́ де́ти
Иль на живо́я мя́са ўзде́ти». *Кольцо*

Прибе́х хви́лька,
Заби́ў шпи́льку.
«Ах, хви́лька,
Хараша́ твая́ шпи́лька!
Прибяга́й паскаре́й,
Забива́й пакряпче́й». *Маслобойня*

Ни на то́я я тябе́ браў,
Штоб с табо́й спаў;
А на то́я я тябе́ браў
Штоб го́лыя да ў касма́тыя е́хала. *Рукавицы*

Де́ўка кра́сна,
Миз нох я́сна,
Вы́ихала на по́ля,
Го́спади, благаслави́. *Плуг, девка и конь*

Мяне́ ми́лый спалюби́ў,
Сярёд по́ля завали́ў:
Грех ня грех, а мне хо́читца. *Сон*

З ве́чира заюрю́,
К све́ту закандры́чу. *Хлеб в деревянной квашне* [305]

Не стой ля мяне́, не глядзі на мяне́,
зале́зь ды нацялёпкайся. *Груша*

Су́ну, пасу́ну – Трахім смяе́цца. *Иголка с ниткой и процесс шитья* [306]

Кра́сный, як бура́к, на ба́бу ле́зя. *Андарак*

На ба́бу ле́зу: го-го-го́!
А з ба́бы ле́зу: ху́х-ти мне. *Полок в бане*

На дете́й загле́дився,
А на ма́тку поле́з. *На яблоню за яблоками*

А з ве́чара заюри́в,
А под све́т поёрзав. *Тесто*

Захотéла, заманýла, попросúла ў мужикá.
Пошлá ў коня́ оторвáла, во, охóту согнáла. *Овес*

Звéрху — дзю́ра, знúзу — дзю́ра.
А хто кóрань спáлиць,
Тэй смак знáець. *Трубка*

Поклáв, попáрив, вы́няв, попрáвив.
Плёш отдярóш, тогды́ знóв навядёш. [?]

Сúние штаны́, бéлая подклáдка,
А што в штанáх, тóе слáдко. *Сахар в кульке* [307]

Рыскраснéўся, рыспыхтéўся, як из лáзни,
а с кынцá кáпаиць. *Самовар*

Е́хали былгáры, узя́ли маю́ пúчу
на сáни, а я кры́чу: «Аддáй маю́ пичу!» *Сковорода, колбаса*

Прашý пакóрна пумачы́ць у чóрна, вы́нуть,
патéрти ды й яшчó упéрти. *Дегтярка*

Пúндрик — вялúк, а пиндрúчка — нивялúчка. *Ухват и сковорода*

Туды́ рох, сюды́ рох, бáслаў Бох, лесь на мянé. *Сорочка*

Е́хуў плух на чóрный лух, за им — пáра слух,
туды́ éхуў вéсил, аттýль гылавý звéся. *Петух* [308]

На дварьí — мяцéліца,
Паміж ног — каўзéліца,
А на пупý — я́рмарка. *Мельница* [309]

Звéрху чóрна,
Унутры́ крáсна.
Як усýнеш,
Дык прэкрáсна. *Галоша* [310]

Узлéзь на мянé,
Пацялёпкай мянé.
Мне бýдзе лягéнька,
Табé бýдзе саладзéнька. *Груша* [311]

Спéрадзі — па блáту,
Ззáдзі — хоць камý.
Дзéўкі любяць стóя,
Мáльцы — на хадý. *Грузовик* [312]

Каб спéрадзі пагла́дзіць,
На́да ззáду палізáць. *Почтовая марка* [313]

Каля́ клу́ба — завіру́ха,
Каля́ дзірачкі — базáр. *Улей* [314]

Вісíць карóва — дзірка гатóва,
Прышóў бык — у дзірку тык. *Замóк и ключ* [315]

Шуточные вопросы

Што агу́льнага між зацяжáранай дзéўкай,
тапéльцам і згарэ́ўшым у пéчцы хлéбам? *Поздно достали* [316]

Што нáда рабíць, каб сабáка не кусáла,
дзéўка не раджáла і ружжó не страля́ла? *Не спускать* [317]

«Ці лю́бяць жанчы́ны армя́нскае рáдыё?» — «Не, таму што армянскае рáдыё ў шэсць гадзíн пачынáе сваé перадáчы слóвамі: "Вінімáніе! Вінімáніе!"» [318]

Пóмніш, друг ты мой зялёны,
Як наярываў меня́.
І ў ляжáчку, і ў стая́чку
Паміж ног парóў гарáчку.
Бы́лі мóкры ты і я. *Веник в бане* [319]

Счарнéў, змарнéў, а на бáбу лéзе. *Фартук*

Нагáмі тóпну,
Жыватóм прыжму́.
Адкры́ецца калмáціца,
Галы́ш уваткну́. *Ткацкий станок* [320]

Ды́гі ды́гаюцца,
Жы́лы напінáюцца.
Кашлáтая туру́сіцца,
Гóлы дзіркі шукáе. *Ткацкий станок* [321]

Ды́рачка, ды́рачка,
А кругóм — валóсікі. *Глаз*

Што вам лу́ччы?
То, што ззáду прэ́цца
Ці што між ног трэ́цца? *Яйцо и вымя. Яйцо выходит сзади, а вымя у коровы между ног* [322]

Ша́ціца, ма́ціца,
Папала́ціца.
Абма́цаў – касма́ціца.
Гальша́ – шусь. *Варежка* [323]

Машо́начка бара́ньня
Дае́ць і зьве́чара і зра́ньня. *Кошелек*

Аво́хці[1] мне,
Пяць[2] на мне,
Шо́сты[3] стро́чыць
І той хо́чыць. *Скрипка, пальцы, смычок*

Кладу́ць ста́рца ў дамавіну –
Хуй тырчы́ць напалавіну. *Гриб в корзине*

Паміж двух дубо́ў
Вісіць цялёнак бяз зубо́ў. *То, что и подумали*

Пословицы и поговорки
Сло́вы ма́тчыны[4] з Вуша́ччыны

Бе́днаму Іва́ньку і ў піздзе́ каме́ньні[5].

Пазайздро́сьціў хуй ла́пцю.

Ня было́ мя́са, і пізда́ не закра́са.

Няспадзе́ўкі – дзіця́ ў дзе́ўкі.

Хоць су́чку, абы́ гро́шы ку́чку.

А дзе то́я дзе́лася, што ў штана́х вярце́лася?

Калі сяро́дка по́ўная, тады́ й канцы́ йгра́юць.

Няха́й жыве́ць, красу́ецца, паку́ль на хуй ня ўссу́нецца.

Аж га́дзіць, як сьляпы́[1] па пізьдзе́ гла́дзіць.

У яе́ маланьня́ з-пад хваста́ сьвішчыць[2].

---

[1] Ой.
[2] Пять.
[3] Шестой.
[4] Слова матери.
[5] Камни.

І Аўгіньня нявінна, і Ігнáт ня вінавáт, а вінавáта хáта, што пусьціла Ігнáта.

Стаіць, як хуй на вясéльлі.

З гóлай срáкай каля́ гóлага хýя ня жартýй.

Галавá хоць авéчча, áбы піздá чалавéчча.

Ня страш бáбу хýем, янá ягó бáчыла.

Нямá чагó на дзéвак дзівавáць, калі пайшлі стары́я бáбы блядавáць.

Чуднó бáбскае суднó: уніз дзю́ркай, а ня цячэць[3].

Раськінь нóжкі, як барáн рóжкі. [324]

Ад кýта да кутá ляжы́ць бáба распятá. *Лава*

Ляжы́ць бáба на мяжы́,
Расстáвіўшы ладзяжы́. *Плуг*

Нагóй цісне,
Брýхам прэ́ць,
Дзе расшчэ́піцца —
Туды́ прэць. *Ткацкий станок*

Ніжы пýпу, вы́шы калéна,
Вісіць, як палéна. *Сабля*

Рос, рос, вы́рас,
З пóртак вы́лез.
Канчýр залупіўся,
Дзéўкам улюбіўся. *Гвоздика* [325]

На дзéду ззя́е, на бáбе блішчы́ць,
Як дзед напірáе, бáба пішчы́ць. *Ступа и пест* [326]

Дзед ты́ча,
Бáба мармы́ча. *Ведро в воде* [327]

Мех на мяхý,
Салдáцік на вярхý. *Жернова* [328]

---

[1] Слепой.
[2] Свистит.
[3] Течет.

Дры́гі дры́гаюць,
А жы́лы ўстава́юць,
А касма́ты трасе́цца,
А го́лы дзіркі шука́ець. *Ткацкий станок* [329]

Це́раз бру́ха даро́га,
Памі́ж ног — трыво́га,
Дзе дыра́,
Там са́мая ігра́. *Скрипка* [330]

Прые́хаў пан,
Я яму́ дала́:
Нагу́ падняла́.
Пашчыко́чыць, пашчыко́чыць,
Яшчэ́ хо́чыць. *Веник* [331]

Сядзе́ла пане́нка на га́начку,
Крыпа́ла крыпа́начку.
Прышо́ў пані́ч:
«Пане́нка, пазы́ч». —
«А я панічу́ не пазы́чу.
Гру́ба ма́еш, разапха́еш». *Девушка вяжет варежку* [332]

Штоб не ба́біна махну́шка,
Замэ́рзла б дё́дова колоту́шка. *Варежка* [333]

Росло́ і росло́,
Круго́м обросло́.
Посеро́д я́сна,
Эта спра́ва апа́сна. *Колодец* [334]

Одкі́ну сцегно́,
Одкі́ну друго́
Да ўложу́ мя́со жыво́. *Запрягать коня* [335]

Селянін, Бо́гу не маля́сь,
Засу́нуў, не бая́сь.
Вы́няў і абцёр
І наза́д упёр. *Плуг* [336]

Прашу́ пако́рна
Усу́нуць, дзе чо́рна.
Вы́нуць, абцё́рці
І наза́д упе́рці. *Мазь* [337]

Дзед на ба́бе трасе́цца,
Паку́ль ба́ба не знясе́цца. *Дед трясет яблоню* [338]

Не хадзі, дзе́ўка, па са́ду.
Як даганю́, дык уссяду.
Я таку́ю мо́ду ма́ю:
Як усу́ну — не выма́ю. *Пчела* [339]

Во́лас на во́лас,
Це́ла на це́ла
І атры́маецца цёмнае дзе́ла. *Глаз* [340]

Це́нка тане́нка,
Дзю́рка мале́нька.
Калі не памо́чыш,
Дык і ня ўто́чыш. *Иголка*

Кру́глае, прадаўгава́тае,
Каля́ берагоў касма́тае.
А як зда́рыцца бяда́,
Дык пака́ціцца вада́. *Глаз*

У дзе́да вісіць,
А ў ба́бы блішчы́ць. *Колодец* [341]

Як у на́шае мало́дкі
Загарэ́лася ўсяро́дкі,
А ў малайца́
Пацякло́ з канца́. *Самовар*

Не на то́е цябе́ браў,
Каб і з табо́ю спаў.
А на то́е цябе́ браў,
Каб сваё мяса ў тваю дзірку ткаў. *Сапог*

Лезь на мяне́, ламі мяне́.
Ёсць у мяне́ лахма́тае-касма́тае,
Вако́л гла́дкае,
А ўсяро́дке — сла́дкае. *Орех*

Эй ты, Да́ра мая́, Да́ра,
Да́ра залата́я.
Ці даўно́ ў цябе́ была́
Каўбаса́ сыра́я. *Кольцо*

Вы́шы кале́на,
Ніжы пупа́.
Як ту́ю дзірку заву́ць,
Куды́ жыво́е мяса кладу́ць. *Карман*

Як та́я дзірка называ́ецца,
Куды́ жыво́е мя́са ўклада́ецца. *Рукав*

Ня мы́ўшыся, ня ксці́ўшыся,
Цуп за ба́бін пуп. *Дверная ручка*

Вы́лез з-пад пе́чы тарака́н,
Падня́ў ба́бе сарафа́н.
«Ба́ба, у цябе́ чо́рна,
Дай табе́ ўто́рну». *Ухват из подпечка, задернутого занавеской*

Валасы́ з валаса́мі схо́дзюцца,
Сэ́рца захо́дзіцца.
Се́дзячы харашо́,
А ле́жачы яшчэ́ лу́ччы. *Сон*

Прышо́ў май
І про́сіць: «Дай!»
А я дала́, і паддала́,
І нагу́ падняла́.
І свярбіць, і шчако́чацца,
І яшчэ́ хо́чацца. *Веник*

Прышо́ў Зелянэ́ўскі,
Папрасіў па-няме́цку.
Я яму́ дала́
У стая́чку, у ляжа́чку,
Паміж ног у раскара́чку. *Веник*

Па пу́зу, па пу́зу ды ў дзірачку. *Пчелы, заползающие в улей*

Стаіць Давы́д, на кол узбіт.
Яму́ даюць і кла́няюцца. *Жернова*

Еслі любіш мяне́,
Лезь на мяне́.
Зганя́й ахво́ту,
Ідзі на рабо́ту. *Яблоня*

Стаіш ля мяне́,
Хо́чацца табе́.
Ускóч на мяне́.
Табе́ пасмачне́й,
А мне палягчэ́й. *Яблоня*

Вісіць, баўта́ецца,
Каму́ на́да — хапае́цца. *Ведро*

Прышóў да яé,
Лёг на яé,
Ляжáў да пóту,
Пакýль сагнáў ахвóту. *Печь*

Ой, крáсны прырэ́з,
Ды на бáбу ўзлéз. *Юбка*

Ты́кі ты́каюцца,
Жы́лы капóшуцца.
Кашлáтае трýсіцца,
А гóлы дзіркі шукáе. *Ткацкий станок*

Лы́тка ўздрыгáе,
Касмацéнне ўстáвае.
А глáдкі[1] д'ябал
Дзіркі шукáе. *Ткацкий станок*

Звéчара заюрý, а пад дзень паты́каю. *С вечера замесить тесто*

Памíж лісíц парсю́к вісíць. *«Тот самый»*

Сам з хунт, я́йцы – з пуд. *Безмен*

Стаíць бáба на гáнку,
Калы́шіць пагáнку. *Дверной засов*

Стаíць дзед у травí,
У ягó я́йцы ў крывí. *Помидор*

Я в кут і вун тут,
Я в клóччы і вун хóча.
А як прыпéр до пéчы,
Так кáжэ: «Мýсімо лéгчы». *Сон*

Дíд скрэбóча,
Бáба не хóча.
Дед прытýлеў до тéла,
Бáба схатéла. *Ключ, замóк*

Ой, што тóе за рэмэслó,
Кругóм волосáмі оброслó.
Губáмі двíжэ,
Говоры́ть не мóжэ. *Глаз*

---

[1] Гладкий.

Сюды́ рог, туды́ рог,
Памі́луй мяне́ Бог.
Зліз да мене́
Ды пацёпкайся. *Перина*

Каб ня дзе́дава рамясло́, дык у ба́бы б зарасло́. *Веник*

Шчу́паў, шчупаў па ла́віцы, нашчу́паў касма́ціцу,
Шусь туды́ галыша́. *Рукавица*

Прашу́ пако́рна ўто́рнуць, дзе чо́рна,
Вы́няць, абцэ́рці і яшчэ́ раз упе́рці. *Чернильница*

Дуў-дуў, касма́ціцу раздуў,
Сало́дкае вы́кусіў, го́ркае вы́плюнуў. *Орех*

Юр заюры́ў, закурдзы́чыў і ўсадзіў. *Хлеб на лопате в печи*

Кра́сенькі, лы́сенькі, 12 санціме́траў ро́стам; *Советская*
жо́нцы хва́ціць, а ўхажо́рцы ма́ла. *десятирублевая купюра* [342]

Быва́е хало́дны, быва́е гара́чы,
Быва́е вiся́чы, быва́е стая́чы. *Душ*

Мо́ршчысь, ня мо́ршчысь,
Усё ро́ўна ўсу́ну. *Ногу в сапог*

Рос, рос, вы́рас,
І з вало́сся вы́лез,
На ко́нчыку залупі́ўся
І дзе́ўкам знадабі́ўся. *Кукурузный початок*

Лез поп це́раз плот і павісьлі я́йцы. *Тыква*

Дзед ба́бу нагну́ў,
Вало́ссе разгарну́ў,
Сало́дкае вы́кусіў. *Кукурузный початок*

Ву́рос, як м’я́ло,
Усадзі́ў – заўя́ло.
Ву́няў – і з хво́сціка ка́пае. *Соленый огурец* [343]

Круго́м си́нее суко́нце, шусь в око́нце. *Лучи солнца*

Косма́тое с косма́тым слипа́ется,
А в середи́не го́лый матля́ется. *Глаз* [344]

У ди́да ви́сэ,
У ба́бы ссяе.
Дид до ба́бы досига́е. *Колодец* [345]

У бáбы блещи́ть, у дéда виси́ть. *Колодец* [346]

Шэрсть на шэрсть,
Тéло на тéло,
Начинáеца ночнóе дéло. *Сон* [347]

Дед бáбу нагнýў,
Кашлáтицу раздýў,
Укуси́ў,
Да и назáд пусти́ў. *Орех* [348]

На жывотé — дорóга,
Ми́жду ногáми — тревóга,
А ў ды́рочку поездá иду́т. *Ткацкий станок* [349]

Все святы́е без яéц, оды́н — з яйцáмы. *Пасха* [350]

Крáсенка мандýшка, бэлэ́нкый хуёк. *Малина* [351]

Дыджáли-дрыжáли
Кóшмами трепетáли,
Гóлы ды́рки шукáли. *Ткацкий станок*

Ды́бы ды́бають,
Жы́лы дви́гають.
Кошматэ́нни трасéцца,
Миж ногáми трэ́цца:
Гóлы ды́рки шукáе. *Ткацкий станок*

Нашó тэбэ браў[1],
С тобóй спаў —
Гóлой рукóй
Ды́рки шукáв. *Рукавица*

Вы́шэй колэ́на,
Ни́жэй пóяса.
Як вóно назывáецца,
Як гóло пхáецца? *Карман*

Я в кут, и вун тут,
Я в клóччэ, и вун хóчэ.
А як прыпéр до пéчэ,
Так кáжа: «Мýсимо лéгчы». *Сон*

Дид бáбы ты́чэ,
А бáба мурлы́чэ. *Стýпа и пест* [352]

---

[1] Зачем тебя брал.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ЭРОТИЗМА

М.Ф. Довнар-Запольский
Белорусские вечорки

Вечер начинается очень чинно. Девушки приходят с «ку́жалем» и прядут, тихо распевая. Иногда старушка рассказывает им сказки. Но вот гурьбою вваливаются парни. Начинаются шутки, балагурят, «жарту́юць». Парни подседа́ют к девушкам, дело не обходится без обниманий, поцелуев, щипков. Вообще, известная вольность в обращении на вечорках не только допускается, но даже требуется обычаем, признается законом, и девушка может быть исключена из собраний, если чересчур усердно сопротивляется обычным шуткам. Впрочем, не нужно думать, что шутки эти и вольности заходят слишком далеко или принимают не совсем удобный вид. Один из местных наблюдателей, г. Ярмакович, сообщает мне из Минского уезда факты, которые, впрочем, нам приходилось наблюдать и в Речицком и Мозырьском уезде. На вечорках не существует разницы между богатым и бедным, парнем красивым и безобразным. Все одинаково равны. Самый бедный и самый некрасивый может подсесть к красивой и богатой девушке, шутить с нею и пр., независимо от того, симпатизирует ли она ему или нет. На вечорках подсаживаются к девушкам и шутят не только парни, с которыми они «лю́бятся», но кто с кем придется. Девушка не должна оскорблять парня ударом, грубым словом и пр., она не может также не допустить парня подсесть к ней.

Эти замечания очень важны, потому что в обычное время в отношениях и сближениях молодежи заметна разница экономического состояния их отцов. Далее, девушка не на вечорках ни за что не позволит парню даже самых невинных заигрываний, даже парню, который ей нравится. Брань, негодования и удары увесистой девичьей ручки будут в ответ смельчаку. На

этот счет белорусские девицы очень щепетильны. Интересен способ выражения взаимной симпатии молодых людей. Они незаметно пожимают друг другу руки, и это пожатие, называемое «поданием», равносильно клятве в любви.

Так проходит время до поздней ночи. Но иногда мирное течение вечера изменяется. Девушки приносят с собой закуски: сало, хлеб, крупу. Парни, со своей стороны, прикупают сластей, водку, призывают «музыку», а иногда являются музыканты и из их среды. Мало-помалу мирная беседа сменяется музыкой и танцами. Вечорки кончаются поздно. В некоторых местностях заведен обычай, что девушки или, по крайней мере, некоторые (напр., свояченицы хозяйки) остаются тут же на ночь, принеся предварительно сюда свою постель. Парней девушки шутя изгоняют из избы, но, когда погасят лучину или лампу, они понемногу снова появляются в избе и ложатся с теми, с которыми «любятся». Если девушки расходятся по домам, то и тогда не отказываются от совместного спанья. Парень провожает девушку; она входит в избу, где уже все спят, ложится поближе к дверям и чрез некоторое время, уверившись, что все крепко спят, впускает к себе парня, который перед рассветом, конечно, удаляется.

Разумеется, родители девушки и парня хорошо знают об этих подночевываниях: домашним не раз приходится и слышать, как девица впускает парня, и заставать его не успевшим уйти. Но они вовсе не препятствуют дочери, стараясь лишь предупредить последствия. Нередко можно встретить, что и два, а то и три парня разом ухаживают за девицей, подночевывают с нею вместе, если можно, или поодиночке.

Но было бы большой несправедливостью думать, что это совместное ночеванье ведет к неприятным последствиям. Конечно, теперь порядки значительно изменившиеся, основы старой бытовой жизни сильно поколебались, а жалобы на потерю целомудрия девушками раздаются все сильнее. Но это следствие уже новых веяний. Но зато там, где новые веяния сильны, и сами вечорки изменили свой начальный характер, такие открытые подночевывания вышли из обычаев, преследуются родственниками. В некоторых селах, если парень ходит к девушке по ночам, то из этого ничего не выйдет хорошего. Но описанный вид вечорок я встречал в очень глухих местах Минской губернии, в Речицком, Мозырьском уездах. Дурных последствий от посещения вечорок не бывает. Крестьяне смотрят на посещение их детьми вечорок как на обряд, установ-

ленный дедами и потому требуемый обычаем. Сидя вечером в крестьянской избе, можно подметить, как сейчас после ужина или вскоре после него мать всунет в руки дочери куделю, кусок хлеба и сала и выправит на вечорки. Хождение девушек на вечорки считается одним из требований обычая, но столь строгим, что нарушить его решаются лишь в пригородных селах. Мать будет серьезно огорчена, если ее дочь не хочет посещать вечорок, если к ней не ходят спать хлопцы; напротив, будет польщена вниманием их.

Наши вечорки, как великорусские посиделки, беседы, малорусские вечерницы в своем обрядовом значении сводятся к переживаниям этого первобытного гетеризма. В практической повседневной жизни вечорки имеют не менее важное значение. Близкие отношения молодых людей обоего пола препятствовали развитию взгляда на женщину как на существо низшее, подчиненное мужчине. На вечорках и игрищах оба пола не только равны, но девушкам отдается предпочтение во всех отношениях. Парень обращается с девушкой как с равной себе; женившись, он сохраняет то же отношение и к своей жене. В самом деле, женщина в белорусской семье занимает очень высокое положение.

Но не верно было бы думать, что сближения молодых людей ведут к браку их. В последнее время порядки изменяются. Парень требует, чтоб батьки слали сватов к той девушке, с которой он «любится». В малой семье, где всякий работник очень дорог, где чувства родителей к детям имеют больше простора в своем развитии, молодые люди достигают своих требований. Но в больших семьях, где общий режим стоит выше чувств, — там еще и теперь парня женят, а девушку отдают замуж не считаясь с их пожеланиями. Обрядовое значение вечорок выступает и в этом случае; в глухих селах, где сохранилось еще много больших семей, вечорки, как и все обряды, строго выполняются, но именно здесь-то брак всецело находится в руках старших членов. Напротив, в подгородных селах, где народились уже новые условия жизни, где вечорки потеряли обрядовое значение, где на совместное спанье смотрят косо, потому что оно добром не кончится, — здесь-то брак совершается по желанию молодых людей.

Я всегда интересовался вопросами о свободе выбора брачной пары и при всяком случае расспрашивал, особенно старух и пожилых, об их выходе замуж. Бывали счастливые совпадения, когда сваты приходили от парня, с которым девушка «лю-

билась», но и это объяснялось сторонними соображениями родителей с обеих сторон. Но большей частью мне приходилось встречать обратное: вопрос о желании или нежелании вступать в брак не только никто не поднимал из родных, но и самим молодым людям он никогда не приходил в голову.

И старухи, и пожилые выражают удивление по поводу современных порядков. «За нас таго ня бу́ло», — говорят они.

Последние наблюдения дают возможность утверждать, что еще лет 20—30 тому назад заключение брака находилось всецело во власти родителей.

В заключение прибавлю еще несколько слов о взгляде народа на целомудрие до брака. В настоящее время народные воззрения на этот счет сильно пошатнулись. Но все-таки целомудрие от девушек требуется безусловно. Посад невесты во время свадьбы исполняется повсеместно. Девушка не сядет на посад, не осквернит этого почетного места (дежа или «усло́н», скамейка, застланная вывернутым кожухом) и обряда, если потеряла целомудрие. Даже если здесь же жених объявит себя виновником несчастья, то и тогда невесте не избежать упреков, брани, слез матери, увесистых, прощальных побоев отца. И все-таки только время смывает позор с самой невесты и ее семьи. В некоторых местностях посад бывает до церковного венчания (более древний вид его), в других — после. В первом случае, если девушка не села на посад, женихова родня немедленно уезжает (если, конечно, жених не принимает на себя вины) с бранью и криками, с требованием возвратить убытки, платы за потерянное в проволочках рабочее время. Если посад бывает после венчания и девушка не сядет на посад, то все свадебные обряды прекращаются и гости расходятся. В редких случаях жених, если он не виноват, забирает молодую тотчас к себе. Гораздо чаще он забирает ее только через несколько дней, после долгих переговоров, совещаний. Часто этим случаем пользуются, чтобы вытребовать у стороны невесты побольше подарков, приданое, денег. Мне известны случаи, когда повенчанные молодые люди начинали сожительство лишь спустя несколько месяцев, даже полгода после венчания, когда уляжется взаимная вражда.

Очень замечательно, что целомудрие до брака требуется и от парня. Посад жениха еще сохранился в большей части Белоруссии; жених также не может сесть на посад, если не целомудрен. В Минском уезде невеста может отказаться от вступления в брак, если жених не сядет на посад. В Игуменском

уезде, записывая песни, я стал расспрашивать моих рассказчиков об этом. «Цяпе́рь ня ве́льми на гэ́та глядзя́ць, але́, як даўне́й, дык ня павязьли́ б няве́сты да царквы́», — получил я ответ. [353]

М.В. Довнар-Запольский

Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках
Фрагмент

<...> Главное условие посада — это целомудрие как жениха, так и невесты: сесть на посад ни тот, ни другой не может, если не сохранил целомудрия. Это обстоятельство дало повод к вариациям обряда. Так, в иных случаях сватья торжественно исповедует молодую; в Новогрудском уезде невеста сидит на посаде с покрытой головой за столом, жениха призывают, и если он сохранил целомудрие, то перелезает через стол и целует невесту, если нет — лезет под стол на ее колени.

Сложный обряд посада постепенно уступает место упрощенному, так как и вообще весь свадебный обряд последнее время сильно сокращается. Это происходит и потому, что вообще древние бытовые условия жизни сильно пошатнулись в глазах крестьян под влиянием разных городских обычаев, да еще и потому, что с сокращением свадебной процедуры сокращается и трата времени, расходы. Наконец требование целомудрия с обеих сторон делает посад часто невыполнимым, особенно для парней, а нередко и для девушек. Вот почему обряд посада жениха встречается все реже и реже, но редкая свадьба обходится без посада невесты: его отправляют и тогда, когда знают наверное, что невеста откажется от сиденья. Требовательность к девушке сильнее, чем к парню, а потому свадебные заправилы считают нужным, по крайней мере, поставить в неловкое положение провинившуюся и ее мать, хотя бы жених и объявил себя виновником. Впрочем, мы увидим, что целомудрие невесты впоследствии строго проверяется женским персоналом.

Но где посад сохранил свою первобытную чистоту, там он имеет громадное значение: это центр свадьбы, традиционно приковывающий к себе внимание всех присутствующих, выполняемый с особенным эффектом, торжественно. Но торжественность эта скорее мрачного, удручающего душу характе-

ра, производящая тяжелое нравственное впечатление даже на совершенно стороннего зрителя и резко отличающееся от бесконечного веселья последующих свадебных обрядов.

Но еще более тяжелая картина получается, если кто-либо из молодых не садится на посад, особенно в глухих селах, где старинные обычаи еще держатся. С юридической стороны обиженная сторона имеет право тотчас уехать, отказавшись от всяких обязательств и потребовать возвращения расходов на свадебные приготовления и за потраченное время, — что по обычаю и выполняется. Разумеется, разрыв возможен только тогда, когда посад выполняется перед церковным венчанием. Для предупреждения разрыва во многих местностях входит обычай садить на посад именно после венчания, но и в последнем случае известны факты, когда молодые расходятся на некоторое время, и только через несколько месяцев, иногда через полгода родственники примиряют обе стороны.

Чтобы наглядно представить весь процесс отказа сесть на посад, я решаюсь в выдержках привести один из имеющихся у меня рассказов подобных случаев. Рассказ принадлежит очевидцу О.В. Ермаковичу.

Обойдя трижды стол с «братом», жених молча остановился перед иконами. Ему рукою указали на дежу, но он опять продолжал несколько минут стоять. Водворилось суровое, гробовое молчание. «Потом он сделал движение рукой, как будто хотел молиться, но рука его погнулась и снова остановилась. Кровь хлынула к лицу его, а потом он побледнел, как полотно. Затем он машинально опустил руку в карман, вынул оттуда носовой платок, разослал перед собою на полу и, опустившись на колени, приник устами к земле. Потом жених поднялся и сотворил крестное знамение, снова повергся на землю. Мертвое молчание продолжалось. Вдруг раздался стук разбитой посуды; я отвел глаза в сторону на отца его, стоявшего над разбитой чашкой; лицо его было бело, он весь трясся, как в лихорадке, но не двигался с места, а стоял над разбитой чашкой, устремив свирепый взор на сына, уже в третий раз повергшегося на землю. Жена его, мать жениха, смотрела на сына умоляющими глазами. Не вставая с земли и не глядя никуда, жених повернулся в сторону отца и приник к его ногам, обливаясь слезами и издавая глухие звуки от сдерживаемых рыданий. Отец вскочил, как ужаленный, и ногами стал бить сына, но тот не вставал, а продолжал целовать ноги отца. Все молчали, наконец сват вступился за жениха: он при помощи не

слишком вежливых толчков в грудь хозяина, упросил его перестать давать наставления сыну. Тяжело дыша, отец жениха прислонился к скамейке и зарыдал как ребенок, закрывшись руками. Сын так и не перестал плакать, обнимая и целуя ноги отца. При виде этого многие стали просить отца простить сына и благословить его. “Не, — сказал он, — хоць я благаслаўля́ю, Бог не благослови́ць, калí ён гэ́дак зраби́ў мне; гэ́дакая тваё бу́дзе жы́ццья, сы́ник, кали́ ты ня бая́ўся Бо́га і ня хаце́ў слу́хаць бацько́ў”. Насилу упросили отца благословить сына. А последнего оторвали от ног и подняли». Заметим, что в этой местности крестьяне твердо убеждены, что парню, потерявшему целомудрие до женитьбы, будет неудача в жизни: у него будут умирать дети и падать скот.

Рассказ очевидца производит тяжелое впечатление. Но такова сила традиций, сложившихся под влиянием векового процесса народной жизни, под влиянием верований, юридических обычаев, всех бытовых условий жизни народа, который еще остался верен своей заветной старине, обычаям и религии предков.

У великоросов и малоросов посад или редко встречается, или имеет слишком ничтожное значение, иногда совершенно сливаясь с другими обрядами.

Общий ход, колорит обряда не находит себе прочных аналогий ни в славянской, ни в общеарийской свадьбе и может быть признан оригинальным проявлением бытовой деятельности белорусской народности; особенно это следует сказать относительно посада жениха. Но отдельные частности посада, отдельные действия и обряды входят в широкую область аналогичных обрядов других народов. В посаде можно ясно различить главные и побочные стороны обряда. Весь ход его группируется около подстригания или прижигания волос, сажания на шубу, сюда же присоединяется и покрывание головы невесты. Эти три части обряда окружены другими действиями и предметами, не принадлежащими специально к посаду, но повторяющимися и при других частях свадьбы или же вообще в обыденном течении крестьянской жизни <...>

При всем внешнем сходстве посада жениха и посада невесты в современных обычаях белорусов их происхождение и этнологическое значение совершенно различны. <...>

Посад жениха не представляет собой части собственно свадебного ритуала. В основе его лежит бытовой акт принятия в число членов рода нового возмужавшего члена; признание это

основывается на признании зрелости этого члена, половой или военной, — или, применяясь к позднейшему быту, — зрелости хозяйственной, способности быть хозяином, продолжателем рода и блюстителем домашних культов. В основе этого акта лежит, быть может, — более древний мотив — «испытания зрелости» с теми же целями. По отношению к свадьбе этот акт предварителен; только возмужавшему члену рода, признанному таковым со стороны своих сочленов, дозволяется ввести в дом, приобщить к домашнему алтарю нового члена, будущую жену его. Этим объясняется связь посада со свадебными обрядами. Далее, посад обставлен по преимуществу культом родовым, затем — аграрным. Он принял окончательный вид, очевидно, в ту пору народной жизни, когда народ имел родовое устройство и когда главным его занятием было земледелие. [354]

М.В. Довнар-Запольский

Ритуальное значение каравайного обряда у белорусов

Фрагмент

<...> В каравайном обряде мы имеем остатки так называемого приапического культа. Одна песенка обращается к караваю с просьбой о покровительстве браку:

Злучи́, Бо́же, да мои́ дзе́тки[1].

А другая, которую поют при закваске каравая, делает и еще более прозрачный намек:

Неха́й мой ко́ся (конь) по росе́ поска́че,
Неха́й молода́ Ау́до́цька по косе́ попла́че[2].

Смысл последнего замечания станет вполне ясным, если мы припомним, какое значение брачные обряды придают расплетанию или обрезанию девичьей косы.

Но, конечно, указанное значение каравая еще более характеризуется целым рядом песен фаллического содержания, составляющих обязательную часть только этого обряда, наконец, и самою внешнею формою этого обрядового хлеба, которая

[1] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 2. С. 214. Перев.: «Соедини, Боже, моих детей».
[2] Там же. С. 215.

придается ему в некоторых местностях. Правда, фаллические каравайные песенки с трудом попадают в наши этнографические сборники; собиратели нередко опускают их сознательно, но их нелегко и записать, так как бабы не скажут их в обычное время. Несмотря на эти не вполне благоприятные условия, известные нам записи свадебных обрядов сохранили немало песен, приуроченных к караваю.

Эти песенки в грубой форме отмечают действия каравайного хлеба на плодовитость женщины: одно прикосновение к караваю, качание его, вылепка для него украшений из теста и т. п. уже действуют на работницу:

1) А колú я каравáй качáла,
Тогды́ я животóм крычáла[1].

2) А богáтые качáли, качáли
А пузáтые сажáли[2].

Так говорят песни[3].

Песни идут иногда дальше в олицетворении каравая:

Каравáй рогóче
Да до пéчи хóче,
А печь рогóче —
Карáвая хóче[4].

Эти грубые песенки не случайно попали в каравайный обряд. Они только отражают веру в ту оплодотворяющую силу,

---

[1] Там же. С. 257.
[2] Там же. С. 341.
[3] Приведем еще некоторые из них:

а) Як мы шы́шачки качáли,
Тогды́ мы жыватóм крычáли.
Як мы шы́шачки ляпúли,
Тогды́ мы жывотóм кропúли.
(Там же. С. 307)

б) Стáршая коровáйница!
Ни стой кoля́ пéчы.
Áба ты хвартýх спáлиш,
Áба кýрку осмáлиш.
(Там же. С. 259)

в) В огорóдзе мак паламáўся,
До дзéвок Язéп прикасáўся.
Собралúся дзéўки пагáнки,
Привязáли Язéпа до лáўки, и *т. д.*
(Там же. С. 215)

[4] Там же. С. 227.

символом которой является каравайный хлеб в обряде. Этим, вероятно, объясняется убеждение, существующее у великороссов, что если молодая отведает до ночи каравая, то молодой не будет любить ее:[1] со вкушением каравая невеста как бы теряет девичество.

Только что описанное свойство каравая выражается в песнях и еще особым образом.

Каравайное тесто растет особенно: чтобы вынуть его из печи, необходимо взять «вострый меч», «порубаць камяную печ»[2], потому что он так вырос в печи, что уже не проходит в ее отверстие. Песенка приглашает каравай:

Подыхóдзь, подыхóдзь, наш каравáй,
Ды вышéй пéчи муравóй,
Да вышéй стоўпá золотóго,
Да вышéй кня́зя молодóго[3].

Или другая так описывает каравай в деже:

Каравáй у дзяжи́ игрáець,
До вéка поднимáець,
Каравáйниц ожидáець[4].

Во всех этих песенках каравай является символом оплодотворяющей силы. Ее надо передать невесте.

Последним объясняется любопытная особенность посада, существующая в некоторых местностях Белоруссии: невесту во время расплетания косы сажают на дежу, в которой расчинен каравай[5] и в которой его тесто, по песням, так чудодейственно подходит. Существует и примета: каравайницы следят, хорошо ли подходит тесто, и из этого заключают о плодородии молодой четы.

Сама внешняя форма каравая подтверждает выводы, только что сделанные нами из песен. Отделка каравая, лепка из его теста различных украшений занимает довольно много времени, сопровождается весьма нескромными намеками, замечаниями, критикой молодых и пр. Сделав основу каравая – большую круглую булку, приступают к украшению ее: тут лепят из его же теста домашних животных, птиц, растения – репу, морковь. Лепят и отдельные части животных. Всеми

---

[1] *Терещенко А.* Быт русского народа. СПб., 1848. Т. 2. С. 133.
[2] *Янчук Н.А.* По Минской губ. // ИОЛЕАЭ. 1889. Т. 61. № 10. С. 49.
[3] *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... С. 221.
[4] Там же. С. 752.
[5] Там же. С. 222.

этими произведениями свадебной скульптуры украшают каравай. Правда, в некоторых местах Минской губернии, где мне приходилось наблюдать обряды, нескромных фигур уже не запекают, но переделывают их. Во многих же местностях на жениховском каравае изображают, например, селезня, на невестином – уточку, вокруг птиц кладут яйца из теста[1]. Кое-где вставляют в каравай зеленые ветки[2]. Впрочем, грубые изображения на каравае еще в ходу, так, например, мы встречаем чрезвычайно интересное изображение его в одном описании из Гродненской губернии[3]. Эти описания только подтверждают сказанное нами о соотношении каравайного обряда с приапическим культом.

Обряды во время печения и разделения каравая вполне гармонируют с его общим значением. Наблюдателя всегда поражает экзальтированное состояние участвующих в каравайном обряде. И этот экстаз не случайное явление: в народных обрядах экстаз является столь же традиционным, как и народный обычай. Музыкой и пением сопровождаются различные частности обряда.

Так, в Минском уезде парни выносят каравай на веке [крышке] от квашни с музыкой; внесши в избу, они кружатся некоторое время и лишь затем ставят на стол. В Гродненской губернии девушки пляшут вокруг каравая, после того, как его замесят[4]. Здесь же, когда каравай вынут из печи, «маршалок» (свадебный чин. – *Ред.*) кружится с ним по избе, приговаривая: «Ра́ю карава́ю, ра́ю, ра́ю, я с тобо́ю поигра́ю»[5]. В Минской губернии перед разделением каравай трижды обносят вокруг стола[6]. Этот традиционный экстаз, конечно, имеет в каравайном обряде такое же значение, как и в приапических культах вообще, а с последними наш обряд имеет общую основу. [355]

---

[1] Там же. С. 171.

[2] Там же. С. 379.

[3] Каравай бывает весом в 50 и более фунтов. На нем запекают такую картину: стоит невеста по колена в каравае и правой рукой держит поднятое кверху платье и рубашку. Жених стоит таким же родом напротив невесты и держит в правой руке репу. Кругом – изображения животных: боров верхом на свинье, петух – на курице и т. д. Кругом этих фигур – солнце, месяц и звезды. Вынув каравай из печи, в него втыкают вилы деревянные, в аршин величиной, и покрывают его простыней. Кроме того, здесь же пекут вместе с караваем пироги цилиндрической формы (Лашанская вол.).

[4] Там же. С. 378.

[5] Там же. С. 361.

[6] Там же. С. 222.

Е.И. Якушкин

Заметка об одном очень редком издании белорусских песен

В 1882 году в Могилеве был напечатан «Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, медицинском и статистическом отношении».

Материалы для этого издания были собраны по распоряжению Могилевского губернатора А.С. Дембовецкого. Часть собранного материала, а именно песни, поющиеся в первые дни свадьбы, по неприличию находящихся в них выражений, не могли войти в книгу, назначенную для широкого круга читателей. Они напечатаны отдельной брошюрой, под заглавием: «Свадебные песни белорусские. Дополнение к первой книге "Опыт описания Могилевской губернии", к отделу свадебных песен (с. 545). Могилев-на-Днепре, 1884 г. Типография Губернского Правления (д. 16, стр<аниц> 44)».

Брошюра эта была напечатана в числе 20 экземпляров для рассылки в ученые учреждения и общества.

Всех песен в этом издании 169. Они распределены по следующим отделам:

I. Песни в день свадьбы после обеда и вечером во время танцев.

II. При отправлении молодых в клеть и во время пребывания их там.

III. На другой день утром при появлении новобрачных:

а) если молодая окажется честною;
б) если молодая окажется нечестною.

IV. В тот же день после обеда и вечером.

Немногие из этих песен совершенно приличны. Приведу две из них. В шестой песне есть следующее обращение к свату:

Каза́ли сваты́ бога́тые,
Аж ены́ убо́гие.
Ко́ни их безно́гие;
Са́ми пешко́м иду́т,
Жениха́ у мешку́ несу́т.
Но́ги его́ торча́ли.
Соба́ки гурча́ли.

В девяносто третьей песне описывается отношение молодого к молодой:

Ох ты, ра́дость моя,
Ра́дость дорога́я!
Тепе́рь ёсць у меня́
Жена́ молода́я.

Большинство песен напечатано с точной передачей неприличных выражений народного языка. Издание их в таком виде, без всяких выпусков, составляет несомненно научную заслугу. Важный недостаток издания состоит в том, что не указано, в каких местностях записывались песни.

Все песни сборника напечатаны в первый раз; только две из них (песни № 125 и 127) представляют варианты к песне, напечатанной ранее Шейном (Белорусские народные песни, с. 359, песня № 657).

Все песни очень короткие, многие из них состоят из четырех стихов. Может быть, некоторые из песен составляют только отрывки из более длинных песен, не сохранившихся в народной памяти в их полном составе. На эту мысль наводит четвертая песня сборника, состоящая из шести следующих стихов:

А у нашей свашки
Не сам чепец пляшет,
Воши его подымают,
Гниды им помогают.
А мелкие вощеночки
Пробирают рядочки.

Это начало песни, заимствованной у великоросов. На такое заимствование указывает близкое сходство первых стихов песни с началом следующей свадебной великорусской песни:

Свашенька хорошенька,
Свашенька пригоженька,
Как на свахе, свахе
Не сам чепец пляшет;
Свашенька хорошенька,
Свашенька пригоженька,
Воши его подымают,
А гниды толкают.
Сваха на свадьбу спешила,
На мутовке рубашку сушила,
На печном столбе колотила;
Ехала свашенька из города,
Свесила ноженьки из короба;
Увидали свашеньку два щеголя,
Приударили свашеньку в два шлепа;
Свашенька испугалася,

На дохлу курицу кидалася;
Стучит, гремит на улице,
Едет сваха на курице;
Пестом она погоняет,
На свадьбу поспешает;
Уж как дружка-то Захар
Гонит ее сзади на базар;
Продать хоть не из рожи,
А пусть хоть бы из кожи;
Да не один мясник божится,
Что и никуда не годится.
Один только Мартын
Давал за нее и с курицей алтын;
Уж как дружка осердился,
К Москве-реке воротился,
Сваху за ворот схватил,
На шею камень нацепил,
Опускает головой в воду,
Попытать там броду.
Как навстречу им татара
Гонять стадо тараканов;
Дружка сваху променял,
Двух тараканов за нее взял.
Посадили свашеньку в коробок.
Повезли в Казань городок;
Соломою ее кормили,
Вместо пива щелоком ее поили.
Сваха с Волги уходила,
На воробьях на свадьбу прикатила.

Песня эта напечатана в книге: «Веселая Эрата на русской свадьбе». Москва, 1801 г. [356]

А.О. Шлюбский

Материалы для изучения фольклора и народной речи Витебщины
Фрагменты

Помещиками Велижского уезда широко практиковался обычай jus primae noctis[1]. Согласно народным рассказам, такого обычая придерживался и помещик Гангрен в Миловидах. Если невеста оказывалась недевственной, ее страшно пороли на конюшне, сразу же утром после ночи (зап. со слов Парфёна Карпова, 92-летнего старика, 1920).

[1] Пра́ва первой ночи (*лат.*).

Обычай передавался из рода в род и был широко распространен у князей Глинских, род которых угас в 19 столетии в силу того, что последняя представительница рода была задушена крепостными за свою невероятную жестокость. Жили Глинские в поместье Жегули (Велижский уезд). Обычай этот у них имел характер якобы ритуальный. На втором этаже дворца была отдельная комната, предназначенная именно для этой цели. В 1920 году в ней стояла только огромная старинная кровать. У Глинских девушка, выходившая замуж, должна была проводить с помещиком последнюю ночь перед браком. Назавтра утром приходил жених, и помещик сообщал ему, сохранила княгиня девственность или нет. В противном случае невесту секли розгами по голому телу. Если же она оказывалась девственной, то помещик давал ей приданое: корову, поросенка, два отреза полотна по 12 аршин каждый и семян на две десятины. Старики поговаривают, что крестьяне стали беднеть из-за отказа от этого обычая (Жегули, со слов У.В. Птицына, 1920).

Существовал обычай jus primae noctis и в поместье Усвяты Велижского уезда (со слов В. Кузьмина, 1921).

Необходимо отметить, что в белорусском народном творчестве всей старой Витебщины — от Полоцкого уезда и до Велижского — существует немало рассказов, «стыдных» по форме, но весьма любопытных по содержанию. Первую ночь после брака в церкви «княгиня» была обязана проводить со священником. По естественным причинам, такие произведения не могли быть напечатаны в дореволюционных этнографических трудах. Интересно, или это перелицовка, одетая в одежды священника, на помещиков, придерживавшихся jus primae noctis, или священники в некоторых местах, где этого не делали помещики, вводили этот обычай.

В Будницкой волости, если молодых клали спать в клети, то с «княгини» дружко снимал всю одежду, даже серьги из ушей, оставляя ее лишь в одной нижней рубашке. После первой брачной ночи молодую сажали на квашню или колоду, одевали чепец. Если она не сохранила девственности, то в клети ей одевали на голову хомут и вели в избу (Мамуны, со слов Степана Жаркова, старика 90 лет, 1919) [357].

После свадебного банкета в первую ночь молодую ведут в клеть, где с нее снимают всю одежду, даже и рубаху. Раздевают ее близкие родственницы жениха и обязательно замужние. Их должно быть не менее двух, можно и больше. Раздев мо-

лодую, они внимательно осматривают, не спрятала ли она в маленькой бутылочке кровь где-то в волосах, во рту или гениталиях. Девушки, которые не сохранили девственность, перед брачной ночью берут с собой бутылочки с кровью, чтоб брызнуть ею на постилку, на которой молодые будут спать. Кровь нужно брать птичью — от курицы или петуха, но лучше всего голубиную. Осмотрев «княгиню» и ничего в ней не найдя, женщины выходили, а к голой «княгине» в тот же момент входил «мыладэ́й», ожидавший за дверью конца осмотра. Если невеста не сохранила девственности, после этого к ней могли плохо относиться, ругали, заставляли много работать (Ходовцы, 1915) [358].

Если невеста не сохранила девственность, то в доме жениха били посуду (Авдейково, 1920), в д. Брушницы Усвятского уезда еще в 1913 году на такую девушку надевали хомут. Теперь этого обычая нет [359].

О СОБИРАТЕЛЯХ БЕЛОРУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

Барадулин Рыгор Иванович (род. 1935) — известный современный поэт, переводчик, народный поэт Беларуси. Автор около 40 книг лирики.

Горецкий Максим Иванович (1893—1938) — писатель, литературовед, фольклорист, общественный деятель. Один из основоположников национальной художественной прозы. Репрессирован и расстрелян в Вязьме. Записывал фольклор с музыковедом и композитором А. Егоровым.

Гуринович А. [Адам Гиляри] (1869—1894) — белорусский поэт, революционер; председатель «Кружка молодежи, польско-литовской, белорусской и малорусской», пропагандировавший идеи марксизма. Собирал белорусский фольклор, переводил на белорусский язык русскую классическую литературу.

Дмитриев Михаил Алексеевич (1832—1873) — собиратель и исследователь белорусского фольклора и этнографии. Окончил Главный педагогический университет в Петербурге; учительствовал на Гродненщине. Издал «Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края» (1869). Записи сделаны в Новогрудке.

Добровольский Владимир Николаевич (1856—1920) — белорусский и русский этнограф, фольклорист, краевед. Окончил Московский университет. Собирал и записывал устное народное творчество, изучал народный театр, собирал предметы быта. Печатался в журналах «Этнографическое обозрение», «Живая старина» и др. Автор фундаментального труда «Смоленский этнографический сборник» (1891—1903, ч. 1—4), «Смоленского областного словаря» (1914) и множества статей.

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867—1934) — белорусский историк, этнограф и фольклорист. Доктор исторических наук, профессор. Работал в Москве, в Киевском университете, где защитил

докторскую диссертацию «Очерки по организации западнорусского крестьянства в XVI в.». С 1925 г. действительный член историко-археологической комиссии Инбелкульта и профессор БГУ. Опубликовал более 150 научных работ по социально-экономическому положению Беларуси и Литвы, политическому положению России и истории народного хозяйства, а также по белорусской этнографии, фольклористике и литературе. Собирал материалы во время многочисленных экспедиций по Беларуси. Наиболее важные работы о быте и культуре белорусов собраны в сборнике «Исследования и статьи». Собирал фольклор, часть опубликовал в сборнике «Песни пинчуков».

Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942) — историк русской литературы, исследователь белорусского фольклора и этнографии. Окончил Московский университет. Участвовал в фольклорных экспедициях на север России, Поволжье, в Литву, на Полесье. После Октябрьской революции жил в Праге, заведовал кафедрой истории русского языка Карлова университета. Собирал и исследовал белорусский фольклор, мифологию (ст. «Представления белоруса о нечистой силе», «Болезнь и смерть в представлениях белорусов», «Материалы для изучения творчества и быта белорусов» и др.).

Никифоровский Николай Яковлевич (1845—1910) — белорусский этнограф и фольклорист. Действительный член РГО, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Более 20 лет был корреспондентом П.В. Шейна. Издал около 20 трудов по истории, этнографии и духовной культуре Витебщины. «Очерки Витебской Белоруссии», «Простонародные приметы и поверья, собранные в Витебской Белоруссии», «Нечистики» стали энциклопедией народного быта и творчества белорусов. Одним из первых выделил песни-«частушки», издав 2356 из них отдельным сборником.

Носович Иван Иванович (1788—1877) — белорусский языковед-лексикограф, фольклорист, этнограф. Окончил Духовную семинарию в Могилеве. В 1867 г. напечатал «Сборник белорусских пословиц» (золотая медаль РГО), куда включены и скороговорки, пожелания и т. д. Особую научную значимость представляет «Словарь белорусского языка» (1870) — более 30 тыс. слов с объяснениями, которые дают представления о материальной и духовной культуре белорусов.

Романов Евдоким Романович (1855—1922) — белорусский этнограф, фольклорист, археолог. Действительный член РГО, Московского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Московского археологического общества. Под его редакцией выпущены три сборника «Могилевской старины». С 1910 г. — заведующий секции этнографии и археологии Северо-Западного отдела РГО. Напечатал более 200 работ по этнографии, фольклору, истории и языке белорусов, более 10 тыс. фольклорных текстов. Основной фольклорно-этнографический труд — «Белорусский сборник» (1886—1912,

вып. 1—9) — своеобразная энциклопедия быта и культуры белорусов дореволюционного времени.

Сержпутовский Александр Казимирович (1864—1940) — белорусский этнограф и фольклорист. Действительный член Инбелкульта. Работал в этнографическом отделе Русского музея в Ленинграде. Проводил большую исследовательскую, научно-педагогическую и общественную работу; возглавлял подкомиссию в Комиссии по составлению этнографических карт и изучению национального состава населения России при Академии наук. Собрал на Беларуси богатый этнографический и фольклорный материал. Издал сборники «Сказки и рассказы белорусов-полешуков», «Сказки и рассказы белорусов из Слуцкого уезда», «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў».

Федоровский Михал (1853—1923) — польский и белорусский фольклорист, этнограф, археолог. В 1877—1904 гг. исследовал Западную Белоруссию — материальную и духовную культуру, собирал книги, исторические документы, проводил археологические раскопки. Собрал ок. 5 тыс. белорусских народных песен, порядка 10 тыс. единиц малых фольклорных жанров. Фольклорные материалы составили 8 томов «Люду белорусского» (1897—1981).

Шейн Павел Васильевич (1826—1900) — белорусский и русский этнограф и фольклорист. Издал одну из первых специальных фольклорных программ в России и разослал ее по Беларуси. Имел широкую сеть корреспондентов. Наиболее обстоятельно белорусский материал представлен в сборнике: Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: В 3 т. СПБ., 1887—1902.

Шлюбский Александр Онуфриевич (1897—1941) — белорусский советский фольклорист, этнограф, библиограф. Окончил Витебское отделение Московского археологического института. Был репрессирован. Исследовал старинные обычаи, материальную культуру белорусов. Его библиографические справочники актуальны и ценны до сегодняшнего времени.

Янковский Антон Рафалович (1901—1982) — краевед и фольклорист, агроном по образованию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИИЭФ – Архив Института искусствоведения, этнографии и фольклора НАНБ

Арх. АН СССР – Архив Академии наук СССР

Арх. БГУ – Архив Белорусского государственного университета

Арх. РГО – Архив Русского географического общества

БНТ – Беларуская народная творчасць (серия)

БЭЛА – Белорусский этнолингвистический атлас. Рукописные материалы (архив Н.П. Антропова)

ВА – Фольклорный архив Витебского госпедуниверситета

гмин. – гмина (административная единица)

Д. – дело

д. – деревня

ИОЛЕАЭ – Известия имп. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии

ИРГО – Императорское Русское географическое общество

ИРЛИ – Институт русской литературы РАН

к. – коллекция

ЛГИТМиК – Ленинградский государственный институт театра, музыки и кино

м. – местечко

МГПИ – Минский государственный педагогический институт

НАНБ – Национальная Академия наук Беларуси

НИЛ – Научно-исследовательская лаборатория

Оп. – опись

ОРЯС – Отделение русского языка и словесности

РАН – Российская Академия наук

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства

РГО – Русское географическое общество

Тетр. – тетрадь

Ф. – фонд

ФА – Фольклорный архив Белорусского государственного педагогического университета

ЦНБ – Центральная научная библиотека им. Якуба Коласа НАНБ

УКАЗАТЕЛЬ ЦИТИРУЕМЫХ ДОКУМЕНТОВ

1. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1890. Т. 1, ч. 1. С. 99—107. Зап. в д. Махерово Полоцкого уезда и в Виленской губ.

2. *Барадулін Рыгор.* Здубавецьця. Мн., 1996. С. 149. Зап. в Ушачском р-не Витебской обл.

3. Жаніцьба Цярэшкі / Уклад. тэкстаў, уступ. артык. і камент. Л.М. Салавей. Мн., 1993. С. 130. № 99. Зап. в д. Замосточье Докшицкого р-на Витебской обл. от Ю. Батуры, 87 лет.

4. Там же. С. 131. № 103. АИИЭФ: зап. в д. Литвичи Лагойского р-на Минской обл. от В.И. Терех.

5. Там же. С. 132. № 104. Зап. в д. Сокарево Бешенковического р-на Витебской обл. от О.Ф. Рыбаченок.

6. Там же. С. 141. № 139. Зап. в д. Березино Докшицкого р-на Витебской обл. от М.И. Захаревич, 1900 г. р.

7. Там же. С. 141. № 141. Зап. И.Д. Назиной в д. Муровщина Полоцкого р-на Витебской обл. от Н.И. Кармалыс, 1915 г. р.

8. Там же. С. 143. № 146. Зап. в д. Ист Миорского р-на Витебской обл. от Д. Липской, 1903 г. р.

9. Там же. С. 144. № 151. Зап. в д. Быстры Бешенковического р-на Витебской обл. от А.М. Аблаватского, 1918 г. р.

10. Там же. С. 178. № 300. Зап. в д. Озерцы Глубокского р-на Витебской обл. от Н.А. Савунич, 1929 г. р.

11. Из личного архива З.Я. Можейко.

12. *Кухаронак Т.І.* Маскі ў каляндарнай абраднасці беларусаў. Мн., 2001. С. 174—176.

13. *Ивлева Л.М., Ромодин А.В.* Масленичная похоронная игра в традиционной культуре Белорусского Поозерья // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 196—203.

14. *Кухаронак Т.І.* Маскі ў каляндарнай... С. 91—92.

15. Веснавыя песні / Склад. Г.А. Барташэвіч, Л.М. Салавей. Мн., 1979. С. 144. № 133. Зап. Г.А. Барташевич, Л.П. Барабановой в 1977 г. в д. Асмоловичи Рогачевского р-на Гомельской обл. от Н.И. Тишовой, 1917 г. р., Н.Р. Тишковой, 1893 г. р.

16. Там же. С. 273–274. № 344. Зап. М.Ю. Зубовым в 1906 г. в д. Микуличи Климовичского уезда Могилевской губ. (ИРЛИ. К. 40. Д. 2. Л. 60. № 52).

17. Там же. С. 304–305. № 379. Зап. Е.М. Пахомовой в 1976 г. в д. Камень Лепельского р-на Витебской обл. от Ф.И. Барановой.

18. Там же. С. 328. № 402. Зап. Ф. Бондарович в д. Ячное Столбцовского р-на Минской обл. от Нины Сошки, 1912 г. р.

19. Там же. С. 429. № 537. Зап. Л. Жуковской в д. Дерезки Молодеченского р-на Минской обл. от М.И. Сенько, 1898 г. р.

20. Там же. С. 430–431. № 540. Зап. Н. Полочаниным в д. Осиновщина Докшицкого р-на Витебской обл. от В. Кушель.

21. Купальскія і пятроўскія песні / Уклад. А.С. Ліса, С.Т. Асташэвіч; Уклад. муз. часткі Г.В. Таўлай; Рэд. А.С. Фядосік. Мн., 1985. С. 106. № 124. АИИЭФ. Ф. 2. Оп. 7. Д. 5. Зап. в д. Мерзляково Лиозненского р-на Витебской обл.

22. Там же. С. 129. № 188. РГАЛИ. Ф. 1429. Оп. 1. Д. 9. Л. 183. Зап. А. Валевич в 1936 г. в м. Микуличи Березинского р-на Минской обл.

23. Там же. С. 129. № 189. Опубл. в: Песні народных свят і абрадаў / Уклад. і рэд. Н. Гілевіча. Мн., 1974. С. 143.

24. Там же. С. 143. № 231. АИИЭФ. Ф. 13. Оп. 10. Д. 55. Т. 1. Л. 17. Зап. М. Величко в д. Село Сенненского р-на Витебской обл. от В. Писаренко, 1907 г. р.

25. Там же. С. 198. № 402. Опубл. в: *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 1. С. 225–226. Зап. в Витебском уезде.

26. Там же. С. 201. № 409. АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 79. Д. 159. Т. 3. Л. 41. Зап. В. Василевичем в д. Рабунь Вилейского р-на Витебской обл. от Е. Крот, 1911 г. р.

27. Там же. С. 201–202. № 410. АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 78. Д. 145. Т. 3. Л. 39–41. Зап. Л. Малаш в д. Ятра Новогрудского р-на Гродненской обл. от А. Ясевич, 1909 г. р.

28. Там же. С. 272. № 604. АИИЭФ. Ф. 2. Оп. 14. Д. 22. № 17. Зап. Г. Тавлай в д. Лапаровщина Дубровенского р-на Витебской обл. от М. Леганьковой 1907 г. р.

29. Там же. С. 327. № 743. Опубл. в: Песні сямі вёсак: Традыцыйная народная лірыка Міншчыны / Уклад. і рэд. Н. Гілевіча. Мн., 1973. С. 357–358.

30. *Бессонов П.* Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871. Вып. 1. С. 40–41.

31. Там же.

32. Там же. С. 47.

33. Там же. С. 50.

34. Там же. С. 146–147.

35. Там же. С. 147–148.

36. *Кухаронак Т.І.* Маскі ў каляндарнай... С. 124.

37. *Тавлай Г.В.* Белорусское Купалье: Обряд, песня. Мн., 1986. С. 157–158. Зап. в д. Белевичи Могилевской обл.

38. Жніўныя песні / Уступ. арт., укл. тэкстаў А.С. Ліса; уступ. арт., укл. напеваў В.І. Ялатава. Мн., 1974. С. 115. № 49а. АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 39. Т. 5. Л. 27. Зап. И. Тищенко в 1956 г. в д. Хорск Давид-Городокского р-на Гомельской обл. от М. Поскреб, 1876 г. р.

30. Там же. С. 141. № 64а. Опубл. в: *Романов Е.* Материалы по этнографии Гродненской губ. Вильна, 1911. Вып. 1. Зап. в Слонимском уезде.

40. Там же. С. 155. № 81. АИИЭФ. Ф. 13. Оп. 10. Д. 45. Зап. Л.М. Соловей в д. Новоселки Мядельского р-на Минской обл. от М. Соловей, 1910 г. р.

41. Там же. С. 388. № 286. АИИФЭ АН Украины. Ф. 28. Оп. 14. Д. 386. Л. 11.

42. Там же. С. 406. № 304в. Опубл. в: *Шлюбскі А.* Матэрыялы для вывучэння фальклору і мовы Віцебшчыны. Мн., 1927. Вып. I. С. 143. Зап. в Велижском уезде.

43. Там же. С. 447. № 338. АИИЭФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 79. Т. 2. Л. 6. Зап. А.И. Гурским в д. Бараны Глубокского р-на Витебской обл. от Т. Кривенок, 1907 г. р.

44. Радзіны: Абрад. Песні / Уклад. і сістэм. тэкстаў Г.А. Пятроўскай, апіс. абрад. Т.І. Кухаронак; уст. арт. і камент. Г.А. Пятроўскай, Г.В. Таўлай, Т.І. Кухаронак. Мн., 1998. С. 219. № 54. Зап. в 1972 г. М.Я. Гринблатом в д. Шатрово Верхнедвинского р-на Витебской обл. от П.В. Тваранович, 1898 г. р.

45. Там же. С. 220. № 55. Зап. в 1990 г. В.А. Василевичем в д. Колбаса Кыштовского р-на Новосибирской обл. от переселенки из Беларуси А.Ф. Денисенко, 1903 г. р.

46. Там же. С. 220. № 57. Зап. в 1970 г. И.К. Тищенко в д. Палуш Астравецкого р-на Гродненской обл. от М.К. Романовой, 1902 г. р.

47. Там же. С. 222. № 63. Зап. в 1983 г. А.С. Емельяновым в д. Загорье Глубокского р-на Витебской обл. от З.Р. Альхимёнок.

48. Там же. С. 222–223. № 65. Зап. в 1972 г. Е.А. Емельяновым в д. Болотино Верхнедвинского р-на Витебской обл. от Н.Л. Снапок.

49. Там же. С. 220. № 56. Зап. в 1970 г. Л.А. Малаш в д. Баруны Ашмянского р-на Гродненской обл. от С.В. Якубелович, 1908 г. р.

50. Там же. С. 352. № 399. Зап. в 1972 г. студенты БГУ в д. Скуплино Борисовского р-на Минской обл. от Т. Данилович.

51. Там же. С. 352–353. № 401. Зап. в 1972 г. А.С. Емельяновым в д. Лакисово Верхнедвинского р-на Витебской обл. от Ф.В. Снапок.

52. Там же. С. 366–367. № 437. Зап. в 1979 г. В.А. Василевичем и С.Т. Асташевич в д. Витуничи Докшицкого р-на Витебской обл. от С.Р. Дорец, 1913 г. р.

53. Там же. С. 392. № 509. Зап. в 1988 г. студентами МГПИ в д. Пасека Стародорожского р-на от А. Щерба.

54. Там же. С. 369. № 443. Зап. в 1993 г. Т.И. Кухаронок в д. Гиженко Славгородского р-на Могилевской обл. от Е.М. Зяткиной, 1928 г. р.

55. Там же. С. 375. № 460. Зап. в 1978 г. Т. Трубачом в д. Заборье Вилейского р-на Минской обл. от Г.Ю. Тройка, 1931 г. р.

56. Там же. С. 375. № 461. Зап. в 1974 г. студентами БГУ в д. Дисна Миорского р-на Витебской обл. от А.Б. Красько, 1922 г. р.

57. Там же. С. 376. № 464. Зап. в 1972 г. А.С. Емельяновым в д. Левоновцы Миорского р-на Витебской обл. от А.И. Альхимович.

58. Там же. С. 376. № 465. Зап. в 1983 г. студентами БГУ в д. Мошканы Сенненского р-на Витебской обл. от Л.Ф. Мошкановой, 1921 г. р.

59. Там же. С. 378–379. № 472. Зап. в 1976 г. К.П. Кабашниковым в д. Сякеравщина Полоцкого р-на Витебской обл. от группы женщин.

60. Там же. С. 377. № 469. Зап. в 1975 г. И.К. Тищенко в д. Улуки Славгородского р-на Могилевской обл. от А. Ляпковой, 1883 г. р. и В. Гельчиковой, 1917 г. р.

61. Там же. С. 377–378. № 470. Зап. в 1971 г. Г.А. Барташевич в д. Груздово Поставского р-на Витебской обл. от П.В. Кривенька, 1916 г. р., и Я.М. Альфер, 1908 г. р.

62. Там же. С. 378. № 471. Зап. в 1971 г. Г.А. Барташевич в д. Груздово Поставского р-на Витебской обл. от У.А. Змеевской.

63. Там же. С. 394. № 514. Зап. в 1993 г. Г.В. Тавлай в д. Сивица Сморгонского р-на Гродненской обл. от М.А. Крыжевич, 1923 г. р.

64. Там же. С. 388. № 496. Зап. в 1988 г. студентами БГУ в д. Астрошицы Лагойского р-на Минской обл. от В.А. Хитровой, 1938 г. р.

65. ФА: зап. в д. Косилы Мостовского р-на Гродненской обл.

66. ФА: зап. в д. Корсакевичи Борисовского р-на Минской обл.

67. ФА: зап. в д. Чисти Докшицкого р-на Витебской обл.

68. Личный архив З.Я. Можейко.

69. *Federowski M.* Lud białoruski. Warszawa, 1960. T. VI: Pieśni. С. 558. № 4082.

70. Там же. С. 558. № 4084.

71. Там же. С. 559–560. № 4087.

72. Там же. С. 560. № 4088.

73. Там же. С. 501. № 4090.

74. Там же. С. 564. № 4099.

75. Там же. С. 558. № 4069.

76. Личный архив Т.И. Кухаронок. Зап. Т.И. Кухаронок в д. Городечино Воложинского р-на Минской обл.

77. Там же. Зап. Т.И. Кухаронок в д. Слободка Кличевского р-на Могилевской обл.

78. Там же. Зап. Т.И. Кухаронок в д. Житомля Гродненского р-на.

79. Там же. Зап. Т.И. Кухаронок в д. Беседовичи Хотимского р-на Могилевской обл.

80. Песні Беласточчыны / Уклад. Мікола Гайдук. Мн., 1997. С. 128. № 245. Зап. в 1972 г. в д. Полымя под Тернополем от М. Гайдук, 1908 г. р.

81. Там же. С. 129–130. № 247. Зап. в 1982 г. в д. Гарковичи гмина Шудялово от Л. Голубович, 1923 г. р., В. Боровик, 1933 г. р., Я. Кисель, 1936 г. р.

82. Там же. С. 132. № 252. Зап. в 1983 г. в д. Тростянка гмина Нарва от А. Стахвиюк, 1924 г. р.

83. Там же. № 254. Зап. в 1983 г. в д. Тростянка гмина Нарва от А. Стахвиюк, 1924 г. р.

84. Там же. С. 132–133. № 255. Зап. в 1972 г. в д. Михновка гмина Наровка от Н. Бандарука, 1888 г. р.

85. *Зянько У.* Спадчына маёй маці. Мн., 1993. С. 150. № 211.

86. Там же. С. 151–152. № 214.

87. Вяселле: Песні / Уклад. Л. Малаш. Мн., 1988. Т. 6. № 615. То же см.: *Шейн П.В.* Материалы... Т. 1, ч. 2. С. 500. Суражский уезд.

88. Вяселле: Песні. Т. 6. № 616. То же см.: Лірыка беларускага вяселля / Уклад. і рэд. Н.С. Гілевіча. Мн., 1979. С. 503. Вариант:

З кім статак ганіла.
Хто на калінавым масточку
Падымаў табе сарочку?

89. Вяселле: Песні. Т. 6. № 629. То же см.: *Романов Е.* Белорусский сборник: Могилевская губерния: Песни, пословицы, загадки. Киев, 1886. Т. 1. Вып. 1–2. С. 354. № 74. Зап. в Сенненском уезде.

90. Вяселле: Песні. Т. 6. № 631. То же см.: *Гарэцкі М., Ягораў А.* Народныя песні з мелодыямі. Мн., 1928. С. 32.

91. Вяселле: Песні. Т. 6. № 634; АИИЭФ: зап. в д. Вялики Бор Хойникского р-на Гомельской обл. от С.Ф. Демиденко, 1903 г. р.

92. Вяселле: Песні. Т. 6. № 635. То же см.: *Гура А.В.* Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре // Славянский и балканский фольклор. М., 1978. С. 172. Зап. в Мозырьском р-не.

93. Вяселле: Песні. Т. 6. № 636. То же см.: *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 2. С. 498. № 10. Зап. в Суражском уезде.

94. Вяселле: Песні. Т. 6. № 648. То же см.: Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряженной РГО... Материалы и исследования, собранные П. Чубинским. СПб., 1877. Т. 4. С. 433. № 1260. Зап. в д. Плоски Бельского уезда.

95. Вяселле: Песні. Т. 6. № 652. То же см.: *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 1. С. 30. № 34. Зап. в Витебском уезде.

96. Вяселле: Песні. Т. 6. № 654. То же см.: *Романов Е.* Белорусский сборник. Вып. 1–2. С. 357. № 88.

97. Вяселле: Песні. Т. 6. № 656. То же см.: *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 1. С. 249. № 32. Зап. в Новогрудском уезде.

98. Вяселле: Песні. Т. 6. № 657. То же см.: *Шейн П.В.* Белорусские народные песни. СПб., 1874. С. 310. Зап. в Витебском уезде.

99. Вяселле: Песні. Т. 6. № 658; АИИЭФ: зап. Л.М. Соловей в д. Святая Воля Ивацевического р-на Брестской обл. от К. Карпович.

100. Вяселле: Песні. Т. 6. № 666. Архив Витебского пединститута: зап. в Глубокском р-не Витебской обл.

101. Вяселле: Песні. Т. 6. № 667. То же см.: *Шейн П.В.* Белорусские народные песни. С. 353. № 659. Зап. в Лепельском уезде.

102. Вяселле: Песні. Т. 6. № 690. То же см.: Беларускія народныя песні: Вяселле / Зап. Р. Шырмы. Мн., 1976. С. 284. № 272. Зап. в Лиозненском р-не Витебской обл.

103. Вяселле: Песні. Т. 6. № 691. АИИЭФ: зап. в д. Головчицы Белынического р-на Могилевской обл.

104. Вяселле: Песні. Т. 6. № 692. То же см.: Труды... С. 457. № 1362. Зап. в Мозырьском уезде.

105. Вяселле: Песні. Т. 6. № 693. То же см.: *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 1. С. 455. № 41. Зап. в Смоленской губ.

106. Вяселле: Песні. Т. 6. № 694. Архив РАН: зап. В.К. Логиным в д. Молдава Новогрудского уезда.

107. Вяселле: Песні. Т. 6. № 703. Архив РГО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 110. № 61.

108. Вяселле: Песні. Т. 6. № 712. Арх. БГУ: зап. в д. Тесово Солигорского р-на Минской обл.

109. Вяселле: Песні. Т. 6. № 729. То же см.: *Шлюбскі А.* Матэрыялы... Мн., 1928. Вып. II. С. 193—194. № 470. Зап. в Витебском уезде.

110. Вяселле: Песні. Т. 6. № 743. То же см.: Труды... С. 440. № 1298. Зап. в Мозырьском уезде.

111. Вяселле: Песні. Т. 6. № 746. АИИЭФ: зап. в д. Близница Полоцкого р-на Витебской обл. от Н.И. Комко.

112. Вяселле: Песні. Т. 6. № 747. То же см.: *Шейн П.В.* Белорусские народные песни. С. 353. № 658. Зап. в Лепельском уезде.

113. Вяселле: Песні. Т. 6. № 748. АИИЭФ: зап. в 1946 г. М.Я. Гринблатом в д. Сельцо Старобинского р-на от М.С. Прокопчик.

114. Вяселле: Песні. Т. 6. № 749. АИИЭФ: зап. в 1936 г. А. Супинским в д. Столбки Суражского уезда.

115. *Шлюбскі А.* Матар'ялы... Ч. II. С. 208—209.

116. Белорусское Полесье: Сборник этнографических материалов, собранных М.[В.] Довнар-Запольским. Киев, 1895. Вып. 1: Песни пинчуков. С. 18, 29.

117. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 2 // Записки РГО по отделению этнографии. СПб., 1893. Т. 23, вып. 1. С. 153.

118. Там же. С. 155.

119. Там же. С. 156.

120. Там же. С. 157.

121. Там же. С. 158.

122. Там же. С. 159.

123. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 2. С. 258.

124. Там же. С. 270.

125. Там же. С. 500.

126. Там же. С. 271—273.

127. Там же. С. 707.

128. ФА: зап. в д. Велятичи Борисовского р-на Минской обл. от А.В. Ларивоновой, 1928 г. р.

129. ФА: зап. в д. Зоричи Борисовского р-на Минской обл.

130. Зап. В. Рогович и Н. Мазурина в д. Головеньчицы Чаусского р-на Могилевской обл. от фольклорного коллектива.
131. Личный архив З.Я. Можейко.
132. АИИЭФ: зап. в 1987 г. в д. Ивановка Кыштовского р-на Новосибирской обл. от И.К. Бондарева, 1918 г. р.
133. *Гарэцкі М., Ягораў А.* Народныя песьні з мэлёдыямі. Мн., 1928. С. 30–31.
134. Там же. С. 43.
135. Песні Беласточчыны / Уклад. Мікола Гайдук. Мн., 1997. С. 171. № 345. Зап. в 1974 г. в д. Лука гмина Наровка от А. Садовской, 1903 г. р.
136. *Зянько У.* Спадчына маёй маці. Мн., 1993. С. 113. № 132.
137. Там же. С. 132. № 173.
138. Там же. С. 137. № 185.
139. Там же. С. 142. № 199, 200.
140. *Шимановский А.Н.* Минская губерния и ее народное творчество в связи с описанием народных праздников и обрядов. Архив РГО. Ф. 20. Оп. 8.
141. *Дембовецкий А.* Опыт описания Могилевской губернии по отделу свадебные песни. Могилев-на-Днепре, 1884. Отдел редких книг и рукописей ЦНБ. Оп. 1. Ед. хр. 245.
142. *Даніловіч М.А., Памецька Н.К., Піваварчык І.В.* Беларускае вяселле: Абрад; Зычэнні; Тосты; Прыказкі; Фразеалагізмы (на матэрыяле Гродзеншчыны). Гродна, 2000. С. 37–73.
143. Полесский архив Института славяноведения РАН. Зап. А.В. Гурой в с. Барбаров Мозырьского р-на Гомельской обл.
144. Там же. Зап. И.М. Суховицкой в с. Велута Лунинецкого р-на Брестской обл.
145. Там же. Зап. Т.Р. Федукович в с. Велута Лунинецкого р-на Брестской обл.
146. Там же. Зап. А.А. Астаховой в с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл.
147. Там же. Зап. В.И. Харитоновой в с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл.
148. Там же. Зап. Е.М. Назаровой в с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл.
149. Там же. Зап. А.А. Астаховой в с. Золотуха Калинковического р-на Гомельской обл.
150. Там же. Зап. А.О. Толстихиной в с. Золотуха Калинковического р-на Гомельской обл.
151. Там же. Зап. А.А. Астаховой в с. Золотуха Калинковического р-на Гомельской обл.
152. Там же. Зап. Г.Ю. Никипорец в с. Малые Автюки Калинковического р-на Гомельской обл.
153. Там же. Зап. А.И. Тихончук в с. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.
154. Там же. Зап. Е.М. Шило в с. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл.

155. Там же. Зап. А.А. Архиповым в с. Радеж Малоритского р-на Брестской обл.

156. Там же. Зап. Т.В. Козаком в с. Радеж Малоритского р-на Брестской обл.

157. Там же. Зап. О.В. Санниковой в с. Радчицк Столинского р-на Брестской обл. [хутор Подомша за г. Столин, сведения получены от Е.М. Борычевской – санитарки Столинской больницы].

158. Там же. Зап. Е.А. Сафроновой в с. Спорово Березовского р-на Брестской обл.

159. Там же. Зап. А.Л. Топорковым в с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.

160. Там же. Зап. В.И. Харитоновой в с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл.

161. Вяселле на Гомельшчыне: фальклорна-этнаграфічны зборнік. Гомель, 2003. С. 93. Зап. в д. Столбун Ветковского р-на Гомельской обл.

162. Там же. С. 140. Зап. в д. Шарстин Ветковского р-на Гомельской обл.

163. Там же. С. 180. Зап. в д. Круговец Добрушского р-на Гомельской обл.

164. Там же. С. 189. Зап. в д. Воловск Ельского р-на Гомельской обл.

165. Там же. С. 200. Зап. в д. Касаковка Жлобинского р-на Гомельской обл.

166. Белорусские песни-«частушки», собранные Н.Я. Никифоровским. Вильна, 1911. 166 с.

167. *Federowski M.* Lud białoruski. T. VI: Pieśni. Warszawa, 1960.

168. *Federowski M.* Lud białoruski. Uzupełnienie do t. VI: Pieśni frywolny i taneczne. Warszawa, 1960.

169. *Романов Е.* Белорусский сборник. Киев, 1885. Т. 1. С. 103. Зап. в д. Титенки Гомельского уезда.

170. Там же. С. 153. Зап. в д. Еремино Гомельского уезда.

171. Там же. С. 418–419. Зап. в д. Земковичи Сенненского уезда.

172. Там же. С. 223. Зап. в Сенненском уезде.

173. Там же. С. 237. Зап. в Сенненском уезде.

174. Там же. С. 238. Зап. в Сенненском уезде.

175. Там же. С. 459. Зап. в д. Мощены Сенненского уезда.

176. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... Т. 1, ч. 1. С. 548. Зап. в д. Холопеничи Борисовского уезда Минской губ.

177. Там же. С. 549. Зап. в д. Холопеничи Борисовского уезда Минской губ.

178. Там же. С. 551. Зап. в д. Холопеничи Борисовского уезда Минской губ.

179. Там же. С. 551. Зап. в Гроденском уезде Гродненской губ.

180. Там же. С. 557. Зап. в Велишской волости Витебской губ и уезда.

181. Там же. С. 559. Зап. в с. Микуличи Игуменского уезда Минской обл..

182. Там же. С. 560. Зап. там же.

183. Там же. С. 560–561. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской обл.

184. Там же. С. 563. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской обл.

185. Там же. С. 564. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской обл.

186. Там же. С. 565. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской обл.

187. Там же. С. 566. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской обл.

188. Там же. С. 567. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской обл.

189. Там же. С. 568. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской обл.

190. Там же. С. 569. Зап. в с. Микуличи Игуменского уезда Минской обл.

191. Там же. С. 341. Зап. А.П. Ральцевич в с. Микуличи Игуменского уезда Минской губ.

192. Там же. С. 343. Зап. Н.А. Руберовским.

193. Там же. С. 351. Зап. П.В. Шейном от молодой крестьянки Гапули в с. Волосовичи Борисовского уезда Минской губ.

194. Там же. С. 558. Зап. в с. Микуличи Игуменского уезда Минской губ.

195. Там же. С. 568–569. Зап. в с. Бацевичи Бобруйского уезда Минской губ.

196. Там же. С. 351–352. Из рукописного сборника И.И. Овсейца.

197. Там же. С. 352. Из рукописного сборника И.И. Овсейца.

198. Там же. С. 422. Из рукописного сборника И.И. Овсейца

199. Там же. С. 354–355. Зап. в Слонимском уезде Гродненской губ.

200. *Ляцкий Е.А.* Материалы по белорусской словесности // Известия ОРЯС. СПб., 1904. Т. 9. Кн. 4. С. 108. Зап. в Минской губ.

201. Там же. С. 109. Зап. в Минской губ.

202. Там же. С. 110. Зап. в Минской губ.

203. Там же. С. 114. Зап. в Минской губ.

204. Там же. С. 112. Зап. в Минской губ.

205. Там же. С. 122. Зап. в Минской губ.

206. *Довнар-Запольский М.В.* Заметки по белорусской этнографии // Живая старина. 1893. Вып. 2. С. 293–296.

207. Там же. Вып. 3. С. 419–425.

208. *Довнар-Запольский М.В.* Песни пинчуков. Киев, 1895.

209. Там же. С. 54–55. Весенняя песня.

210. Там же. С. 175–176.

211. Белорусские песни, собранные И. Носовичем // Записки ИРГО по Отд. этнографии. СПб., 1873. Т. 5. С. 102–103.

212. *Малевич С.* Белорусские народные песни. СПб., 1907. С. 26.

213. Там же. С. 162.

214. Там же. С. 73.

215. Там же. С. 157.
216. Там же. С. 158.
217. Там же. С. 159.
218. Там же. С. 82.
219. Там же. С. 150.
220. *Дмитриев М.А.* Собрание песен, сказок, обрядов и обычаев крестьян Северо-Западного края. Вильно, 1869. С. 35. Зап. в Новогрудке.
221. Там же. С. 35–36. Зап. в Новогрудке.
222. Там же. С. 40–41. Зап. в Новогрудке.
223. Там же. С. 102. Зап. Зап. в Новогрудке.
224. Там же. С. 105–106. Зап. в Новогрудке.
225. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. Ч. 2 // Записки РГО по Отделению этнографии. СПб., 1893. Т. 23. Вып. 1. С. 18
226. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. М., 1903. Ч. 4. С. 160. Зап. в с. Даньково Смоленского уезда.
227. Там же. С. 116. На Благовещенье. Зап. в с. Даньково Смоленского уезда.
228. Там же. С. 106. На Благовещенье. Зап. в с. Плоское Смоленского уезда от Матрены Михалевой.
229. Там же. С. 137. Весна. Зап. в с. Даньково Смоленского уезда.
230. Там же. С. 159–160. Весна. Зап. от в с. Даньково Смоленского уезда от Матрены Антоненковой.
231. Там же. С. 231. Зап. в с. Даньково Смоленского уезда.
232. Там же. С. 217. Купала. Зап. в Духовицком уезде.
233. Там же. С. 280. Зап. в с. Крутиловка Ельнинского р-на от Христёны Головнёвой.
234. Там же. С. 445. Зап. в с. Свалы Красмнинского уезда от Матрены Григорьевой.
235. Там же. С. 446–447. Зап. в с. Свалы Красмнинского уезда от Матрены Григорьевой.
236. Там же. С. 446. Зап. в с. Свалы Красмнинского уезда от Матрены Григорьевой.
237. Там же. С. 450. Зап. в с. Иньково Поречского уезда.
238. Там же. С. 448–449. «К Могилевской губ.».
239. *Hurynowicz A.* Zbiór rzeczy białoruskich (z gminy Wiszniewskiej gubernii Wileńskiej). Kraków, 1893. С. 45.
240. Ibid. С. 49.
241. Ibid. С. 7–8.
242. Ibid. С. 11.
243. Ibid. С. 12.
244. АИИЭФ: кассеты с записями.
245. Рыгор Барадулін. Здубавецьця. С. 126–158.
246. Песні Беласточчыны / Уклад. Мікола Гайдук. Мн., 1997. С. 221. № 444. Зап. в 1978 г. в д. Рыбалы гмина Заблудов от А. Шумялюк, 1896 г. р.

247. Там же. С. 304. № 598. Зап. в 1984 г. в д. Таница гмина Михалово от А. Волковыцкой, 1915 г. р.

248. Личный архив Т.Б. Варфоломеевой.

249. Личный архив З.Я. Можейко.

250. Личный архив Т.В. Володиной.

251. ВА: зап. С. Кулик в д. Ульяновичи Сенненского р-на от Анны Алексеевны Кащеевой, 1935 г. р.

252. Личный архив В.М. Сысова. Зап. в 1994 г. в г. Минске.

253. Там же. Зап. в д. Беседовичи Хотимского р-на Могилевской обл.

254. Там же. Зап. в г. Минске.

255. Там же. Зап. в д. Козловичи Слуцкого р-на Минской обл.

256. Там же. Зап. в городском поселке Свислочь Гродненской обл.

257. Там же. Зап. в д. Малые Автюки Калинковического р-на Гомельской обл.

258. Там же. Зап. в д. Сигневичи Березовского р-на Брестской обл.

259. Личный архив А.М. Ненадовца. Зап. Н.К. Семеновым в 1996 г. в д. Телуша Бобруйского р-на.

260. Там же. Зап. в 1996 г. в г. п. Копоткевичи Петриковского р-на Гомельской обл.

261. Там же. Записи из разных районов.

262. Личный архив Н.А. Козенко. Под «Польку». Зап. в Ошмянском р-не.

263. Там же. К польке «Рэзаў, рэзаў бацька свінку...». Зап. в д. Дяговцы Ошмянского р-на.

264. Там же. К польке «Тармасуха». Зап. в д. Дяговцы Ошмянского р-на.

265. Там же. К «Польке». Зап. в ст. Ошмянка Ошмянского р-на.

266. Там же. Свадебная припевка. Зап. в д. Вяликие Козлы Щучинского р-на.

267. Там же. Танец «Жабка». Зап. в д. Горка Дятловского р-на.

268. Там же. К польке «Гоп». Зап. в д. Горка Дятловского р-на.

269. Там же. Танец «Сербіянка». Зап. в д. Студеравщина Дятловского р-на.

270. Там же. К танцу «Русский». Зап. в д. Гезгалы Дятловского р-на.

271. Там же. К танцу «Кадрыля». Зап. в д. Гезгалы Дятловского р-на.

272. Там же. К танцу «Гусачок». Зап. в д. Гезгалы Дятловского р-на.

273. Там же. К польке «Драбнатуха». Зап. в д. Вензавец Дятловского р-на.

274. Там же. «Прыпеўкі». Зап. в д. Гиры Островецкого р-на.

275. Там же. К танцу «Мілашачка». Зап. в д. Гиры Островецкого р-на.

276. Там же. Припевка на мелодию танца «Кузачка». Зап. в Щучинском р-не.

277. Там же. Под «Сербіянку». Зап. в д. Аздятичи Борисовского р-на.

278. Там же. Под «Барыню». Зап. в д. Аздятичи Борисовского р-на.

279. Там же. Припевка к танцу «Лявоніха». Зап. в д. Аздятичи Борисовского р-на.

280. Там же. Припевки к танцу «Барыня». Зап. в Драгиченском р-не.
281. Там же. Припевки к танцу «Раскамарыцкі». Зап. в Драгиченском р-не.
282. Там же. «Прыпеўкі». Личный архив И.С. Мазюк.
283. Там же. К танцу «Лявониха». Зап. в д. Яминск Любанского р-на.
284. Там же. К «Польке». Зап. в д. Обчин Любанского р-на.
285. Там же. К танцу «Падикатор». Зап. в д. Селище Любанского р-на.
286. Там же. Под «Барыню». Зап. в д. Городок Молодеченского р-на.
287. Там же. К любому танцу. Зап. в д. Городок Молодеченского р-на.
288. *Дмитриев М.А.* Песни Новогрудских крестьян. Архив РГО. Ф. 20. Оп. 9.
289. Там же. Оп. 3.
290. *Шимановский А.Н.* Минская губерния и ее народное творчество в связи с описанием народных праздников и обрядов. Архив РГО. Ф. 20. Оп. 8.
291. *Романов М.А.* Сборник народных песен крестьян Кобринского и Слонимского уездов Гродненской губ. Архив РГО. Ф. 4. Оп. 10.
292. *Сакович М.* Крестьяне местечка Мотоля и их песни. Архив РГО. Ф. 11. Оп. 9.
293. *Сержпутоўскі А.К.* Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў. Мн., 1998. С. 62–63.
294. *Сержпутовский А.* Сказки и рассказы белорусов-полешуков. Мн., 1999. С. 83–86. Пераказаў І. Азёмша.
295. Там же. С. 66–67. Пераказаў Рэдкі.
296. Там же. С. 90–92. Пераказаў Якаў Кернажыцкі.
297. Там же. С. 179–182. Пераказаў П. Грыцкевіч.
298. *Сержпутовский А.К.* Грамматический очерк белорусского наречия с. Чудина Слуцкого уезда. СПб., 1911. С. 63–66.
299. *Federowski M.* Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1903. T. 111. S. 290.
300. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник Ч. 1 // Записи ИРГО по Отделению этнографии. СПб., 1891. Т. XX. С. 340–341. Зап. от Василия Михайлова в д. Бердебяки Ельнинского уезда.
301. *Federowski M.* Lud białoruski. Kraków, 1935. T. IV: Przysłowia. S. 481–486.
302. *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка... СПб., 1893. Т. 2. С. 493–497.
303. Белорусские пословицы и загадки, собранные И.И. Носовичем. СПб., 1869. С. 16–19.
304. *Wasilewski L.* Zagadki Białoruski // Materiały antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne. Kraków, 1897. T. 2. S. 5–13.
305. Загадки, записанные в Смоленском уезде членом-сотрудником ИРГО В.И. Добровольским // Живая старина. 1905. Вып. 1. С. 79–92.
306. *Чачот Ян.* Загадкі // Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў. Мн., 1997. С. 156–157.
307. *Романов Е.* Белорусский сборник. Киев, 1886. Вып. 1–2. С. 323.

308. *Романов Е.* Материалы для изучения говоров Могилевской губ. // Могилевская старина. 1903. Вып. 3. С. 71–72.
309. *Сысоў У.* Як завецца той пястунчык // Культура. 1993. № 51. С. 13. Зап. в д. Слобода Мозырьского р-на Гомельской обл.
310. Там же. Зап. в д. Баево Дубровенского р-на Витебской обл.
311. Там же. Зап. в д. Валавск Ельского р-на Гомельской обл.
312. Там же. Зап. в д. Полесье Светлогорского р-на Гомельской обл.
313. Там же. Зап. в г. Минске.
314. Там же. Зап. в д. Баево Дубровенского р-на Витебской обл.
315. Там же. Зап. в д. Махово Могилевского р-на Могилевской обл.
316. Там же. Зап. в д. Баево Дубровенского р-на Витебской обл.
317. Там же. Зап. в д. Рудница Чашницкого р-на Витебской обл.
318. Там же. Зап. в д. Гацук Слуцкого р-на Минской обл.
319. Там же. Зап. в городском поселке Ушачи Витебской обл.
320. Там же. Зап. в д. Любоничи Кировского р-на Могилевской обл.
321. Там же. Зап. в д. Великие Автюки Калинковического р-на Гомельской обл.
322. Там же. Зап. в д. Белая Сорока Наровлянского р-на Гомельской обл.
323. Там же. Зап. в д. Александровка Стародорожского р-на Минской обл.
324. *Барадулін Р.* Здубавецьця. С. 82–124.
325. АИИЭФ. Зап. в 1972 г. А.И. Янковским.
326. Арх. БГУ. Зап. в д. Любовичи Житковического р-на Гомельской обл.
327. Там же. Зап. в д. Вересница Житковического р-на Гомельской обл.
328. Там же. Зап. в д. Вертинские Поставского р-на Витебской обл.
329. Там же. Зап. в д. Новинки Поставского р-на Витебской обл.
330. Там же. Зап. в д. Старина Ушачеcкого р-на Витебской обл.
331. Там же. Зап. в д. Палицы Бешенковического р-на Витебской обл.
332. Там же. Зап. в д. Пожарцы Поставского р-на Витебской обл.
333. Там же. Зап. в д. Лыщицы Брестского р-на Брестской обл.
334. Там же. Зап. в д. Глинище Хойникского р-на Гомельской обл.
335. Там же. Зап. в д. Вересница Житковического р-на Витебской обл.
336. Там же. Зап. в д. Шатяни Сенненского р-на Витебской обл.
337. Там же. Зап. в д. Боровляны Минского р-на Минской обл.
338. Там же. Зап. в д. Бикоти Поставского р-на Витебской обл.
339. Там же. Зап. в д. Перелои Докшицкого р-на Витебской обл.
340. Там же. Зап. в д. Двор Жары Лепельского р-на Витебской обл.
341. Фольклорный архив Витебского госпедуниверситета.
342. Личный архив Т.В. Володиной.
343. Личный архив Н.А. Козенко.
344. *Шимановский А.Н.* Минская губерния и ее народное творчество в связи с описанием народных праздников и обрядов. Архив РГО. Ф. 20. Оп. 8.
345. Полесский архив Института славяноведения РАН (Москва). Зап. Е. Булин-Соколовой в с. Бельск Кобринского р-на Брестской обл.

346. Там же. Зап. А.А. Астаховой в с. Верхние Жары Брагинского р-на Гомельской обл.

347. Там же. Зап. Н.П. Антроповым в с. Радчицк Столинского р-на Брестской обл.

348. Там же. Зап. Е.В. Тростниковой в с. Золотуха Калинковического р-на Гомельской обл.

349. Там же. Зап. Е.В. Тростниковой в с. Золотуха Калинковического р-на Гомельской обл.

350. Там же. Зап. М.И. Серебряной в с. Мокраны Малоритского р-на Брестской обл.

351. Там же. Зап. Н.Р. Добрушиной в с. Радеж Малоритского р-на Брестской обл.

352. Там же. Зап. Е.П. Трещинской в с. Спорово Березовского р-на Брестской обл.

353. *Довнар-Запольский М.* Заметки по белорусской этнографии // Живая старина. 1893. Вып. 2. С. 290—292.

354. *Он же.* Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках // М.В. Довнар-Запольский. Исследования и статьи. Киев, 1909. Т. 1: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. С. 102—105, 121.

355. *Он же.* Исследования и статьи. Киев, 1909. Т. 1: Этнография и социология, обычное право, статистика, белорусская письменность. С. 147—158.

356. *Якушкин Е.И.* Заметка об одном очень редком издании белорусских песен. // Этнографическое обозрение. 1906. № 1—2. С. 96—98.

Речь идет об очень редком, можно сказать, уникальном издании: [Свадебные песни белоруссов]. Дополненіе къ I книгѣ. / Опыт описанія Могилевской / губерніи къ отдълу «Свад<е>бныя / пѣсни». (стр. 545). / Могилевъ на / Днѣпрѣ 1884 г. / Типографія Губернскаго / Правленія. — 48 с.; 18 см. Без тит. л. Описано по обложке. На обороте обложки сообщается: «Печатано по распоряжению начальства». Текст на белорусском языке. Тираж 20 экз. Заглавие взято из предисловия.

На с. 1 дан следующий текст: «Предисловие. При собирании по приходам всех уездов Белорусских Народных Песен для вышедшаго уже в свет описания Могилевской губернии, были записаны одновременно с теми, которыя вошли в 1-ю книгу описание [? — *Ред.*] настоящей книжечки. Песни эти, понятно, не могли быть помещены в само́м издании описания губернии, так как оно предназначалось для всех полов и возрастов; но жаль было бы их бросить, потому что обычай пения таких песен во время свадеб, несовместимый с просвещением, проникающим, хотя медленно, но постепенно в народную среду, исчезает уже и теперь из употребления в семействах крестьян и мещан, более бывалых, а со временем должен исчезнуть даже из области преданий. Между тем, этот обычай составляет бытовую особенность, бесследное исчезновение которой могло бы причинить незаменимую потерю для отечественной этнографии. Поэтому настоящия Свадебныя песни Белоруссов отпечатаны в числе 20 всего экземпляров, для сообщения их ученым обществам. 1884 г.».

В сборнике 169 песен. На с. 2 после заголовка «Свадебные песни» дается пояснение: «Для передачи местного народного говора употреблены следующие надстрочные знаки». Затем приведены 11 примеров с этими знаками. Далее раскрывается содержание сборника: «I. В день свадьбы, после обеда и вечером во время танцев. № 1—72; II. При отправлении молодых в клеть и во время пребывания их там. № 73—96; III. 1) На другой день свадьбы утром. № 97—98; 2) При появлении новобрачных: а) Если молодая окажется честною. № 99—122; б) Если молодая окажется нечестною. № 123—134; IV. В тот же день, после обеда и вечером. № 135—169».

Печальна судьба экземпляра из Российской Государственной библиотеки (бывшая ГБЛ). В 1884 г. книга поступила в Отдел рукописей, а в 1969-м была передана в Отдел редких книг (Музей книги), инвентарный номер МК IV-17390, шифр МК $\frac{XII.A6Б}{8}$. По сведениям на 1999 г., данное издание на месте отсутствует. Не обнаружено оно и в библиотеках Санкт-Петербурга.

Рукописный список с книги отыскался в РГАЛИ (Фонд 1420: Собрание фольклорных материалов. Оп. 1. Ед. хр. 42: «Свадебные песни, записанные в Белоруссии. Рукопись. 1884 г. 37 л.»). Удалось установить, что список выполнен ок. 1922 г. рукой Кноспе Германа Ивановича (?—27.X.1932) по экземпляру из Румянцевского музея (тому самому, что исчез из Музея книги РГБ).

Сердечно благодарим Л.В. Бессмертных за данную справку.

357. *Шлюбскi А.* Матар'ялы да вывучэньня фальклёру i мовы Вiцебшчыны. Мн., 1928. Ч. II. С. 80—81. Перевод для наст. изд. выполнен Т.В. Володиной.

358. Там же. С. 112.

359. Там же. С. 113.

УКАЗАТЕЛЬ ЗАГАДОК

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ СЕКСУАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ

Vagina

Penis

Futuere

СЛОВАРЬ

Абабіць — оббить
Аба́чыць — предусмотреть
Абгаліцца — заголиться
Абла́яць — обругать
Абло́га — обло́га, запущенная, заросшая дерном пашня
Або́два — оба
Або́ра — коровник
Абра́з, вобразік — икона
Абшарга́цца — обноситься, оборваться
Абяца́лэм — *диал.* обещаю
Аво́хці — *межд.* ай-ай, ой
Адбараніць — защитить
Адры́на — хозяйственная постройка
Аза́дак — зад
Азіра́цца — оглядываться
Айцэ́ц — отец
Аке́начка — окошечко
Аке́нка — окошко
Алляны́ — льняной
Ало́вак — карандаш
Андара́к — юбка
Апанава́ць — охватить
Апанта́ны — одержимый
Апетава́цца — *диал.* находиться, размещаться
Апо́шні — последний
Апрана́ць — одевать
Ара́ць — пахать
Атрыма́цца — получиться
Ашале́ць — сойти с ума
Ашука́нец — обманщик

Бага́цько — много
Багда́й — *диал.* пусть
Бада́й — пусть
Балазэ́ — тем более что; хорошо
Бальша́начка — свадебный чин
Бандаро́ўна — дочь бондаря
Банка́рт — бастард
Баразёнка — *уменьш.* борозда
Барджэ́й — *диал.* быстрей
Барку́н — травянистое растение семейства бобовых
Барэ́лка — вид посуды
Баўта́ць — *диал.* болтать
Бахма́ты — *диал.* пушистый
Ба́цца — *диал.* будто
Бацьвінё — ботва
Ба́чыць — видеть
Беляцэ́не — что-то белое
Бе́рла — *диал.* берлога, постель
Бла́зен — шут, клоун
Бо́ндар — бондарь
Бо́цікі — сапожки
Браха́ць — лаять
Бра́хнейка — *диал.* браточек
Брашчы́ць — *диал.* звенеть
Бро́вар — винокуренный завод
Бры́дка — противно
Бу́да — постройка
Будо́ўля — строительство
Буды́нак — строение

Бура́ць — *диал.* бить
Бу́сел — аист
Буха́ны — *диал.* сбитый, упругий
Быйда́к, байда́к — тип речных судов
Бэз — сирень
Бэ́ндо — *диал.* буду
Бярно́ — *диал.* бревно

Вайто́ўна — дочь войта
Ваке́нца — окошко
Вако́л — вокруг
Валацу́га — бродяга
Ва́льчыкам — *диал.* вальсируя
Вальшы́нка — ольха
Вапру́к — боров
Варушы́цца — шевелиться
Ваўчо́к — волчок
Вачы́цы, вочы́цы — глазки
Верацéй — *диал.* вертун, выдумщик
Вёска — деревня
Ве́трацъ — проветривать, проветриваться
Вздо́лець, здолець — смочь
Відзя́лам — *диал.* вижу
Вішча́ць — визжать
Во́йлак — войлок
Во́йчанька — батюшка
Во́кала — вокруг
Во́ўна — шерсть
Во́чы, го́чы — глаза
Вужы́ — ужи
Ву́сначки — губки
Вы́ган — пастбище
Вы́ладзіць — собрать
Вы́маляваць — вырисовать
Вы́петраць — *диал.* высохнуть, исхудать
Вы́пучыць — вытаращить
Вы́станкі — остатки
Вы́цяць — ударить
Вы́шай — выше
Вяле́ць — заставлять
Вялізазны — огромный
Вялі́чка — тот/та, кто величает
Вярмо́ — ярмо

Галіць — брить
Галю́н — *диал.* галун
Га́ман — шум, гул
Ганавіцы, нагавіцы — брюки
Га́нак — порог
Гане́бны — позорный
Ганча́р — горшечник
Гарба́та — чай
Гарбу́з — тыква
Гаспо́да — *диал.* усадьба
Гатава́ць — готовить
Гату́нак — сорт
Гаўя́да — скот
Га́цьман — *диал.* гетман
Ге́стакі — *диал.* этот
Гíцаль — *разг.* баловень, непоседа
Гной — навоз
Гню́сна — *диал.* гнусно
Го́дзі — хватит
Го́жа, го́жанька — хорошо, красиво
Го́жы — красивы
Го́ман — шум, голос
Го́ра — горе
Го́рай — *диал.* больше; хуже
Го́рба — куча
Го́чы — глаза
Грамада́ — общество
Грудо́чак — кучка
Гру́каць — стучать
Гу́зік — пуговица
Гульня́ — игра
Гу́паць — *диал.* прыгать
Гэ́сты — *диал.* этот
Гээ — *диал.* это

Дабрадзе́й — тот, кто делает добрые дела
Дагадзіць — угодить
Дагары́ — на спине, ногами вверх
Дадзе́ць — *диал.* надоесть
Даёнка — дойница, ведро для доения коровы
Дайніца — дойница
Далібо́г — в действительности, на самом деле
Дало́нь — ладонь

Дамавіна — гроб
Дамаўё — гроб
Дарабіць — доделать
Дармá, дармó — зря
Дарэ́чы — кстати
Даўжыня́ — длина
Даўжэ́йша — более длинная
Дáцца — *диал.* согласиться
Дварáк — дворный, дворовый
Дваракі — дворовые
Дерны́на — *диал.* дерн
Дзе-кóльвек — где-нибудь
Дзенькавáць — *диал.* благодарить
Дзéрава — дерево
Дзераўля́кі — *диал.* деревяшки
Дзéрці — драть
Дзесь — где-то
Дзесятýха — религиозный праздник
Дзéцка — *диал.* ребенок
Дзéяцца — происходить
Дзіва — чудо
Дзівувáцца — удивляться
Дзісь, дзесь — *диал.* где-то
Дзіся — *диал.* теперь
Дзіця́ — ребенок
Дзю́рка — *диал.* дырка
Дзявóцкі — девичий
Дзяжá, дзежка — квашня
Дзя́куй — спасибо
Дзярнó — *диал.* дерн
Дзяўбáць — клевать
Дзяўчы́на — девушка
Дзяўкі — *диал.* девушки
Дзя́целіна — дикий клевер
Дзяцёна — *диал.* ребенок
Дзяцю́к — неженатый парень
Дмéцца — надувается
Дóсіць, досыць — хватит
Драбіны — лестница
Дрáнка — тонкая деревянная дощечка; часть одежды
Драпатáцца — *диал.* царапаться
Драпатáць — *диал.* драть, чесать
Драпацéць — *диал.* драть, чесать
Дрóбны — мелкий
Дрóгі — *диал.* дорогой
Дрот — проволока
Дýжа — очень
Ды́шаль — дышло
Дэрны́на — *диал.* дерн
Д'я́бал — дьявол

Едвáбны, ядвáбны — шелковый
Éтыт — *диал.* этот

Жабрáк — нищий
Жарт, жáрцік — шутка
Жартавáць — шутить
Жаўнéр — солдат польской армии
Жбурля́ць — *диал.* бросать
Журавіны — клюква
Журы́ць — ругать, укорять, увещевать
Жэ́бы, жэб — *диал.* чтоб

З дзявóцкага стаўцá — из девичьего положения
Забудавáць — застроить
Забяля́ць — белить
Завірýха — метель
Загібнуць — погибнуть
Загумéча — *диал.* место за гумном
Зажэ́нь — *диал.* выгони
Закасáць — закатать
Закмéць — *диал.* сообразить
Закрампавáць — *диал.* связать
Закрáса — заправка
Залáпіць — залатать
Залатóўка — *уст.* монета в 15 коп.
Залы́скваць — *диал.* сдирать кору с дерева
Заляцáцца — оказывать внимание, ухаживать
Запáлкі — спички
Запáска — элемент женского костюма
Зарагатáць — заржать
Зарýбчык — зарубка
Заручáць — заручать
Заручыны — один из этапов свадьбы, сватовство
Засмучэ́нне — печаль, грусть
Застраміць — загнать занозу

Затрымáцца — задержаться
Затрэ́бавацъ — потребовать
Заўжды́ — всегда
Зацяжáраная — беременная
Зачапíцца — зацепиться
Зачýць — услышать
Зашкóдзіць — повредить
Зашчамíць — защемить
Заюры́ць — возбудиться, наполниться страстью
Збóжжа — зерновые
Збудавáць — построить
Звадзíць — сводить
Згаджáцца — соглашаться
Згóда — согласие
Згубíць — потерять
Здавóліцца — удовлетвориться
Здарóжыцца — устать, притомиться
Здáтны — способный
Здрáдзіць — изменить
Здрáднік — изменник
Здрáдніца — изменница
Здрок — овод
Зéлле, зéло — трава
Землятрýс — землетрясение
Зірнýць — глянуть
Зкрампавáць — *диал.* связать
Злíчны, слíчны — красивый
Злічы́ць — сосчитать
Злучóны — соединенный
Злучы́ць — соединить
Змóвіцца — договориться
Зневажáць — оскорблять
Зноў — опять
Зрабíць — сделать
Зрáнку — с утра
Зы́чыць — желать, высказывать пожелания
Зязю́ленька — кукушечка
Зязю́ля — кукушка
Зякрáтая — *диал.* слепая

Істóпка — хозяйственная постройка

Кабéта — женщина
Кавáлак — кусок
Кавáль — кузнец
Кавáць — ковать; куковать
Кавéшнік — место для печной утвари
Кадýк — *диал.* черт
Кажýх — тулуп
Казáцца — *диал.* признаваться
Кайданы́ — кандалы
Калгáснік — колхозник
Калé — около
Калмáціца — что-то косматое
Калыпáць — колупать
Калы́ска — колыбель
Калыхáць — качать, укачивать
Каля́ — около
Канчýр — *диал.* конец
Канюшы́на — клевер
Каплíца — каплица
Капóт — вид женской одежды
Каптýр — головной убор
Капялю́ш — шляпа
Карáлі — бусы
Карáскацца — взбираться
Касмацéнне — *диал.* космы
Касмацíнё — что-то косматое
Каснíк — лента для волос
Каснічóк — ленточка
Касцёл — костел
Каўзéліца — гололед
Каўнéр, кыўнярóк — воротник
Кахáнне — любовь
Кахáць — любить
Качаня́ты — утята
Кáчка — утка
Кашлáты — *диал.* косматый
Кашýленька — сорочка, рубашечка
Кашýля — сорочка
Квáрта — кружка
Кéды — *диал.* когда
Кеп — *диал.* дурак
Кéпска — плохо
Кілáваты — с грыжей
Кіндзю́к — *диал.* желудок
Кірмáш — ярмарка
Кітáйка — вид ткани

Кішэ́нь – карман
Клё́тухна – *уменьш.* клеть
Клець – клеть, кладовка
Клу́нак – узел, котомка
Клу́ня – рига, хозяйственная постройка
Ко́жны – каждый
Ко́ка – *диал.* яйцо
Ко́лісь – когда-то
Ко́пачка – копна, копнушка
Ко́ршак – коршун
Ко́ся – обращение к лошади
Кош – корзина
Краве́ц – портной
Краль – *диал.* король
Кра́мны – магазинный
Краса́ць – высекать (огонь)
Кро́пка – точка
Кро́сны – ткацкий станок
Крыні́ца – родник
Крыпа́начка – *диал.* что-то, связанное спицами
Кры́шку – немного
Ксці́цца – креститься
Ку́бак – чашка
Ку́бел – кадушка
Кублы́ – *диал.* верхняя часть бедер
Кувя́кацы – плакать, издавать звуки (о новорожденном)
Кудрыва́льценькі – *диал.* кудрявый
Кульга́вы – хромой
Ку́па – группа; большое количество чего-либо
Ку́рда, ку́рта – *диал.* сука
Курча́вы – кудрявый
Курча́ты – цыплята
Кут – угол
Кута́с – кисть, украшение
Кухва́йка – фуфайка
Куцця́ – кутья
Кылапе́нькі – конопля, *диал.* конопельки

Ла́зня – баня
Лано́ – лоно
Ланцу́г – цепь
Ланцужо́к – цепочка
Лапата́ць – болтать
Ла́пліны – латаный
Ласката́ць – щекотать
Ла́ўка – магазин
Ла́шчыць – ласкать
Лемантава́ць – кричать, орать
Ле́пшы – лучший
Ле́сьвіца – лестница
Ле́цечко – лето
Лі́ха – лихо, беда
Ліхі́ – плохой
Ліч ы́ць – считать
Ло́жэчко – *диал.* постель
Лой – подкожное сало
Луда́ты – *диал.* с выпученными глазами
Лу́пы – *диал.* губы
Лу́ста – скиба
Лы́тка – голень
Лю́лька – трубка для курения
Ля – около
Ляка́цца – *диал.* пугаться
Ля́лька – кукла
Лямантава́ць – кричать, голосить
Ляшчы́на – орешник

Маёнтак – поместье
Майстрава́ць – мастерить
Майткі́ – *диал.* штаны
Мало́йчык (мн. ч. малойцы) – молодец
Мало́ць – молоть
Мандрава́ць – *диал.* путешествовать
Мані́цца – собираться
Мармыта́ць – бормотать
Ма́рна, ма́рне – зря
Марша́лачка – свадебный чин
Мары́цца – уставать
Мату́з, моту́з – веревочка, тесьма, завязки
Ма́цаць – щупать
Машо́к – *уменьш.* мох
Ме́йсца – место

Ме́ндзы — *диал.* между
Мець — иметь
Міна́цца — проходить
Млосць — тошнота
Млын — мельница
Мо́ўка — молва
Мо́ўчкі — молча
Мо́ца — сила
Му́сіць — глагол «должен»
Му́сіць — может быть
Мя́ла, м'я́ло — пест

На паве́р — на честное слово
На прамілы Бог — очень сильно
Наако́л, наако́ла — вокруг
На́ват — даже
Навіна́ — еда
Наві́на, наві́нанька — новь
Нагаві́цы — брюки
Нагадава́ць — *диал.* накормить
На́дта — очень
Надыйсці́ — надойти
Надзьмуцца — надуться, нахохлиться, напыжиться
Нажа́ць — нажать
Нако́лены — наколотый
Нако́нт — насчет
Намаўля́ць — наговаривать
Наравіць — пытаться
Нарака́ць — высказывать обиду на кого-либо
Нарэ́шце — наконец
Насе́ннейка — семена
Наталіць — удовлетворить
Натурбава́цца — нахлопотаться
Нацялёпкацца — наплескаться
Начапа́ць — нацеплять
Начо́вачкі — *уменьш.* ночвы — маленькое корыто
Не ў такім ужо́ дзе́ле — беременная
Небажа́та — форма приветливого обращения
Небара́ка — тот, кто вызывает сочувствие
Незнаро́к — нечаянно
Нейк — *диал.* однажды
Не́калі — когда-то
Не́маль — *диал.* почти
Немаўля́ — новорожденный
Не́ндза — *диал.* неприятность
Непару́шнасць — нетронутость
Неспадзе́ўкі — неожиданно, непредвиденно
Не́тры — внутренняя, глубинная часть пространства; глухие места
Не́ўкі — *диал.* необученные, неопытные
Ніво́дзін — ни один
Нішчыць — уничтожать
Нуда́ — тоска
Ну́ця — ну-ка
Нябо́га — бедняга
Нявздо́лечка, няўздолечка — *диал.* немощный
Нядзе́ля — воскресенье
Няду́ж — не силён
Няпо́ланы — неполоный
Няцно́тка — недевственная

О́жаг — *диал.* кочерга

Пабасьця́ка — бродяга
Пабіля́начка — *диал.* блондиночка
Пабра́цца — вступить в брак
Паве́т — уезд
Паве́тра — воздух
Паве́ць — хозяйственная постройка
Павуце́не — паутина
Пагаліць — побрить
Пагомпа́нё — *диал.* качанье, подпрыгивание
Пагубля́ць — потерять
Падаўжа́ць — удлинять
Падгаліць — подбрить
Паджанішнік — свадебный чин
Паджга́ць — быстро убегать или уходить
Падзе́цца — деваться
Падзівіцца — удивляться
Падзя́кваць — поблагодарить
Падкаса́ць — подвернуть

Падла́сы — белобрюхий
Падмаўля́ць — подговорить
Падрантве́ць — деревенеть
Падра́цца — покарабкаться
Падшыццё — подшивание
Падыспо́д — внизу, под
Пажыча́ць — *диал.* одолжать
Пазайздро́сціць — позавидовать
Па́зур — коготь
Пазыча́ць — одолжать
Пакарчо́ны — *диал.* помятый
Пакпіць — пошутить, поддеть
Пакра́са — *диал.* украшение, слава
Пакудла́ціць — взлохматить
Пале́пшаць — выздороветь
Паліць — зажигать
Палы́скавацца — *диал.* блестеть
Палю́дзкаму — по-людски
Пама́цаць — потрогать
Пандратве́ць — *диал.* сделаться неподвижным, одеревенеть
Пані́чык — *уменьш.* паніч — сын пана, молодой пан
Па́нства — господа
Панядзе́лак — понедельник
Папа́р — поле, оставленное на одно лето незасеянным
Папіха́ць — потолкать
Паплу́таць — спутать
Парабіць — поделать
Парату́нак — спасение
Парсю́к — боров
Парудзе́ць — порыжеть
Паса́г — приданое
Па́сак — пояс
Пасілкава́цца — подкрепиться
Пасмэкта́ць — *диал.* слегка побороновать
Пасто́л — лапоть
Пасці́вы, пачці́вы — почтенный, учтивый
Пасціга́ць — постягивать
Патамі́цца — устать
Патру́шаны — отрясенный
Патрыма́ць — подержать
Пахава́цца — попрятаться
Пацёгціся — поволочиться
Пацёпкацца — поплескаться
Пачака́ць — подождать
Пачастава́ць — угостить
Піча́ць — начать
Пачве́ра, пачвара — чудище
Пачо́стка — угощение
Пачу́ць — услышать
Паштурха́ць — потолкать
Пашы́ць — сшить
Паяро́шыць — *диал.* пошевелить
Пе́вень — петух
Пе́кла — ад
Пе́кны — красивый
Перапа́сці — перепасть, отощать
Пе́рлы, пэ́рлы — жемчуг
Перш — сначала
Пе́сціць — баловать
Пе́ўно — может быть
Пільнава́ць — сторожить
Пле́шча — плещет
Плі́шчаць — *диал.* тащить
Плот — забор
Пля́га — слякоть; бедствие; нечистота
Пля́шка — бутылка
По́вяс — *диал.* пояс
Подсува́тца — *диал.* пододвигаться
По́лечка — пеленка
По́лкі — *диал.* пеленки
Поло́жка — *уменьш.* полог
По́плеч — рядом
Пра́гчыся, пра́гціся — страстно желать
Праз — через, из-за
Празры́сты — прозрачный, проникновенный
Прапаро́ць — продырявить
Прарэ́х — прорезь
Пра́ца — работа
Працава́ць — работать
Прачуха́нка — взбучка
Прачына́цца — просыпаться
Прая́ва — событие
Прыва́ра — вид любовной магии
Прыгарну́ць — ласково прижать к себе

Прыда́начкі — свадебный чин
Прызіра́цца — присматриваться
Прыкархну́ць — *диал.* прикорнуть
Прыкме́ціць — заметить
Прыла́да — орудие
Прыну́да — вид любовной магии
Прыпа́сці ўпрася́дку — пойти вприсядку
Пры́печак — припечек
Прыпо́л, прыпало́к — подол
Прыса́ды — деревья вокруг, около чего-либо
Прысвяці́ць — засветить
Прысму́та — вид любовной магии
Прытуле́нне — прижатие
Прэч — прочь
Псава́ць — портить
Пу́кацца — *диал.* вздыматься пузырями, сгорать от нетерпения
Пыта́ць — спрашивать
Пытлява́ны — выпеченный из мелко размолотой и просеянной муки
Пы́ха — горделивость
Пярэ́сціць — *диал.* лупить, бить
Пяча́тка — печать

Рагата́ць — ржать
Радзі́на — род, семья
Радзі́ны — празднество по случаю рождения ребенка
Радко́м — по порядку
Радно́ — дерюга
Ра́ду ра́дзіць — совет держать
Разважа́ць — размышлять
Развялі́чыць — возвеличить
Разгіра́чыць — *диал.* разворотить
Раздво́ — Рождество
Раззлава́цца — разозлиться
Размо́ва — разговор
Разо́рка — *уменьш.* борозда
Ра́ніца — утро
Ратава́ць — спасать
Рату́нак — спасение
Рахава́ць — подсчитывать, считать
Ра́чыцца — *диал.* заботиться, стараться
Ро́жа — *диал.* роза
Рожо́к — *диал.* рыжик
Рок — год
Ро́ндзіць — *диал.* руководить, управлять
Ру́хаць — двигать
Ру́шыць — трогать, нарушать
Рыззё — лохмотья
Ры́мар — мастер, который шьет упряжь
Рыхтава́ць — готовить
Рэ́згіны — приспособление для носки сена, соломы
Рэч — предмет

Са́дло — *диал.* сало
Сакало́к — соколик
Саката́ць — кудахтать
Саке́рка — топор
Сапачы́ць — *диал.* отдохнуть, заснуть
Сапсава́ць — испортить
Сарамаце́не — общее название для половых органов
Сая́н — вид женской одежды
Свары́цца — ругаться
Сві́ран, све́ран — вид хозяйственных построек
Сviро́нак — хозяйственная постройка, хлев
Сві́та — армяк, сермяга
Свярбе́ць — чесаться
Свя́та — праздник
Серо́ўно — всё равно
Сіку́н — от сікаць — «мочиться»
Скаме́чыць — помять
Скарадзі́ць — скородить, бороновать
Ске́міць — сообразить
Скі́бка — ломтик
Скі́снуць — прокиснуть
Склеп — погреб
Скрыля́ць — нареза́ть ломтиками
Скрысе́нне — *диал.* воскресенье
Скуба́ць — щипать
Скура́т — обрезок кожи
Ску́так — вывод, итог

Смáжыць — жарить
Смáшна — вкусно
Смык — (1) вид бороны; (2) часть музыкального инструмента; палочка с натянутыми вдоль нее конскими волосами, прикосновение которой к струнам рождает определенные звуки
Смы́кать — *диал.* таскать за что-нибудь
Снéдаць — завтракать
Сóрам — стыд
Спавівáць — пеленать
Спавíць — спеленать
Спадабáць — понравиться
Спадзявáцца — надеяться
Спадмáніваць — обманывать
Спаднíца — юбка
Спакусíць — соблазнить
Спаткáцца — встретиться
Спрэс — начисто, совершенно
Спушчóны — спущенный
Стан — фигура
Стáтак — стадо
Стаў — *диал.* став, пруд
Столярэ́чкі — *диал. уменьш.* столяры
Стоўп — столб
Страмбýль — стержень
Страмя́к — *диал.* заноза
Страхá — крыша
Стрáціць — потерять, загубить
Строп — стык крыши
Стýжка, істужка — лента
Стýку-бразь — стук-грук
Стулíць — сжать
Сты́кать, шты́кать — *диал.* толкать
Стэ́льмах — мастер по изготовлению колес
Суздрóм — *диал.* совсем
Сукáць — сучить
Сукéнка — платье
Сукры́сты — кудрявый
Суманíць — свести
Сумлéнне — совесть
Сýмна — грустно
Суніцы — земляника
Сýнуць — сунуть
Сусвéтны — мировой
Сустракáць — встречать
Сустрэ́ць — встретить
Сцебанýць — стегать
Сцёбачка — *диал. уменьш.* истопка
Сцéжка — тропинка
Сцягнó — бедро
Сядзíба — усадьба
Сякéра — топор
Сянні — сегодня
Сярмя́га — верхняя одежда из грубого сукна
Сярóд — среди

Тáлер — денежная единица
Танóк — хоровод
Тапéлец — утопленник
Тарóчыць — *охот.* торóчить
Тáта — папа
Тáтка — папка
Таўкáч — пест
Таўчы́ — толочь
Тлýсты — жирный
Тóрба — небольшой мешочек
Трáпіць — попасть
Трáсца — лихорадка, малярия
Трóпле у далóні — рукоплещет
Трýнак — *диал.* напиток
Трыбýх — *груб.* желудок, живот
Трымáць — держать
Трынóжка — табурет на трех ножках
Трэ́ба — надо
Тугá — печаль, кручина
Тужы́ць — тосковать, горевать
Тýзаць — дергать
Тулíцца — прижиматься
Турýсіцца — *диал.* двигаться, трястись
Тýця — *диал.* здесь
Тшымáць — *диал.* держать
Тшэвíчкі — *диал.* туфельки
Ты́дзень — неделя
Тыл — зад
Тытýнь — табак

Ублагáць — *диал.* просить
Угóру — вверх
Удáцца, удавáцца — *диал.* зачастить
Удвóх — вдвоем
Узбíцца — взлезть
Уздóлець — суметь
Уздрагáць — *диал.* вздрагивать
Уз'éхаць — взъехать
Узня́ць — поднять
Умéст — вместо
Умыкáць — красть
Унáдзіцца — понадиться
Уначы́ — ночью
Уселя́кі — всякий
Услóн — скамейка
Услóнчык — скамеечка
Усцерагáцца — беречься
Уцякáць — убегать
Учóра звячóра — вчера
Учыніць — сделать
Ушы́сткі — *диал.* везде

Хавáць — прятать
Хапáць — хватать
Хвартýх — передник, фартух
Хвíля — *диал.* буря
Хвíля — минута, волна
Хінýцца — склоняться
Хрэ́сьбіны — крестины
Хýкаць — дуть, дышать
Хýстачка — платочек
Хýтка — быстро
Хутчэ́й — быстрее
Хцэ́сен — *диал.* хочется
Хыдзянём — *диал.* ходырем

Цáцка — игрушка
Цéраз — через
Цéрці — тереть
Цéшча — теща
Цíснуць — жать
Цнатлíвы — целомудренный
Цнóтухна — девственность
Цóсі — *диал.* что-то
Цукéрка — конфета
Цуп — цап
Цýрка — *диал.* дочка
Цýцык — *диал.* щенок
Цы́баць — дыбать
Цыбýля — лук
Цырýлік — парикмахер
Цыцáта — грудастая
Цыцэ́ль — *груб.* грудь
Цэ́ўка — цевка
Цяля́ — теленок
Цяпéльца — огонек, костерок
Цяцéрка — тетерев
Цячы́ — течь

Чакáць — ждать
Чамý — почему
Чапáць — трогать
Чапялá — ухват
Чаравáтая — беременная
Чаравíкі — ботинки
Чараўнíца — волшебница
Чáрка — рюмка
Чарóт — камыш
Частавáць — угощать
Чóбат — *диал.* сапог
Чýхаць — чесать
Чуць — еле
Чынíць — делать
Чэ́рава — чрево

Шавялíць — шевелить
Шалёны — бешеный
Шалпатáць — *диал.* шелестеть, шуршать
Шанавáць — уважать
Шатáн — *диал.* черт
Шáты — пышная дорогая одежда
Шаўчýк, шэўчук — портной
Швáчка — швея
Шкадавáць — жалеть
Шкло — стекло
Шкля́нка — стакан
Шкóда — вред
Шкóдзіць — вредить
Шкурáт — обрезок кожи
Шлык — *диал.* капюшон
Шлюб — брак
Шмат — много

Шо́ўгаць — сучить (ногами)
Шпілька — булавка
Штове́чара — каждый вечер
Што́нікі — штанишки
Штоно́чку — каждую ночь
Штора́начку — каждое утро
Штось — что-то
Штука́р — выдумщик
Шука́ць — искать
Шу́снуць — шугануть, стремительно двинуться
Шусь — шасть
Шчур — *диал.* крыса
Шы́я — шея
Шэ́ршань — шершень

Юж — *диал.* вот
Ю́шка — первое кушанье

Ядва́б — шелк
Я́йка — яйца
Як жыды́ на гама́на — интенсивно, сильно
Якра́з — как раз
Яліна — елка
Ярмаркава́ць — вести себя как на ярмарке
Ярмісты — *диал. прилаг. от* ярмо

СОДЕРЖАНИЕ

ОБРЯДЫ И ОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

КАЛЕНДАРНЫЙ ЦИКЛ

СЕМЕЙНЫЙ ЦИКЛ

ВНЕОБРЯДОВАЯ ПОЭЗИЯ

ИЗ НАРОДНОЙ ПРОЗЫ

МАЛЫЕ ЖАНРЫ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРНОГО ЭРОТИЗМА

Белорусский эротический фольклор / Изд. под. Т.В. Володина, А.С. Федосик. М.: Ладомир, 2006. – 381 с. (Русская потаенная литература)

ISBN 5-86218-362-0

Эротическая тематика присуща практически всем жанрам традиционного фольклора белорусов. Женщина и мужчина, их любовные и интимные переживания с разной степенью «прозрачности» описаны в произведениях устного народного творчества, представленных в данном томе. Такие тексты включали в свои сборники Е. Романов и П. Шейн, С. Малевич и Е. Ляцкий, иные собиратели белорусского фольклора. М. Федоровский и А. Дембовецкий записывали «фривольные» песни целенаправленно и публиковали их в отдельных изданиях, тираж которых, правда, был ничтожно мал. Так свадебные песни, собранные А. Дембовецким, вышли в 1882 г. всего в 20 экземплярах.

Обрядовый фольклор в данном томе классифицирован согласно календарным (калядная и масленичная обрядность, весенние, купальские и жнивные песни) и семейным (родинная и свадебная поэзия) комплексам; внеобрядовая лирика и частушки представлены коллекциями собирателей. В отдельные разделы собраны загадки и образцы народной прозы. Представлены также отрывки из трудов известного ученого конца XIX – нач. XX в. М. Довнара-Запольского, посвященные эротической тематике в белорусском фольклоре. Впервые публикуются записи эротического фольклора белорусов из личных архивов современных собирателей.

Научное издание

БЕЛОРУССКИЙ
ЭРОТИЧЕСКИЙ ФОЛЬКЛОР

Редактор
Ю.А. Михайлов

Корректор
И.В. Лебедева

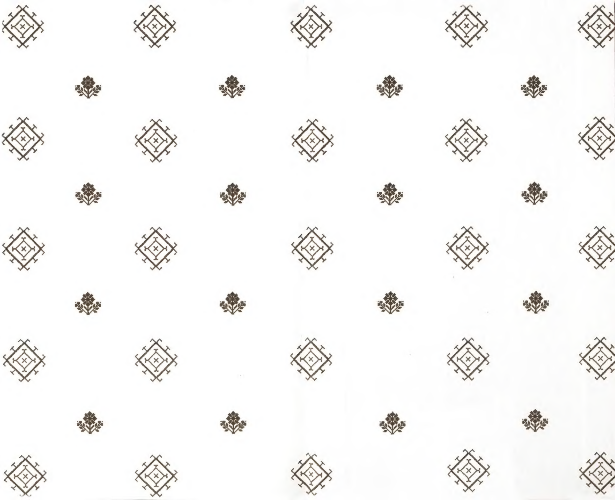
Компьютерная верстка
Л.И. Багма

ИД № 02944 от 03.10.2000 г.
Сдано в набор 25.01.2006 г. Подписано в печать 15.02.2006 г.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Баскервиль».
Печать офсетная. Печ. л. 12.
Тираж 1500 экз. Заказ № 2675.

Научно-издательский центр «Ладомир»
124681, Москва, Заводская, 6а.
Тел. склада: (495) 533-84-77. E-mail: ladomir@mail.compnet.ru
lomonosowbook@mtu-net.ru

Отпечатано с оригинал-макета
в ОАО «ИПП «Курск»
305007, г. Курск, ул. Энгельса, 109
E-mail: kursk-2005@yandex.ru
www.petit.ru

ISBN 5-86218-362-0



Белорусский эротический фольклор

Белорусский эротический фольклор